

И.С. Домбровская

Юмор

в контексте развития

Домбровская Иоланта Станиславовна

Юмор в контексте развития

Содержание

[Аннотация](#)

[Предисловие](#)

[Введение](#)

[Глава 1. Методологический анализ подходов к изучению юмора](#)

[1.1 Теоретико-методологическое исследование феноменологии юмора](#)

[1.1.1. Исторический анализ контекстов исследования юмора в философии](#)

[1.1.2. Логический анализ подходов к изучению юмора в психологии](#)

[1.2. Теоретический анализ проблемы юмора](#)

[1.2.1. Юмор как психологическое орудие личностной регуляции](#)

[1.2.2. Юмор как межуровневая эмоция.](#)

[Заключение по главе 1](#)

[Глава 2. Психологический анализ культурогенеза юмора](#)

[2.1. Стадии и механизмы развития юмора как высшей психической функции.](#)

[2.2. Эволюция подсознательного образа юмора в культурном развитии](#)

[2.3. Рефлексивные представления о юморе в современной культуре](#)

[Заключение по главе 2](#)

[Глава 3. Личностная регуляция Бытия посредством юмора](#)

[3.1.1. Развитие уровневого строения системы регуляции](#)

[3.1.2. Психологические механизмы развития и патологизации чувства юмора...](#)

[3.2. Психологические формы существования юмора](#)

[3.2.1. Проблема высших и низших видов юмора](#)

[3.2.2. Проблема зависимости видов юмора от психических структур и функций](#)

[Заключение по главе 3](#)

[Глава 4. Роль юмора в психической патологии, реабилитации и личностном развитии](#)

[4.1. Анализ феноменологии юмора в норме и патологии](#)

[4.2. Компенсаторная роль юмора в личностной регуляции](#)

[4.3. Юмор как средство саморегуляции](#)

[4.3.1. Личностное развитие посредством юмора в онтогенезе](#)

Заключение по главе 4

Глава 5. Закономерности развития и социализации юмора в культуре

5.1. Слово как психологическая единица анализа текста

5.2. Сравнительный анализ развития юмора в русской, белорусской и польской поэзии

5.2.1. Библия как основа осмысления смеха во всех европейских культурах

5.2.2. Стадии развития юмора в Русской поэзии

5.2.3. Стадии развития юмора в белорусской поэзии

5.2.4. Стадии развития юмора в польской поэзии

5.3. Тенденции развития юмора в молодежной культуре

Заключение по главе 5

Глава 6. Юмор как средство влияния личности на социальные процессы

6.1. Юмор на разных уровнях социальных настроений

6.2. Юмор как настроение идеального уровня Бытия

6.3. Влияние посредством юмора на разных уровнях Бытия

Заключение по главе 6.

Глава 7. Юмор как средство развития национальной идентичности

7.1. Национальная идентичность на разных уровнях Бытия

7.2. Юмор как средство развития национальной идентичности

7.3 Сравнительный анализ национального своеобразия тематики юмора

Заключение по главе 7

Глава 8. Эволюционно-деятельностная интерпретация юмора

8.1. Предпосылки и перспективы эволюционно-деятельностного подхода

8.2. Развитие как методологический принцип и личностная задача в эволюционно-деятельностном подходе

8.3. Юмор как ноотехника развития личности

Заключение по главе 8.

Выводы

Литература

Приложение 1. Группы встреч «Развитие через юмор»

Приложение 2. Развитие юмора через тестирование

Приложение 3. Реферат организационно-информационного проекта «Развитие через юмор» (номинант конкурса «Золотая психея» 2012 г.)

Аннотация:

В жанре метатеории рассматриваются принципы развития человека. Теория развития выстраивается через анализ юмора в культурогенезе и онтогенезе. Исследование ведется в русле культурно-исторической психологии.

Предлагается система уровневого анализа Бытия человека и межуровневых механизмов регуляции Бытия, которая в совокупности представляет собой модель существования развивающегося человека. Анализируется роль юмора в компенсации дефицита способностей к саморегуляции в психопатологии и в личностном развитии, механизмы трансляции юмористического настроения, механизмы национальной идентификации посредством юмора, принципы влияния посредством юмора. Через анализ словоупотребления представляется специфика развития юмора в русской, белорусской и польской поэзии. Обосновывается необходимость выделения в рамках культурно-исторической парадигмы психологии особого эволюционно-деятельностного подхода.

В приложении представлены программа группы встреч «Развитие через юмор» и тесты-упражнения для самооценки и развития юмора.

Адресаты книги: психологи, а также методологи, философы, культурологи, социологи, филологи, педагоги, психиатры, политологи, дипломаты, тренинг-менеджеры, и все интересующиеся проблемой развития и проблемой юмора.

Предисловие.

Прежде, чем читатель перейдет к тексту книги, я хочу поблагодарить его за то, что он открыл эту книгу, и предупредить, что чтение не всегда будет легким потому, что я стремилась развивать не самоочевидные истины. Выражаю надежду что, несмотря на шерховатость стиля, читатель сможет приобщиться к поиску путей и средств развития личности, общества и науки, найти которые я пытаюсь много лет. Не все идеи о юморе и развитии раскрыты в полной мере, но это обусловлено тем, что современное состояние научного знания не имеет ресурсов достаточной доказательности гуманитарной мысли, хотя позволяет выдвигать новые идеи и гипотезы на будущее. Юморологам приношу извинения, если их работы не нашли полного отражения в книге, хотя я стремилась к максимальному охвату работ по юмору, но их так много, что все даже невозможно знать. Методологов же прошу видеть методологию не только в выводах, но как стержень всего исследования. Благодарю всех тех, кто дарил мне полезные книги, задавал вопросы и прошу прощения за то, что не все отражено в полной мере. В основу книги легла диссертация «Юмор как психологическое орудие личностной регуляции», которую консультировал доктор психологических наук, профессор МГУ им. Ломоносова Д.А.Леонтьев.

Буду рада, если моя книга вызовет ассоциации с контекстом научной деятельности или жизни читателя и поможет глубже понять проблемы юмора, развития, научной интерпретации феноменологии Бытия и приобщит к поиску средств развития. Сознаюсь, что при написании книги в своих мыслях держала некий праобраз психологии развивающегося человека, и эту книгу считаю введением в такую психологию.

Иоланта Домбровская,

Психолог, выпускница МГУ 1992 года.

Гродно, 14 августа 2014 года.

joladom@yandex.by

Введение.

Юмор все более укореняется в современной культуре (СМИ, реклама, досуговые формы культуры), становится ценностью массовой культуры, регулятором социальной и индивидуальной жизни, средством развития и саморазвития личности и средством влияния на общество. Такой социальной ситуацией вызвана социальная актуальность всех научных исследований юмора.

Научная же ситуация в исследованиях юмора характеризуется следующим образом: рост числа междисциплинарных исследований юмора достиг того, что можно говорить об отдельной науке «юморологии», как ее назвал М.Апт (The primer of humor research, 2008, p.6), однако осмысление природы юмора, его роли и места в жизни человека недостаточно. Так, в психологии не проделан категориальный анализ понятия юмора, не написана история развития способности к юмору в ходе культурогенеза, не понята и не объяснена сущность юмора. Хотя во всем мире налицо неуклонный рост исследований по теме юмора, большинство из них посвящены частным и специализированным проблемам, затрагивают проблему юмора в контексте других проблем. Тема юмора не была магистральной темой для классической психологии, ей уделяли внимание такие немногочисленные психологи, как Т. Липпс, З. Фрейд, и многие другие. Однако, в нашем 21 веке «Юмор постепенно выделяется в самостоятельный предмет изучения» (Иванова Е.М., 2007) и как самостоятельный предмет исследования требует определения того объекта науки, в контексте которого выступает как самостоятельный предмет научного исследования. Парадокс науки в том, что определяя свой предмет, она доопределяет и конструирует объект исследования.

На сегодня в исследованиях, сконцентрированных на проблеме юмора предложены схемы понимания принципов социогенеза (Бахтин М.М., Лихачев Д.С., Козинцев А.Г. и др.), собрана феноменология предпосылок высших психических функций в эволюции животного мира (Дарвин Ч., Лоренц К.,

Козинцев А.Г., Бутовская М.Л. и др.), обозначены принципы регуляции (Бороденко М.В., Дедов Н.П. и др.), определены принципы восприятия (Raskin V., Attardo S. и др.), изучены принципы остроумия (Лук А.Н., Иванова Т.В., Билевич В.В. и др.), изучены закономерности функционирования психики при психопатологии (Askenasi J., Иванова Е.М. и др.). Объединяет упомянутые разнородные исследования то, что исследователи имплицитно опираются на трактовку юмора как психологического средства регуляции жизнедеятельности, а в некоторых исследованиях как средства именно личностной регуляции (Канеман, Тверски, 2000 и др.). Само же положение о регуляторной роли юмора на сегодня обосновано в науке недостаточно. Например, В.П.Шейнов перечисляет и анализирует следующие функции юмора: юмор как специфическое средство общения и взаимодействия, юмор как средство совладания со стрессом, юмор как индикатор социально значимых проблем (Шейнов, 2011), но даже не ищет общего в этих характеристиках юмора. А общее во всех конкретных проявлениях юмора при разнообразии его конкретных функций находится в том, что во всех своих проявлениях юмор открывает возможности развития сознания, личности, межличностных отношений, общества и культуры в целом. К сожалению, положение о том, что юмор является мощным средством развития, недостаточно осознано в культуре и психологической науке. Остается верным, что «...многие стараются описать условия юмора, но мало кто старается объяснить сам юмор» (Keit-Spigel, 1972, p.5). Объяснять юмор рискованно из-за многоаспектности и междисциплинарности феномена, разнообразия форм его представленности в психологической реальности, изменчивости, то есть трансформируемости его форм («природы Протея»), неоднозначности его ситуативной роли в психической регуляции и из-за неустранимой конвенциональности, условности самого его существования. «Объяснение» юмора является нерешенной проблемой науки. А «понимание проистекает из объяснения...» (Философия и методология науки, 1996, с.171). Пока нет объяснения, не может быть и понимания. Отсутствие удовлетворительных объяснений юмора в науке, демонстрирует его непонимание в науке.

Выше нами охарактеризована ситуация в исследованиях юмора только в одном из измерений науки, выделенных К.И. Алексеевым (Алексеев, 2001, с. 104), измерении названном им системой знаний о психологической реальности. Два других измерения науки характеризуются К.И. Алексеевым как измерение социального института науки, существующего и функционирующего в обществе и с неизбежностью включенного в контекст всей общественной жизни и измерение научного сообщества ученых, ведущих и осмысляющих свою научную деятельность в соответствии с определенными нормами, стандартами и ценностями (там же).

В измерении социального института ситуация исследований юмора характеризуется следующими факторами. В мире существует несколько профессиональных сообществ, изучающих и популяризирующих юмор.

Активную деятельность ведут «International Society for Humor Studies» (ISHS до 2001 года AASH) (www.humorresearch.org), им издается журнал «Humor: International Journal of humor Research», и «Assotiation for Applied and Therapeutic Humor» (www.aath.org). Ими проведено по 25 конференций, посвященных проблематике юмора, в числе тем такие как «Язык юмора, юмор языка», «Юмор и метафора», «Юмор между наук», «Юмор в терапии», проводятся летние школы по обучению использованию юмора. Официальные сообщества по изучению юмора есть в Австралии, Японии, Норвегии, Дании, Италии, Франции, Испании. Юмор используется в таких сообществах как «The Cancer Club» как источник поддержки жизни для людей умирающих от рака (www.cancerclub.com) и «Humor Quest», нацеленное на борьбу со стрессом (www.questforhumor.com). В юмористических ассоциациях участвуют профессора ведущих университетов мира в областях психологии, медицины, лингвистики, литературы, образования, философии, изящных искусств, политологии и социологии, а также публичной ораторской деятельности. Ведущий американский специалист по психологии и пропаганде юмора, профессор психологии, посвятивший много лет теоретическим и экспериментальным исследованиям юмора, Paul McGhee активно популяризирует юмор в научно-популярных книгах, таких как «Юмор как тренинг выживания для стрессогенного мира», «Маленький юмор на свободе», «Понимание и развитие детского юмора» и других, и в интернет-ресурсе «The Laughter Remedy» (<http://www.laughterremedy.com>). Юмор активно исследуется и популяризуется Родом Мартином, который развивает интегративный подход к юмору, который представлен в книге «Психология юмора» (Мартин, 2009).

В России интенсифицировались философские исследования юмора и даже в 2011 в СПбГУ была проведена конференция «Теоретическое исследование смеха в России и перспективы гелологии», а в 2013 конференция «История изучения смеха в России: научные школы и отдельные исследователи», исследований по психологии юмора недостаточно.

Наибольший дефицит научных исследований юмора обнаруживается в психологии. Так, поиск в научной электронной библиотеке www.elibrary.ru слова «юмор» и словосочетания «психология юмора». Он показывает, что на май 2011 года только одна шестая исследований юмора сделаны с элементами психологического осмысления проблемы. В российской психологии эмпирические и прикладные исследования юмора (Садыкова Е.Р., Бороденко М. В., Иванова Т.В., Дедов Н.П., Иванова Е.М., Арбитайло А.М. и др.) доминируют над теоретическими исследованиями, которых практически нет. Редкие исключения представлены тезисами и статьями (Розов, 1979, Яновская, 2005, Лукьянов, Чичкова, 2004, и др.) , а также монографией (Мусийчук М.В., 2004). По электронному ресурсу РГБ (www.rsl.ru) находится на май 2011 только 7 кандидатских диссертаций по психологии юмора (Иванова Н.В., 2006, Кременецкая А.В., 2001, Иванова Е.М., 2007, Арбитайло

А.М., 2008, Дедов Н.П., 2000, Иванова Т.В., 1999, Кузнецова Н.Ф., 1989). В 2012 году защищена кандидатская диссертация по психологии юмора Ульяновой Ю.И. (Ульянова, 2012). Это работы эмпирические и прикладные. Наиболее ощущается дефицит теоретического психологического осмысления и обобщения проблематики юмора.

Ситуация исследований юмора в измерении науки как профессионального сообщества исследователей характеризуется в России следующим образом:

В России существуют интернет-ресурсы, популяризирующие теорию юмора, такие как www.krotov.info, www.kluver.ru, www.humorthory.com и другие.

Однако, в них представлены лишь частные разработки теории юмора и их вклад в развитие теории юмора, которая стала бы общепринятой невелик. Весной 2011 года нами организована в социальных сетях Интернета (Фэйсбук) группа «Развитие через юмор», куда вошли и ведущие российские психологи и исследователи юмора, и которая как наш авторский проект была номинирована в общероссийском конкурсе «Золотая психея» по итогам 2012 за вклад в развитие единого профессионального сообщества.

Анализ ситуации исследований юмора в трех измерениях науки, предложенных К.И. Алексеевым, мы считаем нужным продолжить, выделяя четвертое измерение науки – измерение обыденного функционирования научных знаний. Оно может быть проанализировано методом поиска понятий в Интернет. Так, если сравнить результаты поиска слова «юмор» на русском и английском языке, то обнаруживается, что количество найденных ссылок в одних и тех же условиях поиска (www.google.com, май 2011) на английском языке превосходит количество найденного на русском языке в 4 раза. Это сопоставимо, а если учитывать, что английский по распространенности гораздо более превосходит русский, то это даже много. В России происходит более активное, чем в англоязычном мире психологическое осмысление юмора. Так при поиске словосочетания «психология юмора» на русском и английском языке обнаруживается, что количество найденного соответствует один к одному. При этом количество найденного на английском и русском языке для словосочетания «психология смысла» больше в 8 раз, а «психология метафоры» в 3 раза, чем слов «смысл» и «метафора». Это подтверждает то, что теоретическое осмысление юмора запаздывает по отношению к обыденному. Как показывает поиск при тех же условиях в феврале 2014 года теоретико-психологическое осмысление юмора стало еще более запаздывать по отношению к обыденному. Так, количество найденного по поиску слова «юмор» превосходит количество найденного по поиску словосочетания «психология юмора» на русском языке в 5 раз, а на английском языке в 10 раз. Эти соотношения показывают то, что в современном мире происходит интенсивное развитие феноменологии и экзистенции юмора и в англоязычном мире оно происходит более активно. А существенное сокращение разрыва между количеством найденного по поиску «психология смысла» и «смысл» (полтора к одному на русском языке и один

к трем на английском языке), «психология метафоры» и «метафора» (два к одному на русском языке и один к одному на английском языке) говорит о том, что в современности происходит существенное изменение и развитие феноменологии и способов экзистенции человека в мире. Наука должна успевать за этими изменениями, а не плестись у них в хвосте.

Вернемся к анализу исследований юмора в измерении науки как системы знаний. Даже на Западе, не смотря на то, что появились работы интегрирующего типа (Roeckelein, 2002, Мартин, 2009 и др.) недостаточно работ, в которых разнородная проблематика юмора была бы синтезирована и объяснена. В этой книге представлена рискованная попытка «объяснить» историю становления юмора в культуре и синтезировать закономерности его функционирования в жизни современного человека. «Объяснить» - это значит предложить интерпретацию истории и феноменологии юмора, которая может стать шагом по продвижению совокупного знания о юморе.

Предлагаемая в книге интерпретация проводится с учетом достижений общей психологии, так как юмор, согласно Л.С. Выготскому – предмет общей психологии (Выготский, 1986, с.109), что признают и филологи (напр, Пропп, 1976). И проводится в русле культурно-исторической парадигмы психологии, которая при этом уточняется и развивается вплоть до выделения в рамках культурно-исторической психологии особого эволюционно-деятельностного подхода. Из культурно-исторической психологии и общей психологии (главным образом из теории деятельности и теории эволюции А.Н. Леонтьева) привлекаются положения о филогенезе, культурогенезе и онтогенезе психического отражения и деятельности, структуре психического и его функциях, о патологии и развитии личности, о специфике личностной регуляции поведения, деятельности и жизнедеятельности. Без учета общепсихологического и культурно-исторического контекста проблематики юмора многие имеющиеся достижения в области конкретно-научных исследований юмора, как в психологии, так и в смежных науках предстают как недостаточно теоретически обоснованные. В этом научная актуальность предлагаемого теоретического исследования юмора.

Свое психологическое исследование юмора мы ведем с учетом основных дилемм психологии как науки. Ими являются классические дилеммы описания и объяснения, а также естественно-научной и гуманитарной моделей психологии как науки. Более современными дилеммами, которые должен учитывать в своих исследованиях каждый психолог, являются дилемма целей науки как получения знания (парадигма отражения) и науки как порождения знания (конструктивизм), а также потенциализма (биологическое понимание человека, как существа реализующего свой природный потенциал) и развития (философское понимание человека, как существа ставящего и реализующего цели).

Целью написания этой книги было проанализировать и объяснить основные стадии и закономерности культурно-исторического развития юмора, сформулировать основные принципы функционирования юмора в системе

личностной регуляции жизнедеятельности на основе достижений психологического и смежного знания о юморе, существующих в науке на данный момент и этим сделать шаг по продвижению психологического знания к более полному и дифференцированному образу реальности, а также к экзистенциальной Истине принципов существования человека.

Объектом же предпринятого нами исследования выступала феноменология юмора в истории культуры и в развитии человека. Феноменология юмора же есть проявление функции юмора в истории, социальной и индивидуальной жизни, а также в научной и творческой деятельности человека.

Предметом исследования выступали психологические проявления и функциональное значение (роль) юмора в системе личностной регуляции поведения, деятельности и жизнедеятельности человека.

В начале исследования юмора мы исходили из следующих гипотез, выдвинутых нами из предварительного изучения проблемы:

1. Юмор не задан биологической природой человека, а развивается из биологических предпосылок и культурных представлений о них в ходе культурно-исторического развития человека. Закономерности становления и развития юмора совпадают с закономерностями развития высших психологических функций
2. Развитие юмора в культуре зависит от представлений о его предпосылках и о нем самом, а также от логики смены парадигмальных категорий, характеризующих юмор. То есть юмор может быть охарактеризован через разные психологические понятия и может развиваться у отдельного человека как психическая функция, черта личности, деятельность, жизнедеятельность, установка и др. В высших формах, обоснованных всеобщими закономерностями логики культурного развития человека, юмор выступает как психологическое орудие саморегуляции.
3. Психологический смысл юмора задается той ролью и функцией, которую он сыграл в своем культурно-историческом генезисе и которую он играет в современности при психопатологии. Это смысл и функция компенсации дефицита способностей к регуляции жизнедеятельности. Компенсируя дефицит способностей к регуляции, юмор может служить и средством развития регуляции, ресурсом развития личности и средством, подчиненным цели развития.
4. Существует национальное своеобразие юмора в истории народов и в современности. Оно зависит от специфики развития значения слова «юмор» и самого юмора в контекстах его словоупотребления в философии и литературе. Юмор развивался в поэзии различными способами и контекстами словоупотребления слова «юмор» и ассоциированных с ним слов. Анализ словоупотребления может быть методом исследования психологической феноменологии и ее развития.

5. Использование юмора влияет на социальные процессы (массовые настроения, межличностные отношения). Влияние посредством юмора обеспечивается механизмами трансляции и понимания смыслов.

6. Юмор других национальностей может быть понят неправильно. Понимание юмора других национальностей зависит от национальной самоидентичности. Развитие способности к пониманию юмора своего народа может быть средством национальной идентификации, развитие способности к пониманию юмора других национальностей может быть средством развития толерантности и интернационализации сознания. Юмор является средством национальной идентификации, которая может быть как прямой, так и сравнительной.

7. Функции юмора в культуре, обществе и личностной регуляции могут быть различными, но всегда подчинены цели развития. То есть юмор является средством развития культуры, общества и личности.

Исходная методологическая база исследования: культурно-историческая психология (Выготский Л.С., Леонтьев А.Н., Зинченко В.П., Асмолов А.Г., Василюк Ф.Е., Леонтьев Д.А. и др.). Основными используемыми методологическими принципами являются: принцип историзма (Выготский Л.С., Леонтьев А.Н., Асмолов А.Г. и др.), принцип системности (Выготский Л.С., Ломов Б.Ф., Мерлин В.С., Леонтьев Д.А. и др.), принцип иерархии (Платонов К.К.), принцип развития (Анцыферова Л.И., Дабровски К. и др.), принцип детерминизма (Рубинштейн С.Л. и др.), принцип вариативности (Асмолов А.Г. и др.), принцип феноменальности (Гуссерль, Мерло-Понти, Гадамер, М.Анри и др.), принцип бытийности (Рубинштейн С.Л., Босс М., Леонтьев Д.А. и др.), принцип активности субъекта (Абульханова –Славская К.А., Петровский В.А. и др.), принцип знакового опосредствования сознания и деятельности (Выготский Л.С., Леонтьев А.А., Зинченко В.П. Вежбицка А. и др.). При этом основными являются принципы системности и развития, остальные вспомогательными.

В качестве методологеммы исследования (общенаучного закона, отражающего закономерности изменения вида научного знания) выступает тезис В.С.Библера: от наукоучения к логике культуры (Библер, 1991), который в области общей психологии формулируется нами так: от стационарных представлений о личности, отражении, регуляции и деятельности к представлениям динамическим, которые определяются логикой перехода от причинной детерминации развития (средовой и мотивационной) к целевой детерминации развития (смысловой и сознательной), то есть к тому научному образу человека, который В.П.Зинченко и Е.Б. Моргунов называют «Человек развивающийся» (Зинченко, Моргунов, 1994). В качестве второй методологеммы нашего исследования, в отличие от первой отражающей уже не стратегию, а принцип, метод мышления выступает принцип организации

знания, сформулированный В.И.Моисеевым в названии своей книги «Логика открытого синтеза», где под синтезом понимается «и движение к некоторому единству, и само единство» (Моисеев, 2010, с.223), что в области психологии выступает как движение от разрозненных и разнородных знаний к единому образу человека, который может уточняться и развиваться в определенных синтезом структурных рамках.

Среди использованных нами методов научного исследования были: методологический анализ и интеграция различных подходов в психологии, теоретический анализ и синтез разнородных исследований чувства юмора, контекстный исторический анализ, категориальный анализ, качественный анализ (интерпретация) описаний феноменологии и самой феноменологии юмора, построение теоретической схемы регуляции посредством юмора, методологическая рефлексия принципов и понятий культурно-исторического, интегрально-личностного и смежных подходов в психологии.

Использованные методы позволили в результате прийти к научной новизне, практической и теоретической значимости проведенного исследования. Научная новизна исследования заключается в постановке проблемы юмора в контексте проблем отражения и регуляции, в введении в психологический обиход понятий «ноогенез», в разработке универсальной модели уровневого строения личности и принципов межуровневой регуляции посредством юмора с подчеркиванием роли взаимодействия доминанты и субдоминанты, обосновании роли рефлексии как современного культурного медиатора чувства юмора, прогнозе возрастания роли смысла как медиатора чувства юмора.

Теоретическая значимость состоит в обосновании культурогенеза и онтогенеза чувства юмора как высшей психической функции по Л.С. Выготскому в русле культурно-исторической психологии, что представляет собой фундаментализацию многих теоретических и эмпирических исследований юмора. Рассмотрение юмора в русле проблем отражения и регуляции позволяет выделить различные типы, виды и формы существования юмора. Выделение низших (нацеленных на гомеостаз) и высших (нацеленных на трансценденцию) видов юмора позволяет продвинуть понимание проблем адаптивности и развития, свободы и произвольности, важных для понимания механизмов детерминации личностного развития, и также разрабатывать принципиально новые методики для оценки уровня, типов, видов и направленности юмора. Предлагаемая для интерпретации юмора объяснительная модель регуляции может разрабатываться далее и использоваться для интерпретации других психических функций в психологии, а также использоваться в философии для разработки проблемы ноогенеза и эволюции психического.

Практическая значимость состоит в обосновании на основе предлагаемой объяснительной модели принципов интерпретации феноменологии юмора, объяснении принципов патологизации юмора. Обоснование возможности

компенсаторной роли юмора в психологической практике позволяет обосновать использование смеха, улыбки, юмора в психотерапии и консультировании и осознанно разрабатывать «обходные пути» (Л.С.Выготский) психического развития. Различение в юморе когнитивного образа и его эмоциональной ткани позволяет подбирать и разрабатывать методы психологической экспертизы продуктов «смеховой культуры». Обоснование и описание роли юмора как средства национальной идентификации может использоваться в национальной социализации, в развитии этнической толерантности и интернационализации сознания. Представленный метод анализа словоупотребления и принципов его интерпретации для оценки хронотопа может использоваться для анализа и экспертизы журналистских и рекламных текстов на разные темы.

Логика исследования привела нас от анализа философских и частнопсихологических исследований юмора к обоснованию недостаточности традиционной культурно-исторической психологии, к необходимости ее развития и выделения в ней эволюционно-деятельностного подхода. Результатом проделанной в книге аналитической работы является модель развивающегося человека, в которой юмор выступает как средство развития личности. В эту модель вписываются и следующие частнопсихологические положения:

1. Психологические проявления юмора развиваются в культурогенезе и онтогенезе в соответствии с закономерностями развития высших психических функций.
2. В развитых формах юмор становится средством саморегуляции, то есть психологическим орудием активного и произвольного воздействия личности на саму себя.
3. Психологический смысл юмора заключается в компенсации дефицита способностей саморегуляции, психического отражения и личностного развития.
4. Анализ словоупотребления является методом исследования развития и социализации психологической феноменологии.
5. Влияние посредством юмора обеспечивается механизмами трансляции и понимания смыслов.
6. Юмор является средством развития национальной идентификации, которая может быть как прямой, так и сравнительной.
7. В существовании человека юмор является средством регуляции психического отражения и деятельности, подчиненным цели развития личности.

Глава 1. Методологический анализ подходов к изучению юмора в психологии

1.1 Теоретико-методологическое исследование феноменологии юмора

В психологии юмора на настоящий момент, на наш взгляд, существуют две основные проблемы: проблема разнообразия и слабой структурированности исследовательских подходов и проблема категоризации разнообразия психологических понятий, используемых для объяснения проявлений юмора. Это проблемы, требующие исторического, логического и теоретического анализа. Накопилось множество теоретических и эмпирических данных, которые не поддаются достаточно строгой классификации (напр. Keit-Spiegel, 1972; Roeskelein, 2002; Tomczuk-Wasilewska, 2009, Мартин, 2009). Большинство работ по юмору содержат исторические обзоры проблемы, но проблема эволюции юмора в истории культуры является недостаточно исследованной, особенно в психологическом плане (Асмолов, 1990; Мартин, 2009; Домбровская, 2010б).

В настоящее время наблюдается и новый значительный интерес к методологическому анализу в российской психологии, который, в частности, представлен работами В.М. Аллахвердова (2003), Ф.Е. Василюка (2003), М.С. Гусельцевой (2009), Л.Я. Дорфмана (1993, 2005), В.П. Зинченко (1993, 2006), И.Н. Карицкого (2002), В.Е. Клочко (2007), В.А. Кольцовой (2004), Т.В. Корниловой и С.Д. Смирнова (2006), В.Ф. Петренко (1999, 2010), А.В. Юревича (2005), Янчука В.А. (2006), публикациями в журнале «Методология и история психологии» (2006-2010), сборником ИП РАН «Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива» (2007) и рядом других публикаций. В ситуации существующего многообразия методологических подходов достаточно сложно проводить анализ конкретной проблемы, поскольку такой анализ требует, прежде всего, соблюдения принципа методологического единства. В то же время, А.В. Юревич отмечает факт методологического либерализма в психологии, С.Д. Смирнов обосновывает неизбежность и плодотворность в психологии методологического плюрализма (Смирнов, 2006), а Д.А.Леонтьев напоминает об эвристической ценности теоретического знания (Леонтьев Д.А., 1993б, с. 11). К настоящему времени в методологии уже осознано, что «...объективная истина в принципе вообще недостижима, потому что между познающим человеком и объективной реальностью стоит множество барьеров в виде орудий познания, которыми человек пользуется, в виде языка, на котором он описывает наблюдаемые явления, в виде теоретических схем, с помощью которых он структурирует и объясняет то, что он наблюдает, и многого другого... Наиболее точное... определение сущности науки, причем любой науки, заключается в том, что развитие науки связано с развитием и усложнением различных образов реальности» (Леонтьев Д.А., 1993а, с.5).

Однако, современная неклассичность научного знания не должна приводить к потере ее классических достижений: «Оправданный протест приводит к отторжению нашего теоретического наследия: мы теряем бесценные завоевания отечественной и зарубежной классической психологии» (Богоявленская, 2009, с. 131); теряется содержательная линия движения научного знания.

Нашей задачей в этой главе является развитие классического знания о юморе посредством методологической рефлексии, «внешней» (как назвал ее Э.Г.Юдин (Юдин, 1978) по отношению к объекту изучения, которая в нашем ее понимании прежде всего должна анализировать контексты и объяснительные понятия изучаемого феномена. Этой «внешней рефлексией» мы апробируем метод исторического контекстного анализа, и реализуем метод категориального анализа

1.1.1. Исторический анализ контекстов исследования юмора в философии

До выделения психологии в самостоятельную науку психологическое знание развивалось в основном в русле философии. В русле философии развивались и представления о юморе. Отдельные высказывания Платона, Аристотеля, Цицерона и других мыслителей неоднократно цитировались в работах, посвященных юмору, смеху, комическому. Однако, на наш взгляд, недостаточно анализировался контекст ранних высказываний о юморе. С методологической же точки зрения анализ контекстов упоминаний темы юмора важен, так как именно контексты задавали то проблемное поле, в русле которого развивался юмор в истории. При этом мыслители осмыслили юмор, как уже сложившийся на тот исторический момент феномен, а также производили новое знание о юморе. Однозначно различить, обозначает конкретное высказывание о юморе его осмысление, обобщение или производство нового знания чрезвычайно трудно, но обозначить эту проблему мы считаем важным. Так, на наш взгляд, высказывания Платона об амбивалентности смешного (Платон, Филеб, 48а) и Цицерона о необходимости соблюдать меру в насмешке (Цицерон, 1972, с.178) являются скорее обобщениями, а известное высказывание Аристотеля о том, что человек – единственное живое существо, способное смеяться, является примером порождения нового знания о сущности человека, одной из первых попыток онтологизации природы человека. При этом важно, что Платон (Платон, Пир, 223d) и Аристотель (Аристотель, 1998) рассматривают смеховое в контексте анализа комедии, а Цицерон (Цицерон, 1972) – в контексте риторики. Этим он как бы выводит смеховое из сферы искусства в сферу политики, превращая зарождающийся юмор в средство осознанного воздействия на общественное сознание.

Позже Августин рассматривает смех в контексте понимания: «они (числа) не суть образы предметов. Пусть посмеется надо мной тот, кто этого не видит, и я пожалею его за этот смех» (Августин, 1989, с.157). Тем самым он выводит смеховое из контекста эмоций и чувств, в котором смеховое «находилось» со времен Платона (Платон, Филеб, 48а), в контекст интеллекта и разума, а точнее «компенсации» их недостаточности. Из еще более поздних разработок иезуита Б. Грасиана можно эксплицировать понимание способности к юмору и остроумию как способности к «изыщному уму» (Грасиан, 1984). Этим христианские богословы облагораживают и интеллектуализируют смеховое.

Т. Гоббс и Р.Декарт, следуя античной традиции по отношению к смеховому, рассматривают смех в контексте страстей человеческих. Так Т. Гоббс полагает смеховое той страстью, «которая не имеет имени», но сопровождается смехом (Гоббс, 1926, стр. 252). Отметим здесь, что Т. Гоббс осознал чуть ли не главное на тот исторический момент о юморе. Юмор в его время действительно «не имел имени». Слова юмор в современном его значении не было. Способность же к зарождающейся способности человека к юмору чаще всего обозначалась словом «смех». Это же высказывание Т. Гоббса обозначает то, что потребность в таком слове уже сформировалась. И «удовлетворил» эту потребность, даже ранее, чем она была обозначена Т. Гоббсом, широко образованный драматург Бен Джонсон, Рассматривая проблематику характеров, он выделил некую причудливость и назвал ее словом «юмор» (Бен Джонсон, приводится по Будагов; 1971, стр.181). Т. Гоббс источником этой новой страсти человека полагал потребность в чувстве превосходства, возникающем неожиданно (Гоббс, 1989, стр. 250). И этим создал контекст юмора в проблематике мотивов и потребностей человека.

Р. Декарт считал смех одним из способов выражения страстей и полагал, что у смеха две причины. «Первая причина – внезапное удивление, соединенное со смехом... Другой причиной является известная жидкость, которая, смешиваясь с кровью, увеличивает ее разряжение» (Декарт, 1950, стр. 655). Таким образом, Декарт выделяет две предпосылки юмора, которые позже позволили рассматривать юмор как высшую психическую функцию по Л.С. Выготскому, которая имеет натуральную и культурные составляющие.

И. Кант рассматривал смех и смешное в узком контексте как аффект, в котором существуют два аспекта: восприятие нелепости объекта и внутренняя деятельность «игры мыслей», сравнивал «игру мыслей» при смехе с «игрой мыслей» при восприятии музыки. «Музыка и повод к смеху представляют собой два вида игры с эстетическими идеями или же с представлениями рассудка» (Кант, 1966, стр.351). В отличие от музыки, по И. Канту, смех начинается не с телесных ощущений, а именно с «игры представлений». Кант уже употреблял само слово «юмор», полагая его как «талант произвольно приходить в хорошее расположение духа» (Кант, 1966, стр. 356). Если же рассматривать размышления Канта о смехе, смешном, юморе в широком контексте его концепции, то вырастает проблематика различения объекта и субъекта в юмористическом акте, а также того, что

гораздо позже Л.Я.Дорфман назвал «метаиндивидуальными мирами» (Дорфман, 1993). Юмор как бы «раскрывает» кантовскую «вещь-в-себе», превращает ее в «вещь-для-меня» и в «вещь-для-мира». И.Кант, рядопологая игру с эстетическими идеями и представлениями рассудка, разрывает историческую связь юмора с эстетическим, разрыв которых начал уже Цицерон, и полагает связь юмора с произвольной рефлексивной манипуляцией представлениями. Во многом, это не просто осмысление существующей экзистенции юмора, но порождение новых стандартов юмора, которые потом будут развиваться философами и интериоризовываться широкими слоями народа.

Жан-Поль определяет природу юмора как природу Протея, изменчивую и динамичную. Он, как и И.Кант, уже использует понятие юмора и определяет его как фантазирование рассудка, которому предоставлена полная свобода (Жан-Поль, 1981, стр.146). Он говорит о «юмористической субъективности» (то есть личностной обусловленности и пристрастности юмористического отношения) и говорит о том, что юмор свойственен лишь немногим. Так, романтический Жан-Поль, первый теоретик юмора в эстетике, вводит юмор в контекст проблематики формирующейся в истории личности.

Гегель в своей «Эстетике» не употребляет слово «юмор», но рассматривает уже не только комическое, но и иронию и сатиру, а также трагическое как альтернативу комическому. Этим он как бы выстраивает культурные связи смехового. Он, в отличие от И. Канта, акцентирует не роль субъекта в юморе, а роль объективных характеристик мира в порождении смеха и комического эффекта. Этими объективными характеристиками мира, порождающими комическое и юмор, являются по Гегелю, контраст и противоречие. «Смешным может быть всякий контраст существенного и его явления, цели и средств, противоречие, благодаря которому явление снимает себя в самом себе, а цель в своей реализации упускает себя» (Гегель, 1971, стр. 579). Гегель, еще более, чем Кант, акцентирует позитивные характеристики комического. Если Кант подчеркивал связь юмора с веселостью, то Гегель связывает комическое с «бесконечной благожелательностью» (Гегель, 1971, стр. 580). Эти кантовские и гегелевские связки юмора создают пути культивирования позитивности эффектов юмора. Хотя, по Гегелю, «смех может быть издевательским, язвительным, смехом от отчаяния» (Гегель, 1971, стр. 579). Этим он фиксирует амбивалентность природного смеха. Исходя из широкого контекста гегелевской концепции «объективного духа», комическое и юмор эксплицируются как сущностные свойства этого всеобщего разворачивания объективного духа, как свойства экзистенции. По известному высказыванию Гегеля экзистенция, называемая самим Гегелем «история», «первый раз появляется как трагедия, а потом повторяется как комедия».

По Ф. Шеллингу, комедия создает свою мифологию сама из современной общественной жизни, а не опирается на мифологию античности как трагедия. Шеллинг также не употребляет понятие юмора, однако, характеризуя

сущность комического, опирается на его личностные и экзистенциальные характеристики. Так, сущность комического выводится из взаимодействия необходимости и свободы (Шеллинг, 1999, стр. 508). Для характеристики так понимаемого комического (или юмора) он также обращается к антитезе объекта и субъекта. Необходимость проявляется в качестве объекта, а свобода в качестве субъекта. В комическом отношении необходимость объекта и свобода субъекта меняются местами: в объекте появляется свобода, а в субъекте необходимость. Таким образом, зарождающееся понятие юмора попадает в контекст диалектики объект-субъектных отношений.

Исходя из общего контекста иррационалистической философской концепции А. Шопенгауера, суть комических ситуаций заключается в победе чувственного восприятия над абстрактным знанием (Шопенгауер, 1901). Этим он как бы возвращает смеховое, помещенное А. Августином и И. Кантом в ряд интеллектуального, обратно в сферу чувств и эмоций, а точнее в сферу уже «окультуренной» непосредственности и спонтанности. С. Киркегор в своей обстоятельной концепции иронии рассматривает комическое как «выражение двойной рефлексии сообщения» (то есть диалогичности общения с миром и с собой), необходимой для экзистенциального усвоения высших христианских истин. И если ирония, по С. Киркегору, это ступень между эстетической и этической стадиями развития личности, то юмор ступень и принцип перехода от этической стадии к стадии религиозной (Киркегор, 1993). Этим С. Киркегор, как и Жан-Поль связывает юмор с высшими ступенями развития личности, личностной зрелости и индивидуальности.

Н.Г. Чернышевский «на русской почве» сформулировал мысль, что «юмор смеется сам над собой» (Чернышевский, 1973, стр. 290), и к такому юмору расположены только люди, «которые понимают все величие и всю цену возвышенного, благородного, нравственного...» (Чернышевский, 1973, стр. 291).

Исходя из общей концепции Ф. Ницше, смех есть проявление Дионисийского начала, а не начала Апполоновского (Ницше, 1910). То есть, он завершает перевод смехового из сферы искусства в сферу празднично-жизненного. По А. Бергсону, юмор занимает промежуточное место между сферой эстетического и сферой повседневности, пробуждая восприимчивость к изменчивости жизни и самую жизнь (Бергсон, 1992). Из широкого контекста концепции творческой эволюции А. Бергсона, юмор можно понимать как средство эволюционирования психики человека в истории.

Таким образом, в истории философии, которая является, как общепринято считать, предысторией психологии, мы находим разнообразные контексты осмысления человеческой способности к смеху и юмору. Основные из них: природа человека и его сущность, эмоции, комическое и эстетическое, объектное и субъектное, рациональное и иррациональное, а также личностное. Если выстраивать логику движения знания о юморе в

соответствии с принципом В.С. Библера «от наукоучения к логике культуры» (Библер, 1991), то логика развития знания о юморе и самого юмора – во все большей связи юмора и личности. Философия как бы сама переводит проблематику юмора в психологию. И психология 20 века активно прорабатывает проблематику юмора. Но парадокс психологии заключается в том, что и она практически не создает крупных концепций юмора. Даже обстоятельная концепция остроумия З. Фрейда, посвящена не юмору, а остроумию (Фрейд, 1991). Но заслуга З. Фрейда в том, что он ввел проблему юмора в контекст проблемы бессознательного, и эта постановка проблемы подхвачена другими исследователями (Baker, 1993, 1993, Christie, 1994 и др.). П. Мак-Ги выделил восприятие несоответствия как основу развития чувства юмора (приводится по Мартин Р., 2009, стр.276-277). А.Н.Лук ввел юмор в контекст проблемы творчества (Лук, 1975). М.В. Бороденко ввела юмор в контекст знакового, условного (Бороденко, 1995), то есть идеального. Философ Ж. Делез обозначил проблему связи юмора, личностного и семантического смысла (Делез, 1995). То есть именно философ «вернул» психологии юмора такой глобальный контекст юмора как личность и смысл, остающийся до сих пор недоисследованным в психологии.

1.1.2. Логический анализ подходов к изучению юмора в психологии

Как отмечают исследователи, разнообразие психологических исследований юмора так велико, что даже полный их обзор затруднителен (напр.: Ениколопов, Иванова, 2006). Однако возможны попытки классификации (Keit-Spiegel, 1972; Дземидок, 1967; Roesckelein, 2002; Мартин, 2009; Ениколопов, Иванова, 2006 и др.). На наш же взгляд для понимания плюрализма концепций юмора классификации недостаточно. Необходим логический анализ, методологические принципы которого имплицитно заложены в анализе подходов к изучению смысла в монографии Д.А.Леонтьева (Леонтьев Д.А., 1999).

Прежде чем изложить схему нашего логического анализа, приведем несколько примеров методологического анализа психологических исследований юмора. Одна из первых попыток методологического анализа подходов к изучению юмора представлена в коллективной монографии «Психология юмора» под редакцией Дж. Гольдштейна и П. МакГи (The Psychology of humor, 1972) в последней части, которая называется «Аннотированная библиография опубликованных работ о юморе в исследовательских изданиях и анализ направлений исследований за период с 1900 по 1971 годы» (Goldstein, McGhee, 1972). Причем авторы используют понятие методологии в его строгом, узком смысле как методология эмпирических исследований. В своем анализе эмпирических исследований они различают корреляционные и экспериментальные замыслы исследований, причем по приводимой ими статистике за тот период

преобладали корреляционные исследования. Дж. Гольдштейн и П. МакГи анализируют состав выборок испытуемых, среди которых представители обоих полов и недифференцированные выборки, которые в свою очередь различаются следующим образом: дети, студенты ВУЗов, учащиеся колледжей, «нормальные взрослые» и пациенты психиатров, а также недифференцированные выборки. По приводимой ими статистике преобладают учащиеся колледжей. Дж. Гольдштейн и П. МакГи анализируют также типы стимулов, используемых в качестве независимых переменных в эмпирических исследованиях. Это следующие типы: карикатуры (52%), загадки, шутки или рассказы (23%), магнитофонные записи, фильмы или видеозаписи (8%), другое (такое как комические съемки, публичные речи или социальные ситуации) (17%). Далее эти стимулы классифицируются под влиянием фрейдовской теории на агрессивные, сексуальные, содержащие несоответствие или нелепость, превосходство, комплексность, а также другие, неконтролируемые и недифференцируемые. При этом доминировал тип агрессивных стимулов. Изменялись следующие зависимые переменные: рейтинговые шкалы, смех и улыбка, юмористическое творчество, вынуждаемый выбор, физиологические реакции, понимание юмора и другое. В качестве зависимых переменных доминировало рейтинговое шкалирование стимулов.

С точки зрения же методологии, понимаемой как логический анализ теоретических и эмпирических знаний, наибольший интерес из статьи Дж. Гольдштейна и П. МакГи представляет рубрикатор библиографии за период с 1900 по 1971 год, которым аннотируется приводимая литература. Он состоит из 8 следующих рубрик: 1) работы, содержащие оригинальные факты, в том числе 1А) данные корреляционного типа, включающие факторный и контент анализ (39%) и 1Б) экспериментальные данные, в которых, по крайней мере, одна переменная является управляемой (13%), 2) работы, содержащие оригинальную теорию или теоретическое развитие какой-либо теории (24%), 3) работы обсуждающие функции юмора в культурном, социальном, личностном или физиологическом контексте (15%), 4) работы, исследующие развитие юмора в детстве (13%), 5) методологические работы, представляющие методики изучения юмора (6%), 6) обзоры литературы по юмору или отдельной проблеме (8%), 7) общие дискуссии по проблеме юмора, включая работы, не вписывающиеся в вышеобозначенные рубрики (13%), 8) работы, содержащие методологический анализ или его обзор (26%). 4% библиографии осталось не аннотированными, они относятся по преимуществу к сфере психопатологии или культурологии.

В соответствии с вышеприведенным анализом изданные практически в тот же период исследования А.Н. Лука относятся к типу работ, содержащих оригинальные теории, а исследование Б. Демидока к типу обзоров и общих дискуссий.

С методологической точки зрения интересна классификация теорий сделанная Б. Демидоком. Так, Б. Демидок выделяет в истории шесть групп

теорий комического, причем понятием «комического» он обобщает и юмор. И хотя его работа обозначена как работа по эстетике, его классификация глубоко психологична. Итак, он выделяет:

1. Теории превосходства субъекта над объектом, часто называемые теориями негативного качества объекта. Их он, в свою очередь, классифицирует на а) объективистские и б) субъективистские.
2. Теория деградации, понимаемой как обесценивание объекта или «переключение» с одной ценности объекта на другую (Стерн).
3. Теории контраста: а) субъективных представлений и б) объективных характеристик мира, как синхронических так и диахронических.
4. Теория противоречий: а) объектного мира и б) субъективно-реляционистского толкования явлений объектного мира.
5. Теория отклонения от нормы, в которой критериями оценки отклонения могут быть рационально безличный, личный и оценочный (Гросс).
6. Теория пересекающихся мотивов. Например, мотивов отклонения от нормы и мотивов превосходства (Гросс), автоматизма и свободы (Бергсон), экономии энергии и психологической защиты (Фрейд) (Дземидок, 1967).

Важно, что сравнивая и классифицируя теории комического, Дземидок «переоткрывает» основную дихотомию методологического психологического анализа «объект-субъектных» отношений в теме юмора. На основе классификации Демидока возможно выделять различные психологические механизмы юмора, однако различение юмора от объекта и юмора от субъекта поднимает вопрос о том, существует ли юмор вне зависимости от человека или это лишь фиксированные в предметах культуры результаты юмористической деятельности людей.

Понимание психологической методологии как теоретического анализа проблемы юмора содержится в монографии «Психология юмора» Дж. Рекелина (Roeckelein, 2002). Так, анализируя исследования юмора, опубликованные за 1970-2001 годы, он создает следующий их рубрикатор: агрессия и юмор; использование юмора; познание и юмор, юмор как комедия, шутка, нелепость, сатира, ирония; юмор как смех и остроумие; индивидуальные и групповые различия в юморе; методология и измерения юмора; природа юмористических стимулов; социальные аспекты юмора. По рубрикатору видно, что за последние 30 лет 20 века в отдельные проблемы выделились проблема связи юмора и агрессии, а также тема познания и юмора. Осталась актуальной проблема юмористических стимулов и измерений юмора.

Еще один прием методологического анализа теорий юмора представлен П. Кейт-Шпигель (Keit-Spiegel, 1972); это путь, скорее, «снизу» - от эмпирики и от истории. Ее классификация прагматична и ориентирована на создание своего рода «базы данных» учений о юморе и этим - на создание

фундаментального базиса экспериментальных и эмпирических исследований. Так, анализируя и обобщая ранние концепции юмора, она подчеркивает разнообразие теорий, подходов, проблем. Выделяет следующие группы теорий:

1. Биологические, инстинктивные и эволюционные.
2. Теории превосходства (над дефектом).
3. Теории несоответствия (привычному).
4. Теории удивления.
5. Теории амбивалентности
6. Теории расслабления и экономии энергии
7. Теории конфигурации (формы).
8. Психаналитические теории

П. Кейт-Шпигель выделяет именно группы теорий, иногда обобщая разные теории под одно из названий теорий, иногда, модифицируя название, иногда, предлагая свое обобщающее название группы теорий. Она располагает их в списке в порядке близком хронологическому порядку их зарождения, но анализ синхроничен.

Кроме классификации теорий, П. Кейт-Шпигель предлагает еще один способ анализа - анализ по проблемам. И выделяет следующие проблемы и альтернативы: сложности терминологии, проблема «единой версии плюралистического основания», проблема отношений смеха к юмору, отношения юмора и улыбки, проблема взаимозависимости смеха и удовольствия, подчеркнутая экспрессией удовольствия как маскировки неудовольствия, проблема высвобождения нервной энергии через юмор, животное и человеческое, врожденное и приобретенное, универсальность и селективность, номотетическое и идиографическое, бог и дьявол, опора в реальном и опора в нереальном, уровень контроля как уровень сознательности, здоровые и нездоровые атрибуты юмора, креативное самовыражение и защитное подавление, тяготение к хорошему настроению и осмысленность плохого, попытка против экономии попытки, - интеллектуальное и эмоциональное, само организуемое и социально управляемое, а также уровень уверенности теоретиков в своих концепциях.

Хотя П. Кейт-Шпигель упоминает трактовки юмора философами со времен античности, она гораздо больше уделяет внимание философам и биологам с середины 19 века, того периода, с которого юмор широко распространяется в культуре.

Один из вариантов классификации подходов к изучению чувства юмора предлагает Е.И. Ульянова. Она выделяет подходы когнитивный, экономный, межличностный и феноменологический на основе критериев: субъектный-объектный и рациональный-иррациональный (Ульянова, 2012).

Теоретический анализ психологических исследований чувства юмора содержится в статье Е.М.Ивановой и С.Н.Ениколопова «Психологические исследования чувства юмора». Они классифицируют исследования «по тому, какой аспект предмета изучения ставится во главу угла: 1) психофизиологическая функция, 2) психическая функция, 3) психологическая защита (защитный механизм или копинг), 4) черта личности. Особняком в предложенной классификации ставят исследования чувства юмора в клинической психологии, поскольку психопатология может затрагивать любой из выделенных моментов» (Иванова, Ениколопов, 2006, с. 122). Выделяемые ими «аспекты предмета изучения» по сути представляют собой уровни психологической реальности.

Для логического анализа проблемы юмора важное различие на основе разработок С. Меткалфа и Р. Фелибла, различающих «юмороптику» и «юмороробику» (Меткалф, Фелибл, 1007) делает Т.В. Иванова. Она подчеркивает важность различения способности «видеть смешное» и способности «делать смешное» (Иванова Т.В., 2002, стр. 76). По сути эти два вида способностей обозначают два различных вида психической деятельности: восприятие и производство, или отражение (в узком смысле) и конструирование.

Объединяя и уточняя достижения Е.М.Ивановой, С.Н. Ениколопова и Т.В. Ивановой, все разнообразие подходов к изучению чувства юмора можно представить в виде следующей логической схемы.

Таблица «Логический анализ подходов к изучению чувства юмора»

Тип деятельности Уровень психологической реальности	Производство/ активность (собственно деятельность)	Рецепция/реактивность (Восприятие, понимание)
Социальный феномен	«смеховая культура» (Бахтин, Лихачев) Ценность (Рокич)	«логика смысла» (Делез) Контр-знак(Бороденко) Ценность (Карасев)
Черта личности	Юмор как аспект креативности (Гилберт и Маккей) Юмор как способность (Кант, Хорнби)	Характеристика мировоззрения (Олпорт) Свойство темперамента (Зив)
Психологический механизм	Остроумие (Фрейд, Лук, Иванова Т)	Аксиоматизация(Розов) Прогнозирование (Симонов, Фейгенберг) Оценка (МакГи) Защитный механизм (Фрейд) Копинг (Олпорт)
Психическая функция	ВПФ (Леонтьев Д.А., Домбровская)	ВПФ (Леонтьев Д.А. Домбровская) Чувство (Лук)
Психофизиологическая реакция	Патологический смех Ашкенази Эмоция (Лук)	Патологическая улыбка (Уманский)

Хотя не все ячейки нашей двумерной логической схемы заполнены с должной полнотой (в них представлены только основные достижения обозначенных подходов), практически все известные нам достижения в области психологии юмора «укладываются», «пакуются» в эту схему. То есть предлагаемую нами

логическую схему можно использовать для различения предмета исследования по типу деятельности и уровню психологической реальности, а также и для структурирования знаний о юморе. Более того, мы полагаем, что логический анализ юмора по критерию уровня психологической реальности снимает проблему противостояния объекта и субъекта в жизненном мире человека, снимает проблему противопоставления эмоционального и интеллектуального, а выделение типов деятельности – производство, активность и восприятие, реактивность заостряет важную для психологии проблему соотношения продуктивности деятельности и деятельности понимания. Проблему же ресурса реактивности и понимания мы считаем более актуальными для современности, чем проблему потенциала продуктивности и посредством его самовыражения и самореализации, которые долго культивировались в американской психологии. В конечном счете, даже творческая продуктивность зависит от ресурса реактивности, рецептивности и понимания.

1.2. Теоретический анализ проблемы юмора

Задача категоризации понятия «юмор» на первый взгляд уже решена логическим анализом структуры психологии юмора. Юмор на разных уровнях анализа психологической реальности может быть вписан в достаточно общие категории реакций, функций, механизмов, черт, социальных феноменов. Однако таких «обобщающих» категорий слишком много и они в свою очередь нуждаются в некотором обобщении. Эта обобщающая категория должна быть достаточно универсальной и поэтому в значительной степени абстрактной. Согласно Л.С. Выготскому, «отделение основного психологического понятия от специфически чувственного ощущения – задача психологии. При этом само это ощущение, само самонаблюдение должно быть объяснено из постулата, метода и всеобщего принципа психологии, оно должно превратиться в частную проблему психологии» (Выготский, 1982а, с. 344). Как пишет Ф.Е. Василюк, «...в гносеологическом плане центральное, обобщающее понятие превращается в объяснительную категорию, или объяснительный принцип...» (Василюк., 2003, стр.74). Другими словами, для понятия юмора нужно найти понятие обобщающее, такое чтобы юмору нашлось частное место в структуре психологических знаний и научного категориального аппарата.

1.2.1. Юмор как психологическое орудие личностной регуляции

Среди категорий психологии, которые можно считать парадигмальными, таких как «психологического орудие», «высшие психические функции»,

«психологических механизмы», «способности» наиболее сложным является понятие «психологических орудий». Применительно к понятию юмора оно нам предложено Д.А.Леонтьевым (Леонтьев Д.А., 1994). С одной стороны, оно обобщает все другие. С другой стороны, оно является частным понятием культурно-исторической психологии.

Проблема орудийности человеческой психики, поставленная инструментальной, и продолженная культурно-исторической психологией, по отношению к юмору требует некоторого обсуждения.

Человек, как известно, в процессе своего исторического развития изобрел орудия двух типов. Первое: орудия труда – топор, лопату, машины, компьютер и т.п. и т.д. Второе: знаки – речь, письмо, арифметику и т.п. Юмор относится ко второму роду орудий, он является социально-психологическим орудием человеческой психики. Орудийность юмора проявляется в следующих моментах:

- понятие орудийности сближается с понятием опосредованности. Только то, что обозначается понятием «юмор» в виде комментария, что нечто является юмористическим, или сопровождается смехом или улыбкой, может быть понято и принято другим человеком именно как юмористическое. Само слово-«метка» «юмор» уже может выполнять роль орудия при взаимодействии людей друг с другом и человека с самим собой. «Главная форма существования психологических орудий – это форма словесная» (Леонтьев А.Н., 1994, с. 264);
- юмор не дан человеку с рождения, а возникает в процессе интеллектуального, эмоционального, эстетического, коммуникативного и культурного воспитания. Он возникает как психическое «новообразование» (в терминах Л.С. Выготского).
- интериоризация юмора идет по линии от «вращивания» (Выготский Л.С.) структуры целиком к постепенному овладению процессом юмористического восприятия и произвольного «юморения»;
- при вращивании структуры юмора целиком процесс вращивания идет так же как аналогичный процесс, описанный Л.С. Выготским на примере речи. Происходит замещение смеха деятельностью внутреннего юморения, редукция смеха до улыбки и возникновение новых функциональных систем, в которых юмор периодически выполняет роль новой системной функции (Выготский, 1984а). «Орудия и знаки изменяют саму структуру деятельности, ибо заставляют человека формировать в своей психике новые более сложные связи, обеспечивающие новые высшие формы» (Леонтьев А.А., 1969, с.56);
- интериоризация происходит сначала в диалоге ребенка с взрослым, уже «вооруженным» юмором, когда смех ребенка возникает в ответ на смех взрослого по принципу почти биологического подражания или заражения. Только потом ребенок сам учится находить и продуцировать комические

смешающие образы. Физиологическая реакция смеха снижает дезинтегрирующую роль комического образа.

- с некоторой долей условности можно сравнить процесс интериоризации юмора, процесс усвоения юмора с процессом овладения интеллектуальной системой, заложенной в компьютере, в «диалоге» с компьютером.

Тема орудийности человеческой психики чрезвычайно проста и сложна одновременно. С одной стороны, орудийность психического выглядит самоочевидной. С другой стороны, проблема орудийности психики чрезвычайно сложна, так как требует теоретического осмысления скрытых от эмпирического наблюдений феноменов человека. В настоящее время наблюдается замена проблематики орудийности проблематикой «психологических органов» (Ухтомский, 2000) и «медиаторов» (Зинченко, 1993), но с теоретической точки зрения понятие орудия обобщает и понятие психологического органа и понятие медиатора.

Орудийность обозначает произвольность, намеренность, преобразующий характер. Но она же обозначает и нечто внешнее, внедренное в сознание и психику человека. Формальная логика или система мышления, заложенная в программном обеспечении компьютеров, являются такими орудиями. К ним относится и юмор. Юмор не дан человеку изначально. Он формируется в филогенезе и воспитывается, интериоризируется в онтогенезе.

Таким образом, понятие психологического орудия наиболее четко отражает сущность юмора в современную эпоху, может быть, даже более, чем понятие высшей психической функции. Если рассматривать юмор как высшую психическую функцию, неизбежно возникает вопрос о прерывистости функции юмора. Понятие же орудийности позволяет избежать этого вопроса. Понятие функции выражает то, что юмор остается во многом спонтанным и непосредственным проявлением человека.

Понятие юмора можно рассматривать в ряду различных категорий психологии. Обосновывая положение о юморе как психологическом орудии, нельзя замолчать и то, что в общеупотребительной языковой идиоме «чувство юмора» юмор, как и все чувства, традиционно располагается в эмоциональной сфере. Так его изучают большинство исследователей. Однако понятие эмоций недостаточно для определения сущностных характеристик юмора. Юмор - это конвенция, это всегда слово-метка: «это юмор». Знаковость юмора придает ему орудийный характер, как и произвольность юмора и его культурно-историческое происхождение. Кроме того, в речи появилась тенденция разрывать связь юмора и чувств. Например, А. Хорнби в толковом словаре объясняет юмор через способность (Hornby, 1982, p. 417). Юмор в современной культуре становится все более произвольным и активным. Современная культура задает человеку активный, а не реактивный стандарт юмора. Традиции же словоупотребления, где существует выражение «чувство юмора» ставят противоположный акцент. Однако, можно говорить о развитии юмора от форм реактивных и когнитивных к формам

деятельностным. Происходит трансформация юмора от форм социальной регуляции к формам индивидуально-личностной регуляции. Культивируется интегрирующая личность роль юмора (Allport, 1988, Франкл, 1990, Рубинштейн, 1976). Поощряется то, что юмор располагается на «верху» системы личностной регуляции, а не на периферии эмоциональной сферы.

Проблема поиска родового понятия по отношению к юмору выходит за рамки психологии юмора и психологии в целом, входит в контекст проблематики социальной структуры науки и научных школ, но этот вопрос выходит за рамки данной работы. Отметим только то, что проблема поиска обобщающей категории для юмора на сегодня не решена. Юмор проявляется в разных «ипостасях». Категоризация определяется не только логикой науки, но и личностным мировоззрением исследователя. Неизвестно, какое место заняла бы категория «психологического орудия» при семантическом ее анализе того типа, который проделан В.Ф.Петренко для анализа традиций психологической школы МГУ (Петренко, 1999). Но на наш взгляд, категория «психологического орудия» в достаточной мере обобщает, абстрагирует и объясняет широкий спектр феноменологии юмора, как в ее современном существовании, так и в истории юмора.

Орудийность человеческой психики определяется тем, что она реализуется в полной человеческой сущности только через речевую деятельность, в которой согласно И.А. Зимней, язык является именно средством (Зимняя, 2001), а строго терминологически психологическим орудием жизнедеятельности. Орудийность человеческой психики тесно связана через слово со смыслом. Хотя на сегодня накопилось множество теоретических и эмпирических исследований юмора, вопрос о связи юмора и смысла может считаться только обозначенным философом Ж. Делезом как проблема юмора и иронии в контексте логики смысла (Делез, 1995), но никак не решенным. В психологии же проблема связи юмора и смысла даже не обсуждается (напр. Лук, 1975, Мартин, 2009).

Какова же роль смысла в развитии и функционировании личности? По мнению Д.А. Леонтьева: «...развитие личности...нельзя понять с должной полнотой, если не уделять специальное внимание механизмам смысловой регуляции» (Леонтьев Д.А., 1999, с. 282). Нужно подчеркнуть то, что смысловой тип регуляции чаще всего не представлен в системе личностной регуляции и в сознании человека, он сливается 1) с деятельностью, обслуживая ее, 2) со словом и 3) с целеполаганием. Однако, в особых жизненных обстоятельствах смысл «отслаивается» от деятельности или от слова или от цели. Может он превращаться и в психологическое орудие. Родство психологических механизмов смыслообразования и юмора в том, что они выполняют «задачу на смысл», но делают это по-разному. Они по-разному восполняют пробелы формально-логического понимания.

А предметом понимания, согласно философскому анализу проблемы понимания С.С. Гусевым, Г.П. Тульчинским, является нечто «еще не

определенное» (Гусев, Тульчинский, 1985, с.117). Понимание имеет задачей положить предел неопределенному, выработать его определение (там же; стр.118). Согласно А.А. Леонтьеву, понимание – это ориентировка, которая обслуживает деятельность (См.: Леонтьев Д.А., 1999, с.389). Согласно же В.В.Знакову, природа понимания субъектна и определяется экзистенцией человека (Знаков, 2005).

Таким образом, «задача на смысл» - это задача не столько логический анализ, сколько на интегрирующее деятельность и жизнедеятельность понимание явлений объектного мира, их отношений, связей с деятельностью и жизнедеятельностью. Это практическая задача. «Теоретической» она становится лишь в неординарных условиях затрудненности текущей деятельности, «критической ситуации» в жизни (основные типы критических ситуаций выделены Ф.Е. Василюком). Механизмы юмора практически восполняют пробелы понимания, часто замещая ориентировочную деятельность или «застрелая» на этой ориентировочной деятельности, что позволяет исследователям рассматривать юмор в контексте «неадаптивной» или «надситуативной» активности в их понимании А.Г. Асмоловым и В.А. Петровским.

Можно было бы говорить о внутреннем родстве, о происхождении из одного источника механизмов смыслообразования и чувства юмора, поскольку они имеют одинаковую цель – понимание и трансляцию понимания. Но на наш взгляд, адекватнее говорить об их внешнем сходстве, поскольку:

- механизмы смыслообразования поддерживают текущую деятельность или жизнедеятельность, а механизм юмора часто дезинтегрирует их кратковременно или долговременно, переводя доминанту регуляции на интегрально-личностный уровень, актуализируя целое личности;
- механизмы смыслообразования всегда осуществляют регуляцию деятельности, жизнедеятельности, личностного состояния по принципу «сверху вниз», от ядерного слоя личности к периферическим, от целого к частному. А механизм юмора может действовать и «снизу вверх»: от биологического (через смех) к идеальному и системно-личностному, от частного к общему или к другому частному;
- механизмы смыслообразования, если решается задача «на смысл жизни» имеют долговременные последствия, интуитивное решение «задачи» закрепляется сознанием. Механизм юмора – ситуативен, кратковременен, эксцессивен. Он лишь подготавливает и делает возможной «личностную интеграцию» (в ее понимании Г. Олпортом (Allport, 1988), осуществляет ориентировку для дальнейшего духовного прогресса;
- механизм юмора компенсирует недостаток понимания или осмысленности, выявляет проблему, но не решает ее. Чтобы проблема решалась, нужно, чтобы «подключились» механизмы рефлексии, смыслообразования, смыслопорождения и/или творчества и жизнетворчества.

Нужно признать, что, несмотря на нетождественность механизмов смыслообразования и юмора, психологический механизм юмора не имеет феноменологии самостоятельной и независимой от феноменологии смыслов и творчества, разве что в феномене неопределенного юмористического настроения, и в своих эмпирических проявлениях сливается с феноменологией смысла, определения, творчества, общения. В этом кроется парадокс юмора: «Парадокс юмора состоит в том, что чем дальше развивается юмор, тем меньше в нем остается внешне опознаваемых специфических признаков юмора» (Леонтьев Д.А. , 2001, с.160).

По большому счету не существует ни психической нормы юмора, ни культурного стандарта. Юмор может принимать различные психологические формы. Юмор постоянно в развитии. И его развитие зависит и от биологической эволюции психики, и от логики культуры, вплоть до логики смены парадигмальных научных понятий. И хотя нами была поставлена задача поиска культурного стандарта юмора (Домбровская, 2010), она не решена и не решаема. Юмор может принимать те формы, которые описываются характеристиками различных психологических категорий, таких как деятельность, функция, экзистенциальное бытийствование, способность и др.

К деятельностным характеристикам юмора относятся осознаваемая или подсознательная целенаправленность, предметность и наличие структуры у юмористического акта.

К функциональным характеристикам юмора относятся такие, как социальность или конвенциональность юмора, опосредованность особыми психическими состояниями (настроение, эстетизм, диалогичность, рефлексивность) и знаком или понятием «юмор», формирование из натуральной – смех, улыбка и культурной – комический образ., регуляторность по отношению к собственным психическим состояниям. Повторим, что в отличие от большинства психических функций, юмор – функция прерывистая, создающая эксцесс регуляции.

Д.А.Леонтьев считает, что главной для форм юмора «является проявляющаяся во всех видах и специфичная для юмора бытийная форма его существования как конкретного проявления «здесь-и-теперь» (Леонтьев Д,А, 2000). Этот момент уникален, эксцессивен и создает свободу и вариативность человеческого существования. Повторенное – не смешно. Недосказанное досказывается в неуловимой межличностной атмосфере юмора. Юмор восполняет пробелы формальной и дедуктивной логики. Юмор вписывается в «логику смысла»: «...юмор – это искусство поверхностей и сложной связи между поверхностями. Начиная с избыточного равноголосия, юмор выстраивает свое единоголосие... - единоголосие Бытия и языка – всю вторичную организацию в одном слове» (Делез Ж. Логика смысла. М.: Академия - , 1995.стр.298) «Вторичная организация на поверхности языка

возвращает что-то из самых глубочайших шумов, глыб и стихий в Единогласие смысла» (там же; стр.298). Юмор, смех возвращает мир к изначальному хаосу (Д.С. Лихачев), из которого возможно новое развитие, свобода и вариативность личности. Бытийные проявления юмора создают связку юмора и смысла, юмора и творчества. Последнее проявляется в шедеврах мировой культуры и в повседневной жизни людей, как отдушина, всплеск энергии, логика смысла. Повторим, что юмор мог бы развиваться до бесконечности, если бы не одно «но». И это «но» - «но» языка. Язык ограничивает юмор – чувством. Говорят не «юмор», а «чувство юмора». То есть юмор поощряется языком как воспринимающая способность. В этом мудрость языка и самоограничение развития юмора. Само языковое бытие юмора задает ему реципроктный, воспринимающий характер. Уникальность, неповторимость, связь со смысловой логикой и языковым бытием являются бытийными, экзистенциальными характеристиками юмора и внимание к ним представляет экзистенциальный принцип развития психологического знания. Благодаря этим чертам бытийные характеристики юмора смыкаются с вышеописанными его орудийными характеристиками, и последние поглощают бытийные черты юмора. Повторим, что наибольшее родство проявляют юмор и смысл.

Юмор, являясь и способностью человека, использует принципы сравнения, обобщения, переноса, аналогии и т.п. иначе, чем формальная логика. Он по-другому восполняет пробелы понимания, он решает «задачу на смысл» не так, как формальная логика и не так, как смыслообразование. Эмпирических исследований, сравнивающих механизмы смыслообразования и юмора пока нет, но они были бы интересны.

Мы находим родство юмора и смысла в том, что они «обслуживают» понимание и являются механизмами личностной регуляции деятельности и жизнедеятельности. Различия же в том, что это разные психологические механизмы с разными принципами регуляции.

Методологически родство юмора и смысла в том, что они оба обобщаются категорией «психологического орудия». В той мере, в какой смысл осознан и произволен он является орудием воздействия человека на самого себя, на свой внутренний мир, то есть средством саморегуляции и саморазвития. Когда же речь идет о влиянии, то есть трансляции смысла, смысл всегда является орудием. И «удвоенным» орудием, когда речь идет о трансляции смысла юмора.

Итак, категория «психологическое орудие» является обобщающей для ряда психологических понятий. Само же это понятие входит в парадигму, задаваемую понятием регуляции. Использование орудия имеет цель – и цель эта состоит в воздействии, то есть регуляции социальных отношений, своих

отношений с жизненным миром или в саморегуляции. Однако, высоко ценя научную категорию «психологического орудия», в последующих главах мы чаще используем слово «средство», чтобы не провоцировать смысловые ассоциации слова «орудие» с некой войной или трудом, хотя они и имеют смысл. Используем слово «средство» также и потому, что научное понятие «средство» обладает еще большей методологической нагрузкой (см. Федоров, 2012). Так, согласно Федорову, средство служит промежуточным звеном между объектом и субъектом. Превращение средства в предмет исследования задает основную характеристику неклассической парадигмы науки. Постнеклассическая же парадигма акцентирует триаду субъект – средство-объект. В нашей работе о юморе как средстве регуляции, мы акцентируемся на средстве. Но рассматриваем его таким образом, что переходим от неклассической парадигмы к постнеклассической и даже в некоторой степени восстанавливаем традицию классического знания, в центре которого – объект. Само употребление нами понятия орудия – это уже восстановление классической традиции, поскольку средство как орудие – это уже «вещь», но особого рода: материальная вещь, порожденная из идеального психического состояния механизмами отчуждения психического в рефлексивно и произвольно используемое орудие, средство воздействия на себя и других. О механизмах отчуждения как материализации идеального будет сказано в 3 главе. Здесь же скажем, что науке необходимо восстановление прерванной классической традиции, акцентирующей объектность мира, и наше исследование юмора в некоторой степени это осуществляет.

Что касается возможности прикладных исследований юмора как психологического орудия личностной регуляции, то мы видим ее прежде всего в социальной психологии и психологии саморегуляции. Но считаем, что наиболее актуальным продолжением ведущейся нами работы по развитию теории юмора, был бы анализ юмора как способности в контексте проблемы усвоения и развития культурно-исторически сложившейся формальной логики и способов сравнения, различения, выявления отношений, обобщения, переноса отношений и обобщений и т.п.. Способности же отражаются в степени овладения способами деятельности. И обобщающей категорией для так понимаемых способностей опять же была бы категория психологического орудия.

1.2.2. Юмор как межуровневая эмоция

В классической психологии юмор считается эмоцией (Изард, 1999, Лук, 1982 и др.). Однако существует и другая точка зрения, с позиции которой юмор полагается интеллектуальным чувством (Рубинштейн, 1993, Лук, 1975, Ильин, 2001). Эта точка зрения позволяет выделять составляющие юмора, которые обозначаются как аффективная и когнитивная (напр. Бороденко, 1995). Возможно, что уход от классической трактовки юмора как эмоции

произошел «из-за существующей терминологической неоднозначности в психологии эмоций» (Вилюнас, 1993, с. 5), из-за которой «важно учитывать условность названий и решать вопрос об их соотношении не по внешнему звучанию, а на основе тщательной проверки того, что именно они обозначают» (там же).

Проблема категоризации юмора как эмоции затрагивает целый ряд методологических проблем. Это проблемы соотношения и иерархии понятий в психологии эмоций, роли и ипостасей представленности эмоций в сознании, операционального определения юмора в контексте эмоций. Но мы предполагаем, что отход значительного числа исследователей от трактовки юмора как эмоции произошел еще и по другой причине - по причине принципиального разнообразия форм существования юмора, при котором форма существования юмора в качестве эмоции является далеко не доминирующей, во всяком случае в современности. В соответствии с выше представленным пониманием проблемы юмора мы считаем необходимым продолжить анализ того, чем, кроме эмоции является юмор, в каких ипостасях существует, какими психологическими понятиями категоризируется и обобщается, а также провести анализ того, на каком уровне аффективного психического отражения действительности юмор осуществляется, почему в речи закрепилась именно идиома «чувство юмора» и обоснование того, почему в контексте психологии эмоций наиболее достоверным является говорить об эмоциональной ткани юмора или «комического образа», а не о «чувственной ткани» или эмоциональной, аффективной составляющей

Провести этот анализ позволяет методология культурно-исторической психологии, включающей историко-эволюционный подход (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Г. Асмолов) и деятельность-смысловой подход (А.Н. Леонтьев, Ф.Е. Василюк, Д.А. Леонтьев), которые выросли из одного идейного источника, но часто расходятся в конкретно-научных исследованиях. При этом, мы заимствуем не столько отдельные положения, сколько их идейные традиции. Ими, в нашем понимании, прежде всего являются: а) идея эволюционирования психического отражения в предыстории и истории вида "человек", б) идея биологического смысла усложнения, интеграции и дифференциации психических функций, структур, процессов и психологических реальностей в) идея определяющей роли сознания в развитии функций, структур, процессов.

Психологические формы существования юмора

Как показывает анализ обобщающих работ по юмору (Лук, 1975; Дземидок, 1975; Roeskelein, 2002; Мартин, 2009; Иванова, Ениколопов, 2006 и др.) проблема юмора в психологии находится на стадии дезинтеграции знания, когда эмпирические исследования доминируют над теоретическими, а в

теории - классификации доминируют над обобщениями. При этом заметна тенденция отхода от традиции трактовки юмора как эмоции, начатой Ч. Дарвином (Дарвин, 2001) и закрепленной К.Изардом (Изард, 1999). Повторим, что Е.М.Иванова, С.Н.Ениколопов, классифицируя психологические исследования чувства юмора, выделяют следующие «аспекты предмета изучения», то есть чувства юмора, которые трактуются нами как психологические формы существования юмора: психофизиологическая реакция, психологическая функция, психологическая защита (защитный механизм или копинг), черта личности (Иванова, Ениколопов, 2006). Нами обосновано существование юмора в качестве высшей психической функции по Л.С. Выготскому (Домбровская, Леонтьев, 2000, Домбровская, 2010в), описаны функциональные, деятельностные и бытийные формы существования юмора (Домбровская, 2010а), обоснована правомерность обобщения всех форм существования юмора категорией «психологического орудия» (Домбровская, 2010д). Но классическая проблема существования юмора как эмоции остается открытой. И она обостряется тем, что в языке закрепились идиомы «чувство юмора». Чтобы решить проблему существования юмора как эмоции необходимо обратиться к проблеме развития психики в филогенезе. Только при историко-эволюционном подходе возможно объяснить разнообразие форм существования юмора и проанализировать принципы формирования эмоциональной ткани юмора.

Эмоции как мотивационные структуры и как формы психического отражения

На сегодня классическому объединению проблем эмоций и мотивации несколько противостоит подход, объединяющий проблематику эмоций и когний (Симонов, 1970, Шингаров, 1971), а также эмоций и психического отражения (Леонтьев А.Н., 1975, Зинченко, 1991, Василюк, 1993). В последнем активно используется понятие «чувственной ткани» психического образа. Анализ показывает, что слово «чувственный» в понятии «чувственная ткань» более обозначает ощущение, чем чувство как таковое. Л.Я. Дорфманом развивается понятие «эмоциональной ткани» (Дорфман, 1997), которое характеризует собственно эмоциональный пласт сознания.

Чтобы понять суть юмора необходимо не просто позаимствовать понятие «эмоциональной ткани», но необходимо рассмотреть филогенез этой «ткани» сознания. Эмоциональная ткань возникает на определенном уровне развития психики, на определенном уровне развития психического отражения в процессе развития деятельности.

Психическое отражение – это предмет исследования докторской диссертации А.Н.Леонтьева. Качественные характеристики психического отражения – это критерий развития психики животных (Леонтьев А.Н., 1994, с.112). Однако, на сегодня теория психического отражения развивается не в полной мере. Сам

А.Н. Леонтьев сместил центр внимания с проблемы психического отражения на проблему деятельности. А теория развития отражения трансформировалась в направления исследований порождения психического образа и психолингвистических исследований. Обосновано это тем, что само понятие отражения традиционно имеет смысл простого «воспроизведения» действительности в восприятии и сознании человека. Однако, в истории человечества на всех уровнях существования человека все более проявляется тенденция перехода от воспринимающей и отражающей формы существования к форме конструирующей (Асмолов, 2001, Петренко, 2010 и др.), доходящей до принципа ноотехники как основания жизнотворчества по Д.А.Леонтьеву (Леонтьев, Д.А., 2012). При этом в психологии понятие отражения вытесняется понятием конструирования. Это, кроме того, что отражает тенденции существования современного человека, отражает возможности двух различных форм или регистров бытия по Мамардашвили (см. Леонтьев Д.А., 2011а), которые условно можно назвать разными формами существования психического – 1) воспринимающими, рецептивно-отражающими, реактивными и 2) деятельностными, конструирующими, творческими, различие которых и обуславливает различие классических и неклассических представлений о психической реальности. На наш взгляд, понятие отражения ни в коей мере не устарело, охватывает в своем широком смысле две эти формы существования психического и требует дальнейшего осмысления, вариант которого предлагается в главе 4. Нам видится актуальным и значимым рассмотреть филогенез чувства юмора именно в контексте проблемы психического отражения.

Развитие эмоций как формы психического отражения в филогенезе: структура и функции

Согласно А.Н.Леонтьеву, психическое отражение в филогенезе по качественным характеристикам проходит через стадии элементарной сенсорной психики, перцептивной предметно ориентированной психики и через стадию интеллекта (Леонтьев А.Н., 1994). Как отмечает Д.А. Леонтьев, в работах А.Н.Леонтьева присутствует еще «нулевой» уровень развития психики – уровень раздражимости (Леонтьев Д.А.,1999, стр.273), который создает возможность биологической эволюции. В книге «Проблемы развития психики» (Леонтьев А.Н., 1959) и из представленных в сборнике «Философия психологии» фрагментов докторской диссертации вычитывается еще диалектика и динамика взаимодействия структуры и функции. Причем анализ показывает, что задает развитие не структура психики, а функция. Какое отношение имеет это к проблеме филогенеза эмоций? Прежде всего - то, что становится возможным поставить вопрос о том, когда в филогенезе возникает возможность выделения эмоций в относительно автономную функцию и когда происходит становление структуры эмоционального. Это вопрос на данный

момент не решенный. Можно предположить, что эмоции как функция оформляются вместе с интеллектуальной функцией при их дифференциации на стадии интеллекта у сложно организованных млекопитающих. Возможно, что и раньше, вместе с формированием функции индивидуальной осмысленности саморегуляции, поскольку «... отражение в психике животных смысловых характеристик объектов и явлений окружающей среды первично по отношению к возможности чисто познавательного отражения, то есть отражения ими свойств окружающего мира, имеющих косвенное, более опосредованное отношение к их жизнедеятельности» (там же). Структура эмоциональности, в отличие от функции эмоций, скорее всего, оформляется только у человека, хотя возможно, что и у высших приматов.

Уровни и типы эмоциональности в филогенезе юмора

Чувство юмора у животных отсутствует, но налицо экспрессия смеха и улыбки (Дарвин, 2001). А смех и улыбку К. Изард рассматривает как разновидности эмоций, располагая их в одном ряду с юмором (Изард, 1999, стр.132-137). На наш взгляд правомерно предполагать, что биологические предпосылки становления смеха и улыбки различны: смех возникает на основе общей раздражимости, а улыбка на основе собственно способности к психическому отражению на стадии перцептивной психики, когда воспринимаются уже не отдельные сенсорные характеристики мира, а целостный предмет и формируется психический образ. Когда речь идет о психике человека, то согласно принципу «напластования» психического (Л.С. Выготский), у человека представлены все 4 стадии развития психики в филогенезе, причем в качестве уровней психического. Когнитивные образы, как и эмоции, у человека могут формироваться на всех уровнях психического по отдельности или взаимодействуя и накладываясь друг на друга, могут образовываться и межуровневые связи и структуры. Когда идет речь об уровнях эмоциональности у человека, целесообразно выделять уровень раздражимости, уровень ощущений (соответствующий поэлементной сенсорике по А.Н.Леонтьеву), уровень собственно эмоций или опредмеченных чувств, выражающий отношение к предмету восприятия, и уровень переживания, где чувства выступают как деятельность, что показано Ф.Е.Василюком (Василюк, 1984). Возможен еще пятый уровень эмоциональности, в котором эмоция осуществляется как ценность (Додонов, 1978). Когда эмоция дорастает до уровня ценности, начинается ее сознательное и произвольное культивирование во внутреннем мире и активное транслирование другим людям и социуму в целом. Другими словами, начинается объективация эмоции и ее отчуждение в сферу идеального. При этом юмор выступает как деятельность по созданию юмористического. Возможно это в творчестве и житнетворчестве (в его понимании Д.А. Леонтьевым) (Леонтьев Д.А., 2012). Понятие эмоций сохраняется в двух

аспектах: как название определенного уровня осуществления эмоций и как название всей сферы эмоционального. К. Изард считает неспецифичным и обобщающим понятием для обозначения всей эмоциональной сферы термин «аффективное» (Изард, 1999), но понятие аффекта имеет еще смысловой оттенок из сферы психопатологии, поэтому в качестве обобщающего термина сложилась традиция использовать термин «эмоция». Что касается соотношения понятий «эмоция» и «эмоциональная ткань», то вопрос это сложный, переходящий в вопрос о существовании отдельных эмоций или совокупных эмоциональных комплексов. На наш взгляд, понятие «эмоциональной ткани» отражает феномен вторичной интеграции эмоций, ранее дифференцировавшихся в филогенезе из потенциальной эмоциональности или даже ранее из биологического смысла деятельности. Понятие эмоциональной ткани более, чем понятие эмоций, подходит для характеристики сложных когнитивных типа восприятия искусства или юмора, комического образа, которые сформировались у вида "Человек" в ходе его истории. Сам юмор можно считать специфическим способом эстетизации действительности (Домбровская, 2010).

Согласно С.Л. Рубинштейну, «чувства комического, юмора, иронии, сарказма – это все разновидности смешного» (Рубинштейн, 1989а, с. 171).

Подчеркнем, что если М.М. Бахтин, анализировал в основном деятельность, так сказать «производства смеха», то С.Л. Рубинштейн акцентировал аспект восприятия, рецепции смеха. Для него смешное – это особое эмоционально окрашенное восприятие, обусловленное особенностями человека как субъекта.

Анализируя стадии и уровни развития эмоциональности, С.Л. Рубинштейн говорит о том, что над уровнем органической аффективно- эмоциональной чувствительности надстраивается уровень предметных чувств, соответствующих предметному восприятию и предметному действию (там же, с.167). Такими, по С.Л. Рубинштейну, чаще всего являются чувства любви и ненависти (с.169-170). А над ними, в свою очередь, надстраивается тот уровень, который он определяет как «мировоззренческие чувства», «аналогичные по уровню обобщенности абстрактному мышлению» (там же, стр.170). С.Л. Рубинштейн называет среди мировоззренческих чувств такие как чувство юмора, иронии, чувство возвышенного, трагического и т.п. Отнесение разновидностей чувства смешного к мировоззренческим чувствам роднит С.Л. Рубинштейна с М.М. Бахтиным и американским психологом Г. Олпортом, связывающим юмор с наличием жизненной философии. Важна и характеристика чувств, выделенная К.К. Платоновым – существование в чувствах понятийного компонента (Платонов, 1986, с.42), что позволяет перейти от отражения как простой рецепции внешних воздействий к их культурным формам. В развитии эмоциональности, как и в развитии личности, можно выделять и то, что К.К.Платонов называет уровнем направленности, когда возникает отношение к отражаемому фрагменту мира на основе опыта (Платонов, 1986, с.138).

Юмор наиболее проявляется именно как отношение к миру как к целому. По С.Л.Рубинштейну, «чистый юмор означает реалистическое «принятие мира» со всеми его слабостями и недостатками...» (Рубинштейн, 1989а, с.171), то есть и тем, что называют «адекватным» переживанием.

Повторим, что обобщенные чувства, к которым С.Л. Рубинштейн относит чувство юмора, иронии, чувство возвышенного, трагического и т.п., выражают более или менее устойчивые мировоззренческие установки личности (там же). Они соответствуют уровню деятельностного переживания, когда эмоциональная реакция вызывается не только внешним миром, но и внутренними установками и мотивами, и регулируется межуровнево. О возможности формирования межуровневых структур интегральной индивидуальности говорит А.И.Щебетенко (Щебетенко, 2007), однако о межуровневости эмоциональной регуляции поведения, деятельности и жизнедеятельности пока еще никто не говорил. Между тем, сложные, составные, культурно-исторические чувства типа ностальгии, несексуальной любви, неагрессивной ненависти и юмора, скорее всего, даже возникают как межуровневые феномены. Так, юмор может возникнуть между уровнем раздражимости от смеха и уровнем ценности предмета юмора. Юмор может возникнуть между уровнем ощущения нелепости или несоответствия в предмете и уровнем собственно чувства юмора как принятия предмета юмора. Юмор может возникнуть между уровнем ощущения Бытия и деятельностного переживания комичности этого Бытия. Возможны и другие межуровневые связи эмоций и их межуровневые структуры.

При каждом здоровом проявлении эмоции юмора у нее есть предметная отнесенность. У юмора не всегда есть цель (которая, как известно, характеризует любую деятельность), но всегда есть предмет, поэтому юмор всегда связан с психическим отражением. Что бы не вычленилось в объекте как предмет юмора – безобразие, нелепость, несоответствие, противоречие, ненормативность – это всегда восприятие или рецепция этой нелепости, несоответствия и т.д. в объекте. Возможен и активный поиск восприятий, окрашенных юмором, как возможна вообще и «гонка за эмоциями». Таким образом, к характеристике предметной отнесенности юмора добавляются характеристики субъектной активности, как внешне, так и внутренне направленной.

Повторим, что термин «чувства» наиболее подходит к уровню опредмеченных эмоций и тогда является синонимом термина «собственно эмоций».

Сложившаяся в языке идиома «чувство юмора» фиксирует предметную отнесенность юмора, без которой юмор не юмор, а ощущение или настроение. Одноуровневые ощущение и, вызываемые им смех или улыбка могут считаться эмоцией, но собственно юмором не являются.

Юмор, смех, улыбка на элементарно сенсорном уровне, как и на уровне простой раздражимости, скорее относятся к психопатологии и могут быть названы «аффектом» в узком смысле этого понятия. На уровне же

мировоззренческой установки (по С.Л.Рубинштейну) или переживания (по Ф.Е.Васильюку) юмор активен, субъектно обусловлен и ведет к продуктивному творчеству или жизнотворчеству. При этом понятие межуровневого переживания более полно характеризует деятельностный уровень чувства юмора, чем понятие установки, и поскольку последнее затрагивает одновременно и бессознательное, и интеллектуальное в человеке, то есть выходит за рамки теории эмоций, и поскольку установка – чаще одноуровневая и задается одной субдоминантой как очагом возбуждения по А.А. Ухтомскому без подключения фоновой субдоминанты. О межуровневости регуляции и межуровневости как принципе развития будет говориться подробнее в главе 3.

Логический анализ подходов к изучению эмоций

Уровни эмоциональности создают определенный уровень психологической реальности и создаются определенным уровнем психологической реальности. Однако для логического анализа существующих концепций эмоций выделения только уровней недостаточно. Необходимо еще и выделение типов. Оно сделано нами на основе различения эмоции как формы отражения и как мотивационной структуры. Но и это различие видится нам недостаточным, так как в его основе лежит более фундаментальное методологическое различие – различие и в психологических подходов: когнитивизма и деятельности, что ведет даже к противостоянию этих подходов в психологии, по крайней мере, в выделение когнитивной психологии в самостоятельную отрасль знания. Противостояние это снимается классическим, восходящим к А.Н.Леонтьеву, пониманием категории деятельности как основы психического. А также различением двух основных форм деятельности – деятельности когнитивной, в основе которой психическое отражение и энтропия психического, и деятельности производящей, в основе которой – созидаящая мотивация и энергия. С учетом вышесказанного современное знание об эмоциях структурируется следующим образом:

Таблица «Логический анализ подходов к изучению эмоций»

Тип деятельности ----- Уровень реальности	Рецепция/реактивность (Восприятие, отражение, интроекция)	Производство активность (Мотивация, проекция)
Ценность	Эмоция как ценность (Додонов)	Жизнетворчество (Леонтьев)
Переживание	Переживание как деятельность (Василюк) Дорфман	«эмоциональный комплекс» (фредизм), эмоция (Вилюнас)
Чувство (собственно эмоция)	Изард	Изард
ощущение	чувств. Ткань (Леонтьев А.Н., Василюк)	психопатология
раздражимость	Биодинамическая ткань (Зинченко В.П.)	биодинамическая ткань (Зинченко В.П.)

Таблица заполнена нами не в полной мере, но она охватывает практически все теории эмоций и представляет собой некую «структуру знания». Что касается классически выделяемых чувств в дифференциальной теории эмоций, то нужно сказать, что практически все чувства могут переживаться по обоим типам и по всем пяти уровням. Однако, у каждого чувства есть сложившийся и культивируемый тип переживания. Так для чувства юмора стандартен тип реактивности, восприятия (отражения) на уровне собственно эмоций. Для ностальгии, проанализированной Фенько (Фенько, 1993), уровень переживания и тип производства, для горя, проанализированного Ф.Е. Василюком (Василюк, 1988 – тип восприятия и уровень переживания. Любовь может осуществляться на всех уровнях по обоим типам, но на наш взгляд в современности ей характерен уровень активной ценности. Гнев переживается как производная, мотивационная эмоция на уровне ощущения. Посредством логического анализа теории и эмпирии эмоций возможно полнее заполнить вышеприведенную таблицу, и она представляла бы уже не систему знания о юморе, а систему экзистенции эмоций.

Эмоциональная ткань и предметный образ в чувстве юмора

Чувство юмора на уровне собственно чувств или собственно эмоций создает «эмоциональную ткань» юмористического образа. В своей концепции эмоциональной ткани искусства Л.Я.Дорфман определяет эмоции следующим образом: «В целом же эмоция есть двухкомпонентный эмоциональный гештальт. Он складывается из отражаемого содержания и собственно эмоционального переживания...» (Дорфман, 1997, стр. 146). Таким образом, сам Л.Я. Дорфман определяет эмоции в искусстве на уровне деятельностного переживания, что согласуется с пониманием восприятия искусства как деятельности. Однако, когда речь идет о юморе, мы полагаем, что эмоциональная ткань «вырабатывается» на уровне предметных чувств, лишь изредка дорастая до уровня деятельностного переживания. Во всяком случае, таков культурный стандарт, закрепившийся в языке в выражении «чувство юмора» (Домбровская, 2010б).

Понятие «эмоциональной ткани», впрочем, как и понятие «чувственной ткани», хороши еще тем, что поднимают вопрос о том, из чего эта ткань или ткань чего. С нашей точки зрения, это ткани сознания. А.Н. Леонтьевым в контексте теории деятельности были выделены следующие образующие сознания: личностный смысл, значение и чувственная ткань (Леонтьев А.Н., 1975). Ф.Е. Василюк акцентировал, что в качестве единицы сознания выступает образ, а леонтьевские составляющие сознания выступают как его структура (Василюк, 1993). Нами обосновано, что юмор в культурогенезе сознания формируется по закономерностям развития высших психических функций по Л.С. Выготскому из натуральных, биологических составляющих или эмоций смеха и улыбки в ходе их встречи с культурной составляющей – «комическим образом» (Домбровская, 2010 в). Юмор формируется как вторичная интеграция в более ранней эволюции дифференцировавшихся функций эмоциональности и образности. Он выступает как особый вид психического отражения, интегрирующий эмоции и образ, биологическое и культурное. Нужно отметить, что сформировавшись как функция, юмор закрепляется в сознании как его структура или психологический механизм или аффективно-когнитивная структура по К. Изарду (Изард, 1999, стр.7): «Теория дифференциальных эмоций рассматривает юмор как особый тип аффективно-когнитивного взаимодействия» (Изард, 1999, стр.137). В культивируемых стандартах юмора задает стандарт юмора именно комический образ, а не аффект или экспрессия смеха и/или улыбки, что отражается в народной мудрости: «смех без причины – признак дурачины». Юмор выступает как функция сознания, а не как функция аффекта: «юмор – высшая психическая функция развитого сознания и самосознания человека» (Домбровская, Леонтьев, 2000, с. 454). При этом сознание выступает как структура, реализующая функцию, которая сама превращается в структуру, которая может дорасти до способности, предрасположенности, установки, даже черты личности.

Суть юмора «в своеобразном отрицании, инверсии или расшатывании тех или иных атрибутов того, что выступает как объект юмора» (Там же). Атрибуты

объекта юмора выступают в сознании как комический образ. При этом одновременно воспринимаются и атрибуты объекта, и сам объект. Их качественное несовпадение создает комизм образа и вызывает смех и/или улыбку. Двойственность комического образа порождает юмористическое отношение, личностный смысл которого заключается в возможности индивидуальной и видовой трансценденции закономерностей, задаваемых объектным реальным миром за счет несовпадения образа объекта и образа его атрибутов. А значение фиксируется словом «юмор» как определенностью несерьезного (здесь нереалистического) отношения к объекту юмора. Атрибуты объекта юмора выступают как его предмет. Повторим, по культурному стандарту юмор существует только как опредмеченная эмоция, предметно отнесенная «чувственная ткань», то есть «эмоциональная ткань». И если для психолингвистических исследований, где исследуется слово или символ, более подходит понятие «чувственной ткани» как психического отражения на уровне ощущения, то для анализа искусства или юмора более адекватным оказывается понятие «эмоциональной ткани» как психического отражения на уровне предметных чувств. Понятие же «биодинамической ткани», введенное В.П.Зинченко (Зинченко, 1991) остается как обобщающее для вышеназванных обоих понятий и подчеркивающее не виртуальный, а материальный характер психического образа, оно выводит в проблему эволюции живого.

Юмор эволюционирует и как психическая функция и как психическая структура. Наблюдается все больший переход от реактивных к активным и произвольным формам юмора, в которых комический образ произвольно конструируется и транслируется другим. В понятии «биодинамической ткани» заложена идея активности, произвольности психического образа, его деятельностная природа. Юмор все более выступает как «психологическое орудие» личностной регуляции, где образ регулирует и смысл, и эмоциональную ткань переживания, а значение-конвенция в виде слова-метки «юмор» регулирует систему межличностных отношений, создавая особую юмористическую реальность общения.

Юмор эволюционирует в культурогенезе от генетически исходно простой эмоции, выполняющей согласно К. Лоренцу, агрессивную и/или сексуальную ритуальную функцию во взаимодействии животных (Лоренц, 1994), в структуру сознания в виде составной сложной «эмоциональной ткани» по Л.Я. Дорфману, и приобретает все более позитивную окраску, что позволяет К. Изарду рядопологать смех и радость. Затем в истории происходит вторичная трансформация юмора в функцию специфического отражения и деятельность по регуляции субъективной и объективной реальности. Как объясняет Х.Лэфкур, «трансформация изначально негативных смеха и юмора в добродетельную и терапевтическую ценность может отражать изменения в отношениях между людьми, произошедшие на протяжении веков» (Lefcourt, 2001, p.36). Согласно этому высказыванию юмор дорастает до ценности. По Б.И.Додонову – это эмоция-ценность. М. Рокич включает юмор в состав

инструментальных ценностей жизнерадостность, связанную с юмором (Леонтьев Д.А., 1992). Но, даже существуя на уровне ценности, юмор не теряет исходную эмоциональность и она проявляется в виде «эмоциональной ткани» того, что воспринято как комический (юмористический) образ. Экспертиза же эмоциональной ткани комического образа возможна с использованием методов ее исследования, описанных Л.Я.Дорфманом (Дорфман, 1997). Мы считаем, что необходимость в такой рекламе чаще всего возникает в коммерческой и политической рекламе с использованием юмора, при выходе на телевидении новых юмористических программ, для того чтобы определить то, что специалисты по гуманитарной экспертизой называют «закономерной реакцией» (Иванченко, Леонтьев, 2008). В случае полной стандартизации методики Л.В. Куликова «профиль чувств в отношениях» возможно ее использование в экспертизе отношения к юмористическим образам, так как кроме степени выраженности отдельных чувств, автором предложена их классификация на чувства гедонистические, астенические, меланхолические, а также чувства сближения и отдаления. Выраженность последних двух групп чувств может способствовать оценке привлекательности для покупки рекламируемого с юмором товара или вероятность отказа от него. Аналогичный метод может быть применен к оценке политических юмористических и серьезных образов с целью прогноза закономерно вызываемых ими массовых настроений. Подробнее о настроениях в главе 6.

Заключение по главе 1.

Методологический анализ подходов к изучению юмора показывает, что интегрировать и синтезировать разнообразие подходов позволяет методология и теория культурно-исторической психологии. Исторический анализ позволяет проследить, как изменяются контексты осмысления смеха и юмора от проблемы смеха как сущностно человеческой характеристики человека (Аристотель) до понимания юмора как характеристики, интегрирующей личность (Олпорт) и характеристики, связанной со смыслом (Делез). Логический анализ позволяет выделить уровни (реакция, функция, механизм, черта личности, социальный феномен) и типы (реактивный и активный) юмора. Теоретический анализ позволяет обосновать то, что родовым понятием, обобщающим все формы существования юмора, является понятие психологического орудия.

Анализ юмора в контексте проблемы эмоций позволяет различить психологические формы существования юмора как мотивационной структуры и формы психического отражения, а также обосновать сочетание в юморе его эмоциональной ткани и комического (юмористического) образа.

Глава 2. Психологический анализ культурогенеза юмора

Если в историческом обзоре в главе 1 мы рассматривали контексты осмысления юмора в философии, то задачей этой главы является рассмотрение философского знания о юморе в контексте проблемы его становления в истории культуры. В исторической психологии (Белявский, 1985, Шкуратов, 1994 и др.) и в других исторических направлениях психологии (Роменец, 1989, Боброва, 1994 и др.) эта проблема рассматривается мало, хотя встречаются описания интересных феноменов (Назаретян, 1995). Зато ей посвящены отдельные монографии в русле культурной антропологии (Козинцев, 2007), встречаются описания феноменов смеха и улыбки в этологии (Лоренц, 1994, Бутовская, 2004). В культурологии эта тема, особенно применительно к отдельным историческим периодам, проработана достаточно (Бахтин, 1990, Лихачев, 1984). В общепсихологических же работах по юмору поднимаются проблемы генезиса и развития юмора (Мартин, 2009 и др.), однако они проработаны недостаточно. Обусловлено это тем, что методологические основания используемых научных подходов недостаточны для осмысления такой сложной проблемы, как проблема генезиса и развития юмора. Достаточную теоретическую и методологическую базу для осмысления и интерпретации истории юмора дает только культурно-историческая психология. Внутренняя же методологическая рефлексия аппарата объяснительных и теоретических понятий культурно-исторической психологии выявляет его неполноту, которая восполняется нами посредством привлечения до сих пор внешних по отношению к культурно-исторической психологии понятий «культурогенеза» из культурологии, «ноогенеза» из философии и «комического образа» из эстетики. Метод интерпретации позволяет восполнить частую неполноту описаний и/или анализа феномена юмора в истории философии и психологии.

Рассматривая в этой главе культурогенез юмора в культурно-исторической парадигме, мы затрагиваем и проблему порождения нового знания, и проблему влияния нового знания на формирование психических функций. Мы используем понятие «культурогенеза», а не «формирования», поскольку полагаем, что в истории человека велика роль случайности, спонтанности и бифуркации (И.Пригожин), в связи с чем понятие «формирования», предполагающее наличие известной заранее цели формирования, было бы натянутым.

2.1. Стадии и механизмы развития юмора как высшей психической функции

Мы считаем возможным формулировать проблему психологического анализа становления юмора в истории человека именно как проблему культурогенеза, заостряя этим вопрос о том, что юмор есть продукт (и поздний продукт) культурно-исторического развития общества и сознания человека. В культурологии под культурогенезом понимается «один из видов социальной и исторической динамики культуры, заключающийся в порождении новых культурных форм и их интеграции в существующие культурные системы, а также в формировании новых культурных систем и конфигураций. Сущность культурогенеза заключается в процессе постоянного самообновления культуры не только методом трансформационной изменчивости уже существующих форм и систем, но и путем возникновения новых феноменов, не существовавших в культуре ранее» (Флиер, 1995).

Историко-филологические исследования слова «юмор» показывают, что в античности слова, обозначающего то, что мы сегодня называем юмором, не было. Само слово «humor» было, но оно обозначало «жидкость, влага» (напр.: Черных, 1994, с.459). Это слово было позаимствовано из обывденной речи медициной и превратилось в понятие «гуморов», определяющих темперамент, а в современной медицине стало понятием «гуморальной регуляции».

Согласно Л.С. Выготскому, «слово почти всегда готово, когда готово понятие» (Выготский Л.С., 1982б, с.19). Понятие о юморе в античности не было "готово". Это позволяет поставить вопрос о закономерностях культурогенеза юмора в ходе истории.

Стадия биогенеза смеха и улыбки и их первичной социализации

Анализ первых упоминаний о «смеховом» позволяет выделить две основные предпосылки юмора: 1) комическое, смешное и 2) смех.

Предпосылки юмора характеризовал Аристотель. Так, «смешное - это какая-нибудь ошибка или уродство, не причиняющее страданий и вреда, как, например, комическая маска» (Аристотель, 1998, с.1070). Предполагалось то, что люди осмысленно смеются именно над комическим. По Платону, смех может быть направлен на что угодно и может быть амбивалентным.

В феномене осмысленного смеха пересекаются и встречаются биологическая способность к смеху и идеальная способность к комическому восприятию. Согласно Л.С. Выготскому, это можно интерпретировать как то, что в юморе встречаются две линии развития человека - натуральная и культурная. А они являются основой высших психических функций. Юмор уже на заре своего культурогенеза развивается как психическая функция. Но на первой своей стадии, в соответствии с закономерностями формирования высших психических функций, описанными Л.С.Выготским, она выступает не как индивидуальная психическая функция, а как особая социальная активность.

Согласно А.Г. Асмолову, этот социальный прототип юмора выступает как феномен преадаптации, то есть возникновения в эволюционирующей системе полезных признаков до того, как они стали этой системе действительно полезны. (Асмолов, 2001, с.39).

Комическое восприятие и смех впервые «встречаются» в массовых действиях: в античных празднествах – сатурналиях и дионисиях, в античном театре (например, при массовом просмотре комедий Аристофана), при восприятии речей ораторов (например, Цицерона), особенно в импровизированных театральных действиях, когда ватаги ряженных бегали по пригородам – «komos» – к которым восходит этимология слова «комическое» (Аристотель, 1989, с.350). Сама этимология слова комическое, восходящая к komos (пригородам), задает стандарты формирования смехового и юмора. Комическое – это не магистраль культуры, а ее «пригород», «обочина», некоторый обходной путь. Ватаги ряженных, бегающие по этим пригородам и смешавшие людей, задают стандарт социальности юмора.

В древних комических действиях смеховое и зарождающийся юмор выступают как свойство вида Человек, разделенное между людьми. Юмор не осознается отдельным человеком как юмор. Он существует в виде понятия о смешном, которое эксплицировал Аристотель. А смех – биологическая реакция, он представляет собой «натуральную», природную основу юмора. Связка смеха и комического позволяет юмору постепенно отрываться от биологической основы за счет социальности смеховой деятельности и идеальности комического образа.

Цицерон мало пишет о смехе как таковом, но он формулирует «нормы» и функции шуток для их применения в ораторском искусстве. Он считает, что «в шутке первым делом надо соблюдать меру» (Цицерон, 1972, с.178). А воздействие шутки может быть следующим: шутка вызывает расположение к тому, кто шутит, она может восхищать, она может опровергать противника или «показывает самого оратора человеком изящным, образованным, тонким» и «она разгоняет печаль, смягчает суровость, а часто и разрешает шуткой и смехом такие досадные неприятности, какие нелегко распутать доказательствами» (Цицерон, 1972, с.178).

А Овидий даже учит смеяться: «открывать рот при смехе надо умеренно: на щеках должны быть видны две ямочки и нижняя губа – чуть-чуть приоткрывать низ верхних зубов...Смех должен быть...легким и чем-то женственным для уха!» (Овидий Назон, 1998, с.350; цит. по Станкин, 2003).

В Средневековье улыбка поощряется более, чем громкий смех. Она привязывается не к комическому образу, а к образам Христа и Мадонны. Связь улыбки и воспринимаемого идеального образа святости способствует развитию способности к психическому отражению и задает предпосылки формирования способности к обращению «улыбки» (и юмора) на самого себя, способствует индивидуализации смехового в дальнейшей истории.

Эволюционный смысл смеха зафиксирован Августином. Так, Августин следующим образом упоминает смех: «они (числа) не суть образы предметов. Пусть посмеется надо мной тот, кто этого не видит, и я пожалею его за этот смех» (Августин, 1989, с.157). Таким образом, он не просто описывает природу смеха от непонимания, от неспособности к абстракции, от грубости, «неотесанности культурой» личности человека, но определяет смысл смеха как «компенсаторный» (Выготский Л.С.) или «неадаптивный» (Асмолов А.Г.). Смех создает возможность установить пробел понимания, задать вопрос о понимании абстракции другому человеку.

Стадия социогенеза юмора

Социальность, присущая раннему юмору, максимально проявилась в ренессансной культуре, описанной М.М.Бахтиным на основе творчества Ф.Рабле. Среди широких народных масс была популярна «культура смеха» - регламентированные временем досуга словесные игры, нарочитое обжорство, карнавальное шествия и переодевания, изменяющие образы людей, сопровождающиеся заразительным, направленным друг на друга, на себя и на весь мир остроумием и смехом (Рабле, 2001, Бахтин, 1990). Способность человека к юмору выступала как разделенная между людьми психическая функция. «Отношения между высшими психическими функциями были некогда реальными отношениями между людьми, коллективные, социальные формы поведения в процессе развития становятся способом индивидуального приспособления, формами поведения и мышления личности» (Выготский, 1984 а, с.221).

Стадия ноогенеза юмора

Одновременно происходило и возвышение комического восприятия, отрыв его от чувственной основы смеха. Так, комическое становилось способом особого осмысления мира в его целом. Примером этому служит само название Данте – «Божественная комедия» (Данте, 1986).

В разделенной между людьми способности к юмору - «смеховой культуре» - обнаруживается психологический механизм социогенеза юмора.

Согласно А.Г. Асмолову, «под социогенезом в психологии понимается происхождение и развитие высших психических функций, личности, межличностных отношений, обусловленное особенностями социализации в разных культурах и формациях» (Асмолов, 2001, стр.160). Он выделяет такие механизмы социализации как подражание и идентификация (там же, стр. 161). В случае трансформирования понятия комического в способ осмысления мира, которое произвел Данте, обнаруживается механизм ноогенеза юмора.

Понятие «ноогенез» выросло из представлений В.И.Вернадского (Вернадский, 1989) и Т. Шардена (Шарден, 1965) о «ноосфере» и активно введено в научный оборот А.Л. Ереминым как понятие, объясняющее эволюцию интеллектуальных систем (Еремин, 2005). Мы же под ноогенезом понимаем процессы отчуждения психического, которые проявляются в формировании сферы идеального, как ее понимал Э.В. Ильенков (1991), или «ноосферы», в которой презентуется отчужденное знание, которое, в свою очередь, влияет на психологию людей. Основными психологическими механизмами ноогенеза являются индивидуальное обобщение социальных представлений и порождение нового знания. Использование понятия «психологических механизмов ноогенеза» объясняет тот переход в современной культуре, который А.Г. Асмолов обозначил как «...переход от режима употребления, усвоения культуры – к режиму конструирования различных социальных миров» (Асмолов, 2001, с.91)

Механизм ноогенеза (как индивидуального оформления представлений) обнаруживается у Бена Джонсона в комедии «Каждый вне своего нрава», 1599). Он пишет так:

«... в теле человека

Желчь, флегма, меланхолия и кровь,

Ничем не сдержанные, беспрестанно

Текут в свое русло, и их за это

Назвали humours. Если так, мы можем

Метафорически то слово применить

И к общему расположению духа:

Когда причудливое свойство, странность

Настолько овладевают человеком,

Что... по одному пути

Влечет все помыслы и его чувства,

То правильно назвать нам это - humour»

(перевод М. Заблудовского, приводится по Будагов; 1971, стр.181)

В этом уникальном тексте видно как происходит «метаморфоза», трансформация идеи биологического (гуморальные жидкости Галена и Теофраста) в идею внутреннего («расположение духа»). И затем это внутреннее, психологическое детерминирует поведение человека. Это механизм персоногенеза личности (А.Г. Асмолов) и механизм ноогенеза юмора, того, как складываются и оформляются представления о юморе как таковом и того как рождается «Третий мир» по К. Попперу, его «универсум

объективного знания» (Поппер, 2002) или «ноосфера» по В.И.Вернадскому. Происходит и обновление значения слова. Значение слова «humor» приобретает второе значение – «нрав, настроение». В этом значении слово «юмор» сохраняется как омоним «чувства юмора» в современных английском, польском языках, хотя в русском языке у слова «юмор» имеется только современное, третье его значение, о котором будет сказано позже.

Сама способность к юмору трансформируется. Из разделенной между людьми функции юмор превращается в свойство личности, а строго по Бену Джонсону – свойство характера. В тот период произошло и становление того, что мы называем комедией характеров. Развивается и комедия положений, комедия ситуаций. Жан Поль осмыслил театральную комедию как равноправный жанр высокого искусства, служащий целям воспитания эстетического восприятия. Юмор же он считал свойственным (в свою историческую эпоху) не всем, а немногим: «Все серьезное для всех, юмор существует для немногих, и вот почему: он требует духа поэтического, духа вольно и философски воспитанного, который принесет с собой не пустопорожний вкус, а высший взгляд на мир» (Жан-Поль, 1981, с.128). Таким образом, юмор, комедия выступали как средство развития личности.

И. Кант писал уже о юморе как индивидуальной способности человека, как о таланте человека, у которой есть внутренняя сущность – «игра представлений» (Кант, 1966, с.352). Это еще и пример интеллектуализации, идеализации чувства юмора. Кант пишет об этимологии немецкого слова «юмор» (Laune), что оно как бы отслоилось от слова «Lanier» – веселость – и обозначает способность произвольно приходить в хорошее расположение духа (Кант И. 1966; стр.355-356). Таким образом, у юмора появляется внутренняя опосредованность – «игра идей» и произвольность. В хорошее расположение духа, по Канту, человек приходит именно благодаря идеальному знаковому опосредствованию юмористического акта «игрой идей». Опосредованность и произвольность, согласно Л.С. Выготскому – это еще два признака высших психических функций, которые человек приобретает в ходе истории.

К 19 веку юмор становится свойством присущим уже не только избранным, а всем или почти всем. Под влиянием развития «массового общества», доступности знания, вовлечения широких слоев населения в социоисторические процессы, стиранием резких отличий «высокой» и народной культуры, юмор становится реальной или потенциальной способностью. В отличие от ренессансного смеха, юмор – это уже не свойство, разделенное между людьми, а свойство отдельной личности. Юмор массовизируется, с одной стороны, а с другой стороны, дифференцируется на типы и оттенки. Это находит отражение и развитие во взглядах философов и эстетиков 19 века (см.: Рюмина, 1990, Гилберт, Кун, 2000).

А. Бергсон полагает, что обязательным условием смеха является способность смотреть на вещи под особым эстетически-игровым углом зрения. По А.

Бергсону, смех как метафизическая категория занимает промежуточное место между сферой эстетического и сферой повседневности. Задача смеха – побеждать автоматизм в живом (Бергсон, 1992, с.21), и этим давать свободу эволюции живого. Способность к эволюционированию – это видовая способность человека. Вместе с человеческой личностью эволюционирует и юмор. А точнее, становящаяся в ходе истории способность к юмору и смеху служит одним из средств эволюции психики. Юмор как некая «остановка» в привычном, автоматическом ходе событий, создает прерывистость, эксцесс в функционировании человеческой психики. Юмор как эксцесс в непрерывности психического создает предпосылки для развития свободы и вариативности личности, предпосылки для индивидуальной эволюции.

В 20 веке внимание к юмору проявилось прежде всего у психологов. Наибольшее значение для ноогенеза юмора имели взгляды З.Фрейда и Г. Олпорта. З. Фрейд описал юмор как механизм психики, противоположный вытеснению. Юмор, по З. Фрейду, не скрывает вытесненные содержания сознания, а приоткрывает их, «Юмор является средством получения удовольствия, несмотря на препятствующие ему мучительные аффекты». (Фрейд, 1991, с. 398) . Г. Олпорт характеризует чувство юмора как аспект самообъективации: способности, трансцендирующей и интегрирующей личность, рядоположенной религиозному чувству (Allport, 1988, с. 177). Позже В.Франкл говорит о юморе как о проявлении антропологической характеристики человека – способности к самоотстранению: «Юмор относится к существенным человеческим проявлениям, он дает человеку возможность занять дистанцию по отношению к чему угодно, в том числе и к самому себе, обрести тем самым полный контроль над собой» (Франкл, 1990, с. 343-344).

Вышеназванные мыслители во многом не только фиксировали, но и формировали представления о юморе. Специфика юмора такова, что он формировался в ходе человеческой истории рука об руку с формированием личности и под влиянием тех мыслей о юморе, которые излагали и популяризировали мыслители (лидеры общественных мнений). В связи с этим можно говорить не только о социогенезе чувства юмора, но и о его ноогенезе. Понятие ноогенеза, понимаемое прежде всего как индивидуальное оформление представлений, а также порождение нового знания, дополняет представления о биогенезе, социогенезе и персоногенезе А.Г.Асмолова. В концепции исторической эволюции вида Человек А.Г. Асмолова понятие ноогенеза выглядит избыточным, но мы считаем, что оно хорошо описывает роль индивидуальной ноогенной деятельности, которая в терминах А.Г. Асмолова и В.А. Петровского может описываться и понятием «нададаптивной активности».

В 20 веке произошло формирование «массового общества» и плюрализация культуры. Налицо разнообразие точек зрения на юмор и исследовательских подходов к его изучению (См.: Иванова, Ениколопов, 2006; Мартин, 2009).

Если в эпоху Ренессанса, в период своего социогенеза, зарождающийся юмор способствовал предотвращению кризиса культуры, гармонизировал разнонаправленные тенденции, то по мере своего развития юмор все более становится фактором управления общественным мнением, причем произвольно используемым фактором. Современный телевизионный юмор ушел от темы политики, перешел на темы обыденной жизни, эксплуатирует тему «маленького человека». Способствует ли это становлению гражданского общества или отвлекает внимание от «больших» тем политики, культуры? На эти вопросы ответа пока нет. Юмор находится в процессе развития, как находится в процессе развития и человеческая личность и сама природа человека. Своей эксцессивностью, опосредованностью, произвольностью юмор приоткрывает свободу и вариативность человеческого существования.

Стадия интериоризации и развития юмора

Юмор в своем социогенезе зарождается из полифонической смеховой культуры. Будучи интериоризованной, полифония смеховой культуры превращается в диалог личности с личностью, а затем во внутренний диалог. Во внутреннем диалоге, который является не только рефлексией «полюса субъекта и полюса объекта» (Леонтьев Д.А., 2009а), не только рефлексией полюса субъекта и полюса субъекта другого человека, а «расщеплением» личности на два «голоса» в их понимании М.М.Бахтиным (Бахтин, 1972). Ими могут быть «Я-центр» и «Я –образ» как при системной рефлексии (Леонтьев Д.А. Салихова, 2007) при прогрессивном развитии личности или «я идеальное» и «я реальное», «я прошлое» и «я настоящее» или проблемном или даже при регрессивном развитии личности. Как пишет Д.А. Леонтьев, «Юмор в своих высших формах — обращенный на самого себя – безусловно связан с внутренним диалогом, с расщеплением Я на Я-субъекта и Я-объект, с возможностью взгляда на себя со стороны» (Леонтьев Д.А., 2013). Обращение чувства юмора субъектом на самого себя создает возможности самотрансценденции и даже самодистанцирования в его понимании В. Франклом (Франкл, 1990). Межличностный диалог и внутренний диалог служат развитию личности и ее возможностей. Поскольку возможна самотрансценденция человеческой природы в отчужденную «ноосферу», возможно и дорефлексивное самотрансцендирование в межличностных или внутриличностных актах юморения. При обращении юмора на самого себя создается другой образ самого себя, до которого потом «дотягивает» «Я-реальное». Предметный образ становится «двойным», недоопределенным, устремленным в будущее. Будучи принятым рефлексирующей личностью, он создает возможности и для сознательного саморазвития. Юмор меняет принципы регуляции жизнедеятельности, которые и так менялись на протяжении истории, что обосновано Д.А. Леонтьевым (Леонтьев, 2007). Если в средневековой культуре юмор был «действием», регулирующим

общественные отношения, то в современности юмор все более становится деятельностью, выводящей личность и общество на уровень саморегуляции. «...усложнение форм регуляции и превращение ее в саморегуляцию выступает как универсальный принцип развития форм активности как на субчеловеческом, так и на человеческом уровне, как в филогенетическом и историко-генетическом, так и в онтогенетическом и актуалгенетическом аспектах рассмотрения, как применительно к человеку как саморегулируемой системе, так и применительно к более частным подсистемам и наоборот, к большим микро- и макросоциальным системам» (Леонтьев Д.А., 2007а, с.72). Но возможность перехода к другим формам регуляции существует именно благодаря прерывистости психического, в том числе и посредством юмора. Юмор формирует личностный потенциал, изменяя принципы отражения действительности и «прерывая» непрерывность психического.

Юмор, оформившийся в культуре посредством психологических механизмов ноогенеза, сам формирует ноогенез субъектного знания, идеальные и отчужденные формы презентации знания, а также и персоногенез личности, в котором возможны свобода и открытость (Домбровская, 2010б). Д.А. Леонтьев красиво сказал, обобщая наши научные разработки проблемы юмора, что главная особенность юмора заключается в его связанности с развитием (Леонтьев Д.А., 2013)

Таким образом, в культурогенезе психического юмор сформировался по закономерностям развития высших психических функций, и в его развитии можно выделить следующие стадии:

1. Стадия биогенеза смеха и улыбки и их первичной социализации.
2. Стадия социогенеза юмора.
3. Стадия ноогенеза юмора.
4. Стадия интериоризации и персоногенеза юмора.

Механизмы же биогенеза, социогенеза, ноогенеза и персоногенеза пока недостаточно изучены и/или проинтерпретированы в науке, однако их понимание важно для понимания принципов эволюционирования психического в культурно-историческом развитии вида Человек. А эволюционирование психического тесно связано с использованием юмора как средства развития личности, общества и науки. И к выделенным нами стадиям можно добавить еще стадию 5 – использование юмора как средства развития. Об этом подробнее будет сказано дальше.

2.2. Эволюция подсознательного образа юмора в культурном развитии

Юмор формируется на основе двух предпосылок или, в соответствии с терминологией Л.С. Выготского, на пересечении двух «составляющих» или «линий развития»: природной, натуральной (смех, улыбка) и культурной (комический образ). В современности юмор все более «отрывается» от природной составляющей и все большее значение имеет юмористический образ, у которого натуральная составляющая существует лишь в виде эмоциональной ткани. Постепенно происходит и рефлексия представлений о юморе. Такая рефлексия выражается в вышеизложенных исторических представлениях о юморе. Но эта рефлексия осуществляется и в бытующих образах самого юмора. Осуществляется над подсознательным уровне, уровне промежуточном между классическим бессознательным мотивационным «Оно» З.Фрейда и уровнем культурного знакового сознания. На первый взгляд подсознательность представлений о юморе нарушает принцип феноменальности в развитии человека, который согласно М.Анри заключается в том, что «свет феноменальности отделяет человека от прежнего состояния темноты, он и есть сознание» (Анри, 1994), то есть принцип феноменальности выступает как принцип взаимопереходов бессознательного, подсознательного, сознательного, рефлексивного. Психологическим же механизмом феноменологизации бессознательного в сознание является продуцирование образов и их фиксация в знаковой форме. Нужно признать, что знаковая фиксация образов в эволюции живого появилась только у человека в виде пещерных изображений, чаще всего особенно в египетской культуре пиктографических. Позже появились вербальные образы в виде метафор.

В истории эти образы также эволюционируют. Мы считаем анализ этой эволюции бесполезным и небезинтересным. Для него привлекаем понятие «архетипа», введенное К.Юнгом. Использование этого понятия в реализуемом нами культурно-историческом подходе опять поднимает вопрос о том, является ли юмор поздним продуктом культурно-исторического развития человека или еще в древности, по крайней мере, в античности, когда человек начал фиксировать свою историю, юмор существовал как некая «структура сознания», «первообраз», «архетип». По большому счету, это неразрешимая проблема психологии, которая входит в контекст общенаучной проблемы константности-изменчивости природы человека. И хотя в работах Юнга не находятся высказывания о том, что природа человека константна, из его работ можно сделать вывод о том, что «структуры психики», архетипы константны, несмотря на изменчивость конкретных образов архетипов. Психологию Юнга чаще называют «аналитической», «но «архетипическая» более адекватно соответствует его собственному построению как целому и в плане обширных приложений помимо самого анализа. «Архетипическая» также более точно описывает юнговский подход к основам психического» (Хиллман, 1996, с.7). Это связано с тем, что основная структурная идея концепции Юнга – идея «архетипа» (Хиллман, 1996, с.7).

На сегодня еще не вполне осмыслена роль концепции Юнга в совокупной динамике и структуре психологического и общекультурного знания. Но под названием «архетипическая психология» концепция Юнга в большой степени альтернативна историко-эволюционной идее развития психического, и находится в специфических отношениях с культурно-исторической психологией.

Специфика этих отношений заключается в следующих моментах: 1) Как уже было обозначено выше, идея константности (вечности) психического, присущая Юнгу, противостоит идеям изменчивости, вариативности и эволюционированию психического в культурно-исторической психологии. Но учитывая высказывание В.П. Зинченко о том, что образы являются «культурными медиаторами» (Зинченко, 1993), это противостояние архетипического и культурно-исторического подходов разрешается в пользу культурно-исторического подхода. Он как бы поглощает архетипический подход к интерпретации психического. 2) Аналитическая или архетипическая психология традиционно ориентирована на практику, на анализ образов, символов, архетипов. Культурно-историческая психология в своих истоках от Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева все же ориентирована на теоретический анализ эволюции психического в предистории, истории и онтогенезе человека. Во многом культурно-историческая психология, несмотря на все различия, повторяет путь исторической психологии, в которой строго доминирует теория и «психология социологии», она движется к историко-эволюционной психологии, в самом названии которой заложена идея эволюционирования психики в культурной истории вида «человек». Однако теория и практика все чаще пересекаются и дают друг другу материал для анализа. 3) Проблема альтернативности или поглощения (или даже взаимопоглощения) подходов не решаема на сегодня. Она в некоторой степени снимается в давно существующем, но требующем развития понятии «высших психических функций», введенном Л.С.Выготским. Но выделение архетипического подхода, как относительно самостоятельного, полезно для такого сложного феномена как юмор. Оно позволяет поставить вопросы о культурных образах юмора в истории человечества и о современных образах юмора. Ведь юмор - это «высшая психическая функция развитого сознания и самосознания личности» (Домбровская, Леонтьев, 2000). Образ является одной из функциональных, деятельностных и онтологических характеристик. Образное мышление как функция опосредствуется уже сложившейся и функционирующей системой культурных образов (включая пиктографию и само слово, за которым тоже кроется образ). Юмор как функция формируется на стыке комических образов (культурная составляющая высших психических функций) и психофизиологических реакций смеха и улыбки (натуральная составляющая высших психических функций), однако именно образ (психическое отражение), а не физиология смеха и улыбки задает вектор развития юмора и в истории и в онтогенезе.

Образ юмора в истории культуры

Слово «юмор» этимологически сложно, однако в этимологии есть устойчивые смысловые связи различных значений слова, что позволяет сблизить архетипический и этимологический подходы, а также рассматривать этимологию слова «юмор» как «слова-архетипа». Понятие «слова-архетипы» употреблял Г. Шпет (Шпет, 1922), Р.А. Будагов говорил о том, что есть «слова-ключи» к человеческой психике и одним из таких слов является слово «юмор» (Будагов, 1971). О том, что в культуре есть «ключевые слова», раскрывающие суть культуры, говорит А. Вежбицка (Вежбицкая, 2001). Слово «юмор» является своего рода ключом к культуре и к культурному сознанию современного человека. И во многом ключ этот содержится в этимологии слова. Нужно сказать, что у современного значения слова «юмор» есть предшественники: в 17 веке было распространено значение слова юмор - «нрав, настроение», в античности – «влага, жидкость» (например, Черных, 1994).

Слова-ключи имеют под собой глубокий пласт культуры, который можно считать архетипическим. А архетипы, согласно К. Юнгу, представляют собой манифестации глубокого слоя бессознательного, где дремлют общечеловеческие образы (Юнг К., 1994, с.105). Архетипический образ основан на аналогии (там же; стр. 192). Архетип, согласно К.Юнгу, характеризуется тем, что существуют некие первообразы, «мыслеформы», которые представлены человеку чаще всего в персонифицированной форме. Какой образ, кроме жидкости, в согласии с этимологией, стоит за образом юмора? Аристотель связывает комический образ, который наряду с биологическим смехом, представляет собой предпосылку юмора, с маской (Аристотель, 1998). Жан-Поль замечает то, что у юмора природа Протея (Жан-Поль, 1982). Протей - морское божество и отличается тем, что может принимать различные образы, его природа многолика, изменчива, текуча, он обладает многознанием (Мифы народов мира, 1992, с.342). В современности к интерпретациям смешного привлекается еще и образ двуликого Януса, что зафиксировано в самом названии книги М.В. Бороденко – «Два лица Януса-смеха» (Бороденко, 1995а).

Если продолжать искать персонифицированный образ юмора, то он находится и в образах юродивого, клоуна, шута, дурака. Анализу этих культурных феноменов посвящены многочисленные работы (напр. Лихачев, 1984, Лотман, 1992). Причем русское слово «юродивый» еще и по звучанию согласно народной этимологии может восприниматься близко слову «юмор». Стоит отметить то, что само явление юродствования не вполне изжило себя, оно используется современными политиками для манипуляции общественным сознанием (Домбровская, 2000б).

Архетипическим можно считать и эксплицированный Ч. Чаплином образ смешного «маленького человека» (Чаплин, 1990). Причем, это едва ли не

самая существенная «экспликация» юмора, поскольку именно образ частного человека связывается Ж. Делезом с юмором как способом маленького человека за счет «подвешивания смыслов» участвовать в функционировании «Закона» и тем самым в большой политике (Делез, 1992).

Юнгиански ориентированные маркетологи М. Марк и К. Пирсон используют образ шута как один из архетипических образов, с помощью которых, на их взгляд, только и возможно создание эффективной рекламы (Марк, Пирсон, 2005). Важно то, что в своей системе координат «принадлежность-самопознание» и «стабильность-изменчивость» они располагают шута как сохраняющего баланс стабильности-изменчивости, но при этом находящегося на полюсе социальной принадлежности (там же). Таким образом, они еще фиксируют социальность юмора. Что касается вопроса, когда актуален юмор и, в частности, актуален архетип шута, они пишут следующее: «Самую большую помощь Шут оказывает нам, когда мы загнаны в ловушку цейтнота. Шут великолепен при мозговом штурме. Самым важным аспектом маркетинга Шута является ум. Шут, живущий в каждом из нас, любит неистовые, умные новые способы смотреть на мир» (там же, с.192). Архетип юмора оказывается актуальным тогда, когда существует дефицит традиционных формально-логических способов мышления, но когда жизненно необходимо что-нибудь осмыслить.

Учитывая этимологию слова «юмор», архетипическим образом юмора является не только персонифицированный образ, но и жидкость, текучесть. То есть то, что, по К. Юнгу, является архетипом самого бессознательного. Архетип юмора как бы сливается с архетипом бессознательного. Этим объясняется популярность использования юмора для трансформации общественного и индивидуального сознания.

Для современного культурного сознания этимология слова «юмор» связана с гуморальной регуляцией - что, условно говоря, соответствует биологическому способу регуляции жизнедеятельности, с настроением – что соответствует социальному способу регуляции, и с юмором-знаком, что соответствует идеальному способу регуляции. Этимология создает связку природного и культурно-знакового, создает образ целостности и системности.

Поиск архетипа юмора – дело спорное, любой предложенный образ может быть как обоснован, так и опровергнут. Однако, некая предпосылка человеческой психики должна была существовать для того, чтобы в ходе истории могли развиваться современные формы юмора. Архетипический подход полагает юмор как некую неизменную сущность, выражающуюся в образе. Образ – это и есть предмет. Архетипический подход находит этот образ-предмет юмора в образе человека и его бессознательного. То, что не поддается формально-логическому пониманию, воспринимается как смешное, юмористическое и своеобразным образом осмысливается.

Современный невербальный образ юмора

В первой части нашего поискового эмпирического исследования современного образа юмора мы ставили испытуемым задачу нарисовать юмор и давали следующую инструкцию: «Подумайте 10 минут и нарисуйте на листе бумаги юмор - так, чтобы было понятно, что это юмор». Удивительно для нас, но потребности в комментариях инструкции не возникло. Испытуемыми выступали молодые люди в возрасте 18-20 лет, 7 юношей и 15 девушек. Несмотря на немногочисленность выборки, мы получили интересные результаты, которые поддаются классификации. Возможно, что в связи с немногочисленностью выборки, данные носят более социологический, чем психологический характер, то есть отражают специфику выборки, но мы считаем, что они отражают и общие характеристики «архетипа» юмора.

Так 10 человек нарисовали лицо с улыбкой, причем 5 из них нарисовали отчетливо только улыбку, а само лицо схематически. Только у 3 человек из них однозначно идентифицируется то, что это лицо человека. Остальные 7 лиц можно отнести к неким недоопределенным существам. 1 из них типа солнца. 3 лица принадлежат животным.

2 человека нарисовали только улыбку. 1 человек нарисовал знак современной культуры – смайл. 1 человек нарисовал смеющееся животное – свинью.

8 человек нарисовали полностью человека. Причем только 2 из них – клоунов. 5 из них нарисовали несколько человек сразу в ситуации взаимодействия.

1 человек нарисовал туалет. 1 человек – дрожащего от удара тока человека. 1 человек – спортсмена с гирей в одной руке и бутылкой, подписанной «допинг» в другой руке. Он же нарисовал молоко на столе и водку под столом, и еще автомобиль.

В рисунках 5 человек присутствует язык, В рисунках 9 человек присутствуют зубы.

Показательно, что в рисунках «всплыла» тема алкоголя, которые могут быть стимуляторами своеобразного «алкогольного юмора» (Братусь, 1988) и допинга, который также связан с специфическим весельем (Рейковский, 1979), всплыла тема туалетного юмора, популярного, например, в Англии (Майол Э., Милстед Д., 2001), и все более распространяющегося у нас. Удивительно для нас, что проявилась неочевидная связь образа юмора и образа автомобиля, замеченная Д.Гольдштейном, Д. Шульцем и С. Антони (Goldstein J, Suls J., Antony S., 1972). В образах юмора и автомобиля, однако, есть общая для них неуловимость, изменчивость и по исследованию указанных авторов – агрессивность. Возможно ли в рисунках юмора интерпретировать прорисованные зубы и язык как связь юмора с агрессивностью (Лоренц, 1994) и «болтливостью» в соответствии с

интерпретациями теста «несуществующее животное» – вопрос, на наш взгляд, открытый.

Таким образом, своего рода современным культурным образом юмора можно считать образ человека или знак человека (лицо, улыбка). Это необязательно образ шута. Но это недоопределенный, часто пиктографический, образ. Он может быть единичным (у нас 19 человек) или множественным (3 человека предложили сразу несколько образов юмора).

Современный вербальный образ юмора

Во второй части нашего эмпирического исследования мы предлагали тест «свободных ассоциаций» со следующей инструкцией: «За 3 минуты напишите все слова, которые вызывают ассоциируются у вас со словом «юмор»». Испытуемыми было записано от 4 до 18 ассоциаций, большинством (8 человек) по 6 ассоциаций. Среднее количество ассоциаций со словом «юмор» также 6. С юмором оказалось ассоциировано 65 слов (понятий), причем одна из ассоциаций – это пословица «смех продлевает жизнь», причем дословно написанная неточно, в варианте «смех продолжает жизнь». И одна из ассоциаций – междометие «ха-ха-ха». Однозначные синонимы нами объединялись в группы. Поскольку экспертная оценка нами не применялась, мы не объединяем ассоциации в более крупные классы, а приводим лишь статистические данные.

Получились следующие ассоциации: смех (21 человек), радость (17), улыбка (16), настроение (9 человек у пяти из них уточнение, что «хорошее настроение»), веселье (11), анекдот (7), счастье (6), юмористы (6), клоун (4), шутка (4), успех (3), удача (3), слезы (3 человека, из них 2 уточнили, что «слезы радости»), смешные слова (3), смешные фильмы (3), смешные люди (3, причем они назвали конкретные имена своих друзей), эмоции (3), прикол (3), позитив (3), смайлик (2), удовлетворение (2), смешные картинки (2), учеба (2), праздник (2), красота (2), развлечение (2), удовольствие (2), водка (2), пиво (2), отдых и по 1 – солнце, цирк, тепло, рот, розыгрыш, жизнерадостность, история, человек, пародия, расслабление, душа разговора, классно, нескучно, круто, хорошо, интерес, энергичность, креативность, хохот, творчество, тупость, ржач, трава, гербарий, дискотека, КВН, Djabel (последнее, подчеркнем, написано не по-русски).

Отметим, что по общему впечатлению от вербальных ассоциаций их можно оценивать как более позитивный образ юмора, чем рисуночный образ, хотя всплывают и здесь ассоциации, которые можно однозначно считать негативными.

Из нечастых эксплицированных испытуемыми ассоциаций нам видятся интересными ассоциации с творчеством (см. напр. Лук, 1975), с красотой, то есть эстетическим (см. напр. Домбровская, 2010), с Дьяволом (см. напр. Эко, 1989), жизнерадостностью (что совпадает с названием ценности в тесте Рокича, которая расшифровывается им именно как чувство юмора), с

развлечением (см. напр. Hornby, 1982), с удовольствием и удовлетворением (Фрейд, 1991).

Важно то, что юмор ассоциируется более со смехом (который является признаком биологического раздражения), чем с улыбкой (которая является признаком идеального отражения). Это говорит о том, что у подростков биологическая составляющая в юморе больше, чем составляющая идеальная и культурная. Но большая позитивность вербальных связей юмора, чем его невербальных связей, говорит о том, что вербальная культура трансформирует и «облагораживает» юмор. То, что юмор выражено ассоциируется с настроением, не всегда именно хорошим, подтверждает мысль о том, что в тайнах бессознательного кроется и этимология, то есть в психике современного человека сохраняются предшествующие филогенетические этапы.

Представленные эмпирические данные имеют теоретическое значение и они подчеркивают то, что для психологического анализа сознания и бессознательного клиентов аналитической практики возможно использование предлагаемых нами методов рисования и ассоциирования юмора. Причем полученные ассоциации выявляют индивидуальную специфику образа юмора и его возможности для усиления внутренней саморегуляции. А рисование «смешного человека» более проективно, чем рисование просто человека (Бороденко, 1995). Оно диагностирует проблемы саморегуляции и открывает возможности для поиска методов ее развития.

Таким образом, культурный образ юмора эволюционирует в истории культуры, а в современности является вариативным. Используя достижения архетипической психологии, культурно-историческая психология обогащает свои представления об эволюции культурных образов и ресурсах использования образов юмора для развития личности.

2.3. Рефлексивные представления о юморе в современной культуре.

Если предыдущие два параграфа этой главы были посвящены культурогенезу понятия и образа юмора в их диахроническом (историческом) разрезе, то этот параграф посвящен проблеме понимания феномена юмора в современной культуре, в которой присутствуют «голоса» всех времен. Понимание, согласно В.В. Знакову, это «познавательное отношение» (Знаков, 2005, с. 25), которое может быть выражено в «образе особого рода» (там же, с.17) и в определении (там же, с. 31), и полнота которого проявляется «в множественности вариантов интерпретации понимаемых фактов» в разных контекстах (там же, с.32). Согласно В.П. Филатову, понимание есть процесс выработки значений (там же, с.25). Определения, дефиниции (от лат. "definit" – ставить пределы) в отличие от понятий, задают значение слова в ноосфере, базис для формирования субъективного понятия. Задача построения

определения и есть формулировка или уточнение его значения (Философский словарь, 1986, с.342) или фиксирование смысла (Бочаров, 2010).

Психологически определение выступает как рефлексивное представление о явлении, заключающееся в феноменологизации бессознательного до сознания, а также в теоретизации обыденных представлений до научных.

Определения юмора как способы его понимания.

Как отмечает М.В.Бороденко, «определение «комического» представляет собой существенную трудность для всех наук» (Бороденко, 1995, с.5). Еще большую трудность представляет собой определение юмора. Толковые словари, философские, психологические и др. работы предлагают определения, которые чаще являются субъективными понятиями их авторов. При этом «Понятия спутались, язык же стал безвыходно единым» (Волошин, 1989, с.172-173) и «юмором стало много» (Жванецкий). Это находит отражение и в нашей работе: в широком смысле мы называем юмором и всю феноменологию юмора, которая представляет собой проявление функции юмора в истории, социальной и индивидуальной жизни, в научной и творческой деятельности человека, а в узком смысле - особое психологическое орудие личностной регуляции. Однако, проблема понимания феномена юмора в современной культуре остается открытой и требует своего прояснения и разрешения. В попытках систематизировать современные определения юмора мы сталкиваемся с тем, что проблема определения в философии разработана так, что существующие ее разработки не позволяют простой их перенос на проблематику юмора. Поэтому мы используем типологию определений из частной философской работы, посвященной проблеме человека.

Так, И.Т. Фролов пишет: «Как показывает многовековой опыт, возможны по крайней мере три способа ответа на вопрос «что такое человек?» Каковы его отличительные особенности, в чем его *differentia specifica*? Условно их можно обозначить как 1) дескриптивный, 2) атрибутивный и 3) сущностный» (Фролов, Борзенков, 2001, с.7). Эти три типа ответов на вопрос «что такое» и являются тремя основными способами определения понятий. Мы их дополняем еще четвертым типом – типом системного определения.

На основе анализа и обобщения различных представлений о юморе, существовавших в культурогенезе юмора и сосуществующих в современной культуре и науке, мы выделяем следующие типы и виды определений феномена юмора:

1. Дескриптивные определения. Отвечают на вопрос «какое».

А) Описательные определения. Они могут быть выражены через прилагательные. Так, исходя из воззрений Р. Жан-Поля на юмор, юмор может быть определен как нечто субъективное и протестическое (Жан-Поль, 1981).

Б) Оценочные определения. Они также формируются через прилагательные или могут быть выражены через них. Наиболее яркие примеры такого вида определений юмора – определения юмор через характеристики его как чего-то доброго или черного. Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон оценивает юмор как «1) юмор положительный (или оптимистический, юмор в узком смысле), 2) юмор отрицательный, сатирический и, наконец, 3) юмор примиряющий, преодолевший голое отрицание, иронический» (Брокгауз, Ефрон).

2. Сущностные определения. Отвечают строго на вопрос «что такое».

А) Толкующие определения. Они образуются через существительные или акцентируют их и часто тавтологичны по смыслу. Примером является определение С.И. Ожеговым юмора как понимания комического, умения видеть и показывать смешное, снисходительно-насмешливого отношения к чему-либо (Ожегов, 1991, с.917), а также П.Я. Черных юмора как «чувства смешного» (Черных, 1994, с.459).

Б) Генетические определения. Они могут быть иметь подвиды и формируются через описание этимологического значения слова или историю культурогенеза или актуалгенеза феномена. Пример этимологического определения приводит П.Я. Черных, проследивая историю слова «юмора» от латинского его значения «влага, жидкость» (античность), через французское «нрав, настроение» (средние века) к английскому значению «склонность к насмешке» (17 век) (Черных, 1994, с.459). Пример исторического определения юмора приводит Л.Е.Пинский: «Исторически юмор выступает как личностный преемник безличного древнейшего типа комического – карнавала» (Пинский, 1987, с.522). Генетическим определением было бы и определение юмора как производного от смеха и комического образа, на основе наших разработок проблемы юмора (Домбровская, 2010, с.54).

В) Категориальные определения. Они формируются через существительные, обозначающие как синонимичные, так и родовые категории. Примером определения юмора через синонимичную категорию является определение юмора как особого настроения (Брокгауз, Ефрон). Примером определения юмора через родовые категории является уже приводимый пример определения юмора как чувства (П.Я.Черных) и определения юмора В. Далем через особый склад ума (Даль, 1978, с.667), С.И.Ожеговым через отношение (Ожегов, 1991, с.917), Ю. Поповым через переживание (Попов, 1962, с. 599), А. Хорнби через способность (Hornbi, 1982, 1982), А.Н. Прохоровым через вид комического (Прохоров, 1984, с. 1562), а также определение юмора как вида смешного (Рубинштейн, 1989, с. 171).

3. Атрибутивные определения. Отвечают на вопросы «где, что и почему»

А) Субъектные определения. Традиция атрибуции юмора свойствам субъекта существует с античности, когда значением слова «юмор» было «жидкость, влага» в организме человека. Как характеристика субъекта юмор понимался Беном Джонсоном, называвшим словом юмор нрав, расположение духа

(настроение), и осознан в качестве таковой Жан-Полем. Лучшим же субъектным определением юмора остается определение юмора И. Кантом, понимавшим юмор как «талант произвольно приходить в хорошее расположение духа» (Кант, 1966, с.355-356).

Б) Объектные определения. Традиция атрибуции юмора объектам внешнего мира также начинается с античности, с определения Аристотелем смешного как «ошибки и уродства» (Аристотель, 1998, с. 1070). Жан-Поль усматривает объективную основу комического в контрасте (Жан-Поль, 1981), П. Мак Ги (McGhee, 1972), В. Рух (Ruch, 2008) в несоответствии, С.Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 1989б, с. 421) и др. в противоречии. И хотя М.М. Бахтиным осознано, что смех и юмор универсальны, и могут быть направлены на любой объект и даже на весь мир в целом, предметом юмора, выделяемым в объекте, является определенный уровень или тип противоречия.

В) Определения, характеризующие субъект-объектные отношения, то есть жизненный мир, возможно эксплицировать из юмористических воспоминаний С.Л. Рубинштейна о своей научной судьбе. Так он связывает юмор с тем, что называется «принятие мира» (Рубинштейн, 1989, с.171), и уточняет, что речь идет о принятии противоречивости мира (там же), из чего следует определение юмора как принятия противоречивости жизненного мира.

4. Системные определения. Отвечают на вопрос «что, где, как и зачем», задают то, что М.А.Холодная называет «парадигмальными понятийными системами» (Холодная, 2012, с.11) и практически совпадают с тем, что В.В.Давыдов называет теоретическими понятиями (Давыдов, 1972).

А) Психоаналитическое определение. Первым задал парадигмальное понимание юмора З. Фрейд, который писал: «юмор может быть понят как высшая из этих защитных функций. Он не скрывает содержания представлений, связанных с мучительным аффектом, от сознательного внимания, как это делает вытеснение, он преодолевает защитный автоматизм», превращая содержание юмора в удовольствие (Фрейд, 1991, с. 403-404).

Б) Семиотическое определение. Формулируется на основе исследований и интерпретации феномена комического М.В.Бороденко, где юмор подразумевается способность воспринимать и производить «комическое как контрзнак в системе установочной регуляции поведения» (Бороденко, 1995а), нацеленный на преодоление установочной ригидности.

В) Рационалистическое определение. Формулируется так: «юмор – высшая психическая функция развитого сознания и самосознания человека, отношение к себе и к окружающему, суть которого заключается в своеобразном отрицании, инверсии или расшатывании тех или иных атрибутов того, что выступает как объект юмора» (Домбровская, Леонтьев, 2000, с.454).

Г) Культурно-деятельностное определение. Формулируется как результат данной работы следующим образом: юмор – психологическое орудие личностной регуляции психического отражения и деятельности, целью которого является выявление, преодоление или снятие противоречий в объектах, каковым может быть и сам человек.

Отличия чувства юмора от других видов чувства смешного.

Согласно С.Л. Рубинштейну, «чувства комического, юмора, иронии, сарказма – это все разновидности смешного» (Рубинштейн, 1989а, с. 171). На основе его анализа разновидностей чувства смешного (Рубинштейн, 1989, с. 170-172) можно выстроить операциональные определения чувства комического, юмора, иронии и сарказма. Так, чувство комического выступает как чувство несоответствия, идея чего независимо возникла и изучается в американской психологии юмора П.МакГи (McGhee, 1972). Иронией является чувство предпочтения и возвышения одной из дилемм в объекте или в бытии и самого себя как субъекта, идея чего разработана в идее аксиоматизации посредством юмора А.Н.Розова (Розов, 1979). Собственно чувство юмора понимается как чувство понимания и принятия диалектики противоречий в объектах и в жизни, идея чего в русле возрастной психологии развивается Н.Ф.Кузнецовой (1990). Как пишет С.Л. Рубинштейн: «чистый юмор означает реалистическое «принятие мира» со всеми его слабостями и недостатками...» (Рубинштейн, 1989, с.171), а также противоречиями жизни (Рубинштейн, 1989б, с.421). Сарказмом же является усмотрение противоречий, но их неприятие. При этом противоречия могут восприниматься на различных уровнях. На основе концепции А.Н. Лука (Лук, 1975) мы формулируем понимание остроумия как интеллектуального чувства, позволяющего выявлять и показывать противоречия в виде острот, афоризмов, парадоксов. Согласно С.Л. Рубинштейну, «Чувства комического, юмора, иронии, сарказма – это все разновидности смешного» (Рубинштейн, 1989а, с. 171). На основе его анализа разновидностей чувства смешного (Рубинштейн, 1989, стр. 170-172) можно выстроить операциональные определения чувства комического, юмора, иронии и сарказма. Так, чувство комического выступает как чувство несоответствия, идея чего независимо возникла и изучается в американской психологии юмора П.МакГи (McGhee, 1972).

Иронией является чувство предпочтения и возвышения одной из дилемм в объекте или в бытии и самого себя как субъекта, идея чего разработана в идее аксиоматизации посредством юмора А.Н.Розова (Розов, 1979). собственно чувство юмора понимается как чувство понимания и принятия диалектики противоречий в объектах и в жизни, идея чего в русле возрастной психологии развивается Н.Ф.Кузнецовой (Кузнецова, 1990).Как пишет С.Л. Рубинштейн: «чистый юмор означает реалистическое «принятие мира» со

всеми его слабостями и недостатками...» (Рубинштейн, 1989, с.171), а также противоречиями жизни (Рубинштейн, 1989б, с.421). Сарказмом же является усмотрение противоречий, но их неприятие. На основе концепции А.Н. Лука (Лук, 1975) формулируем понимание остроумия как интеллектуального чувства, позволяющего выявлять и показывать противоречия в виде острот, афоризмов, парадоксов.

Все разновидности чувства смешного могут быть в разных сочетаниях выражены, объективированы в предметных формах культуры, жанрами которой в литературе является комедия, сатира, фельетон, анекдот, эпиграмма, в изобразительном искусстве – шарж, карикатура, комикс, в театре и кино – комедия, бурлеск, фарс. Чувство юмора как и другие разновидности смешного могут присутствовать и в неспециализированных жанрах, внося в них «изюминку» и блеск мировоззренческого уровня чувств.

Нужно сказать, что в современной культуре выражение «чувство юмора» и односложное «юмор» стали почти синонимами по смыслу. Однако, классическая идиома «чувство юмора» более подчеркивает рецептивный, воспринимающий, когнитивный его характер, а односложное «юмор» – деятельностный, активный и регуляторный характер. Сказать кому-то: «у тебя нет чувства юмора» обозначает «ты меня не понимаешь», «давай прекратим общение или выйдем на его новый уровень». Сказать кому-то «у тебя нет юмора» означает сказать: «ты не владеешь собой». И этим в большой степени намекнуть, что «тобой владеет противоречие».

При этом противоречия могут восприниматься на различных уровнях, которые по отношению к юмору мы выделяем приблизительно так: 1) неосоответствие норме (изучали Аристотель, Розов и др.) , 2) контраст(изучалось Жанполом) 3) несоответствие (изучалось МакГи), 4) собственно противоречие (Рубинштейн, Лук, Кузнецова и др.). Безусловно для более полного обоснования понимания чувства юмора как чувства противоречия в объекте и субъекте необходим экскурс в проблему противоречия в философии и особенно в логике, но это выходит за рамки данной работы. Однако очерченный ими путь развития чувства юмора как чувства противоречия весьма перспективен и для теоретических и для прикладных исследований юмора, может привести и к более глубокому пониманию специфики юмора, а также видов, типов и уровней противоречия. А понимание психологической природы противоречия ведет к развитию проблемы способностей в психологии, как способности легко и продуктивно овладевать противоречием в реальности и в сознании. Юмор как способность выступает как способность воспринимать, оценивать, трансформировать противоречия в объектах жизненного мира.

Итак, в современной культуре сосуществуют разные способы понимания феномена юмора, что отражается в его определениях, то есть рефлексивных представлениях. Возможность нового его «парадигмального» понимания кроется в выстраивании нами его значений как способности снимать

противоречие при его познании и как средства регуляции противоречий, и далее как средства развития Бытия человека в мире.

Заключение по главе 2.

Юмор формируется механизмами культурогенеза согласно закономерностям развития высших психических функций из биологической способности к смеху и улыбке и сформировавшейся в культуре способности создавать комические (юмористические) образы реальности. В культурогенезе юмора можно выделить стадии биогенеза смеха и улыбки и их первичной социализации, социогенеза, ноогенеза, а также стадию интериоризации и персоногенеза юмора. Представления о юморе формируются в культурогенезе в образной (архетипической) форме, главным образом в виде особого образа человека, что отражает связь развития психологической функции юмора и саморегуляции. В современной культуре сосуществуют различные способы понимания феномена юмора, что выражается в разнообразии типов его определений. Тенденция развития субъектного понимания феномена юмора заключается в определении его значения через понятие регуляции, а объектного – через противоречие.

Глава 3. Межуровневая модель регуляции Бытия посредством юмора

Целью этой главы является определение основных принципов, позволяющих приблизиться к пониманию психологических механизмов личностной регуляции Бытия посредством юмора. Принципы же любой модели регуляции основываются на определенном понимании природы человека, а в современности проблематика природы человека трансформируется в проблематику образа человека (Леонтьев Д.А.. 2009б). А в понимании последней возрождается проблема биологии начала 20 века – проблема «структурных уровней» живой материи (Дорфман, 1993). С.Л. Рубинштейн говорил о необходимости выделения уже не уровней материи, а уровней Бытия человека в мире, но в полной мере поставленную перед собой задачу не выполнил, а свел проблему уровней Бытия к проблеме соотношений человека и Бытия, раскрываемой в ракурсе проблемы роли субъекта в Бытии (Рубинштейн, 1976). и к проблеме жизненного мира как организованной иерархии способов существования субъекта (Рубинштейн, 1976, с. 262), выделяя далее мир природы и мир субъекта со своим жизненным миром и способом существования. Структурные уровни живой материи, как и уровни функционирования человека, уровни его Бытия и на сегодня однозначно не определены, но уже обсуждается проблема межуровневого взаимодействия

(Мерлин, 1988, Dabrowski, 1989, Щебетенко, 2007, Леонтьев Д.А., 2011б и др.).

Напомним, что в заключение к книге «Деятельность. Сознание. Личность» А.Н. Леонтьев говорил о проблеме уровней в психологии следующим образом: «возвращение целостного человека в психологическую науку, однако, может осуществляться лишь на основе специального исследования взаимопереходов одних уровней в другие, возникающие в ходе развития» (Леонтьев А.Н., 1974). А В.С. Мерлин сформулировал, что «саморегуляция и саморазвитие большой системы возможны только потому, что она состоит из нескольких относительно замкнутых подсистем, находящихся в иерархическом отношении друг к другу. Относительная замкнутость каждой подсистемы обеспечивает ее относительную автономность от других систем и тем самым достаточное количество степеней свободы в реакциях большой системы на многообразные внешние воздействия. Иерархическое соотношение подсистем обеспечивает их координацию и направленный характер деятельности большой системы» (Мерлин, 1986, с.36). Каждый из уровней регуляции Бытия представляет собой и генетический уровень, и «структурный уровень» и относительно автономную систему. Выстраивая уровневую схему, мы определяем структуру, а определяя принципы регуляции, мы определяем функции. В совокупности структура и функции задают систему. Если выстроенная система способна объяснять широкий круг явлений и является верифицируемой, то это уже модель. К построению такой объяснительной модели регуляции Бытия человека в мире мы стараемся приблизиться в этой главе. Под самим же Бытием понимаем здесь способ существования в мире, детерминируемый доминирующим уровнем Бытия и развиваемый механизмами межуровневой регуляции. При этом, говорим именно о регуляции Бытия, а не регуляции и саморегуляции психических состояний, процессов, социальных и политических отношений, поведения, деятельности и жизнедеятельности, регуляции взаимодействия человека с его жизненным миром. В нашем понимании понятие Бытия объединяет их в себя и служит обобщающей категорией для всех форм существования человека в мире, как субъектно пассивных, так и субъектно активных, как детерминированных биологической природой, так и самодетерминируемых личностью, как непосредственных, так и произвольных. Считаем, что Бытие человека в мире всегда определяется и задается принципами уникальности и чувственной конкретности «здесь-и-теперь» существования, детерминации человеческой сущности способами существования человека, а также знакового опосредования существования человека выработанной в культурогенезе системой речевой деятельности. Мы говорим именно о личностной регуляции Бытия именно, потому что это личность выбирает специфичный ей способ и уровень Бытия и даже если она проживает свою жизнь на биологическом уровне существования с его звериными законами, то это ее выбор и ее ответственность. Вся история развития культуры и социокультурного развития человека уже выработала механизмы и стандарты

(которые можно понимать уже как сущность), чтобы каждый биологический индивид смог дорасти до уровня собственно личностного уровня Бытия и специфичных ему принципов регуляции, таких как саморегуляция и самодетерминация.

3.1.1. Развитие уровневого строения системы регуляции

Проблема уровней личностной регуляции до сегодняшнего времени чаще всего обсуждалась не как проблема собственно уровней регуляции, а скорее как гносеологическая проблема уровней анализа личности, которыми полагались такие как «индивид», «индивидуальность», «личность» (Леонтьев А.Н., Асмолов А.Г. и др.) или «личность», «человек» (Фролов И.Т., Братусь Б.С. и др.), «субъект» и «жизненный мир субъекта» (Рубинштейн С.Л., Василюк Ф.Е. и др.). Собственно уровни природы человека обсуждались в форме вопросов о соотношении биологического и социального в природе человека (Гальперин П.Я., Асмолов А.Г. и др.). Принципы взаимодействия биологического и социального обсуждаются Д.А.Леонтьевым, который подчеркивает недостаточность бинарной оппозиции этих факторов в развитии человека (Леонтьев Д.А., 2011). Существуют попытки построения целостной уровневой структуры функционирования человека (Братусь, 1988, Леонтьев, 1993 и др.), которые лишь выявляют, что в рамках психологии личности эта проблема нерешаема. Для определения принципов построения целостной модели личностной регуляции необходим выход в широкий контекст этой проблемы, затрагивающий вопросы эволюции живой материи и уровневой структуры Бытия человека. Анализ эволюции живой материи от неорганического состояния до ноосферы изложен в трудах В.И.Вернадского и школы, поэтому на нем мы останавливаться здесь не будем. Принцип наслаения уровней психического один на другой, сохранения в дальнейшем развитии и дальнейшего развития под влиянием вышележащих уровней обоснован еще Л.С. Выготским (Выготский, 1984, т.6.) и С.Л. Рубинштейном (Рубинштейн, 1976). Принципы же построения уровневой схемы Бытия наш взгляд наиболее полно заложены в философских работах К.Поппера и М.Бубера, а функциональные механизмы взаимопереходов уровней в психологических разработках А.Г.Асмолова и Д.А.Леонтьева. В ходе историко-эволюционного развития вида Человек и его Бытия в мире происходит трансформация функциональных уровней эволюции живого в структурные уровни функционирования личности в Бытии.

Так, рассматривая эволюцию объективного знания Карл Поппер выделяет три мира, которые можно считать уровнями эволюции живой материи. Первый «мир»-уровень – это уровень физический, включающий и биологический. Второй мир – мир не столько психических состояний, как его чаще всего определяют последователи Поппера, а мир «средств коммуникации», как его определяет сам Поппер (Поппер, 2002, с.109) – то есть уровень социальный.

И «третий мир» - уровень объективного знания, который в значительной степени является автономным (Поппер, 2002, с.119), то есть может быть выделен как отдельный уровень живой материи.

Мартин Бубер выделяет «три сферы, порождающие мир отношений»:

«жизнь с природой, жизнь с людьми, жизнь с духовными сущностями» (Бубер, 1993), то есть опять же три функциональных уровня существования человека, которые можно назвать опять же биологическим, социальным и «духовным» или «идеальным». Признавая методологические отличия этих концепций, подчеркнем, что в выделении уровней эволюции и функционирования живой материи в них много общего.

А.Г.Асмолов, развивая историко-эволюционный подход, выделяет также 3 стадии или уровня эволюции: биогенез, социогенез и персоногенез (Асмолов, 2001), что является уровнями биологическим, социальным и личностным. Однако, на наш взгляд, он опускает стадию ноогенеза или идеальный уровень.

Д.А.Леонтьев, рассматривая эволюцию саморегуляции, выделяет уровень «животный», уровень социальный и уровень рефлексивный (Леонтьев Д.А., 2007), которые опять же можно считать уровнями биологическим, социальным и идеальным.

Итак, выстраивая модель личностной регуляции Бытия посредством юмора, мы опираемся на традицию выделения в ней природного, животного или в обобщенном виде биологического уровня и уровня социального. Вопрос о том, какой уровень надстраивается или напластовывается на социальный уровень – сложный. По мнению А.Г.Асмолова, выделяющего в культурно-историческом развитии человека, механизмы и этапы биогенеза, социогенеза и персоногенеза, это уровень личностный. Исходя из концепции Бубера – уровень духовный. Переформулировка проблемы от проблемы филогенеза личности к формулировке проблемы филогенеза психического (это одновременно и возвращение к фундаментальной проблеме общей психологии, поставленной и исследованной А.Н.Леонтьевым) и обращение к теории эволюции живого (Т.Шарден, В.И.Вернадский) позволяет выделить еще один механизм и уровень генезиса психического – уровень идеального, производимый механизмом ноогенеза (о котором говорилось в предыдущей главе). Имплицитно этот механизм содержится и в историко-эволюционном подходе А.Г.Асмолова в виде концепта нададаптивной активности, часто выражающейся в творчестве.

Проблема ноогенеза была бы избыточной для историко-эволюционного подхода А.Г.Асмолова, поглощалась бы социогенезом, как делается это в социологии (Петров И.Г., 2003), если бы не проблема не просто совместного, коллективного объективного знания, которое чаще всего выражается, как метко подметил это Петров И.Г. именно в значении, а проблема обобщения и

порождения нового и объективного знания, то есть проблема смысла, которая позволяет различать социогенез и ноогенез, социальное и идеальное.

Отчуждение идеального как механизм формирования ноосферы

Поскольку выделение механизма ноогенеза и уровня идеального в уровневых представлениях о Человеке и его Бытии в мире не являются общепризнанными, остановимся подробнее на анализе механизмах выделения идеального в самостоятельный уровень Бытия. Так, различие социального и идеального проясняется при сближении понятий идеального и ноогенеза (ноосферы), наметки которого делает Еремин А.Л. (Еремин, 2005). Однако, нужно признать то, что шаг от идеального к ноогенезу не был сделан Ильенковым Э.В., известным как наиболее основательный разработчик понятия «идеального». Можно находить оправдания этому, но на наш взгляд такой шаг нужен. Тем более, что работы Э.В. Ильенкова дают основание этому.

Э.В. Ильенков пишет: «идеальное всегда выступает как продукт и форма человеческого труда, целенаправленного преобразования природного материала и общественных отношений, совершаемого общественным человеком» (Ильенков Э.В.; 1991, стр. 223).

Для понимания механизмов ноогенеза, филогенеза идеального и ноосферы наиболее важное, что сделал Ильенков, это то, что показал механизм формирования ноосферы – механизм отчуждения. Отчужденное идеальное – это уже не просто форма существования материи, а тип материи, который может формировать человека и довлеть над человеком, как обосновал это Еремин. Подтверждение материальности идеального мы находим и в психологии. Так, Моховиков А.Н., отталкиваясь от понятия психической боли, описанного Эдвином Шнейдманом, переходит к понятию «экзистенциальной боли». (Моховиков А.Н., 2001). А экзистенциальность психической боли – это материальность идеального. Материальность идеального обосновывается и феноменами смысловой регуляции, исследуемыми Д.А. Леонтьевым, такими как «эффекты» трансформации образа, пространственно-временных форм, избирательности внимания, механизмы смыслообразования и смыслопорождения (Леонтьев Д.А., 1999).

Рефлексия как механизм отчуждения и раздвоения психического

Излагая наши взгляды на формирование идеального механизмами ноогенеза, который в свою очередь понимается нами как механизм отчуждения психического, мы по сути дела также сделали перепостановку проблемы отчуждения, которая ранее делалась в психологии исключительно в

контексте теории личности и понималась как негативное явление смыслоутраты (Осин, 2007). Мы ставим проблему отчуждения в контексте собственно общей психологии, а именно как проблему эволюции психического. Понятие отчуждения в этом контексте становится центральным для понимания механизмов формирования ноосферы, опредмечивания потребностей и объективации внутреннего мира в предметах материальной и духовной культуры, а также феномена рефлексивной саморегуляции, учитывающей обратную связь от регулируемой системы, и создающей свойственное человеку «двойное отражение» действительности. Понятие отчуждения также же объясняет феномены смыслоутраты как феномены избыточного отчуждения психического, создаваемые тем, что Назаретян называет «переразвитием культуры» (Назаретян, 1995), призывая к выработке механизмов сдерживания развития культуры.

Понятие отчуждения является объяснительным и для понимания механизмов формирования рефлексии. Как особо подчеркивает Д.А.Леонтьев, буквальное этимологическое значение слова «рефлексия» - «обращение назад» (Леонтьев Д.А., Аверина, 2011). А для «обращения назад» нужен некоторый отрыв своего «актуального я» и «я прошлого», превращение своего прошлого состояния, прошлой деятельности, прошлого периода жизни или целостности жизни в объект. Нужна «объективация» самого себя, превращение себя прошлого в объект. Это возможно только за счет отчуждения и раздвоения психического. Старое психологическое правило: «Посмотри на себя со стороны», часто упоминаемое Д.А.Леонтьевым в разных контекстах, - это тоже предложение отчуждения психического. Мера и типы этого отчуждения и создают разные типы рефлексии, исследуемые Д.А.Леонтьевым и под его руководством (Леонтьев Д.А., Салихова, 2007, Леонтьев Д.А., Аверина, 2011). Для понимания эволюции рефлексии, понимаемой как механизм отчуждения психического, интересен этимологический анализ слова «рефлексия», подобный тому, который мы сделали для слова «юмор». Так, изначально, рефлексия – это обращение назад. Затем происходит этап слияния этого понятия рефлексии с понятием «рефлекса» как ответной реакции и обратной связи (19 век). И в современности формируется представление о рефлексии как о способности к саморегулируемому мышлению и поведению. При этом, рефлексия – это уже не только обращение назад, но обращение на самого себя. Для этого нужно отчуждение и объективация не своего прошлого Я, а своего Я настоящего. Нужно то, что Олпорт и называет «самообъективацией» или «самодистанцированием» (Олпорт, 1937). При этом необходимо и наличие того, что Д.А.Леонтьев называет «Я-центр» (Леонтьев Д.А., Салихова, 2007). Исходя из взглядов Д.А.Леонтьева на рефлексии и экзистенцию человека, можно сказать, что «Я-центр» не дается человеку с рождения, а формируется в течение жизни, и даже более того вырабатывается тем механизмом, который Мамардашвили назвал «усилием». А польский психиатр и психолог считал, что для качественного проживания жизни необходимо то, что он

называл «Труд Бытия» (Dabrowski, 1975). «Усилие» или «Труд Бытия» создает продукты творчества и эффекты жизнотворчества (в его понимании Д.А.Леонтьевым), которые также относятся к сфере идеального. Но это может быть уже не обязательно «отчужденное» и потерявшее смысл идеальное. Это может быть и создаваемое и осмысленное идеальное, отчуждение которого позволяет его транслировать другим людям и другим поколениям, и создавать разноуровневость Бытия и межуровневость механизмов его регуляции. Но это может быть и отчужденное от себя индивидуальное или коллективное бессознательное, которое превращает человека в раба своих идеальных представлений или знаковых систем компьютерных технологий... Это своего рода «интуитивное мышление», как его назвал Мамардашвили или «поток сознания», или когито наблюдения и прагматизма, абстракция вещного эффекта континуума деятельности (М.Мамардашвили), символизация рациональности (Ильенков, Мамардашвили), «игровое поле политики» (Бурдые).

Таким образом, анализ рефлексии через призму понятия отчуждения, как и анализ ноогенеза через призму понятия отчуждения, позволяет обосновать правомерность выделения уровня идеального, формируемого механизмами отчуждения психического, в самостоятельный, закономерно возникший и относительно автономный уровень модели личностной регуляции человеком своего поведения, деятельности и жизнедеятельности. Но введение понятия идеального в теоретическую модель регуляции, поднимает вопрос о том, что управляет этим «идеальным», что предохраняет его от переразвития в бессмысленные и личностно «отчужденные» формы? То есть какой уровень надстраивается над уровнем идеальной регуляции? Овладеть идеальным, как и социальным и биологическим может только личность. Поэтому этот уровень регуляции закономерно признается во всех моделях личности.

Проблема интеграции уровней регуляции

Интегрирующим у человека является личностный уровень, присущий каждому человеку. Наше понимание личностного уровня близко пониманию Д. А. Леонтьевым экзистенциального уровня. По Д.А.Леонтьеву – это уровень ядерных структур личности: свободы, выбора и ответственности (Леонтьев Д.А., 1993). Этот уровень отвечает за выбор типа и уровня существования: биологического, социального, идеального или собственно личностного. Или в терминах Мамардашвили – «регистра бытия». Экзистенциальное понятие свободы отражает принцип вариативности. Выбор – целеполагания. А ответственность – устойчивости. Вариативность, целенаправленность и формирование устойчивости типов поведения и деятельности можно считать принципами развития всего живого, не только человека. У человека же они задают направление развития и вид личностной регуляции. Личность выбирает то, на каком уровне регуляции она будет существовать, какие будет

ставить цели и какой вид жизнедеятельности осуществлять. Личность выбирает вид своей интеграции. Как и принципы регуляции.

Понятие интеграции как функции личности может считаться как системообразующее для личностной регуляции еще и потому, что оно не противоречит ни одной из теорий личности, даже теории позитивной дезъинтеграции К.Дабровского. О механизме дезъинтеграции как механизме развития по Дабровскому будет сказано ниже.

Использование же понятия «интегрального» имеет давнюю традицию в российской психологии. Так, А.А. Ухтомский писал об организме как интегральном целом и о наличии «интегрирующего начала» (Ухтомский, 2000, с.69), В.С. Мерлин же разработал целостную концепцию интегральной индивидуальности (Мерлин, 1988). А.Н.Леонтьев считал, что общий принцип которому подчиняются межуровневые отношения состоит в том, что наличный высший уровень всегда остается ведущим, но он может реализовать себя только с помощью уровней нижележащих и в этом от них зависит» (Леонтьев А.Н., 1974). Исходя из этого, мы считаем, что использование понятия интегрального как интегрально личностного адекватно отражает специфику регуляции и саморегуляции на ее высшем уровне, а зависимость высшего регуляторного уровня от нижележащих уровней вызывает потребность дополнения понятия доминанты понятием субдоминанты, о чем будет говориться ниже.

Итак, для характеристики четвертого, верхнего уровня личностной регуляции подходит понятие «интегрально личностного», но поскольку личность может выбрать (но выбирает всегда личность!) и низшие уровни Бытия и интегрироваться на них, мы чаще употребляем просто понятие «личностного» уровня.

Таким образом, предлагаемая и обосновываемая нами уровневая структура модели личностной регуляции Бытия, выглядит следующим образом:

1. Биологический уровень
2. Социальный уровень
3. Идеальный уровень
4. Личностный уровень

Каждый из выделенных нами уровней предлагаемой модели регуляции Бытия представляет собой и генетический уровень, и «структурный уровень» и относительно автономную систему в личностной регуляции Бытия.

Принципы межуровневой регуляции Бытия

Способность материи к переходу из одной формы в другую, и способность человека к переходу от одного уровня к другому определяет и возможность

поуровневого развития и возможность разноуровневого существования, то есть вариативность способов существования у разных людей. Когда существование становится разноуровневым, возникает необходимость в его целенаправленной регуляции. А когда речь идет о регуляции, то оптимальнее говорить уже не о ее разноуровневости, а о межуровневости. Для объяснения регуляторной межуровневости мы дополняем принцип доминанты А.А.Ухтомского принципом взаимодействия доминанты и фоновой субдоминанты в регуляции. При этом доминанта задает направление интеграции, а субдоминанта направление дезъинтеграции и с нею развития.

Доминанта как объяснительный принцип интеграции

Человек, личность может существовать на разных уровнях бытия. Определяет уровень существования то, что А.А. Ухтомский назвал «доминантой» (Ухтомский, 2000) и что до него называлось «стационарным возбуждением» (Ухтомский, 1951). Физиологическое определение доминанты следующее: «доминанта – местный орган господствующего возбуждения, привлекающий к себе стимулы и тормозящий прочие приборы. С внешней стороны она есть стационарно поддерживаемая работа, или рабочая поза организма» (Ухтомский, 2000, с. 75). Функция доминанты – интегрирование (Ухтомский, 2000, с. 276), а также координация (Ухтомский, 1978, с.292). То, что Ухтомский употреблял понятие доминанты не только в физиологии, но и для характеристики принципов существования человека (например: «Доминанта души – внимание духу» - Ухтомский, 2000, с. 252), позволяет и нам использовать это понятие в расширительном, во многом метафорическом смысле. В психологии же, по Ухтомскому «доминантою обобщаются психологические понятия установки и внимания» (Ухтомский, 2000, с.256).

Согласно же А.Г. Асмолову, установка «предстает перед нами как иерархическая уровневая структура» (Асмолов, Ковальчук, Яглом, 1975), которая регулируется установкой смыслового уровня (там же). И в этом ракурсе понятие установки перекликается с понятием доминанты, во многом сливаясь с ним. Смысловая установка или доминанта создает системное качество. А «системное качество – основная детерминанта, опосредующая взаимные связи между ...явлениями различного иерархического уровня» (Мерлин, 1986, с.25).

Понятие «детерминанты» использовал Б.С.Братусь, поясняя, что оно более психологично. А более психологично оно потому, что выводит человека из «монадного существования» (для объяснения которого было введено понятие «доминанты») в жизненный мир, в котором существуют разные способы детерминации. О логиках детерминации будет сказано позже. А пока скажем, что понятие доминанты более подходит для развертывания принципов регуляции в разрабатываемой нами модели личностной регуляции.

Подчеркнем, что мы говорим именно о личностной регуляции, в отличие от «саморегуляции», о которой говорят В.И. Моросанова (Моросанова, 1995), Ю.А. Миславский (Миславский, 1991) и др., поскольку подчеркиваем открытый характер регуляции, то есть то, что регуляция личности как системы осуществляется в системе отношений с внешним миром, то есть как система регуляции жизненного мира личности, а не только индивидуального стиля или индивидуальной активности. А само понятие саморегуляции подразумевает понимание человека как самодостаточной «монады», даже если понятие саморегуляции понимать как понятие самодетерминации.

Повторим, что принцип доминанты объясняет основной уровень существования личности. Однако, он не объясняет переход от уровня к уровню, от этапа развития ни в филогенезе, ни в онтогенезе. Все объяснения сводятся к понятию «скачка» или «перехода количества в качество». Но этого недостаточно ни для понимания развития в филогенезе, ни для понимания развития личности в онтогенезе.

К.Дабровски полагал, что бытие зрелой личности многоуровневое, а механизмом развития является механизм дезинтеграции уровней (Dabrowski, 1989). В.С.Мерлин различал одноуровневые и разноуровневые свойства личности (Мерлин, 1986, с.139). Он писал: «Разноуровневые связи развиваются в сторону все большей много-многозначности, одноуровневые – в сторону все большей дифференциации относительно автономных и однозначно связанных между собой симптомокомплексов» (Мерлин, 1986, с. 152). Н.А. Бернштейн для объяснения межуровневости использовал понятие «сенсорных синтезов» (Бернштейн, 1990) и говорил уже не просто о локализованной доминанте, а о «доминантности уровня» (Бернштейн, 1990, с. 202).

Субдоминанта как объяснительный принцип межуровневой регуляции

Как же объяснить существование многоуровневости на операциональном уровне? На наш взгляд, это возможно сделать, дополнив понятие «доминанты» понятием «субдоминанты». Понятие субдоминанты существует в теории музыки и обозначает некий подчиненный тон музицирования, который подчиняется господствующему доминантному и взаимодействует с ним. В психологии понятие субдоминанты использовал С.Л.Рубинштейн для объяснения феномена переключения внимания. Он пишет так: «Господствующий в течение некоторого времени очаг возбуждения становится субдоминантным и в результате борьбы субдоминанты с доминантой господствующее значение приобретает новый очаг» (Рубинштейн, 2000, с.99). Используя понятия Ухтомского, можно сказать, что здесь Рубинштейн говорит о возможности «торможения» и прежней доминанты, превращения ее в субдоминанту. На наш взгляд, эта

мысль Рубинштейна ведет к пониманию развития бинарных и/или межуровневых психологических механизмов в филогенезе. Мы считаем, что из механизмов переключения внимания за счет того, что предыдущий очаг возбуждения превращается в фон актуального очага возбуждения, рождается доминантно-субдоминантная регуляция жизнедеятельности. По Ухтомскому они создают то, что он называл «симптомокомплекс доминанты» (Ухтомский, 1978, с.84) или «констеляция центров с повышенной возбудимостью» (Ухтомский, 1978, с. 340), отходя от понятия доминанты как единственного центра регуляции. Самому А.А. Ухтомскому понятие субдоминанты не было нужно, так как в его физиологических исследованиях, он наблюдал жизнедеятельность достаточно простых организмов, у которых доминанта и субдоминанта располагаются на одном уровне регуляции и составляют единый «симптомокомплекс». У человека же они дифференцируются посредством описанного Рубинштейном механизма переключения внимания, а также механизма сохранения направленности внимания, поддерживаемого субдоминантой как фоном (контекстом) доминирующего в сознании предмета внимания. Понятие «фона» активности использовал и Н.А.Бернштейн (Бернштейн, 1990), объясняя многоуровневость регуляции активности. Понятие доминантно-субдоминантного «комплекса» позволяет объяснить то, что культурологи, начиная с К. Леви-Стросса, называют бинарностью сознания, и даже трактуют как бинарный архетип (Уваров, 1996). В семантических исследованиях выявлено, что психологические механизмы юмора бинарны и основаны на оппозициях нормального и ненормального, реального и нереального, хорошего и плохого и т.д. (Raskin, 2008, с.11). В эмпирических исследованиях юмора в телевизионной рекламе, основанных на семантической концепции юмора В. Раскина (Raskin, 1985), выявлено также, что психологические механизмы юмора бинарны и основаны на контрасте актуального-неактуального, ожидаемого-неожиданного, возможного-невозможного, обыденного-неожиданного, которые более смешны, чем контраст обычного и нереального (Alden, Hoyer, 1993). Важно, что эти исследования юмора подтверждают то, что психологические механизмы юмора – бинарны. Отталкиваясь от разработок проблемы бинарности М.Ю.Лотмана (Лотман, 1992), можно сказать, что бинарность создает открытость (строго по Лотману - неустойчивость) системы саморегуляции. Устойчивость или же стабильность личностной регуляции создается тем, что М.М. Бахтин называл «внеаходимостью», то есть третьей точкой опоры регуляции во внешнем мире (его социальном или идеальном измерении). «Избыток видения» или «внеаходимость» выходят в собственно личностное как духовное или экзистенциальное измерение личности, которое Рубинштейн обозначал как «человек в мире». Оно, в свою очередь, создает основу высших форм юмора, о которых будет сказано ниже. Здесь же подчеркнем, что бинарность психической регуляции является основой эволюционирования психического в филогенезе и она осуществляется посредством взаимодействия доминанты и субдоминанты.

В общей психологии понятие «субдоминанты» позволяет объяснить межуровневость регуляции. Доминанта и субдоминанта взаимнообратимы. Возможен переход субдоминанты в доминанту и наоборот. Учет принципа трансформации психологических механизмов в структуры, позволяет объяснить генезис того, что А.И. Щебетенко исследует как межуровневые структуры (Щебетенко, 2007).

Опишем возможные варианты межуровневой регуляции посредством юмора. Сочетание доминанты на биологическом уровне регуляции и субдоминанты на социальном создает брутальный вид юмора и «юмор» осмеяния. Сочетание доминанты на идеальном уровне регуляции и субдоминанты на социальном создает часто высокохудожественные произведения с их «тонким» юмором. Сочетание доминанты на интегрально личностном уровне и субдоминанты на социальном создает юмор, обращенный субъектом на самого себя. Регуляция уровнями биологическим и идеальным – например при чувственном (эстетическом) восприятии художественных произведений - ведет к формированию эстетического типа чувства юмора. Он, на наш взгляд, является наиболее зрелой формой юмора. При этом возникает совмещение и слияние двух базовых психологических механизмов формирования чувства юмора: от смеха (как биологического раздражения) и от улыбки (как идеального отражения). Юмор, возникнув как орудие в системе регуляции, превращается в механизм регуляции и саморегуляции человека именно за счет взаимодействия биологического и идеального. Идеальное (доминанта на идеальном уровне личности) с субдоминантой на биологическом уровне вообще в значительной степени объясняет феномен саморегуляции человека, то есть то, как эта саморегуляция (здесь как детерминированная самим собой регуляция) вообще возможна. Высшая же опосредованная спонтанность личности задается доминантой на интегрально личностном уровне.

Возникает вопрос о том, межуровневость регуляции задана изначально или развивается с возрастом? Учитывая идеи наличия «скачка» (Гегель) и обоснования наличия «бифуркации» в природе (И. Пригожин), многоуровневость регуляции дана человеку изначально, во всяком случае, как потенция. И эта многоуровневость развивается взрослым с момента рождения хотя бы тем, что взрослый что-то говорит ребенку, тем самым внедряя идеальность в биологичность первоначального существования.

По мнению В.С. Мерлина, «разноуровневые связи образуются в онтогенезе благодаря цепи опосредующих, промежуточных звеньев, различных в зависимости от возраста» (Мерлин, 1986, с.152). Опосредующими развитие межуровневой регуляции звеньями являются уже упоминаемое слово взрослого, связывающее биологический уровень и идеальный, игра, связывающая биологический уровень и социальный, обучение, связывающее биологический и идеальный уровни. Позже такими «медиаторами» (в понимании В.П. Зинченко) выступают художественное чтение, рефлексия и диалог.

Межуровневость регуляции задает направление развития и трансформацию других уровней. Так известно, что «слово лечит». А широко известный случай Нормана Казинса, который себя вылечил юмором (Казинс, 1991, Мартин, 2009, с. 47) вообще свидетельствует о возможности обратимости биологических процессов, что, в свою очередь, свидетельствует о прикладной значимости неклассической науки, одним из принципов которой является обратимость (Садовничий, 2002). Многие психотехники используют актуализацию межуровневой регуляции, однако ее принципы разработаны недостаточно. Возможно, что понятие субдоминанты является потребностью и для психофизиологии, исходящей из принципа развития психофизиологических функций и состояний.

3.1.2 Психологические механизмы развития и патологизации чувства юмора

Разнообразие форм проявления юмора обусловлено индивидуальным своеобразием личностной регуляции, ее системной доминантой, точнее доминированием определенного уровня регуляции. Локализация доминанты и субдоминанты юмора только на социальном уровне проявляется в словесной игре «шутка на шутку». При этом может возникнуть обесценивание реальной, предметной деятельности и предметной отнесенности шуток. И если в своем культурогенезе юмор в значительной степени есть функция от социального игрового (Бахтин, 1990, Козинцев, 2007, Мартин, 2009, Berlyne, 1969 и др.), то в со времен Канта юмор понимается как «игра представлений» во внутреннем идеальном плане сознания (Peterson, Seligman, 2004). Эта внутренняя игра означает полную интериоризованность социального и превращение его в измерение личностной регуляции. Культивирование же концепции юмора как игры в индивидуальном и общественном сознании ведет к формированию самодостаточности и самозамкнутости игровой деятельности, препятствует трансформации игрового в диалогическое на идеальном уровне внутреннего мира.

В ситуациях игрового юмористического общения, как и в ситуациях любого общения, «Если нечего ответить оппоненту по сути, всегда остается в запасе риторический прием, позволяющий его "срезать" — сказать, что у него нет чувства юмора. Контраргументов не существует; сам этот прием в процессе самой игры меняет ее правила и начинает другую игру, в которой первая перестает существовать» (Леонтьев Д.А., 2013). А новая «игра» - это уже переход к другому уровню общения и жизнедеятельности. Поскольку прежняя игра сохраняется как субдоминанта и фон новой игры, возможен и переход к межуровневой регуляции жизнедеятельности и игровой деятельности в ней. Такой переход в культурогенезе юмора намечен в переходе от кантовского понимания юмора как игры представлений в идеальном плане к пониманию опосредованности юмора внутренним диалогом на личностном уровне, на

котором диалог выступает как взаимодействие представлений по И. Канту или смысловых позиций по Г.М. Кучинскому. Такая диалогичность юмора обогащает и социальную юмористическую деятельность в общении, но в ней юмор выступает не только как средство общения, но и как средство социального поведения личности, интегрирующей игровой, условный уровень юмора и уровень личностный и экзистенциальный.

Пример доминирования личностного уровня в юмористической регуляции как попытка личностной саморегуляции посредством обращения юмора на себя, на свою личность и судьбу описан С.Л. Рубинштейном. Так он пишет, что юмор можно распространить на всю его судьбу: «философ по образованию и призванию, а всю жизнь проработал в психологии». (Рубинштейн, 1989, с. 421). Однако он не дописал «юмористический анализ» своей судьбы.

Распространенная идиома «посмотри на себя с юмором» иногда может оказывать деструктивное влияние на целое личности подростка. Юмор, направленный на целое личности, оказывается средством подавления и обесценивания даже более, чем громкий смех и осмеяние физических недостатков. Однако, если ставить испытуемым задачу посмотреть с юмором не на себя, а на свою жизнь, что делал Лефкур, то выявляется позитивность такого взгляда за счет расширения жизненной перспективы. Обобщенным выводом из его исследований обращения юмора на судьбу является приводимая им цитата из Чаплина: «Жизнь – трагедия, когда она предстает в запечатанном конверте, и комедия – если в виде отдаленного выстрела» (Lefcourt, 2001, p. 40). При этом доминанта личности превращается в субдоминанту и фон для доминанты социального и исторического рассмотрения судьбы, то есть регуляция посредством юмора становится опять межуровневой.

Примеры регуляции Бытия посредством юмора с доминантой на идеальном уровне находятся в семиотических концепциях юмора (Лотман, 1991, Лихачев и др., 1984, Бороденко, 1995 и др.) и осуществляются согласно М.В.Бороденко как идеальный семиотический контр-знак к доминирующей установке, задающей не только поведение, но исходя из наших взглядов и уровень Бытия меняющий местами доминанту и субдоминанту. Такая интерпретация семиотических концепций юмора в рамках предлагаемой нами модели Бытия поглощается ею и превращает семиотический юмор лишь в один из возможных уровней юмора, уровень идеальный.

Здоровый юмор, на наш взгляд, регулируется межуровнево, он предметен, социален, личностно опосредован. Однако, один из уровней чаще всего является доминантным. Механизмы патологизации же юмора связаны с редукцией его многоуровневости до одноуровневой регуляции.

О том, что доминанта регуляции юмора у современного человека чаще всего располагается на системно-личностном уровне, косвенно свидетельствуют данные, приводимые Мартином. Так он предполагает, что 5 кластеров личностных свойств, с которыми связан юмор, корреспондируют сразу с 12

факторами модели личности Кетелла (Martin, 1998, p.37). Это можно интерпретировать как подтверждение тезиса Олпорта о том, что юмор является, как и религия, средством интеграции личности (Allport, 1987). А также и того, что свойства юмора определяются целым личности, то есть юмор есть функция от всей личности, а точнее от типа личностной регуляции.

Ценность предлагаемой здесь многомерной модели личностной регуляции в ее целостности, в том, что, когда эта многомерная целостность нарушается в сторону ли биологического, социального ли или идеального, можно говорить о механизмах патологизации личности или, в соответствии с неклассической парадигмой – об аномалиях личности (Братусь Б.С.). Аномалиями выступают биологизация, социологизация или идеализация личности. Дополнительные к вышеприведенным примеры аномалий идеализации личности представлены в работах Ж.Делеза как примеры связи идеалистического мазохизма и юмора, идеалистического, знакового садизма и иронии (Делез Ж.). Примеры социологизации личности находятся, например, в подростковой среде как феномены внешней детерминации поведения или «отраженной субъектности» (Петровский В.А.). Примеры биологизации находятся при анализе современной конкуренции, которая нередко осуществляется принципами, известными из биологии естественного отбора, хотя культура выработала и другие принципы конкуренции, в которых юмор обращается личностью только на свои же слабые черты (Домбровская, 2010).

Логика детерминации юмора

Как пишет С.Л. Рубинштейн, «существование непрерывно связано с процессом детерминации ...в смысле определения объективного определения свойств одного сущего в его взаимодействии с другими. Таким образом, осуществляется введение детерминации (взаимо- и самоопределения) не только как определенного соотношения, но и как п р о ц е с с а в самое понятие существования» (Рубинштейн, 1976, с. 277). В каждом же процессе может быть выделена логика его динамики переходов от одних психических состояний к другим, от одних способов Бытия к другим.

Когда речь идет о саморегуляции посредством юмора с доминантой на интегрально личностном и субдоминантой на идеальном уровне, то есть как полной активности и произвольности юмора в полном смысле этих понятий, то интерпретировать ее возможно на основе мультирегуляторной модели личности Д.А. Леонтьева, который кроме «логик» (измерений) жизнедеятельности выделяет и основные соответствующие им виды манипуляции поведением людей. Так логике удовлетворения потребностей соответствует соблазнение, логике реагирования на стимул - провокация, логике предрасположенности - стереотип, логике нормативности - наложение социальных обязательств. По мнению Д.А.Леонтьева эти «низшие» логики

должны блокироваться логиками смысла и свободного выбора. (Леонтьев Д.А., 1999, с.156-158). Подобрать примеры регуляции посредством юмора «методами» соблазнения, провокации, стереотипности и наложения обязательств легко. Они налицо в современной российской телевизионной «смеховой культуре». Но только юмор, действующий на идеальном уровне личностной регуляции (уровни смысла и свободного выбора по Леонтьеву Д.А.), позволяет выйти из замкнутого круга манипуляций посредством юмора, даже если эти манипуляции обращены личностью на саму себя (Домбровская, 2010). На уровне логики свободного выбора по Д.А.Леонтьеву, отвечающей на вопрос «А почему бы и нет?» юмор создает идеальное и отчужденное от индивидуального сознания в жизненный мир игровое поле, которое в масштабах всего социума П.Бурдьё назвал игровым полем политики. Однако, напомним, что в соответствии с данными экспериментов Д.Алден и В. Хауера (Alden, Hoyer, 1993), можно утверждать, что юмор с доминантой на виртуальном не воспринимается как самый юмористический. Самым смешным оказывается юмор, осуществляемый на уровне логики жизненной необходимости по Д.А.Леонтьеву как юмор от контраста между повседневностью и неожиданностью. Эта неожиданность может выступать и как отмена прогноза, создающая юмор по П.В. Симонову, а может быть и простой фактологической неожиданностью в синхроническом или диахроническом ряду событий. Только на уровне логики жизненной необходимости становится понятен юмор высказываний В.И.Черномырдина, которые он делал сам на уровне логики свободного выбора «А почему бы и нет», не подразумевая сам в них юмористический смысл. На уровне логики свободного выбора или игрового поля политики они остаются простым фреймом по М. Минскому (Минский, 1979), то есть некой вставленной в политическое поле особой рамкой сознания Черномырдина. А на уровне логики жизненной необходимости, то есть в контексте жизни, они являются отраженным по структуре и содержанию минимизированным образом отражаемой ситуации.

Однако, сама возможность юмора на уровне логики свободного выбора актуализирует вопрос «как», тенденция к усилению значимости которого выявлена нами в исследованиях логики жизнедеятельности при поиске работы (Домбровская, 2004, с.184). Нами выявлены четыре основных типа логики жизнедеятельности, которые мы называем типами каузальности. С учетом психологических традиций мы их называем следующим образом: предметно-ориентированная (вопросы «что» и «какое»), целе-ценностная («зачем»), причинно-потребностная («почему») и процессная («как»). Отражением тенденции к повышению значимости процессной логики является повышенный интерес к методологии науки, вплоть до утверждения, что «метод определяет предмет», а также к технологиям, вплоть до требования технологичности мышления. Однако, повышение роли процессной логики жизнедеятельности – это прежде всего повышение роли этики, в том числе и в принципах произвольного и целенаправленного производства юмора. Если

юмор в концепции З.Фрейда вписывается в причинную логику, юмор в концепции В.Франкла - в целевую, юмор в эстетике - в предметную, то юмор в понимании Олпорта - именно в процессную, поскольку предполагает прежде всего позитивное отношение к миру. Целевая же логика юмора у В.Франкла имеет целью трансценденцию самого себя и своего жизненного мира. Анализ юмора в контексте логик жизнедеятельности выводит нас к проблеме форм существования юмора в контексте форм существования (экзистенции) человека.

3.2. Психологические формы существования юмора

Как говорилось в главе 1, юмор может быть описан характеристиками различных психологических категорий: функциональными, деятельностными, бытийными, и обобщаться категорией психологического орудия или средства. Наиболее сложными являются бытийные характеристики юмора, такие как уникальность в каждый конкретный момент своего существования, изменчивость за счет того, что в соответствии с принципом экзистенциальности, существование опережает сущность. В первой части этой 3 главы говорилось о том, что Бытие человека обладает уровневой структурой и регулируется межуровнево. А межуровневость задает возможность развития и эволюционирования Бытия человека вплоть до превращения специфичного для отдельных людей уровня существования в достаточно распространенный вид существования, то есть Бытия в мире. И на каждом уровне Бытия, превращенном в вид Бытия, логики жизнедеятельности и психологические механизмы юмора различны.

3.2.1. Проблема высших и низших видов юмора

Как уже говорилось, личность может осуществлять свою жизнь в соответствии с разными логиками детерминации жизнедеятельности по Д.А.Леонтьеву и на разных уровнях бытия, что нашло отражение в представлениях Ф.Е.Василюка о четырех типах жизненных миров, в которых доминируют гедонистическое, реалистическое, ценностное и творческое переживание (Василюк, 1984). Уровнем существования или жизненным миром определяется и то, какие виды юмора свойственны личности. Для понимания различных видов юмора плодотворно различие «режимов» или «регистров» Бытия, введенное в науку М.К.Мамардашвили, которое ставит проблему наличия «высших» и «низших» видов регуляции жизнедеятельности.

Сама же идея различия высших и низших видов существования имеет достаточно давнюю традицию в различении христианского способа существования и безбожного. В российской культуре бытовала

эксплицированная В.В. Вересаевым метафора «живой жизни» как характеристики того, что в экзистенциальной философии назвали подлинным бытием. В русле поисков названия особого модуса существования существует и метафора «сверхчеловека», описанная Ф.Ницше.

Идею двух разных видов существования наиболее четко эксплицировал Д.А.Леонтьев, исходя из философии М.Мамардашвили. Резюмируя анализ двух основных регистров существования по М.К. Мамардашвили, Д.А.Леонтьев приводит их метафорические названия : «режим спящего сознания» и «режим бодрствования» (Леонтьев Д.А., 2011а). Метафора бодрствующего сознания четко характеризует суть высших форм осуществления юмора. При бодрствующем сознании юмор рефлексивен, диалогичен и часто обращен на самого себя или на весь мир сразу. Еще Г. Олпорт и А.Маслоу говорили о способности обращать юмор на себя как характеристике зрелой личности. Д.А. Леонтьев пишет об этой способности так: «Подлинное чувство юмора, которое характеризует личностную зрелость и по данным исследований коррелирует с уровнем интеллекта, возникает тогда, когда человек в состоянии посмеяться над самим собой, над собственным несовершенством. Это поднимает его над самим собой, позволяет увидеть перспективу собственного развития, возможность быть иным. И взгляд на мир такого человека способен трансформировать все – как рентгеновский луч. Ему не нужны клоунские трюки, чтобы улыбнуться – он способен силой своего сознания мысленно трансформировать что угодно, обнажить глупость и сомнительность того, что казалось столь важным, пафосным и незыблемым, показать, что за словами нет ничего, кроме слов, показать, что все не совсем таково, каким кажется, и уж во всяком случае, может быть иным. Это не очень смешно – иногда грустно, иногда страшно, потому что мы не любим вглядываться в жизнь подробно, предпочитая комфортные мифы» (Леонтьев Д.А., 2007б, с.44).

Культуролог М. Столяр, анализируя советскую смеховую культуру, так же приходит к выводу о том, что существуют два вида, две формы, два вида смеха: «смех над» и «смех о». Первая форма является, согласно христианской антропологии, «смехотворством» и биологически обусловлена, а вторая – «смехом духовным», обусловленной душевным отношением к миру и событиям (Столяр, 2011, с.117). Это вызывается прежде всего особым отношением человека к самому себе и к своей роли в мире. Высшие формы юмора как формы самоотношения возможны за счет того, что Г.Олпорт полагал как феномен или механизм самообъективации (Allport, 1937)

Способность воспринять себя как объект позволяет выработать образ себя, отношение к себе и позволяет управлять этим образом, то есть регулировать себя как объект и развивать и трансцендировать себя как субъект. Отношение к себе с юмором является культурно-историческим эффектом эволюции способности человека к самообъективации и само развивает эту способность. Но отношение к себе с юмором – это не только самообъективация и отчуждение своего психического образа, это и

присвоение его, освоение и интериоризация. За счет того, что у юмористического образа есть еще эмоциональная ткань, образ «не отрывается» от личности, а трансформирует лежащую под ним эмоцию в потребность или мотив особого диалектического субъект-объектного отношения к себе, создающего предпосылку и механизм саморазвития. По мнению Д.А.Леонтьева: «Низшие и высшие формы юмора соответствуют низшим и высшим формам саморегуляции. Одни из них связаны с эмоциональным отреагированием и поддержанием эмоционального баланса, самоутверждением; другие опираются на более сложные и высокие механизмы регуляции, связанные с рефлексией, самодистанцированием, изменением, трансценденцией. Говоря упрощенно, низкий юмор обслуживает гомеостаз, а высокий — личностное развитие» (Леонтьев Д.А., 2013). Это позволяет разделить и концепции юмора на концепции юмористического гомеостаза (З.Фрейд, Д.Берлайн и др.) и теории трансцендирующего юмора (С.Киркегор, Г.Олпорт, В. Франкл и др.).

Однако, существует проблема того, что люди, относящиеся к самим себе с юмором, часто неудобны социальному окружению. Так, Мартин на основе эмпирических исследований пишет: «хотя люди, которые часто используют такого рода «самоуничижительный юмор», могут быть очень забавными и остроумными, обычно у них бывает низкая самооценка и высокий нейротизм, а также им трудно поддерживать хорошие личные отношения» (Мартин, 2009, с.151). Не исключено, однако, что способность относиться к себе с юмором более коррелирует не только с высоким нейротизмом, но и с творческой гибкостью, не столько с низкой самооценкой, сколько с повышенной рефлексивностью, ведущей к экзистенциальному самоуничижению, не столько с конфликтностью, сколько с тем, что называют социальной и политической неудобностью и даже пассионарностью в ее понимании Л. Н.Гумилевым (Гумилев, 1993).

Подчеркнем, что проблему наличия высших и низших видов юмора мы ставим именно как проблему, причем входящую в контекст проблемы дифференциации единого вида Человек на подвиды, которым в данном контексте свойственны гомеостаз или самотрансценденция. На наш же взгляд жестких границ между видами юмора нет, они в той или иной мере могут быть присущи одному человеку, и могут под влиянием среды переходить друг в друга. Как на наш взгляд, и все выделяемые в психологии типы личностей и характера, являются лишь их видами, то есть могут изменяться и развиваться.

3.2.2. Проблема зависимости видов юмора от психических структур и функций

Возникают вопросы о том, чем определяются виды регуляции и как они могут быть описаны в обыденной речи и в дифференциальной психологии. Как отмечает Т.Томашевски: "На протяжении истории психологии утвердилось два способа трактовки проблематики личности, а именно как структуры черт и как системы регуляции" (Tomaszewski, 1998, стр. 146). По мнению Т. Томашевского, они оба отвечают на вопрос о том, чем люди отличаются друг от друга, то есть объединяются дифференциальной психологией, которая является проблемной зоной современной психологии (Tomaszewski, 1998).

Индивидуальные различия психологических механизмов личностной регуляции жизнедеятельности посредством юмора кратко описаны в первой половине этой главы. Сейчас обратимся к проблеме индивидуальных различий в русле психологии черт.

Как показывает анализ корреляционных исследований юмора в рамках чертовых моделей личности, проведенный Мартином, в русле этого подхода возможно только констатировать, что «юмор – это мультиуровневый феномен и должны быть разработаны опросники, выявляющие специфику уровней. Однако, факторный анализ Руха с коллегами выявил, что большинство тестов отражают только одно или два факторных измерения, связанные с общей веселостью и экстраверсией» (Martin, 1998, с.57). Исследования юмора как личностной черты, приводимые Мартином в монографии «Психология юмора» (Мартин, 2009) лишь демонстрируют то, что Жванецкий назвал «Юмором стало много», то есть разнообразие корреляционных данных и неупорядочиваемость их в систему. При этом во многих исследованиях данные требуют интерпретации не в русле психологии личности, а в русле когнитивной психологии или психологии восприятия, что является отдельной темой. В попытках исследовать юмор Лефкуртом и Мартином была создана психометрическая шкала иного типа, чем шкалы, диагностирующие юмор как структурную черту. Речь идет о шкале совладания с помощью юмора (The Coping Humor Scale, CHS). Она обладает минимально приемлемой внутренней согласованностью, но достаточными ретестовой надежностью и конструктивной валидностью, выявленной методом экспертной оценки (Мартин, 2009, с.246). На наш взгляд, вышесказанное позволяет предполагать, что для диагностики юмора необходимо создание принципиально других методов или радикальное переосмысление теории черт, исходя из проблем диагностики юмора. "Общий ответ на вопрос, от чего зависят различия между людьми, ...согласуется с одной из великих дилемм психологического мышления Структура–Функция" (Tomaszewski, 1998, с. 146).

В соответствии с этим низшие формы юмора регулируются структурными чертами личности, к которым в традиции, идущей от Г. Олпорта, относят потребности, мотивы, ценности, часто обобщая их понятием диспозиций. И эта регуляция нацелена на гомеостаз личностной системы регуляции. Высшие же формы юмора детерминируются и регулируются функциями. Во второй главе нами обосновано, что юмор в культурогенезе развивается именно как

высшая психическая функция. Функциями, на наш взгляд, являются и рефлексия, и творчество и воля (произвольность), все психологические механизмы и то, что называют компетенциями. Правда, в отличие от юмора рефлексия и воля на протяжении эволюции психического в истории человека уже трансформировались в структуры и их уже считают личностными чертами. Юмор же продолжает находиться в процессе эволюционного развития. Однако, и психологическая практика и педагогическая практика нуждаются в описательных характеристиках личности, которые фиксировали бы тип и уровень развития юмора, поэтому полный отказ от диспозиционального и дифференциального подходов не возможен, хотя и они требуют внешней по отношению к ним методологической рефлексии, намеченной Т. Томашевским и продолженной нами.

Обратим внимание, что от методологического понятия «вид» мы вернулись к более абстрактному понятию «формы», в большей степени в психологии поглощающему и понятия типа и уровня. Вернулись к понятию формы и потому, что не считаем, что границы между психологическими видами непреходимы. Мы говорим о виде, когда имеем ввиду специфическую особенность, выделившуюся от единого общего в некий специфический класс, по аналогии с тем, как это происходит в биологической эволюции животного мира. Мы говорим о типе, когда речь идет различиях одного и того же, как говорили о типах деятельности в 1 главе. Мы говорим о уровнях, когда речь идет о стадиях развития, сосуществующих одновременно у одного или многих. Под структурой подразумеваем фиксированную конфигурацию психических свойств, чаще всего имеющую фундамент в организме человека, то есть его биологической природе. Под функцией понимаем, некий механизм перехода от одного состояния к другому, то есть средство развития.

Выделение внутри диспозиционального подхода класса структурных черт и класса функциональных черт может показаться оксюмороном. Но к такому различению близко подошел Д.А. Леонтьев, различая среди «мишеней диагностики» структуры и регуляторы, механизмы (Леонтьев Д.А., 2010), для обобщения которых мы привлекает понятие «функций». На наш взгляд, именно различение структурных и функциональных черт объясняет, полученные эмпирически два разных типа юмора: юмора как веселости и юмора как средства совладания, а в понятиях Л.С. Выготского как функции овладения собственным поведением. И если структурные черты могут образовывать разные структуры, в том числе и межуровневые, что отражается в разнообразии форм их кластеризации, наиболее современной из которых является «Большая пятерка» Л. Голдберга, то функциональные черты, скорее всего представляют собой некие «множества точек», которые Д.А. Леонтьев имел в виду под «ядерными структурами» (Леонтьев Д.А., 1993), которые структурами не являются (Леонтьев Д.А., 1993).

Проблему различия структурнообусловленных и функциональнообусловленных видов юмора мы ставим именно как проблему и, потому что на сегодня она не решается в науке, и потому что структуры и функции считаем взаимобратимыми.

Опосредование юмора межличностным и внутренним диалогом

Как уже говорилось, юмор в своем социогенезе зарождается из полифонической смеховой культуры. Будучи интериоризованной, полифония смеховой культуры превращается в диалог личности с личностью, а затем во внутренний диалог. В смеховой культуре Возрождения, как и в юмористическом общении современного человека с другим человеком существует смысловое поле многозначных значений и разнонаправленных эмоций. Оно задает направление развития того, что Г.М. Кучинский называет «смысловыми позициями», присущими диалогу (Кучинский, 1988, с.15). При смеховом общении происходит обмен смысловыми позициями, интериоризация чужих смысловых позиций, за счет чего возможно то, что В.В.Знаков называет как экзистенциальное понимание. Но если в межличностном социальном масштабе результатом юмора является именно диалогическое понимание другого человека, то в масштабе индивидуальном результатом юмора является выработка разных смысловых позиций внутри сознания одного субъекта, что создает возможность внутреннего диалога. Как пишет Леонтьев Д.А.: «юмор в своих высших формах...безусловно связан с внутренним диалогом, с расщеплением личности...» (Леонтьев Д.А., личное сообщение, 2013). Здесь имеется в виду расщепление и автономизация смысловых позиций. А согласно Г.М. Кучинскому, «смысловая позиция – это смыслопорождающий центр...» (Кучинский, 1988, с.17). Кроме расщепления на я-объект и я-субъект (в понятиях Д.А.Леонтьева «Я-центр») возможно «расщепление» на я-идеальное и я-реальное, я-прошлое и я-настоящее, я-для себя и я-для других и др. Согласно П. Олесю, внутренние диалоги по своему содержательному и функциональному значению могут быть диалогами самоидентичности, диалогами самоподдержки, симуляции социальных диалогов, диалогами воображения, а также навязчивыми и диссоциативными диалогами (Oles, 2010). Типов внутреннего диалога может быть так много, как может быть много смысловых позиций. Суть же диалога, согласно этиологическому происхождению значения от слов «два» и «слово», заключается в обмене словами, то есть репликами, выражающими смысловыми позициями. А в психологических словарях подчеркивается, что диалог – это поочередный обмен высказываниями. Подчеркивание поочередности имеет смысл, так как одновременность высказываний, отражающих смысловые позиции, может приводить к коллапсу психической регуляции и/или межличностного общения. Примером того, как диалог реализуется в юморе, могут быть не столько анекдоты, содержащие диалоги

как разговоры, сколько анекдоты, содержащие разные смысловые позиции. Такими анекдотами являются анекдоты про разные национальности (например, про русского, американца и поляка). В них сталкиваются разнообразие смысловых позиций и смысловых логик. В них предлагается рецепиенту или идентифицироваться и вести диалог с представителями других национальностей или выработать свою интегральную, отстраненную и рефлексивную общечеловеческую позицию, которая «сталкивалась» бы с дифференцирующим на национальности принципом анекдота. Подчеркнем, что в большинстве таких анекдотов не бинарная структура диалога, а тернарная структура полилога, что способствует выработке не просто диалогичности сознания, а выработке «я-центра», управляющего и регулирующего диалог. При этом анекдот выступает как средство социализации (Дмитриев, 1998) и как миф (Столлович, 2004). Выработке «Я-центра» (или «метапозиции» по Х. Хермансу) способствует юмор именно за счет присущего ему согласно Томчак-Василевской феномена дистанцирования и феномена диалогичности (Tomczak-Wasilewska, 2009). И. Томчак-Василевска на основе эксплораторных исследований вообще пришла к выводу, что осмысление события в юмористическом ракурсе, ведет к его ценностной переоценке и что «юмор более, чем рефлексия, подходит для ценностной переоценки травмы» (Tomczak-Wasilewska, 2009, с.230). Именно возможность в сознании разных смысловых позиций создает то, что мы называем опосредованием юмора через диалогичность сознания. Диалогичность используется как средство и условие возникновения юмористического отношения к самому себе и саморегуляции посредством юмора.

Опосредование юмора рефлексией

«Я-центр», согласно Д.А.Леонтьеву, является источником способности к системной рефлексии, к тому, что он называет способностью смотреть на себя со стороны. Характеристикой системной рефлексии он считает направленность сознания на себя, а механизмом сознавания – дистанцию между "я" и объектом (Леонтьев Д.А., Салихова, 2007), даже если этим объектом является сам осознающий субъект. Собственно юмористическим можно считать только такое отношение, так как при направленности сознания вовне осуществляется скорее не отношение, а когнитивная оценка объекта как юмористического. При отсутствии же дистанции между Я и объектом юмор осуществляется лишь как настроение или «самоощущение» по Д.А.Леонтьеву. При направленности сознания вовне и отсутствии дистанции между Я и объектом возможно лишь «нерефлексивное отражение» по Д.А. Леонтьеву, то есть «комический образ» и смех по отдельности.. Если же не отказываться от дихотомии субъект – объект, то используя принципы различения режимов сознания по Ф.Е.Василюку (Василюк, 1984, с.27) можно полагать, что высшие

формы юмора возможны только в режиме рефлексии, при которой в качестве и наблюдателя и наблюдаемого выступает субъект. Низшие же формы юмора возможны в трех остальных режимах сознания: переживание, сознавание, бессознательное. Отличие создается опять же за счет того, что при высших формах юмор регулирует Я-центр, при низших – юмор регулируется объектом сознания, то есть исключительно комическим образом объективного объекта в сознании человека. Рефлексия в разных ее формах является тем культурным медиатором в смысле В.П.Зинченко, который будучи уже сам интериоризованным, опосредует возможность юмора даже к трагическим событиям.

Опосредование юмора рефлексией во времени

Проблема существования человека во времени, а не только в пространстве поднята в российской психологии С.Л. Рубинштейном, который рассматривает время как детерминанту процессов становления Бытия (Рубинштейн, 1976).

Рефлексия же (как в этимологическом значении «обращение назад») как, наверное, и юмор, возможна только потому, что существует время и оно течет непрерывно и неизменно. Объективировать себя возможно только потому, что миллисекунду назад человек еще был другим. Вести диалог с собой прошлым и будущим возможно только потому, что течет время. Говорить о себе реальном и себе идеальном можно только потому, что время позволяет приблизиться к идеалу. Время создает возможность самого юмористического отношения к самому себе. Становится возможным обозначение чего-то как юмор (на уровне познавательного отношения) и символизация чего-то как юмористического (на уровне системной рефлексии). То что, мы называем символизацией, Л.Бородицки называет метафоризацией. Согласно Бородицки и развиваемой ею гипотезе метафорического структурирования пространства и времени, «для организации абстрактной информации используются метафоры пространства и времени» (Бородицки, 2010, с.140). В юморе осуществляется отстранение от объекта, то есть объект в значительной степени становится абстрактным и обобщенным. В юморе осуществляется означение чего-то как юмористического. Это создает предпосылки символизации или метафоризации юмора в пространстве и времени. Символизация как вид самообъективации психического позволяет изменить свое отношение к чему-то, расширить его, поднять на уровень абстрактного обобщения. Символизация позволяет времени стать продуктивным. Символизация чего-то в качестве юмористического позволяет изменять время и изменяться во времени. Известно высказывание К.Маркса о том, что человечество, смеясь, расстается со своим прошлым. То есть, смеясь, человек открывает вход в будущее как вход в развитие и новое.

Опосредование юмора рефлексией во времени позволяет превращать ее в механизм самодетерминации личности по Д.А.Леонтьеву (Леонтьев, 2013), который регулирует не только актуальное Бытие человека, но детерминирует развитие и даже переход от одного стиля личностного развития к другому. Нами выделены два основных стиля личностного развития : кризисный и бескризисный (Домбровская, 1995). Использование юмора как психотехники предотвращения кризиса позволяет перейти к бескризисному стилю личностного развития.

Опосредование юмора эстетическим восприятием

Здесь мы поднимаем фундаментальный вопрос взаимодействия и соотношения юмора и феномена эстетического восприятия.

На первый взгляд постановка вопроса в форме «эстетическое и психологическое в юморе» более корректна, чем постановка в форме «юмор и феномен эстетического восприятия». Однако в психологии существует вопрос о психологической природе эстетического восприятия (напр. Беленькая Л.И., Жабицкая Л.Г., Зинченко В.П.) и, на наш взгляд, видится более корректным ставить чувство юмора и феномен эстетического восприятия в один ряд психологических феноменов. В психологии юмора подчеркивается связь юмора и эстетического восприятия как связь юмора и вкуса (Ruch, 2008, p.47) и ведутся исследования связи юмора и эстетического несоответствия (там же).

Между тем, наиболее существенна проблема связи юмора и эстетического восприятия в филогенезе психики. Предположительно они вырастают из одного источника – способности человеческой психики к двойному отражению среды и себя. И если изначально юмор развивается в связке с эстетическим отражением, то постепенно в ходе культурогенеза он продолжает свое развитие в связке с рефлексией.

Вернемся к проблеме эстетического восприятия. По оценке В.П.Зинченко и Е.Б. Моргунова, «проблема формирования эстетического восприятия грандиозна по своей значимости. Она не поставлена в достаточной степени корректно как научная проблема» (Зинченко, Моргунов, 1994, с.275).

Для того, чтобы эта проблема была поставлена корректно, необходимо выделить все эстетическое в самостоятельный феномен психологии, найти обобщающую категорию для эстетического, подобно тому как мы это делали для юмора, и найти рядоположенные феномену эстетического восприятия психологические понятия, то есть произвести коренную «рокировку» в понятийном аппарате психологии. При этом феномен эстетического восприятия становится рядоположенным рефлексии, внутреннему диалогу и юмору, а обобщающей категорией становится категория отражения. Спецификой психического отражения в эстетическом восприятии является 1)

самодистанцирование субъекта от самого себя и 2) двойственность психического отражения. Понятие отражения становится базовой категорией для объяснения феноменов рефлексии, внутреннего диалога, эстетического восприятия и юмора.

И сам феномен психического отражения человека требует выделения уровней его осуществления. Таковыми полагаются следующие:

1. Рефлекторный, который проанализирован А.Н.Леонтьевым в монографии «Проблемы развития психики»
2. Репрезентативный, который, главным образом, изучает семантика
3. Интенциональный, описываемый А.Н.Леонтьевым в монографии «Деятельность. Сознание. Личность», а также В.П.Зинченко, Ф.Е.Василюком через анализ «чувственной ткани» предметного образа.
4. Конструирующий, намеченный в западной философии, когнитивной психологии и в отечественной психологии А.Г.Асмоловым и В.Ф.Петренко.

Юмористическое отражение объектов внешнего и внутреннего мира может осуществляться на любом уровне или на всех сразу. Определяющими для качества юмора чаще всего являются одновременно только два уровня. При эстетическом развитии юмора юмор предстает как конструирующая репрезентация объектов в сознании. Этот тип юмористического отражения был доминантным в культурогенезе личности.

При этом в ходе культурогенеза эстетическое само расчленяется на подвиды: трагическое, героическое, комическое. В истории культуры уже в античности из обще «поэтического» выделяется жанр комического (Аристотель), юмор же выделяется из комического только в 17 веке (Бен Джонсон). То есть юмор развивается в русле эстетического и эстетическое является основным фактором становления зрелой (комплексной: рефлексивной и дезинтегративно-интегративной) формы юмора и в истории человека и в его онтогенезе. Ю.Б. Борев даже полагает, что «чувство юмора – разновидность эстетического чувства» (Борев, 2002, с. 91).

Согласно А. Бергсону, «смех ... не относится к области чистой эстетики, поскольку он преследует ...полезную цель всеобщего совершенствования. В нем есть, однако, и нечто от эстетики, потому что комическое возникает в тот самый момент, когда общество и личность, освободившись от забот о самосохранении, начинают относиться к самим себе как к произведениям искусства» (Бергсон, 1992, стр.21).

При регрессе личности при ранних стадиях алкоголизации наблюдается феномен «алкогольного театра» (Братусь, 1988, с. 250). Это подтверждает эстетико-театральную версию происхождения юмора. Но юмор в процессе филогенеза и своего историко-эволюционного формирования отрывается от

эстетического и в науке становится категорией рядоположной феномену эстетического восприятия.

Если «выстраивать логику» развития чувства юмора в онтогенезе, то получается следующее: в младшем школьном возрасте смешное является как бы дополнительным к героическому и прекрасному, одним из трех первично появляющихся критериев различения обыденного и эстетического (Беленькая, 1979). В возрасте 10-11 лет выявляется только один критерий отличия эстетического от неэстетического. Эстетическое оценивается как «возвышенное». Можно предположить, что в этом возрасте возникает предпосылка отрыва чувства юмора от эстетического чувства. И развитие чувства юмора идет как развитие антитезы «возвышенного» и «обыденного» и даже «низового» (в смысле М.М. Бахтина). И тогда чувство юмора сливается с физиологически обусловленным чувством смешного и физиологическим смехом от раздражающего восприятие стимула или воздействия. В подростковом возрасте именно «низовое» и «телесное» является часто предметом осмеяния у других или мучительного переживания у себя. Далее, в ходе образования и воспитания чувство юмора опять «возвышается» до целостно проблемного. И если в детстве смешным чаще всего оказывается безобразное, нелепое, несоответствующее, в подростковом – «низовое», телесное, ущербное, то при переходе к взрослому личностному типу регуляции актуализируется чувство юмора как «проблемное», в том числе диалектическое (диалектика возвышенного–низового, нормативного–ненормативного, реального-идеального, отражаемого и отражения и др.). Чувство юмора из некоего психологического механизма, актуализируемого когнитивными, эмоциональными, эстетическими или рефлексивными способностями, превращается в психологический механизм, актуализируемый сознанием как многоуровневым способом отражения мира и регуляции жизнедеятельности и выделяется в самостоятельный феномен психического отражения.

Называя понятием «смех» все юмористическое, Н.В. Гладких пишет «В целом ряде пунктов смех близок акту эстетической деятельности... Смеющийся всегда трансградиентен (Бахтин) к объекту смеха, видит его со стороны. Смеющегося можно сравнить с автором, который обладает избытком видения (Бахтин) по отношению к объекту (герою), выделяет некое событие, организованное вокруг объекта (героя), отделяет существенные моменты, оценивает, оцельняет и завершает событие. Отличие от творческого акта – в пассивности смеющегося. Смех – как бы спонтанная прото-художественная форма эстетической объективации жизни» (Гладких, 1999).

Нужно признать и то, что в современности эстетическое все более и более «вытесняется» рефлексивным. Общее в рефлексивном и эстетическом – возможность воспринимать одновременно и полюс субъекта и полюс объекта. Отличие в том, в какой деятельности осуществляется это «двойное отражение»: в обыденной (рефлексия), в деятельности самопознания

(внутренний диалог) или в специально организованной эстетической воспринимающей или творческой деятельности.

Вопрос о том, что наиболее определяет развитые формы чувства юмора: рефлексия, внутренний диалог или способность к эстетическому восприятию, остается открытым. Однако, на наш взгляд, способность к эстетическому восприятию с ее «двойным отражением» и самодистанцированием определяет филогенетически способности к диалогу и к рефлексии.

Юмор как средство самотрансценденции

Несмотря на давнюю традицию осмысления феномена трансценденции в философии (Августин, Кант, Киркегор, Франк и др.) и интенсификацию исследований в современности (Гайденко, 1997; Жаров, 2007; Аминова, 2006 и др.) в психологии он начал осмысляться только в середине 20 века и осмыслен недостаточно. Так, В. Франкл, с именем которого чаще всего связывают понятие «самотрансценденции» как способности человека трансцендировать самого себя, выходить за свои пределы, противопоставил два способа существования человека: ориентированный на гомеостаз и на трансценденцию (Франкл, 1990, с.54). Трансценденция, по В. Франклу, связана с открытостью системы регуляции человека. Она в значительной степени обеспечивается таким психологическим механизмом как юмор, а в психотерапии – психотехникой парадоксальной интенции. В. Франкл пишет так: «Все человеческое обусловлено. Но собственно человеческим оно становится лишь тогда и постольку, когда и поскольку оно поднимается над своей собственной обусловленностью, преодолевая ее, «трансцендируя» ее» (Франкл, 1990, с.111), поднимаясь к тому, что В. Франкл называет «ноэтическим измерением» человеческого существования. К. Дабровски обосновывает возможность преодоления своего биологического типа (Dabrowski, 1989). М.Е. Бурно отмечает, что понимающе-юмористическое отношение к себе наиболее способствует преодолению психастенических трудностей (Бурно, 1989, с. 222). Э. Фромм полагает, что во всех понятиях трансценденции есть общее – «выход за рамки нашего всепоглощающего Я, освобождение себя из тюрьмы эгоизма посредством налаживания контактов с окружающим миром» (Фромм, 1990, с.162), то есть переход от биологического «монадного» типа существования к социальному, открытому. Закономерности трансценденции биологической, природной детерминации жизнедеятельности к социальной детерминации и адаптации в социуме прослежены Э.Фроммом в работе «Здоровое общество» (Фромм, 2006). Закономерности трансценденции социального типа детерминации к личностному типу детерминации в значительной степени проанализированы А.Маслоу в последней его работе «Новые рубежи человеческой природы» (Маслоу, 1999). В ней А. Маслоу, после рассмотрения 35 различных смыслов понятия трансценденции, приходит к необходимости признания того,

что в обществе уже сложился определенный тип людей, отличающийся от «просто самоактуализирующихся личностей», – тип «трансцендеров». То есть способность к самотрансценденции уже можно считать не просто особой психической функцией, но и структурой личности. К ее развитию, согласно Маслоу, ведет особый тип познания, отличающийся от «дефицитарного» – «бытийный тип» (Маслоу, 1999), то есть трансценденция идет через «ноэтический» по Франклу уровень личностной регуляции. Понятие «ноогенеза» в значительной степени объясняет психологические механизмы трансценденции человеком биологического и социального типов существования, а также перехода субъективной реальности личностного типа существования в объективную реальность ноосферы. Понятие «ноогенеза» как принципа трансценденции и эволюции природы человека, смыкается с понятием творчества и понятием «жизненного порыва» А.Бергсона (Бергсон, 2006) и объясняет феномен сознания и рефлексии. По А. Бергсону, сознание как потребность творчества пробуждается, «как только вновь возникает возможность выбора» (Бергсон, 2006, с.103). По С.Л. Франку, трансцендентальное мышление возникает в ответ на потребность постигать непостижимое, трансцендировать его «во-вне» к отношениям «я–ты» и «во-внутри» к духу, а также рефлексировать «условия предметности» мышления и овладения реальностью (Франк, 1990, с.303). Сознание создает возможность трансценденции биологического и социального уровней к идеальному и личностному. Согласно А. Маслоу, «...в нашей биологической истории мы пришли к такому моменту, когда должны принять на себя ответственность за свою собственную эволюцию. Мы стали «самоэволюционирующими»» (Маслоу, 1999, с.7). Пример перехода от социального уровня существования к идеальному посредством юмора А. Маслоу описывает так: «Например, мне наскучила академическая церемония, в которой я участвую, и я чувствую себя несколько смешным в шляпе и мантии. Но внезапно я начинаю ощущать себя не утомленным и раздраженным человеком, находящимся в данный момент в определенном месте, а неким символом, действующим под знаком вечности. В моем воображении возникает академическая процессия, протянувшаяся из прошлого в будущее далеко-далеко, гораздо дальше, чем я могу видеть. Во главе ее находится Сократ, и многие люди предшествовавших поколений участвуют в ней, а я — последователь и продолжатель всех великих академиков, профессоров и интеллектуалов. И я вижу также процессию, продолжающуюся за мной в неясную, туманную бесконечность, где места в процессии займут еще не родившиеся пока люди, которые станут интеллектуалами, учеными и философами. И я ощущаю приятную дрожь, испытываю большую гордость, что участвую в этой процессии, горжусь своим одеянием и собой как человеком, причастным к великому делу. То есть я стал символом; я нечто вне своей телесности. Я стал не просто индивидом, но "ролью" вечного учителя, платоновской идеей учителя» (Маслоу, 1999, с. 158).

Подчеркнем, что несмотря на то, что сам А. Маслоу объясняет этот случай трансценденции как переход к осознанию социальной роли, мы полагаем его переходом к идеальному измерению за счет того, что происходит символизация роли в историческом времени, превращаемом в пространство культуры. То, что социальный ритуал (игра) показался смешным, позволило перейти к другому уровню осознания и существования. И если В. Франкл говорит о том, что «юмор позволяет стать выше своих неприятностей...» (Франкл, 2000, с.5), то мы можем уже сказать, что юмор позволяет стать выше самого себя. Согласно Д.А. Леонтьеву, «человек есть человек в той мере, в которой он выходит за пределы самого себя и преобразует то, что ему дано» (Леонтьев Д.А., 2010б, с. 130). И юмор, обращенный на самого себя, является средством трансценденции самого себя, преодоления своей биологически и социально заданной индивидуальности, перехода к личностной самодетерминации. Подтверждает возможность использования юмора как средства трансценденции опыт применения и стандартизации разработанного в США опросника выраженности позитивных ресурсов личности М.Селигмана и К.Петерсона на русскоязычной выборке. Интересно, что шкалы опросника на англоязычной и русской выборке факторизуются по разному. Так в фактор трансценденции, сопряженной с духовностью, в англоязычной выборке шкала чувства юмора не входит, а в русскоязычной входит (Буровихина, Леонтьев, Осин, 2007). Мы склонны это объяснять тем, что именно в русской культуре родилась традиция юмористического отношения не только к объектам вещного мира и к другим людям, но и к самим себе (см. гл. 5). Юмор, обращенный субъектом на самого себя, позволяет перейти от внешней регуляции своих психических состояний, процессов и черт к регуляции внутренней и самодетерминируемой, то есть к саморегуляции не только наличного Бытия, но и личностного развития и развития способов саморегуляции. Полученная в этом же исследовании методом срезов динамика корреляции чувства юмора с нравственным ресурсом у старших школьников, а у студентов с ресурсом социального взаимодействия (там же) нам не понятна, но понятен и приятен рост корреляции чувства юмора с ресурсами самотрансценденции.

Логический анализ психологических механизмов юмора

Разнообразие индивидуальных психологических механизмов юмора почти очевидно, оно определяется разнообразием (вариативностью) личностных особенностей человека, но на данный момент разработка проблемы разнообразия психологических механизмов юмора лишь начата работами Симонова П.В и Розова А.И., а также В.Раскина и последователей. Трудности определения типов психологических механизмов вызваны тем, что они непонятны без учета уровня или регистра существования или вида жизненного мира. Между тем, проблема разнообразия психологических

механизмов юмора проясняется, если использовать онтологию жизненных миров Ф.Е.Васильюка. Так он выделяет 4 типа жизненных миров или онтологических полей существования по критерию различения легкости-трудности внешнего мира и простоты-сложности внутреннего мира. При этом его типология согласуется с выделенными нами уровнями и типами личностной регуляции. В связи с чем мы, используя типологию Ф.Е. Васильюка , предлагаем сводную таблицу:

Уровень регуляции	Онтологическое поле по Василиюку	Тип активности по Василюку	Внутренняя необходимость по Василюку	Нормальные условия по Василюку	Тип критической ситуации по Василюку	Тип одноуровневых психологических механизмов юмора	Тип многоуровневых психологических механизмов юмора
Биологически	витальность	Жизнедеятельность организма	Здесь-и-теперь удовольствие творение	Непосредственная данность жизненных благ	Стресс	Отреагирование по Фрейду	Сублимация по Фрейду
Социальный	Отдельное жизненное отношение	Деятельность	Реализация мотива	Трудность	Фрустрация	Обесценивание или «переключение» отношений по Стерну	Уход в фантазирование
Идеальный	Внутренний мир	Сознание	Внутренняя согласованность	Сложность	Конфликт	Несоответствие по МакГи Аксиом	Остроумие по Луку или творчес

						атизации я по Розову Игра предста влений по Канту или контрас т предста влений по Раскину	тво
лично стный	Жизнь как целое	Воля	Реализа ция жизнен ного замысл а	Труднос ть и с ложнос ть	кризи	Прогноз ировани е по Симоно ву	Жизнет ворчест во по Д.А.Лео нтьеву

Если сопоставлять «онтологические поля» Ф.Е.Василюка и «регистры существования» по Мамардашвили-Леонтьеву, то первые два уровня представляют собой регистр спящего сознания, а вторые два регистр бодрствующего сознания. Психологические механизмы спящего сознания одноуровневые, бодрствующего межуровневые.

Предложенную нами таблицу, систематизирующую научное знание о психологических механизмах юмора, можно заполнить полнее, но на наш взгляд в ней в достаточной мере представлен принцип регуляции посредством юмора, направленный на гомеостаз (одноуровневые психологические механизмы) и на самотрансценденцию (межуровневые психологические механизмы). В зависимости от типа жизненной ситуации могут быть оптимальными или те, или другие. Развитию способствуют межуровневые механизмы, но к развитию как самоцели вряд ли нужно стремиться. Межуровневость регуляции, развитие регуляции посредством юмора, как и само развитие нужны не как самоцель, а как способ

преодоления и профилактики трудных и сложных, то есть критических, ситуаций.

Заключение по главе 3:

Юмористическая регуляция является межуровневой и зависит от локализации доминанты и субдоминанты на разных уровнях. К патологизации ведет одноуровневая юмористическая регуляция.

Юмор существует в двух разных формах (режимах) экзистенции: в режиме регуляции, направленной на гомеостаз, и в режиме регуляции, направленной на трансценденцию. Низшие виды юмора сопряжены с веселостью как структурной чертой личности. Высшие виды юмора опосредуются рефлексией, диалогичностью сознанием, эстетическим восприятием, осуществляются как функция овладения поведением и как функция самотрансценденции. Поскольку структура и функции могут быть обратимы, возможны переходы от одного вида юмора к другому.]

Глава 4. Роль юмора и его нарушений в психической патологии, реабилитации и личностном развитии

Проблема юмора не является магистральной ни для психологии, ни для психиатрии, и в специализированной психиатрической и патопсихологической литературе мало посвященных ей работ. В тоже время клиническими психологами и психиатрами предлагаются описания наблюдений над спонтанными проявлениями смеха, улыбки, вербального и поведенческого чувства юмора (дурашливость, веселость). И хотя попыток интерпретации этих проявлений совсем немного, и они в основном сводятся к называнию, обозначению наблюдаемого в виде «смеховой депрессии» (Ю.С. Савенко, Б.Д. Карвасарский) или «расстройств чувства юмора» (В.М. Блейхер, И.В. Крук), или проблемы «расщепления аффекта» на смех и агрессию (А.Е. Личко), все же это позволяет обозначить проблему юмора как относительно самостоятельную и поставить вопрос о роли юмора и его нарушений в психической патологии и реабилитации, а также личностном развитии.

4.1. Анализ феноменологии юмора в норме и патологии

На сегодня уже осознана регуляторная роль юмора в качестве защитного механизма (Фрейд, 1991; Лук, 1975; Иванова, Ениколопов, 2006; Мартин,

2009; Бороденко, 1995; Дедов, 2000) и в качестве психической функции (Домбровская, Леонтьев Д.А., 2000; Иванова, Ениколопов, 2006), однако, на наш взгляд, наиболее очевидно эта роль обнаруживается при анализе проявлений юмора, смеха и улыбки в ситуациях психической патологии. Кроме того, в традиции отечественной психологии ни одно явление не может быть понято, если не рассмотрено с точки зрения патологии и при патологии (Л.С. Выготский). И если верно положение о том, что при патологиях психики регрессирует на низшие уровни своего развития, то предлагаемый подход позволяет рассмотреть юмор на низших ступенях своего историко-эволюционного развития с точки зрения его функционального значения в истории человеческого вида.

Задачей этой главы является анализ роли юмора и его нарушений в психической патологии и реабилитации, а также в личностном развитии. Следует отметить, что при интерпретации любой патологии, согласно Б.Д.Карвасарскому есть два основных риска: 1) биологизации и 2) социологизации (Карвасарский, 1990). Когда речь идет о феноменологии нарушений юмора, смеха, улыбки возможен и третий риск – риск идеализации (семиотизация и виртуализация). Этих рисков можно избежать при собственно психологическом подходе к явлению, учитывающем вариативность и многоуровневость личности и, конкретно, чувства юмора как системной, регуляторной по своей природе личностной способности. Дисгармоничность или недостаточность личностной регуляции приводит к появлению того смеха, который описывается как «патологический смех» (Askenasy, 1987). Патологичность может быть основана также на разрушении связи смеха, улыбки и юмора в силу того, что при патологиях личности нарушаются связи человека с миром, и восприятие не обусловлено предметными характеристиками объектного дифференцированного мира, то есть нарушается системность уровневого строения существования человека в его связях с миром. Человек при патологии становится неспособным абсолютно рационально и рефлексивно регулировать свое поведение, мышление, деятельность и жизнедеятельность. Мы предполагаем, что смех и юмор определенным образом замещают недостаток регуляторных способностей человека, а также способность к строго последовательному формально-логическому мышлению.

Анализ психиатрической нозологии, связанной с нарушениями юмора и смеха

В современной медицине смех, юмор, улыбка, веселость (с которой связал юмор И. Кант, 1966) чаще всего упоминаются не в контексте рассмотрения целостной личности, а в контекстах конкретных психофизиологических, биологических или социальных проблем человека.

В частности, о юморе говорится в контексте нозологии шизофрении (Кудрявцев, 1989, с.41), алкоголизма (Булахова, 1989, с.150); улыбка, носящая «подражательный» характер рассматривается в нозологии олигофрении (Булахова, 1989, с. 159; Уманский, 1989, с.25). Также смех упоминается в контексте нозологии эпилепсии (Askenasy, 1987), афазии (Wilson S. A. Patological laughing and crying.-J. Neurol.Psychopatol.,1924 приводится по Выготский, 1984, с. 146), депрессии (Карвасарский, 1990, с. 91; Блейхер, Крук, с.182), суицидальных наклонностей (Блейхер, Крук, 1995, с.182), общих дисфункций организма (Карвасарский, 1990, с.144, с.160), а отсутствие юмора, смеха и улыбки оценивается как симптом психотропной интоксикации (Пятницкая, 1989, с.153). И отсутствие смеха, улыбки и их гипертрофия, могут быть вызваны приемом ЛСД (Рейковский, 1979, с.86).

Клиницисты для описания «смеховых проблем» используют такие выражения, как: «смеховая депрессия» (Б.Д. Карвасарский), «ироническая депрессия» и «депрессия улыбающаяся» (В.М. Блейхер), «манерная дурашливость» (И.В. Кудрявцев), «непрерывное хихиканье» (Дж. Ашкенази), «алкогольное веселье» (Л.А. Булахова), «алкогольный театр» (Б.С. Братусь), «воспринимаемое осмеяние» (А.Е. Личко).

В психотерапевтической работе смех, улыбка, юмор могут быть признаками психологического сопротивления (Ташлыков, 1989, с. 246; Томэ, Кехеле, 1994, с.17), а могут быть и признаком установления межличностного контакта и доверия (Аккерман, 1994, с. 39).

Анализ проблематики смеха в контексте психиатрической нозологии в комплексе с анализом феномена подавленности или слабости биологического уровня вслед за Ю.С.Савенко приводит Б.Д. Карвасарский, используя для их совокупного определения понятие «смеховая депрессия» (Карвасарский, 1990, с. 91). В.М. Блейхер для обозначения этих близких явлений использует понятие «депрессии улыбающейся» и считает его взаимозаменяемым с понятием «депрессии иронической» (Блейхер, Крук, 1995, с. 182, с.186).

Даже ориентируясь на наименования предложенных терминов можно говорить о том, что эти депрессии – культурные, знаковые. Названия здесь подчеркивают разный генезис психологических механизмов патологизации личности – с доминантой на биологическом (смех), социальном (улыбка), идеальном (ирония). Карвасарский описывает смеховую депрессию как состояние «интенсивной, но поверхностной дезинтеграции» (Карвасарский, 1990, с.91). Воспроизводимая одноуровневая, а не интегрально-личностная регуляция поведенческих актов, потенциально может приводить к суицидальным намерениям, о риске которых при всех видах смеховой, иронической, улыбающейся депрессии, говорят и Б.Д.Карвасарский, и В.М. Блейхер.

В результате попытки систематизации дисфункций смеха Дж.Ашкенази пришел к выводу, что основными типами патологических проявлений являются эпидемический смех, распространяющийся в группе по принципу

социального заражения или биологического подражания, никак не связанный с чувством юмора как способностью личности, и смех, индуцированный химическими веществами или психотехническим воздействием, приводящим к нарушениям на биологическом уровне. Проведенный Дж. Ашкенази анализ этих случаев в контексте различных психиатрических нозологий позволяет говорить об адекватности рассмотрения патологических приступов смеха только в контексте эпилепсии (Askenasy, 1987, с.324). Подмечая вслед за Уманским известность эпилепсии как самой древней психической болезни, мы можем говорить о том, что смех как биологическая реакция глубоко укоренен в биологической природе человека и прошел длительный путь своей эволюции до культурной, нормативной связи смеха и юмора. При патологии же эта связь нарушается. Так А. Кемпинский отмечает, что смех гебефреника не имеет причины (Кемпинский, 1998, с.19), то есть не связан с чувством юмора.

В поисках локализации юмора, смеха в структуре головного мозга ученые обнаруживают множественно-точечную локализацию там же, где зоны сексуальности (Psychology of humor, 1972), а Дж. Ашкенази обнаруживает локализацию только для патологического смеха – там же, где строго «точка» агрессии (Askenasy, 1987). Это подтверждает гипотезу о филогенетическом генезисе смеха из агрессивных и сексуальных импульсов, обосновываемую и этологическими наблюдениями К.Лоренца (Лоренц, 1994). В процессе же филогенеза произошло условно рефлекторное замыкание связей агрессивной активности с активностью сексуальной и следующим за ней удовольствием, которое в процессе культурогенеза трансформировалось в эмоцию радости и настроение веселости. В норме у современного человека по данным того же Дж. Ашкенази психическая функция юмора, смеха не локализуется (Askenasy, 1987). При нарушениях чувства юмора смех и чувство юмора вообще не связаны и могут рассматриваться отдельно. Нарушения чувства юмора Дж. Ашкенази связывает с нарушениями контекстности восприятия, которую было бы интересно исследовать и в норме и в патологии и не только при чувстве юмора по отношению к его предмету и предметному контексту.

В целом, системный патопсихологический анализ, проведенный Ашкенази, позволяет сделать вывод о том, что дисфункции чувства юмора вне рассмотрения целостной системы личностной регуляции понять невозможно. Как невозможно это понять и вне развития личности.

Рассматривая случай не сходящей с лица улыбки у девочки младшего школьного возраста, и не обнаружив какой-либо задержки психического развития, К.Г. Уманский объясняет анализируемый феномен фактом неправильного – ситуативного, манипулятивного (Уманский, 1989, с. 25) и, мы бы сказали, «отчуждающего воспитания». Улыбка здесь не юмористической, а отражательной природы. Девочка воспринимает внешние впечатления, но не может их дифференцировать из-за несистемного воспитания, с чем и связана эта непрерывная улыбка.

М.В. Бороденко на основе анализа исследований улыбки в младенчестве полагает то, что «если улыбка как реакция на лицо взрослого не появляется к третьему месяцу жизни, можно прогнозировать серьезную психическую патологию (шизофрению) или последующую физическую смерть ребенка» (Бороденко, 1995а, с.17). Л.С. Выготский отмечает, что улыбка появляется как реакция на голос взрослого (Выготский, 1984а, с.280). В.М. Бехтерев вообще не замечает проблему улыбки, описывая онтогенез своей дочери.

Феномен «алкогольного театра»

В специализированной литературе также встречаются примеры соотнесения проблемы юмора и алкоголизма. Склонность к «веселому времяпровождению», не связанному с восприятием комедий, анекдотов, шуток, смешных изображений, может возникать и при приеме алкоголя, вызываясь девиациями характера или приводя к ним (Пятницкая, 1989, с. 150), приводя к одноуровневой саморегуляции, к независимости реакций и поведения от внешнего мира.

При длительной алкоголизации наблюдается феномен «алкогольного юмора», когда смеховую реакцию не вызывают юмористические стимулы (рисунки, тексты), а смехопорождающим становится сам процесс выпивки (Братусь, 1988, с.250). Так, он пишет: «... в казалось бы, шуточных высказываниях больного алкоголизмом нередко сквозят нотки агрессивности, направленности против окружающих их людей, против тех, кто ведет иной, трезвый образ жизни. Надо отметить, что больные алкоголизмом вовсе не обладают реальным чувством юмора. По мере деградации они становятся все менее способными уловить смысл юмористического рисунка или текста. Зато смешное начинают усматривать в том, что с точки зрения нормального восприятия не является таковым. При этом основным предметом шуток неизменно остается выпивка и связанный с ней комизм. Больные охотно рассказывают о своих приключениях в вытрезвителе, кто с кем, когда, сколько, при каких обстоятельствах пил» (Братусь, 1988, с.250). По оценке Б.С. Братуся, алкогольная деятельность является иллюзорно-компенсаторной. Общение представляет собой имитацию душевного общения здоровых, оно со временем становится все более стереотипным, «алкогольное действо» – все более свернутым, все менее опосредованным, его участники – все более случайными и легко заменимыми (Братусь, 1988, с. 250). И если начало алкоголизации человека в группе, в алкогольной компании можно назвать «алкогольным театром» (определение Б.С. Братуся), то по мере деградации человек не только выбирает случайных собутыльников, но может вообще отдалиться от людей, у него может развиваться отчуждение от общества, развиваться так называемый «мрачный юмор» алкоголика. По мере алкоголизации разрываются связи смеха, юмора и веселости, то есть

культурной и натуральной составляющих юмора, которые в норме всегда взаимодействуют. Порождается «черный юмор» и своеобразная психологическая «черная желчь», которая отличается от конституциональной меланхолии. Если меланхолический темперамент позволяет человеку концентрированно отражать общественные представления и настроения (по выражению В.Короткевича: «меланхолики – страдальцы за народ»), то мрачный черный юмор отличается малым разнообразием, сужением предмета юмора, недостаточным или неадекватным, но глобализированным отражением объектного мира. Алкоголики все похожи. Алкоголик не выделяется из группы, он сливается с ней. «Театр» алкоголика превращается в театр одного актера для одного зрителя – бутылки. Но некоторая театральность алкоголического скатывания на низшие уровни психической саморегуляции позволяет считать верной гипотезу о театральном происхождении юмора.

Феномен воспринимаемого осмеяния.

А.Е. Личко (Личко, 1989, с. 58) описан случай восприятия подростком чужого смеха, который мы называем «феноменом воспринимаемого осмеяния». Этот феномен возможен благодаря психологической подмене межличностных контактов, и «прояснению» отношений явлением некоей проецированной во внутренний мир социальности. Смех группы воспринимается подростком как факт осмеяния его личности в целом. Это смех группы, а не смех отдельных ее членов. Этот групповой смех как бы интериоризуется целиком, по типу «шва» (Л.С. Выготский). Непонятая социальность превращается в недифференцированную субъектность. Механизмы личностной регуляции в этой ситуации не включаются. При этом подростком понимается чужеродный, производный, отражательный характер своего акта восприятия стороннего смеха. Не исключено то, что кажущееся осмеяние возникает из-за отсутствия средств интерпретации социального взаимодействия и при этом торможения подражательной реакции собственного смеха. Возможно то, что само слово «смех» возникает в сознании подростка как некий условный знак для обозначения ситуации. И поскольку в подростковой субкультуре распространен страх быть высмеянным, то этот условный знак является достаточным для первичной оценки ситуации. Этот знак непонятен подростку. Даже в философии, психологии, культурологии он недостаточно расшифрован. Получается, что слово-знак «смех» само становится объективным опорным признаком интерпретации не только ситуации, но и своей зарождающейся в подростковом возрасте личностной регуляции. В этом же, возможно, кроется и механизм «метафизической интоксикации». При этом возможны психологическая слитность субъекта и объекта, не выделение человеком себя из среды как субъекта. Слово «смех» возникает как замещение своей собственной произвольной реакции смехом на смех. По

аналогии с тем, как в случаях, запротokolированных Л.С. Цветковой (Цветкова, 1995), смех замещает аналитическую деятельность, здесь знак замещает даже сам смех.

В заключение интерпретации случая воспринимаемого осмеяния приведем формулировку проблемы, сделанную самим подростком: «все над ним смеются» (Личко, 1989, с.58). Анализ шел по пути поиска причин осмеяния, которые сводились к тому, что смеются «из-за носа и уродства», то есть идеального образа самого себя. Как шел процесс терапии и реабилитации, сам А.Е. Личко не описывает, но заключение формулирует не в терминах психиатрической нозологии, а как «сензитивность и дискордантность характера» (Личко, 1989, с. 58). Мы посчитали важным подробно проанализировать этот случай, приводимый А.Е.Личко, потому что в психологической практике неоднократно встречались с жалобами подростков, что им кажется, что над ними смеются. И анализ случая воспринимаемого осмеяния из практики Личко позволил нам наметить пути социальной адаптации подростков с такими проблемами средствами экзистенциального консультирования, в соответствии с его принципами, описанными Э. Дезен-Смит с обучением способам альтернативной и множественной интерпретации проблемного феномена (Deurzen-Smith,1988), а также переинтерпретации его негативного смысла группового осмеяния как способа отчуждения подростка от группы в позитивный для подростка субъективный смысл группового осмеяния как некоего «подарка судьбы», благодаря которому подросток может усвоить независимость поведения и мышления от референтной молодежной группы и перейти к самодетерминируемому пути личностного развития. Разумеется необходимой была и выработка новых правил нового автономного поведения в группе и нового типа межличностных отношений, а также и ответного, но примиряющего собственного юмора

Диагностическая и прогностическая роль юмора в клинической и консультативной психологической практике

Анализируя описанные в научной литературе случаи смеха в диагностической практике, можно сделать вывод о том, что при решении интеллектуальных задач в ходе диагностики смех может сопровождать инсайт, подтверждать понимание целого сюжета в серии картинок или выделения главного и его вербализации в назывании обобщающего типа (Цветкова, 1995, с. 68). Как показывает анализ протоколов, приводимых Л.С. Цветковой в монографии «Мозг и интеллект», смеховая реакция вместе с обобщением и/или выделением главного в конкретных ситуациях может замещать когнитивную деятельность по последовательному, пошаговому анализу задачи и ее решения, а также критическую оценку найденного решения. Быстрый ответ, сопровождающийся смехом, является своего рода «обходным путем» (в понятиях Л.С. Выготского) необходимости думать последовательно,

компенсацией дефектов и пробелов понимания, и кроме того признаком «свернутости» деятельности. Наблюдаемая же клиентом улыбка на лицах предъявляемых ему рисунков, проявляется как способ отвлечения внимания от цели задачи, и тем самым может способствовать глубокой диагностике сохранности интегрирующей способности мышления и личности, возможностей регуляции целенаправленной интеллектуальной деятельности.

С проблемой понимания, а именно глубиной понимания ситуации, связывают смех и чувство юмора и в философии. «Способность видеть смешное в привычном, чувство юмора – обычно свидетельство глубокого понимания ситуации» (Гусев, Тульчинский, 1985, с.172). Это также подтверждает связь юмора, смеха и инсайта. Приводимая цитата не противоречит положению о компенсаторности юмора, так как смех, юмор компенсирует пробелы понимания логического и восполняет дефицит регуляторных способностей личности.

При диагностике клиентов с аномалиями личности в практике автора причиной их смеха было непонимание вопросов методики, когда смеховая реакция замещала аналитическую деятельность, или сопротивление тестированию, вследствие непонимания важности процедуры для официально необходимой социально-психологической характеристики, причем смех и юмор здесь также замещали необходимость признания смысла тестирования.

В консультативной работе автора проявления юмора и улыбки встречались гораздо чаще, чем в диагностической. В этом случае, по нашему мнению, юмор восполняет или дополняет межличностный контакт, переводя общение и/или проблему на другой уровень осмысления, то есть представляет собой дополнительный и «непрямой» механизм развития.

Таким образом, спонтанный смех, юмор, улыбка могут использоваться клиентом как компенсаторная реакция в ситуациях непонимания и дефицита регуляторных способностей, а клиницистами для дифференцированной оценки этих способностей личности.

Необходимо признать, что в настоящее время в отечественной психологии более популярной, чем идея компенсаторности юмора, является идея развивающего значения юмора (Бороденко, 1995). Вопрос о смысле юмора в регуляции по большому счету остается открытым. И предлагаемое нами определение смысла юмора в регуляции как компенсаторного требует уточнений хотя бы потому, что уточнений требует и само понятие компенсаторности. Так, Б.С. Братусь, исследуя аномалии личности при алкоголизме, определяет компенсаторность как «компенсаторно-иллюзорную деятельность» (Братусь, 1988). В приводимых нами примерах компенсаторность, скорее, следует рассматривать как компенсаторно-эволюционный смысл смеха, как компенсаторное подключение личностной регуляции к интеллектуальной деятельности, которое создает путь эволюционирования личности человека через понимание и через память как целостность судьбы. Смех и юмор, на наш взгляд несут компенсаторный (в

понятиях Л.С. Выготского) смысл. Необходимость в юморе зарождается тогда, когда не хватает способностей к формальному логическому мышлению. И юмор предстает как механизм психики, создающий «обходной путь», компенсацию этого дефицита. В этом – индивидуальное приспособление. И в этом же – видовое развитие (Домбровская, 2010в). Не исключено, что юмор может носить и компенсаторно-иллюзорный смысл. Как, например, в случаях «дурашливой веселости» или «алкогольного театра».

Роль юмора в случае активных шуток клиента определить сложно, но необходимо. Так, например, С.Г. Обухов приводит случай, когда клиент на вопрос «Что Вас сюда привело?» отвечает «ноги» (Обухов, 2007), что на первый взгляд является признаком конкретного мышления, но с позиций целостной ситуации этот ответ является скорее признаком сохранности личности, а соответственно и сохранности многоуровневой регуляции.

У самого клинициста должно быть достаточно способностей к восприятию юмора с целью его идентификации. Способность к восприятию смешного, юмористического позволяет клиницисту заметить многоуровневость личностной регуляции клиента и, следовательно, личностный потенциал развития. Что же касается способности к производству юмора, то здесь ответ не так однозначен. Активные шутки терапевта с одной стороны могут спровоцировать неадекватное поведение клиента, в случае если у него дефицит регуляторных или когнитивных способностей, а с другой – могут и диагностировать их наличие. На наш взгляд, дозволенность этих шуток зависит от конкретной ситуации. Кроме того, применяя активный юмор в своей работе, клиницист должен делать это не спонтанно, а рефлексивно, как «метод познания», а не как «метод провокации». Анализ смеха клиента позволяет уточнить диагноз. Так, согласно А. Кемпинскому, «маниакальный комизм конкретен, а гебефренический абстрактен» (Кемпинский, 1998, с.19). Он же отмечает, что активность и дурашливость гебефреника носит катастрофический оттенок: «Смеемся и безумствуем, ибо все бессмысленно» (Кемпинский, 1998, с.20), что переводит проблему из проблемы юмора в проблему смысла.

В случае же если, клиент способен к восприятию и производству юмора, последний используется как метод развития личности, развития саморегуляции и развития социальной компетентности (Бурно, 1989, Бурно, 1993; Дедов, 2000; Умярова, 2008; Семенова, 2009, Мартин, 2009; McGhee, 1999). И если при патологии смысл юмора понимается нами как однозначно компенсаторный, то при норме высвечивается его развивающая роль.

Таким образом, в клинической практике стоит обращать внимание на спонтанные проявления юмора, смеха, улыбки, учитывать их компенсаторный смысл и оценивать их в контексте прогностической диагностики как метки тенденций патологизации или позитивного развития личности.

4.2. Компенсаторная роль юмора в личностной регуляции

Хотя предположения о компенсаторной роли юмора уже делались выше, посвятим ей отдельный пункт, в котором соберем воедино и проанализируем еще раз феномены компенсаторной роли юмора в личностной регуляции.

Мысль о компенсаторном значении смеха зародилась у нас при знакомстве с протоколами, приводимыми Л.С.Цветковой, и описанными нами выше. В них за счет быстроты и «свернутости» деятельности достигается компенсация дефицита мыслительных способностей, а именно способности к последовательному аналитическому мышлению. Смех как бы замещает и даже вытесняет необходимость думать. Смех регулирует взаимодействие, но мешает мышлению. Согласно А. Кестлеру, смех представляет собой физиологическую реакцию на сложную интеллектуальную задачу (Koestler, 1990). Смехом доминанта регуляции смещается на более низкий уровень. Осуществляется взаимодействие уровней личностной регуляции, что открывает свободу и вариативность и ситуации взаимодействия и личностного развития. Почему же тогда мы интерпретируем этот факт смеха как компенсаторный? По очень простой причине: нарушена целенаправленность деятельности. Однако инструкция выполнена: хоть и «свернутый», но ответ дан – цель «решения задачи» достигнута. С точки зрения деятельности, компенсация не нужна. Но с точки зрения регуляции – это именно компенсация, «обходной путь» через включение эффекта смещения доминанты регуляции с одного уровня на другой.

Этот случай позволил нам осмыслить в полной мере и случай смеха клиента при патопсихологическом обследовании нами. При проведении методики изучения памяти «10 слов» испытуемый вдруг засмеялся. На вопрос о причине смеха он ответил: «Детсад вспомнил, там нам давали такие тесты». Обследование было продолжено, и результаты оказались в пределах нормы. После окончания обследования мы вернулись к теме смеха, и выяснилось, что к этому моменту клиент почувствовал себя уставшим, а на реплику о том, что детство вспомнить приятно, сознался, что не очень приятно, так как у него был детский энурез. Первой нашей гипотезой интерпретации этого случая смеха было то, что смех актуализирует память и целостность судьбы. Актуализация памяти возможна за счет смещения доминанты регуляции. Но такая интерпретация отражает лишь один аспект регуляторной роли смеха. Мы полагаем, что это пример юмористической компенсации недостатка личностной регуляции при выполнении поставленной задачи, которая была его актуальной целью.

Выше приводятся и пример компенсации знаком «смех» необходимости осмысляющей деятельности при феномене «подросткового осмеяния», и пример замещающей мышление и полноценное общение смеховой деятельности при феномене «алкогольного театра». Смех замещает общение.

В общении же юмор часто выступает как «индикатор актуальных, социально значимых проблем» (Шейнов, 2011, с.65)

Возможность обоснования компенсаторности смеха есть и в истории культуры, когда «смеховая культура» прокладывает обходной путь развития цивилизации, способствуя смене типа социальной саморегуляции общества. (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев и др.)

Идея компенсаторности юмора имплицитно содержится в работе Н.Н. Дедова (Дедов, 2000), в зарубежной же психологии она пересекается с широко разрабатываемой проблемой копинг-стратегий, то есть стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями. Обзор истории идеи копинга посредством юмора и типы копинг-стратегий приводятся в русскоязычных публикациях (Мартин, 2009, Иванова, Ениколопов, 2006). Е. Стокенберга обосновывает, что юмор особенно полезен при совладании с долговременными стрессогенными факторами (Stokenberga, 2010).

Идея юмора как совладающей стратегии подтверждает нашу гипотезу о компенсаторной роли юмора. Копинг – это, как принято переводить, совладание, а в понятиях Л.С.Выготского – это овладение низшими психическими функциями, ситуацией или собственным внутренним или жизненным миром. Но жизнь требует серьезного отношения и серьезной личностной регуляции. Исключение из серьезности представляет собой только философско-юмористическое отношение к действительности, которое является высшей формой юмора. Но оно возникает только на высоком уровне развития регуляции и особенно саморегуляции и требует для своего возникновения «усилия» по М.К. Мамардашвили, то есть сознательной и целенаправленной его выработки. Поэтому оно присуще не всем.

Итак, анализ феноменологии юмора и смеха в психологической практике позволяет обосновать компенсаторную роль юмора в личностной регуляции поведения, деятельности и жизнедеятельности. Для принятия этого положения как общезначимого нужны дополнительные эмпирические и особенно экспериментальные исследования. На данный момент таких исследований нет. Но они могли бы ответить на более общий вопрос о роли юмора в личностной регуляции. Однако, мы здесь стремились обосновать теоретически компенсаторную роль юмора при психической патологии и необходимость понимания и использования такой роли юмора при психологической реабилитации.

4.3. Юмор как средство саморегуляции

В современном турбулентном мире все чаще встречаются такие явления как физическая инвалидность, психическая болезнь, невроз и стресс. Человек должен учиться противостоять этим вызовам времени, должен учиться

методам регуляции и саморегуляции своих психических состояний, деятельности и жизнедеятельности. Чувство юмора является и признаком психического здоровья (А. Маслоу), методом его поддержания, средством саморегуляции отношения к болезни и ее протекания. Когда речь идет о намеренном произвольном использовании чувства юмора, можно говорить и о том, что юмор является психологическим орудием поддержки и развития психического здоровья. Юмор внедряется между личностью и болезнью, между личностью и стрессом, и способствует овладению своим поведением, отношением, настроением, деятельностью и жизнедеятельностью. Юмор дезинтегрирует систему личностной регуляции, и тем самым выводит ее на новый уровень. Юмор может изменить отношение к болезни, протекание болезни, предотвратить болезнь и способствовать личностному развитию.

Юмор как средство саморегуляции самоотношения к болезни.

Отношение к болезни часто трансформируется из негативного в позитивное знакомством с четверостишием из «Литературной газеты», часто приводимым Б.С. Братусем:

В здоровом теле –

Здоровый дух,

На самом деле –

Одно из двух (Братусь, 1988, с.80)

Здесь зарождается понятие психического здоровья как духовного, психологического здоровья. Согласно Б.С. Братусю, его основным критерием является отношение к другому человеку как к ценности (Братусь, 1988, с.28). Согласно К. Домбровскому, «психическое здоровье является способностью к разностороннему и многоуровневому психическому развитию» (Dabrowski, 1989, р.31). Таким образом, возникает понимание болезни как шанса для личностного развития. В.Франкл, призывая искать смысл в болезни и страданиях, находил этот смысл в личностном развитии, в переходе из «страдающего» состояния в «активно-действенное» (Франкл, 1990, с.183).

К сожалению, в последние годы, с появлением понятия «ограниченные возможности здоровья» (ОВЗ) проявляется и другой «юмор». Последнее слово из аббревиатуры отрезается, и получают «ограниченные возможности» всего. А между тем ограничения связаны только с физическим здоровьем, а в плане духовных и личностных достижений возможности человека никто ограничивать не вправе. И физическое здоровье – это вовсе не залог благополучия, как не залог духовности его отсутствие.

Саморегуляция отношения к своей болезни важная составляющая психического здоровья, независимости его от физического здоровья.

Приведенное в начале этого пункта четверостишие помогает осознать возможность развития.

Юмор как средство саморегуляции протекания болезни.

Широко известен случай Н. Казинса, который вылечил себя от изнурительной болезни с помощью искреннего смеха и витамина С. (Казинс, 1991). Н. Казинс, узнав в больнице, что его иммунное заболевание имеет очень мало шансов на излечение, покинул больницу, поселился в гостинице и начал придуманную им «юмор-инъекцию»: читал юмористическую литературу и общался с веселым другом. Этим он смог уменьшить свои страдания и улучшить физическое состояние (Казинс, 1991). Л. Питер так объясняет этот эффект: «юмор и смех контролируют страдания, главным образом, четырьмя путями:

1. Через отвлечение внимания
2. Через редукцию напряжения
3. Через изменение ожиданий
4. Возрастающее продуцирование эндорфинов – естественных «убийц» телесного страдания» (см.: Nilson, 1991).

В. Фрай объясняет случай выздоровления после смехо-инъекции через понятие «стационарного встряхивания» организма (Nilson, 1991), в результате которого изменяются закономерности его функционирования.

А. Вильсон описывает процесс выздоровления, сопровождающийся юмором: «...выздоровливающие люди забавны. Они смеются над своей болезнью, и они отпускают шуточки, которые только выздоравливающие люди могут понять....некоторые шутки жестковаты и тяжеловаты, потому что правдивы. В них скрыт хороший юмор. Мудрость жизни лучше воспринимается в юмористической форме... Юмор оздоравливает, исцеляет» (Wilson, 1990). В своем дневнике Вильсон подробно описывает как юмор помогает переносить болезнь, сохранять психологическое благополучие и выздоравливать.

Ее наблюдения позволяют предположить, что способность понимать и производить юмор – это признак выздоровления, который можно и намеренно вызывать. Во всяком случае, юмор облегчает течение болезни, что используется в таких сообществах как «Раковый клуб», где юмор выступает как источник поддержки жизни для людей умирающих от рака (www.cancerclub.com) и «Дело Юмора», нацеленного на борьбу со стрессом (www.questforhumor.com).

Юмор как средство саморегуляции стресса.

Хотя юмор широко применяется как средство совладания со стрессом, его однозначная полезность как средства регулятора стресса не подтверждается эмпирическими и экспериментальными исследованиями и зависит от типа юмора (Мартин, 2009, с.332). Смех, если он не интегрирован в целое личности, оказывает лишь временное улучшение психического состояния (Мартин, 2009, с.312). Совладающий юмор не коррелирует с уровнем развития Эго по Дж. Левинджер по направлению к автономности (Леонтьев Д.А., Михайлова, Рассказова, 2010). Однозначен лишь рост совладающего поведения с помощью юмора только у людей с общими нарушениями настроения (Мартин, 2009, с.333), то есть у людей с повышенной зависимостью от внешних или внутренних раздражителей. По данным В. Франкла, в концлагере юмор также способствовал совладанию с ситуацией; вообще, он служит как «еще одно психическое оружие в борьбе за самосохранение» (по Мартин, 2009, с.229). При этом, обращенный на свое же переживание «юмор дает принимающий, а не избегающий стиль совладания» (Lefcourt, 2001, p.77). Таким образом, юмор может служить средством совладания с зависимостью от стресса, выработки личностной автономности, психической устойчивости, позитивности и жизнестойкости. Предположительно, юмор может использоваться как средство освобождения от любой психологической зависимости, даже наркотической.

Юмор как средство саморегуляции личностного развития.

Как уже отмечалось, юмор может оказывать долговременное позитивное воздействие на личность, если он интегрирован в личность и жизнь, то есть если он является осознанным и произвольным инструментом личностной регуляции. В этом случае юмор проявляется как высшее «мировоззренческое чувство», по С.Л.Рубинштейну, или философское отношение к действительности, по Г.Олпорту. С таким чувством сопряжена способность к самодистанцированию (Франкл, 1990), к самообъективации (Олпорт, 2000) или, другими словами «рефлексивная позиция дистанцирования по отношению к объекту юмора (в том числе и к самому себе)» (Домбровская, Леонтьев Д.А., 2000, с.458). За счет дистанцирования возможна множественность контекстов рассмотрения объекта юмора (там же), то есть независимость от объекта (в том числе и самого себя), выход на новый уровень осознанности, свободы и смысла. Посредством юмора становится возможным то развитие, которое было затруднено при прямом желании осмысленности, автономности, рефлексии. Юмор является своего рода дополнительным и даже компенсаторным механизмом развития (Домбровская, 2011).

Наиболее развивающим является юмор, обращенный субъектом на самого себя. Как сказал С. Меткалф: «Тебе следует воспринимать себя с юмором, а свои проблемы всерьез» и продолжила Вильсон: «Ты – не то же, что твоя проблема» (Wilson, 1990). Отношение с юмором к самому себе способствует разотождествлению личности со своими прошлыми, неподлинными или ситуативными «образами», а также способствует выработке нового способа процессуальной аутентичности, позволяющей адаптироваться в турбулентном мире, поддерживать психическое здоровье, саморегуляцию настроений и личностного развития.

Разработка методов и психотехник развивающего юмора – это дело сложное, поскольку в своем филогенезе юмор прошел развитие от опосредованности агрессивными и сексуальными импульсами до опосредованности эстетизмом, диалогизмом, рефлексивностью, но при неумелом его использовании возможно возвращение или регрессия к агрессивному юмористическому поведению или хаотическому состоянию психики. Поэтому обучение психотехника саморегуляции психических состояний и регуляции межличностных отношений посредством юмора должно вестись осторожно. Однако, скажем, что все правила юмористической регуляции психических состояний во многом основаны на часто повторяемом Д.А.Леонтьевым правиле «Посмотри на себя со стороны» (Леонтьев Д.А., 2011в, с.34), а также и в правиле «Будь выше обстоятельств». Для развития и анализа межличностных отношений может быть полезно упражнение, разработанное А.Радомской, с игровым заданием рассмешить печальную принцессу (принца) (Radomska, 1995). По аналогии возможны упражнения рассмешить злую принцессу (принца), зазнавшуюся или высокомерную принцессу (принца) и т.д. Эти упражнения можно проводить и в парах и индивидуально, посадив на реальный или воображаемый стул вынесенное в воображении вонючее печальное, злобное, высокомерное или подавленное «Я». В таком случае психотехники регуляции социальных отношений превращаются в психотехники саморегуляции своих же настроений. Мы говорим о ноотехниках саморегуляции посредством юмора, когда речь идет о внедрении определенных принципов регуляции в сознание, какими являются правила «посмотри на себя со стороны» и «будь выше обстоятельств». Их ноогенная природа определяется закладываемым в этих правилах механизмом отчуждения некоторых психических состояний до возможности их рефлексии. Правило «посмотри на себя со стороны» нужно чаще всего тем детям и взрослым, которые проявляют так называемую «расторможенность», то есть ненаправленную активность. Правило «будь выше обстоятельств» нужно прежде всего тем, кто проявляет полезависимость от ситуации. Цель же ноотехник – регуляция идеальным знаком, каковым может быть и шуточный «ярлык» и которым могут выступать выше описанные правила, своих психических процессов и состояний до такого их состояния, когда они становятся саморегулируемыми сознанием. Природа же традиционных психотехник кроется в самой возможности трансформации психических

состояний, процессов и настроений до оптимально желаемого результата, каковой и является целью трансформаций. Достижение системой состояния саморегуляции – лишь частная цель психотехник. Чаще их целью является адаптивное поведение, трудовая эффективность, хорошее настроение. Психотехника трансформации негативных настроений (подавленности, агрессивности и др) возможна в воображаемом решении задачи рассмешить самого себя. Для этого можно придумать вербальную шутку, обесценивающую объект, вызвавший расстройство настроения, смешную рифму или нарисовать смешное изображение проблемы, которой может быть и само плохое настроение. Если желаемой целью является хорошее настроение, то это психотехника, если же настроение, являющееся более жестом негативизма по отношению к другому, каковой бывает «умышленная сердитость» по отношению к детям – это ноотехника, поскольку настроение выступает не как таковое, а как знак отчуждения для его адресата и этим призыв стать саморегулируемым или самоуправляемым. При разработке ноотехник и психотехник с использованием юмора незаменим метод парадоксальной интенции, разработанный В.Франклом (Франкл, 1990). Все методы юморотерапии должны задействовать способности к самодистанцированию и рефлексии. «Внедряясь» в сознание, они служат развитию саморегуляции и личностному развитию.

В современности создаются новые возможности развития юмора, такие как активность, произвольность и тренируемость. Тренируемость юмора – это его новая современная черта. Так известны тренинги юмора, проводимые П. Мак –Ги и соратниками (см.: [www. LaughterRemedy.com](http://www.LaughterRemedy.com)). В России в русле провокативной терапии, разработанной Френком Фарелли (http://www.igisp.ru/igisp/index.php?inpg=trainers&int_ind=14) тренинги юмора проводятся Е.Филоновой «Юмор-Антистресс» (my.atma.ru), Е.Кузнецовой (http://perm.samopoznanie.ru/school/psyinst/put_01/), а также в контексте тренингов социальной компетентности Т.В.Семеновой (Семенова, 2009) и в контексте арт-терапии (Копытин, 2012). Как следует из работы Ю.И. Ульяновой, особым социальным группам в наше время уже нужны не столько тренинги по развитию чувства юмора, сколько тренинги по оптимизации чувства юмора, ведущие к росту адаптивности (Ульянова, 2012).

Как следует из нашего обоснования существования высших видов юмора, опосредованных рефлексией, внутренним диалогом, эстетическим восприятием, и в свою очередь опосредующих их, важно использование юмора в целях личностного развития и саморазвития. Они будут востребованы настолько, насколько будет востребована идея личностного развития и саморазвития. И точно так же как согласно Д.Б. Богоявленской, креативность является резервом конкурентоспособности личности (Богоявленская, 2009), юмор является таким же резервом и даже ресурсом. И, как к всякому ресурсу, к нему нужно относиться аккуратно и экономно, берегая для тех случаев, когда не хватает более обычных средств. Но поскольку цивилизация и культура исчерпали способы прямого саморазвития

и традиционных форм регуляции, то юмор, как компенсаторное средство личностной регуляции, окажется неизбежно востребованным.

4.3.1. Личностное развитие посредством юмора в онтогенезе

Как отмечает Л.С. Выготский, симптомом перехода от возраста новорожденности к младенческому возрасту является появление улыбки на разговор, то есть первая специфическая реакция ребенка на человеческий голос. Она появляется на границе первого и второго месяцев (Выготский. Т. 4. стр.280,). Улыбка в младенчестве считается большинством психологов признаком психологического здоровья, а ее отсутствие может быть признаком психической патологии (М.В. Бороденко и др.). Далее в младенчестве происходит закрепление реакции улыбки на социальные и физические стимулы, на ситуации общения сначала с родными, потом с неродными людьми. В 5-6 месяцев младенцы не только лепечут друг с другом, но и улыбаются друг другу (Выготский, т.4.,с.305). В младенчестве появляется реакция смеха. Возрастные нормы ее проявления зафиксированы П. Шер и С. Браун – это 4 месяца (Мартин, стр.22), когда уже достаточно созрела высшая нервная деятельность. Чувства юмора как такового у ребенка нет. Смех и улыбка выступают лишь как биологическая линия развития юмора или в парадигме классической психологии как предпосылки биологического уровня. Частота улыбок и смеха зависит от подкрепления их взрослыми и богатства жизненной среды. Развитие идет главным образом через механизм биологического подражания и «заражения».

Развитие способности к юмору в раннем онтогенезе подчиняется общим закономерностям развития высших психических функций. Развитие идет от интерпсихического к интрапсихическому, от реакции смеха на смех и смешанные действия взрослого к способности самому находить и создавать смешное. Изображать смешное ребенок может уже к двум-трем годам. Нам известен пример девочки 2 лет, которая производила смешное действие, до тех пор, пока взрослые не рассмеялись. Только после смеха взрослых она разулыбалась – ее поняли (Леонтьев Д.А., устное сообщение, 1995). В этом примере есть признаки юмора как ВПФ и психологического орудия воздействия на других: социальность, произвольность. Какова же мера осознанности трудно сказать однозначно.

А.И. Модина говорит о том, что способность к юмору как восприятию комического несоответствия в образах животных и людей, возникает к трехлетнему возрасту (Модина, 1971). Мы лично наблюдали немного непедагогический пример воспитания чувства юмора у 4-х летнего мальчика. Мать в шутку говорит своему 4-летнему сыну: «Ты – дурак». Мальчик расстраивается. Она же повторяет это до тех пор, пока он не понимает по ее улыбке, что это она так шутит. Когда он это понимает, он смеется и говорит:

«Не-аа». Таким образом, воспринимая реплику матери как юмористическую, он перестает расстраиваться и овладевает своим настроением. Нужно отметить, что юмористическое воздействие способно привести и к деструкции рецепиента в том случае, когда он «не понял юмор» или не дистанцировался от ситуации юморения, в том случае если он озабочен своими проблемами.

Отметим, что сравнение приводимых нами примеров, позволяет предполагать, что юмор сначала появляется как целостное практическое действие (года два) и лишь позже как осознаваемое восприятие (года три), а потом как средство овладения собственным настроением (года четыре). Что согласуется с взглядами деятельностного подхода в психологии: в филогенезе и онтогенезе сначала зарождается деятельность, а затем она дифференцируется на собственно деятельность и восприятие, сознание или, другими словами, сознание рождается в деятельности.

Если по мнению А.И. Модиной юмор отсутствует у трехлеток, которые смеются над упавшими людьми (Модина, 1971), то установка на нравственное отношение к юмору (инструкция выбрать смешные картинки для больных детей), способствует тому, что дошкольники усматривают смешное чаще в несоответствиях действий и причинно-следственных связей, чем в простых несоответствиях цвета, формы, размера. (Садыкова, 1971). По данным М.В. Бороденко на границе дошкольного и школьного возраста дети способны смеяться над нелепым социальным поведением чаще, чем над улыбкой другого, игровой ситуацией и человеческим поведением нарисованных животных (Бороденко, 1995).

Л.С. Выготским замечен еще один этап становления юмора. В возрасте 7 лет, как замечает Л.С. Выготский, ребенок часто строит из себя шута, изображает клоуна, паясничает (Выготский, 1982, Т.4.Стр.376). Важно, какая реакция смеха или улыбки преобладает у ребенка. Смех связан с психическим раздражением и криком (В.М.Бехтерев), то есть с биологическим уровнем регуляции, а улыбка с психическим отражением и идеальным уровнем регуляции. Важно, какая реакция более подкрепляется взрослым и комическим стимулом. Однозначно то, что связь смеха и улыбки с юмористическими стимулами надо подкреплять. Так, по данным П. МакГи «улыбка, по видимому, с наибольшей вероятностью появляется, когда для узнавания требуются оптимальные условия (не слишком маленькие и не слишком большие)» (Мартин, стр.267). А обобщая данные различных исследований, Мартин делает вывод о том, что с возрастом наиболее эффективными для стимулирования смеха становятся ситуации, которые предъявляют младенцу наиболее высокие когнитивные требования» (Мартин, там же). От когнитивных стимулов и их подкрепления зависит, будет ли ребенок развиваться по интеллектуальному (улыбка) пути или по пути эмоциональному (смех). Предположительно, есть два основных механизма развития чувства юмора в раннем возрасте: смех-юмор, улыбка-юмор. Эти пути являются базовыми психологическими механизмами развития юмора, но могут быть различены лишь условно.

Идеальный вид развития юмора.

Когнитивный вид развития чувства юмора изучен лучше, чем эмоциональный. Так П. Мак-Ги, а вслед за ним и другие, выделяет 4 стадии онтогенеза юмора, в которых когнитивное развитие выступает как ведущая развитие деятельность. Чувство юмора понимается им как способность распознавать и производить несоответствия разного рода, то есть в духе концепций юмора как свойства человека, обусловленного более характеристиками объектного мира, чем субъектно-лично. Такому юмору более научаются, чем усваивают его в процессе воспитания. Итак, П. Мак-Ги выделяет следующие стадии (приводятся по Мартин Р. Стр.276-277):

1. несоответствующие действия по отношению к объектам;
2. несоответствующее название объектов и событий;
3. концептуальное несоответствие;
4. множественные значения.

Стадии когнитивного развития юмора П.Мак-Ги рассматривает в контексте игры. Его периодизация охватывает возраст от 1,5 года до 7 лет. Он считает возраст 7 лет решающим для становления зрелой формы юмора, связывает его со становлением речи и способности комментировать свое восприятие и творчество юмористических несоответствий вербально или наглядно. Скорее, стоит считать, что речь идет о распознавании и производстве комических образов, то есть о чувстве комического. Так как в 7 лет еще не созрела личность, которая на наш взгляд является основным регулятором чувства юмора.

Стадии развития юмора по П. Мак-Ги соотносятся со стадиями развития мышления по Ж. Пиаже: 1) моторно-сенсорная (первые 2 года жизни), 2)предоперациональная (2-7 лет), 3)конкретных действий (7-12 лет), 4)логико-дедуктивная и планируемых действий.

На сенсорно-моторной стадии ребенок учится на своем опыте, экспериментирует с предметами, учится воспринимать окружающую среду как структурированное пространство в единстве его визуальных, слуховых, тактильных и кинестетических характеристик. По сути учится предметному восприятию мира. На второй, предоперациональной стадии ребенок учится заменять в своем уме ощущаемые предметы их символическими обозначениями. Ощущение от конкретных объектов может быть заменено словами. Которыми также можно манипулировать, как на сенсорно-моторной стадии ребенок манипулировал предметами. Благодаря интеграции разносенсорных ощущений и их знаковых обобщений восприятие становится познанием. На третьей стадии появляются первые логические действия, а предметы классифицируются по их сходству или различию. На четвертой

стадии ребенок уже пытается оперировать формальными логическими понятиями, появляется способность к формированию гипотез и прогнозированию.

П.Мак-Ги в исследованиях когнитивного развития юмора, по сути, показывает, что через обучение юмористическим несоответствиям развитие мышления идет быстрее. Еще до 7 лет ребенок становится способным к формальному мышлению. Однако, при таком подходе к юмору возникает вопрос о взаимодействии когнитивного и аффективного, а также проблема становления у детей эмоциональной составляющей юмора как отдельная проблема.

При этом идеальное задает развитие биологического. Как показала Бороденко, внедряемый в сознание ребенка «контр-знак» возбуждает, актуализирует аффективное, натуральное (смех) и, как следствие, чаще всего динамизирует установки восприятия и поведения, десенсибилизирует установочный уровень личности (Бороденко, 1995).

Юмор и фантазия.

Согласно Ж. Пиаже, в первые годы жизни, как подчеркивает П. Мак-Ги (MacGhee, 1972, p.61) ребенок ассимилирует реальность на сенсорно-моторной основе. Позже включается механизм фантазийной ассимиляции реальности, ребенок начинает понимать, что фантазия – это фантазия. Первые 3 или 4 года жизни ребенок не способен воспринимать другие формы противоречия, чем противоречия в физических стимулах. До 7 лет, в соответствии со схемой когнитивного развития юмора, ребенок учится воспринимать юмористические несоответствия. Юмор же противоречия или юмор нарушенных ожиданий становится доступным ему только в 7-8 лет, когда достигнуто мастерство во владении реальностью и включается механизм ассимиляции фантазии. «Понятийное мышление – необходимая предпосылка для становления юмора» (там же. Стр.66). Однако, согласно П. Мак-Ги, это необходимая, но недостаточная предпосылка для становления чувства юмора. Необходимы еще три условия, чтобы происходила фантазийная ассимиляция юмористических противоречивых стимулов:

- 1) Осознание обычных критериев, регулирующих ассимиляцию характерных элементов, опорных признаков в релевантных когнитивных структурах,
- 2) Понимание способов, которыми происходит нарушение нормы по этим критериям,
- 3) Уверенность в невозможности описываемых или изображенных элементов стимула.

Эта последовательность когнитивных событий следует в фантазийной ассимиляции потока стимулов и ведет к канализации результатов в

позитивный эффект смеха (там же, стр.66). Согласно Мак-Ги, развитие юмора происходит при помощи взрослого. Взрослый своей улыбкой или указанием, что какое-то высказывание - шутка, как бы обучает ребенка юмору (там же, стр.70). В разнообразной, обогащенной жизненной среде ребенок учится различать юмористические противоречия и ожидания быстрее, чем в депривированной.

Биологический вид развития чувства юмора.

Хотя в классической психологии юмор полагается как эмоция, аффективная, или эмоциональная составляющая чувства юмора, полагаемого как ВПФ, исследована гораздо менее, чем когнитивная. Прежде всего, потому, что она проявляется только в психопатологиях чувства юмора (патологии смеха, улыбки), в явлениях общей патологизации личности типа шока, стресса, фрустрации и т.п. А также потому, что в онтогенезе она созревает достаточно рано и уже к концу младенчества проявляется в свернутых формах. Что затрудняет ее наблюдение и исследование. Однако понимание эмоциональной, чувственной линии развития чувства юмора возможно, если 1) понимать чувственное и когнитивное как стадии развития ребенка, в которых сначала первое, а потом второе задают общее развитие, и 2) если использовать общепсихологические теоретические и эмпирические достижения в изучении закономерностей развития психики от биологической раздражимости до переживания, сделанные в русле деятельностного подхода в психологии, если использовать интерпретативные схемы деятельностного подхода к сфере эмоций (А.Н.Леонтьев, Ф.Е. Василюк).

Уровню, а сначала этапу, ощущения, согласно работам А.Н. Леонтьева, соответствует недифференцированная эмоция, индикатирующая восприятие среды по элементарно-сенсорному типу или, другими словами, по типу аффективного недифференцированного отражательного или протестного рефлекса в том виде, в котором описывают аффект патопсихологии. Уровню чувства соответствует «опредмеченная эмоция», вызванная целостным «перцептным» восприятием объектов внешней среды и в некоторой степени того типа объект-объектных или субъект-объектных отношений, из которых субъект не выделяется рефлексивно как субъект, минимально дистанцируется от объекта, объект-объектных отношений и от самого себя, как чувствующей нечто юмористическое, личности. Этот уровень чувства юмора можно считать уровнем спонтанных проявлений, которые могут быть объяснены вербально или наглядно показаны (то есть «разделены» с другими людьми) и могут быть произвольно вызваны или прекращены (то есть могут регулироваться не только на биологическом уровне саморегуляции «системы» «юмор-смех»). Но цели вне самих себя такие проявления юмора на уровне чувства не имеют. На уровне переживания же чувство юмора может быть вызвано произвольно, может иметь заранее поставленную цель, а не просто направленность на

некий объект. Цели могут быть разного типа. Например, 1)обесценить объект смеха или возвысить объект смеха самим его выделением из среды, 2) установить или поддержать социальный контакт, развлечь, заинтересовать, развеселить или развеселиться самому, снять или создать напряжение, как физически, так и социально или интеллектуально-идеально обусловленное. Могут быть и другие цели проявления чувства юмора в виде переживания, которое в традиции идущей от А.Н. Леонтьева, Ф.Е.Василюка всегда носит деятельностный характер, то есть активно, произвольно, целенаправленно, опосредовано культурой и мировоззрением личности, а при анализе может быть условно разделено на этапы и составляющие. И которое чаще всего проявляется в культурно оформленных, социально-приемлемых формах, сопоставимых с другими сложными, трансформированными культурой, «возделанными» чувствами типа любви (в описаниях Стендаля), ностальгии (в анализе А.Б.Фенько) или даже с формальными характеристиками переживания горя (изучено Ф.Е.Василюком).

Так, Ф.Е.Василюк (Василюк, 1991) выделяет три формальные стадии переживания горя, которые легко накладываются на многие чувственные и интеллектуализированные переживания.

1. Резкое смешение чувств из-за первичного недоверия к воспринимаемой информации или свойствам объекта, которое может доходить до вытеснения содержания воспринятого, его подавления, искажения или моментального забвения, так что акт восприятия нужно рефлексивно или намеренно повторять.

2. Стадия аффективного, обостренно чувственного, предметно отнесенного чувства.

3. Стадия интегрального, диалектического, эвристического и активно преобразовательного переживания с поиском способов интериоризации воспринятого, а также и способа поведения и планирования конкретных действий.

Если по формальным характеристикам переживание юмора сопоставимо с переживанием горя (смешение и дезъинтеграция восприятия, активное эмоциональное реагирование, интеграция), то по содержательным характеристикам это сопоставление, разумеется, не допустимо.

Чувство юмора как переживание особого рода по формальным характеристикам соотносимо с деятельностью сновидения. З. Фрейд (Фрейд, 1991, с.150) предлагает следующую схему анализа «работы» сновидения, то есть подсознательной деятельности человека по переработке воспринятых впечатлений:

1. Анализ предметных образов («элементарных символов»).

2. Определение собственного отношения к сновидческим образам и предметам, вызвавшим эти образы.

3. Понимание целого сновидения, его структуры и функций, отнесенности к жизненной ситуации и жизнедеятельности в целом, в которых сновидение может иметь свои объяснительные причины, снимающие напряжение от увиденного сна. А может иметь и последствия, как имеет последствия любой дневной сознательный или интуитивный анализ ситуации, любое осмысление происходящих событий и воспринятой информации.

Фрейд видит родство сновидения и остроумия в том, что это досознательные способы переработки информации, и по своим переживательным (деятельностным) характеристикам близкие: быстрое и наглядное решение проблемы в поведении или индикация проблемы, которую нужно решить в сознании.

Согласно Р. Мартину юмор в детстве развивается как средство эмоционального совладания (Мартин, стр.285).

Способность к эмоциям уровня переживаний формируется в онтогенезе достаточно рано. Так уже к концу первого года ребенок способен к перцептному восприятию инвариантному восприятию большинства объектов внешней среды, к гештальтному восприятию ситуаций и своих возможностей по воздействию на людей, манипулированию предметами с какой-либо целью. То есть к году ребенок научается жить и действовать с учетом временных и пространственных характеристик внешней среды и ее объектов. Он способен даже активно и целенаправленно устанавливать социальные контакты и развивать отношения с разными людьми, не только родными и не только взрослыми. Ребенок способен активно переживать неудовольствие, а позже и удовольствие, сообщать о них взрослым или справляться самостоятельно. Способность к эмоциональному переживанию формируется сразу в свернутом виде, а этапы выделяются лишь при рефлексии. В зависимости от конкретной ситуации переживания могут регулироваться и на уровне ощущения, и на уровне чувства, и на уровне деятельностного переживания. О сформированности эмоциональной сферы можно говорить тогда, когда складывается принципиальная возможность переживать эмоции на уровне деятельности и действия (которые, как известно, обратимы). Фиксировать момент становления «эмоциональности» самой по себе очень трудно. Она проявляется в манипулятивной деятельности с предметами и в общении одновременно, и прежде всего в игре.

Социальный вид развития чувства юмора. Роль игры.

Первоначально в детской игре не дифференцируется ни ее эмоциональная, ни ее когнитивная составляющая, хотя игра – деятельность. О чувстве юмора у годовалых детей можно говорить только условно, хотя можно легко наблюдать и осмысленный смех, и осмысленную улыбку, не только как приветствие, но и как индикацию восприятия смешного. То есть, есть

основание считать, что сформировались предпосылки для развития чувства юмора до его зрелых форм. О сформированности у годовалых детей предпосылок чувства юмора или даже его «зародыша» свидетельствует тот факт, что к году дети «способны воспринять (и отличить) игровой, но не угрожающий характер неожиданных появлений чего-либо, что в других обстоятельствах могло бы спровоцировать страх, а в игровом контексте вызывает смех и улыбку (Бороденко, 1995, с.19, Мартин, 2009, СС.. 268-269). А к полуторагодовалому возрасту вместе с воспитанием способности к символической игре дети становятся уже способными воспринимать и оценивать как смешные специально созданные для них взрослыми смешанные, комические стимулы. Что представляет собой шаг к развитию юмора. Еще одна особенность годовалых детей состоит в том, что у них появляется самостоятельность как способность самим занимать себя. Согласно Э. Эриксону, около года появляется зачаток самоидентичности, что выражается прежде всего в том, что ребенок знает свое имя и узнает его в разных уменьшительных и удлинительных вариантах. Происходит переход от младенческого к детскому возрасту, складывается базис субъектности, выражающийся в выделении себя из среды и активно-преобразующих действиях с объектами среды и в иницировании социальных взаимоотношений. С этого периода становится возможным развитие когнитивной составляющей чувства юмора, которое поэтапно описано П. Мак-Ги. А также дифференциация развития чувства юмора на типы интеллектуальный, при подкреплении улыбки как отражательной способности сознания, и на эмоционально-чувственный, при подкреплении смеха как биологически раздражительной способности организма. Безусловно, что развитие чувства юмора возможно только при общении ребенка с «культурным» взрослым. Эти различные типы проявлений потенциального чувства юмора могут развиваться и накладываться на базовые механизмы развития чувства юмора: биологически-социальный (от смеха-раздражения) и идеально-социальный (от улыбки-отражения). А могут накладываться и перекрестно и комплексно-синтезирующе или смешанно.

В дошкольном возрасте, тогда же, когда происходит первичное становление характерологических особенностей детей, происходит уже вторичная дифференциация чувства юмора на тип когнитивно-интеллектуальный, аффективно-эмоциональный и интегральный или смешанный, эти типы могут соответствовать сложившемуся ранее доминированию смехо-юмористической, улыбка-юмористической или смешанной реакции. Может происходить и «восполнение» первичного типа до целостного, комплексного, может происходить и кардинальная смена типа чувства юмора, детерминирующих его развитие базовых психологических механизмов. Бесспорно, что многое зависит от условий воспитания, обучения и общих условий жизни (материальных, социальных, этнических, культурных, политических).

Для дошкольного возраста еще вряд ли подходит народная мудрость: «скажи над чем ты смеешься, и я скажу, кто ты», но уже подходит народная

мудрость: «смех без причины – признак дурачины». Ребенок уже может объяснить вербально или наглядно то, над чем смеется, чему улыбается. По крайней мере, он может указать жестом на объект, вызвавший его смех. И посредством указания на объект смешного, поделиться своим смеховым переживанием с другим человеком. Формируется социальная предпосылка зрелых форм чувства юмора. Отличающегося от игровой деятельности, в контексте которой развивается и социализируется и чувство юмора, и когнитивная сфера. П. Мак-Ги, рассматривая когнитивное развитие юмора в игровой деятельности дошкольника, подчеркивает, что для развития чувства юмора важны познавательные и интеллектуальные игры. От типов игр зависит то, какая составляющая юмора будет развиваться доминантно. При доминировании в конкретной социальной среде практических игр или театрално-драматических, развитие чувства юмора может детерминироваться не столько когнитивно, сколько «действенно-драматически». В условиях с недостаточно количественно или качественно организованными или регулируемые взрослыми играми детей развитие юмора может детерминироваться практически-действенно. В случае гипертрофированной интеллектуальности игр возможна «патологизация» развития чувства юмора до одноуровневого идеально-интеллектуального его типа, в случае акцентирования роли практических игр, где дети не столько играют, сколько воспроизводят поведение взрослых, которое может быть и патологическим, аномальным (пьянство, насилие и др.), может происходить патологизация развития юмора до его исключительно биологической регуляции. Например, брутального высмеивания слабых. Культивирование же концепции юмора как игры в индивидуальном и общественном сознании ведет к формированию самодостаточности и самозамкнутости игровой деятельности, препятствует трансформации игрового в диалогическое на идеальном уровне внутреннего мира.

Юмористическое поведение.

По уже приводимым наблюдениям Л.С.Выготского (Выготский, 1982Т.4,стр. 376) в период кризиса 7 лет ребенок часто строит из себя шута, изображает клоуна, паясничает. Шутовство является признаком развития личности, с одной стороны, а с другой, признаком поведенческого типа развития юмора.

А.Радомска наблюдала игровое поведение детей в условиях тематической игры и выделила несколько типов поведения, которое можно считать юмористическим (Radomska, 1995). При задаче развлечь печальную принцессу (для мальчиков) или печального принца (для девочек) и метода оценки забавности по трехбалльной шкале самими детьми было выявлено, что дети в 65% предпочитают невербальные визуальные способы юмористического поведения. 1) моторная активность (жестикуляция, передвижения, прыжки, акробатика) – 30% и 2) презентуют клоунаду

(действия, связанные с принятием смешных поз, жестов, с демонстрацией перекошенного лица, косящих глаз, нахмуренных бровей с имитацией слов) – 35%. Только 25% детей демонстрируют такой способ развлечения как рассказы смешных историй, шутки. 25% детей вообще не может выполнить задание. Интересно, что 40% детей делает объектом своего юмора самих себя. Что говорит о том, что юмор, обращенный субъектом на самого себя как субъекта юморения, становится формой зарождающейся саморегуляции личности. У мальчиков количество юмористических действий больше – что Радомска связывает со стереотипами воспитания, но не исключено, что это связано с тем, что мальчики острее переживают кризис 7 лет, кризис зарождающейся саморегуляции. Девочки же более восприимчивы к юмору, легче проходят кризис становления саморегуляции.

Итак, развитие юмора в дошкольном возрасте может пойти как по интеллектуально-вербальному типу, так и по поведенчески действенному.

Личностный вид развития юмора.

Этот тип и/или этап развития юмора связан со становлением собственно личностного типа регуляции поведения, деятельности и жизнедеятельности. Согласно Д.А.Леонтьеву он определяется становлением рефлексии и самодетерминации. И возможен при достаточном уровне самосознания и уровня овладения своим сознанием. На наш взгляд, максимальный вклад в развитие сознания и самосознания вносит формирование способности к чтению и, особенно, к восприятию художественной литературы.

Так, в период обучения в начальной школе (6-11 лет) наибольшее значение для развития познавательных способностей в целом имеют значение не столько уроки логики или уроки развития, а классические традиционные уроки чтения. При этом обучение анализу, пересказу и осмыслению литературных, художественных произведений имеет большее значение, чем обучение анализу изобразительной деятельности или театральным, драматическим видам творчества. Прежде всего, потому что при восприятии художественной литературы закрепляется способность к социо-культурно нормативному использованию речи и эвристическому использованию понятий, которые затем уже являются базисом для становления способности к эстетически-понятийному восприятию других видов художественной культуры. Художественный вкус (как дифференциация индивидуальных предпочтений) по отношению к литературным произведениям отмечается уже к возрасту 10-11 лет, когда осознаваемой становится категория возвышенного (Беленькая, 1979), а по отношению к кино-искусству только к 16-17 годам (Левшина, 1978). До формирования способности к эстетическому восприятию произведения искусства воспринимаются детьми как

«воспризывающее отражение» действительности, а не ее «возвышающее отражение».

В возрасте 8-9 лет ребенок уже различает героическое, смешное, прекрасное в литературных произведениях (Беленькая, 1979), но не обобщает их категорией возвышенного, являющейся одной из основных характеристик развитого, культурного эстетического сознания.

В восприятии литературного произведения ребенка различаются три слоя: идейного смысла, фактов и языка (Жабицкая Л., 1974). После того, как ребенок, посредством общения и восприятия литературных произведений, осваивает речевые и языковые возможности «слой языка» сливается со слоем «идейного смысла», а анализ художественного произведения становится двуслойным: факты и идеи, включая их сопоставление с действительностью, как обыденной, так и экстремальной, необычной, фантазийной, неизвестной ребенку из непосредственного опыта, а становящейся доступной только благодаря искусству. Постепенно ребенок перестает сопоставлять действительность и ее словесное воплощение (или отражение), а начинает сопоставлять действительность и ее художественный образ. Появляется индивидуальная самостоятельная способность воспринимать художественное произведение как целое (с замыслом, сюжетом, главными героями), проявлять избирательность в выборе наиболее интересных видов и жанров искусства. А также использовать воспринятое искусство для осмысления действительности, а не использовать только действительность для поиска смысла того или иного произведения искусства – как на первой стадии развития эстетической способности. В процессе освоения и интериоризации эстетической способности происходит переход «отражаемого в отражение» (Леонтьев А.Н., 1994), как бы переход действительности в ее целостный образ. И затем «отражение опосредует деятельность и управляет ею» (Леонтьев А.Н., 1994), и этим осуществляется переход к саморегулируемой деятельности и «двойному отражению».

Предпосылки саморегуляции и «двойного отражения» обнаруживаются в животном мире, особенно у одомашненных животных, испражняющихся в определенном месте, в виде торможения рефлексов, а способность к саморегуляции как к обращению воздействия на себя обнаруживается только у приматов, себя поглаживающих – в виде обратной связи от своей деятельности самому себе. В феномене обратной связи самому себе при продолжающейся внешней активности и есть зачатки двойного отражения действительности. В полной мере они проявляются только у человека в способности к эстетическому восприятию опредмеченных в искусстве объектов жизненного мира. Впервые эту способность заметил Л.С.Выготский в метафоре «двойное зрение», необходимое для восприятия искусства (Выготский, 1986). «Двойное зрение» Л.С. Выготского – это и есть двойное отражение действительности, в котором объектами отражения являются и внешние объекты и сам объективированный субъект. Мы полагаем, что способность к двойному отражению максимально развивалась и

массовизировалась в комических действиях в виде сатурналий и дионисий, а также при восприятии античных комедий, поскольку они более, чем трагедии, создавали приближенные к реальности образы людей. Если античная трагедия возвышает чувства (или возвышает потребности), создавая вторую реальность, ноосферу или «третий мир» по К.Попперу, удваивает действительность, то античная комедия переносит, интроецирует эту «двойную действительность» во внутренний мир. Можно сказать, что способность к эстетическому восприятию и к юмору развиваются, пересекаясь. И пересекаются в их эволюционном смысле: самосохранения в виде отчужденных предметных форм культуры и саморазвития как обращения этой эстетической двойственности на самого себя. В этом пересечении механизмов ноогенеза и персоногенеза психического. Анализ эстетической и смеховой деятельности показывает решающую роль в этом двойного отражения.

В своем становлении «двойное отражение» переходит через критическую стадию, которую психологи искусства называют наивным реализмом. На этапе освоения эстетической способности ее исследователи отмечают феномен «наивно-реалистического» отношения к художественному произведению, которое характеризуется подражанием героям не только в воображении или в форме игры, но и в обыденной жизни. Например, подражание Тому Сойеру или Гарри Потеру. Или – второе - в предпочтении эстетически слабых произведений высоко художественным, которое, возможно, объясняется тем, что в них более детально и последовательно прописаны поведенческие или характерологические особенности героев, дидактически прописаны характеристики мировидения и мира, что снижает эстетическую ценность произведения, но повышает его познавательную и мировоззренческую ценность, создает опорные знаки для мыслительного или действенного тренинга своих личностных возможностей, способов регуляции поведения и жизнедеятельности.

Юмор как овладение противоречием

Как говорилось выше, юмор связан со способностью воспринимать и показывать противоречия. Однако, эта способность дана человеку не с рождения. Так в блестящем исследовании Н.Ф.Кузнецовой учащимся разного школьного возраста предлагалось закончить шутки и диалоги, так чтобы в них содержался юмор. Анализ завершений шел по пути оценки в них типа противоречия. Выявилось, что младшие школьники продуцировали юмор, в основе которого неразрешимые противоречия (40,5%), и только 8,5% младших школьников продуцировали юмор, в основе которого разрешимые противоречия. С возрастом доля разрешимых противоречий увеличивается от

20% у средней школы до 30, 8% у старшеклассников. Здесь же отметим, что в этом же исследовании выявлено, что связь в виде корреляций юмора с креативностью отсутствует у младшеклассников, но появляются в средней школе (Кузнецова, 1990). Это опровергает стереотип о изначальной связи юмора и творчества и позволяет предполагать связи юмора и овладения противоречием. Даже более того, мы считаем, что именно эта связь юмора и противоречия делает юмор средством личностного развития.

Заключение по главе 4.

Анализ юмора в контексте психологической практики показывает его компенсаторный смысл в системе личностной регуляции. Смысл этот может быть компенсаторно-иллюзорным или компенсаторно-эволюционным. Обосновано, что юмор может использоваться как психологическое орудие поддержки психического здоровья. Его можно применять целенаправленно как средство личностного развития и саморазвития.

Глава 5. Закономерности развития и социализации юмора

Если в главе 2 мы рассматривали стадии и принципы культурогенеза феномена юмора через анализ культурогенеза понятия и образа юмора, то в этой главе мы анализируем тенденции развития юмора в современности. И полагаем, что они максимально возможно отражаются в значениях слова «юмор» и других словах, ассоциирующихся с этим, таких как «смех», «улыбка», «шутка» и т.п. и т.д. Мы полагаем, что само употребление этих «юморогенных» слов в поэзии отражало закономерности становления феномена юмора в высокой культуре и способствовало его распространению среди широких слоев народа через интериоризацию и социализацию его культурных и индивидуальных авторских смыслов. А понимание и интерпретация этих слов современными людьми отражает тенденции дальнейшего развития феноменологии юмора.

Хотя традиционно единицей анализа смыслового поля в культурно-исторической психологии является значение, мы считаем возможным с опорой на тексты Л.С.Выготского принять за единицу анализа не значение, а слово, более чем значение, обладающее конкретно-чувственным содержанием и более широкими смысловыми связями. Идея анализа слова исходит из известного методологического принципа знакового опосредования сознания и деятельности. На сегодня этот принцип недостаточно обосновывается и используется в теории и практике контент-анализа.

В связи с этим в первом параграфе этой главы обосновывается возможность рассмотрения слова как единицы психологического анализа фикциональных текстов. Слово обосновывается в качестве психологического орудия личностной регуляции и социализации личности. Конструируется смысловая структура слова в объективной и субъективной реальности. Так, полагается, что типами и уровнями существования слова в субъективной реальности сознания являются знак, понятие и символ. В объективной реальности культуры – знак, значение и имя. Описывается динамика и диалектика взаимопереходов различных форм психологического существования слова. Предполагается, что употребление слова может быть контекстообразующим или контекстообслуживающим. Во втором параграфе анализируется использование юморогенных слов в русской, белорусской и польской поэзии. Полагается, что употребление поэтами юморогенных слов в поэзии, которая относится к «высокой культуре» способствовало в истории социализации смеха, культурогенезу юмора, а восприятие поэтических текстов способствует социализации личности и присвоению ею культурных стандартов юмора. Анализируются и сравниваются закономерности культурогенеза юмора в разных культурах

5.1. слово как психологическая единица анализа текста

Проблема слова, традиционная для филологии, представлена в ней более проблемой анализа продуктов языковой деятельности, то есть текстов, и такими «школьными» отраслями как грамматика, лексика и др. В полной мере проблема слова была поставлена только В. Гумбольдтом, а в 20 веке и породила ряд дисциплин, таких как семиотика, гегменевтика, лингвистика, семантика, в которых само слово является предметом и инструментом исследования. В философии схоластическая проблематика номинализма возрождена в 20 веке разработками проблемы слова в работах А.Ф. Лосева и М. Фуко. По большому счету, их постановка проблемы обозначается как постановка проблемы отражения вещного (материального) мира в слове.

В отечественной психологии проблема слова ставится как проблема культурогенеза психики (Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев, А.А. Леонтьев и др.), однако единицей анализа является не слово, а значение, как форма существования слова в мышлении и общении. Однако, исходной для Л.С.Выготского, как отмечают исследователи, является именно проблема слова (Леонтьев, Собкин, 1994). В современности наблюдается тенденция рассматривать смысловые связи проблемы слова широко. Так, В.П. Зинченко в одном ряду рассматривает мысль, слово, образ, действие, аффект как элементы структуры генетически первичной психической интегральности (Зинченко, 2009). Е.Б.Старовойтенко выделяет слово уже как предмет исследования и в одном ряду рассматривает такие формы слова как знак, имя, символ, значение и смысл, а также понятие (Старовойтенко, 2008).

Н.Т. Оганесян рассматривает регуляторную роль поэтического слова, как слова, концентрирующего функции всех форм слова (Оганесян, 2009). Эти исследования демонстрируют тенденцию вхождения проблемы слова в контекст проблематики психологии личности, а именно культурно-исторической психологии личности. А Д.А.Леонтьев формулирует эту проблему как проблему одного из важнейших измерений социализации – измерения читательской грамотности, в которой особую роль играют слова-маркеры. Так, он пишет: «грамотность – это владение культурными кодами, операциями, маркерами, которые позволяют не только перейти от знаков к образу содержания текста, но и от образа содержания текста к коррелятам его с тем, что мы считаем реальностью или к выводу об отсутствии этих коррелятов. Без этого невозможна ни ориентировка в реальности с помощью текста, ни расширение реальности» (Леонтьев Д.А., 2006).

Однако, на сегодня остается ряд нерешенных общетеоретических и прикладных вопросов в области слова как предмета культурно-исторической психологии личности. Это вопросы о сущности слова как единицы анализа, о типах (формах) и уровнях существования слова в объективной и субъективной реальности, а также о возможностях анализа своупотребления для анализа конкретных культурно-исторических феноменов, каковым для нас является юмор. Необходимо продвижение в решении этих вопросов, что возможно на основе методологии культурно-деятельностных идей Л.С.Выготского и его последователей.

Слово как единица анализа поэтического (фикционального) текста

Согласно Л.С. Выготскому психологический анализ должен вестись не по элементам (атомам), а по единицам. «Под единицей анализа мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства» (Выготский, 1982 т. 2, с.15). Он критикует классическую семантику и фонетику за разложение слова на элементы и отрыв звука от значения (там же, с.15). Но единицей анализа мышления и общения он сам полагает не слово, а значение (там же, с.18). Согласно же А.Н. Леонтьеву «слово есть знак значения» (Леонтьев А.Н., 1994, с.166). И в современной психологии мышления, психолингвистике и психосемантике слова анализируются лишь как значения. Это ведет к тому, что все сообщения и тексты интерпретируются как документальные, которые «выполняют функцию ориентировки в мире» (Леонтьев Д.А., 2006, с.48), а сущность «фикциональных» текстов с их функцией «расширения перспективы» (там же, с.48) остается неучтенной. На наш взгляд сущность фикциональных текстов в их понимании Д.А.Леонтьевым, к каковым в первую очередь относятся поэтические тексты, может быть понята лишь при анализе, в

котором единицей является слово, точнее слово-маркер. Вспоминая Выготского можно сказать, что в поэзии слово становится делом. «Если в начале развития стоит дело, независимое от слова, то в конце его стоит слово, становящееся делом. Слово, делающее человека свободным» (Выготский, 1984, т.6, с.90). Поэтическое слово делает человека свободным по Выготскому и расширяет перспективы по Д.А.Леонтьеву. По М.М. Бахтину такое слово является поступком. «Для выражения поступка изнутри и единственного бытия-события, в котором совершается поступок, нужна вся полнота слова: и его содержательно-смысловая сторона (слово-понятие), и наглядно-выразительная (слово-образ), и эмоционально-волевая (интонация слова) в их единстве» (Бахтин, 1994, с.34). Для анализа поэтических (фикциональных) текстов выделение значения как единицы недостаточно, так как в этой единице не представлена эмоционально-волевая насыщенность слова, его интонация. И для поэзии значение выступает лишь элементом анализа. Даже М. Фуко писал, что литература не поддается «осмыслению на основе теории значения» (Фуко, 1994, с. 79).

Итак, принятие слова за единицу анализа позволяет учитывать эмоционально-волевою его насыщенность, то есть действенность по М.М.Бахтину и Л.С. Выготскому. Кроме этого, становится возможным диалектически учитывать антиномию «объективности и субъективности слова» по П.А. Флоренскому, выделяющему ее вслед за А.А. Потебней и Штейнталем (Флоренский, 1990, с.155). А.Н. Леонтьев различал «непосредственное значение предмета» (Леонтьев А.Н., 1994, с.166), которое в соответствии с исследованиями Л.С. Выготского, когда речь идет о субъективной реальности, строже называть «понятием» или субъективным значением, и то, что можно называть объективным значением или собственно значением. «Значение становится идеей, отделяясь от предмета в языке» (там же, с.166). Отделенное от предмета и отчужденное от индивидуального сознания значение слова образует то, что Шарден и Вернадский называли «ноосфера», а Лосев «интеллигенция». Однако, слово остается «носителем значения» по А.Н.Леонтьеву (там же, с.166). И слово объединяет мир объективный и мир субъективный. Мы говорим словами, а не значениями. Именно слово воздействует в поэтической, как и в психотерапевтической речи. Оно является посредником между миром объективных значений и субъективных понятий. И этим может служить единицей психологического анализа. Но, бесспорно, что необходимо рассмотрение форм (уровней и типов) объективного и субъективного существования слова.

Слово как психологическое орудие жизнедеятельности

Прежде, чем рассматривать формы субъективного и объективного существования слова, необходимо рассмотреть функциональный смысл слова,

его значение для культуры и отдельного человека. Это смысл орудийный. Хотя сам Л.С. Выготский рядопологает, но не отождествляет слово и орудие, он говорит о внутреннем сплетении знака и орудия (Выготский, 1984 т6, с.84) о необходимости совместного рассмотрения проблематики применения орудий и использования символов(там же, с.19), он говорит о знаковой операции как «инструментальной операции» (там же, с.64), которая имеет цель (там же, с.67), а также функциональный смысл. Он заключается в приспособлении к культуре, в присвоении культуры, в социализации и овладении поведением, то есть регуляции, а также и в «конструировании миров» по А. Г.Асмолову (Асмолов, 2001). Согласно Л.С. Выготскому, «любое слово есть теория, название предмета есть приложение к нему понятия» (Выготский, 1982 т1, с.315) и даже более того по Выготскому слово является эмбрионом науки» (там же, с.315) . Орудийный смысл слова наиболее четко проявляется в науке, тогда, когда слово используется на уровне понятия. Так, Л.С. Выготский пишет: «...в частой науке мы пользуемся понятиями как орудиями познания фактов...» (там же, с.314) и далее «...но пользование орудиями есть вместе с тем их проверка, изучение и овладение ими, отбрасывание негодных, исправление, создание новых» »(там же, с. 315). То есть, если слово-знак служит овладению своим поведением, слово-понятие будучи орудием науки (теоретического мышления) служит уже и средством и объектом труда. Дострая до слова-символа, понимаемого как «знак знака», слово служит уже орудием того, что строго можно назвать «символической деятельностью», хотя сам Л.С. Выготский обобщал этим названием всю словесную (речевую) деятельность. Символ не просто называет вещь, или отражает понятие, а творит «смысловое поле» по А.А.Леонтьеву (Леонтьев А.А., 1999, с.118), то есть творит субъективное пространство культуры, а будучи объективированным в слове или в другом знаке и отчужденным от психики конкретного человека творит и объективное пространство культуры. Созидательность придает слову-символу орудийный характер. Слово, согласно Г.Г.Шпету, «принцип культуры» (Шпет, 1922), то есть модель и способ действия культурного человека. А как способ действия слово опять выступает как орудие.

Поэтическое творчество же является разновидностью символического сознания (Кулагина, 2006), то есть сознание автора, а часто и читателя, воспринимает слово как символ, трансформирующий и расширяющий внутренний мир. Как пишет Д.А.Леонтьев: «Поэзия, как и другие формы культуры, культивирует произвольность, самодисциплину, личностную культуру преодоления» (Леонтьев Д.А., 2010, с.22). И как способ преодоления узости собственного сознания поэтическое слово опять выступает как психологическое орудие.

Слово как смысловая структура

Выступая как орудие, слово создает систему объективных и субъективных отношений, которая постоянно уточняет и обновляет слово. Рассматриваемое как единица анализа слово, взятое в статике и в относительной изолированности от всей речи и языка, слово имеет свою смысловую структуру. А «в наиболее общем определении смысловые структуры являются превращенными формами жизненных отношений субъекта» (Леонтьев, 1999, с.126). Понимание, какие жизненные отношения воплощаются в слове, возможно на основе структурирования разных форм существования слова, которые в синхроническом ракурсе сосуществуют в слове в качестве элементов смысловой структуры слова. У слова традиционно выделяют следующие формы: знак, значение, понятие, символ и имя. В отечественной психологии чаще всего первые три трактуются на основе идей Л.С.Выготского, а остальные две - на основе идей А.Ф. Лосева. Мы считаем возможным рассматривать эти понятия совместно, определяя их в следующую двухрядную структуру. Первый ряд отражает субъективные типы и уровни существования слова и состоит из ряда понятий: 1) знак, 2) понятие, 3) символ. Второй ряд отражает объективные типы и уровни существования слова: 1)знак, 2) значение, 3) имя

Знак как исходная точка речи, мышления, сознания и отчуждаемых от психического форм культуры является и субъективным и объективным феноменом. «Знак есть, прежде всего, единство обозначающего и обозначаемого. То есть он имеет двойственную природу» (Швырев, Полторацкий, 1970, с. 8). От знака берут начало и субъективная психологическая реальность сознания и объективная отчужденная реальность культуры. Понятие же является феноменом субъективной реальности, так как в нем отражаются индивидуальные, в том числе и биологические, смыслы отношений означаемого и концептуализируемого. Индивидуальные понятия могут существовать и на уровне синкретов и комплексов по Л.С. Выготскому. Они могут совпадать со значениями объективной реальности, но имеют принципиально другую природу и сущность. Если понятие – это способ индивидуального приспособления или адаптации к объективному миру, то значения – это отчужденные от сознания формы культуры, которые отражают уже не биологические или жизненные смыслы, а смыслы социальные и конвенциональные.

Символ относится к субъективному ряду согласно Н.В. Кулагиной, которой обосновано, что символ является специфическим средством отношения к миру (Кулагина, 2006), включающем отношение эмоциональное и ценностное (там же). И даже более того «символы ...способны возбудить определенное психологическое состояние, с которым и должны быть отождествлены» (там же). Слово, исходя из «нульмерной точки» знака, проходит через уровень абстрагированного понятия, возвращается к менее абстрактному символу, возвращается к целостности переживания слова, но уже в его многозначности. Как пишет А.Ф. Лосев «...в том же символе абстрагирующее мышление начинает вновь возвращаться к покинутой им объективной

действительности, то есть тут же становится и некоторого рода практикой»(Лосев, 1991, с.249). А «практика» или «орудийность» символа заключается в том, что «Он содержит в себе всегда какую-то идею, которая оказывается законом всего его построения» (там же, с.259). На уровне символа, более, чем на другом становятся возможны смыслостроительство и жизнетворчество.

Знак, проявляясь в виде единства обобщения и общения, рождает значение (Выготский, 1982 т2, с.19), которое является уже феноменом объективной реальности. Значение, в отличие от понятия, является уже не только феноменом индивидуальным, но и социальным. Этим оно как бы получает самостоятельную жизнь, не зависимую от каждого конкретного человека, взятого по отдельности. В значении концентрируются абстрагированные и обобщенные существенные признаки предметов вещного мира и отношений фактов вещного мира и мира социального. В значении абстрагируются и обобщаются и формы деятельности. Они как бы получают идеальную жизнь в виде «превращенных форм» по М.К.Мамардашвили. Как пишет В.Ф.Петренко: «Трактовка значения как «превращенной формы» деятельности помогает понять содержание и генезис значений, не сводимых к остенциональным определениям и не имеющих явной предметной отнесенности» (Петренко, 2005, с.11). Согласно Л.С.Выготскому и А.А. Леонтьеву овладение значением, происходит через внедрение знака в детскую психику посредством взрослого. Как пишет А.А. Леонтьев «слово с его объективным, внепсихологическим по существу значением, входя в деятельность индивида (ребенка), получает различное, более или менее близкое к общепринятому и поэтапно развивающееся означение» (Леонтьев А.А., 1969, с.59). Но если в ракурсе объективной реальности это означение, стремящееся к значению, то в ракурсе субъективной реальности это – понятие, которое в пределе своем стремится слиться с объективным значением, хотя и имеет другую (индивидуальную) природу.

Используя понятия М. Н. Эпштейна(Эпштейн, 1988, с. 329), можно сказать, что у вещи как и ее знака есть «функциональная теснота», у понятия «концептуальный простор», а у слова как смысловой системы есть «экзистенциальная глубина». «Вещь уже не используется как предмет и не истолковывается как знак, но исполняется как бытие – во всей полноте смыслов, замкнутых и растворенных в ее предметности. Все присущее ей, вынесенное из жизни и внесенное мыслью, теперь здесь- и указывает на ее присутствие» (там же, с. 329). «Вещественность», предметность и экзистенциальность слова творит культуру и создает внутренний мир. Слово, зарождаясь как знак, формируясь как понятие, перерастает их, возвращаясь к символизирующей и вещной сущности. И сущность эта – деятельностна (Выготский, Леонтьев А.А., Розеншток-Хьюсси и др.) и психотехнична (прежде всего теория и практика НЛП).

Ряд объективной реальности, исходящий из знака и проходящий через значение, венчает то, что А.Ф.Лосев называет «имя». Имя можно считать

объективным аналогом субъективного символа. Оно несет в себе эмоцию и ценность. Но оно не факт субъективной реальности, а факт объективного мира ноосферы по Вернадскому или интеллигенции по Лосеву. Эмоция и ценность имени отчуждены от индивидуального сознания и приобщены к сознанию родовому. Но имя - это не совсем инобытие вещи, если строго по А.Ф. Лосеву. Имя как ноэма по А.Ф. Лосеву «вносит в инобытийно-конструируемый предмет и нечто от себя, от инобытия (Лосев, 1990, с.46-47). Как символ возвращает индивидуальное сознание к его целостности, так имя возвращает миру идей и абстрактных значений их предметную отнесенность и связность. Слово как имя – это и есть мир развитой культуры, отчужденный от индивидуального сознания и присваиваемый им.

Смысл же, который часто рядопологают знаку, значению, символу, находится вне их и именно он определяет отношения и взаимосвязи слова, то есть смысловую структуру слова. Через поэзию транслируются именно смыслы как отношения, то есть смысловые структуры слова. Как пишет Д.А.Леонтьев: «специфика поэтической речи заключается в том, что ее языковая организация служит передаче смысла, а не значения» (Леонтьев Д.А., 2010, с.21). Интериоризуясь, смысловая структура слова создает потенциальную смысловую систему жизнедеятельности.

При этом объективная и субъективная реальности слова не параллельны друг другу, а пересекаются. И точками фиксации предмета сознания, слова как знака, значения и личностного смысла, отражающего индивидуальное понятие или символ, создают то, что Ф.Е.Василюк изображал как «психосемантический тетраэдр» или «модель образа сознания» (Василюк, 1993). При восприятии поэтических текстов происходит сближение предмета сознания и слова. Слово приобретает и объективный и субъективный смысл и становится орудием его трансляции и интериоризации. В поэзии даже «внешняя» сторона слова – его звучание – становится носителем смысла, вызывая звуковые и смысловые ассоциации, трансформируя смысловое поле сознания и текста.

Функции слова в тексте: контекстообразующая и контекстообслуживающая

Употребление слова обозначает то, что понятие, отражаемое им, актуализируется в сознании. Актуализация понятия через слово может быть контекстообразующей, может быть контекстообслуживающей, то есть слово может быть словом-ключом по Будагову или словом-маркером по Д.А.Леонтьеву, а может быть и вспомогательным. Отметим, что в поэзии слова из сферы юмора очень редко, являются контекстообразующими. Это позволяет предположить, что механизмы социализации юмора в поэтическом творчестве в очень большой степени были непосредственными, не доминирующими в сознании. И соответственно, механизмы социализации

юмора посредством восприятия поэтического текста были зачастую бессознательными. Восприятие слов «смех» и «улыбка», которые обозначают прежде всего биологические реакции организма, позволяют трансформировать биологическое в социальное, социальное в идеальное, а также задает культурные стандарты использования этих реакций. Когда эти слова употребляются как контекстообслуживающие, их восприятие способствует социализации личности, через «вращивание структуры целиком» по Л.С. Выготскому. Когда слова «смех» и «улыбка» употребляются как контекстообразующие, как слова-ключи, их восприятие способствует даже развитию личности, через интериоризацию и рефлексю понятия, дорастанию его до символа. Изменяется структура сознания и структура жизненного мира, затем изменяется и структура деятельности. В результате культурогенеза происходит обращение отношений, если в филогенезе функция задает развитие структуры, то в ноогенезе, изменяющаяся структура задает направление развитию функции. У поэзии отсроченный эффект в жизни. И эффективность эта создается за счет внедрения в сознание и деятельность новых понятий. Этап рефлексии понятий наступает даже в поэзии позже. Так, рефлексия смеха началась только с начала 20 века. В. Хлебников, сделал контекстообразующим и самодостаточным понятие смеющегося человека и смехового действия: «О, рассмейтесь, смехачи...».

Слово как средство интериоризации юмора и социализации личности

Человек в своем филогенезе становится в полной мере социальным существом только тогда, когда у него развивается способность к речевому общению и только тогда он переходит от собственно филогенеза к культурогенезу своего развития. Первичная социализация ребенка происходит тоже вместе с освоением им языка. В ходе культурного развития в языке выработались разные слова, соотносимые с сферой юмористического. Мы называем их юморогенными словами, и относим к ним слова, ассоциирующиеся современным человеком со словом «юмор», такие как существительные «смех», «улыбка», «шутка» «комедия», глаголы «смеяться», «улыбаться», «шутить» и т.п. и прилагательные и наречия «смешной», «улыбчивый», «шутливый». «комический», «смешно», «комично» и т.п. При этом они не просто обозначают семантическую близость к слову «юмор», а являются теми словами, точнее понятиями, на основе которых сформировалось понятие юмора. Так понятия смеха и улыбки обозначают то, что является натуральной составляющей ВПФ юмора или биологические предпосылки, которые окультуривались тем, что человек выработал способность к созданию определенного рода комических образах, отражавшихся в шутках, остротах, комических произведениях. Мы полагаем, что современное значение слова «юмор» сложилось более на синтезе понятий, обозначаемых юморогенными словами, чем на простой этимологической эволюции значения самого слова «юмор» как знака жидкости, настроения, особой способности человека.

В культурогенезе и онтогенезе при восприятии поэтического текста эти, называемые нами «юморогенными» слова, выполняют функцию трансляции смысловых структур слова и этим функцию социализации рецепиентов поэзии, а за счет постоянного их смыслового обогащения поэтами выполняют также и функцию развития юмора в ходе культурного развития.

5.2. сравнительный анализ развития юмора в русской, белорусской и польской поэзии

5.2.1. Библия как основа осмысления смеха во всех европейских культурах

Библия является источником культурного осмысления смеха для высокой культуры всей Европы. В ней слова «смех», «смехотворство», «смеющиеся» и «смеяться» встречаются 7 раз, 3 раза «насмехаться», «насмехаясь», «насмехающийся, 2 раза встречается слово «юродство». «И сказала Сарра: смех сделал мне Бог», «И при смехе иногда болит сердце», «смех ваш да обратиться в плач», «и пустословие и смехотворство не приличны вам», «Горе вам, смеющиеся ныне! Ибо восплачете» «Время плакать и время смеяться», «Глупые смеются над грехом» (Тематическая Библия, с.218), «И становясь пред ним на колени, насмеялся над Ним», «с книжниками и старейшинами, насмеяясь, говорили», «глаз, насмеяющийся над отцом и пренебрегающий», «для погибающих юродство есть», «юродством проповеди спасти» (там же, с.286). Таким образом, смех выступает как неоднозначное явление, он не поощряется в целом, но может быть полезен, а юродство может спасти.

5.2.2. Стадии развития юмора в Русской поэзии

Контексты употребления юморогенных слов в Древнерусской литературе

В хрестоматии древнерусской литературы под редакцией Д.С. Лихачева смеховые слова встречаются нечасто, по 1 на 25 страниц. Общий смысл их употребления – рекомендация читающему не злоупотреблять смехом. Но интересно, что в самом раннем произведении «Повести временных лет» Нестора заложена основа экзистенциального смеха над жизнью: «Олег посмеялся..., сказав «...я жив» (Литература Древней Руси, М., 1990, с.28). Далее, в соответствии с средневековой европейской традицией негативного отношения к смеху, это отношение теряется, но в истоках русской культуры оно есть и отразилось в народной смеховой культуре, изученной Д.С. Лихачевым (Лихачев, 1984). Интересно, что в древнерусском языке понятия

улыбки и усмешки выражались словом «осклаб» (Литература Древней Руси, 1990, с.540), а словоупотребление в литературе, например, таково: «Бес же, ослабився, рече...» (Литература Древней Руси, 1990, с.540). В этом древнерусском слове проявилась изначально агрессивная роль смехового, связь агрессии и юмора, подмеченная еще К. Лоренцом (Лоренц, 1994), которая все более ослабляется в культуре за счет механизмов социализации. Механизмы социализации есть в русской поэзии и выражаются даже переходом от древнерусского слова «осклаб» к литературному слову «улыбка».

Социализация юмора в русской поэзии 18 века

Понимание социальности смеха и адресности шутки было уже в 18 веке: «... говорит тому на смех...» (Третьяковский//Русская поэзия 18 в., с.122). В 18 веке смеховое из области театрального и народно-праздничного переходит в сферу вербального: «С насмешкою сказал» (Ломоносов, //там же, с.147). В этом зачатки произвольности юмора. Позже появляется и мотив осмысленности юмора: «Смешить без разума – дар подлыя души» (Сумароков.//там же, с.169). Карамзин пишет: «...от сердца чистого смеется (Смеяться, право, не грешно!) Над всем, что кажется смешно...» (там же, с.488). В этих строфах и формирование культурного стандарта смеха – важности его чистосердечности, и декларация свободы смеха – смеяться не грешно, и понимание отсутствия фиксированных объектов смеха, понимание того. Что смех зависит от субъекта – «над всем, что кажется смешно».

Державин отмечает, что в юмористической форме можно сказать гораздо больше, чем в серьезной, и что юмор связан с экзистенциалом истины бытия: «И в шутках правду возведу» (там же, с.564) и «И истину царям с улыбкой говорить» (там же, с.615). Свобода обращения с понятиями смеха и улыбки свидетельствует о том, что к концу 18 века они уже сформировались, во всяком случае, в высокой культуре.

Формирование понятия юмора в поэзии 19 века

У поэтов 19 века еще более сложное и дифференцированное употребление юмористических слов и они становятся все более контекстобразующими, сам контекст становится объемнее. Продолжается осмысление, социализация и дифференциация улыбки. Причем у Гнедича и Батюшкова звучит призыв к улыбке – установка на ее намеренное использование. Декабрист Одоевский же говорит о смеховом, юмористическом отношении к власти как способу выжить на каторге при царском режиме:

«И за затворами тюрьмы В душе смеемся над царями» (Русские поэты 19 века:, 1964,с.233). Это созвучно мыслям В.Франкла о юмористическом отношении к фашистам в концлагере. Об этом же Буренин о гражд казни Н.Г.Чернышевского «Палачами он был окружен, но в тот миг Не они – он смеялся над ними...» (там же,с.804)

Лермонтов же связывает юмор с парадоксом:«Люблю я парадоксы ваши И ха-ха-ха , и хи-хи-хи» (Лермонтов). Здесь же, пиктографически употребляя «ха-ха-ха» и «хи-хи-хи» вместо слова-знака смех, как бы возвращает проблему смеха к ее истокам, к необходимости осмысления самой биологической реакции смеха, что позже было в прозе сделано Достоевским.

В конце 19 века появилась и рефлексия над способностью человека к юмору, выведение его на новый уровень развития. Сделал ее поэт и инженер-изобретатель Пушкирев:

....Я смеюсь ведь не только над вами,
Я смеюсь и над многим другим:
Я смеюсь над своими друзьями,
Я смеюсь над собою самим.(там же, с. 754)

Этот смех, о котором пишет Пушкирев, уже особое отношение к миру, людям и себе самому. Отношение, направленное на трансформацию личности: ее промахи и ее совесть. Характеристика этого отношения – беспристрастность – то есть рефлексивность. И рефлексивность эта уже направлена не только на мир, других людей, но и на самого себя: «Я смеюсь над собой самим». Смех над собой – это уже качественно иная характеристика смеха, это уже какая-то «высшая» форма смеха. Но нужно отметить, что Пушкирев пишет о юморе, но слово «юмор» не употребляет. Понятие юмора в форме понятия о юмористах эксплицировано Минаевым в стихотворении «Юмористам»:

Юмористы! Смейтесь все вы,
Только пусть ваш стих,
Как улыбка юной девы,
Будет чист и тих...(там же, с.789).

Самое важное в этом стихотворении то, что в нем культивируется и транслируется позитивное значение юмора: доброе, универсальное, внутреннее («тихое»). Появление слова «юмор» свидетельствует уже о полной сформированности понятия юмора в высокой культуре.

Развитие юмора в поэзии начала 20 века

Таким образом, поэты 19 века отразили тенденции социализации способности к юмору и заложили основы дальнейшего его развития по пути все большей интериоризации, рефлексивности и психотехничности. Последнее отражено и в следующих строках: «Пел и боролся со злом Силой я смеха живого» (Курочкин//там же, с.773) Эта традиция борьбы со злом была подхвачена и в начале 20 века: «И жуток Шуток Ключущий смех» (Маяковский//Русская поэзия конца 19 начала 20 в., с.464).

Самое показательное в социализации юмора в начале 20 века то, что он переходит из внешних развернутых смеховых форм во внутренние. Так, Цветаева говорит уже о полуулыбках: «Полуулыбки в ответ на вопросы» (Цветаева). Улыбка становится символом юмора как явления субъективной реальности. Усиливается способность обращать смех на самого себя, что свидетельствует о дальнейшем развитии юмора: «Сам я смеюсь над собой, Знаю я властен, но хил» (Коневский). О том, что смех нуждается в новом осмыслении и развитии до новой произвольной смеховой культуры известно стихотворение Хлебникова: «Заклятие смехом!» . Это же стихотворение с его повторами корня слова «смех» фиксирует смеховое как «имя» по Лосеву, то есть феномен объективной реальности, каковой является «ноосфера» Вернадского и Шардена и своими переливами смыслов неологизмов намекает на необходимость создания новой традиции смеховой культуры.

Общая характеристика развития юмора в русской поэзии

рус поэзия	18 век	19 век	20 век
смеяться	7	14	2
смех	7	15	13
насмешка	1	2	1
насмешливо			1
смешить	3		
комедия	1		
эпиграмма	1		
шуливый	2		
смешной	1	3	2
хохотать	1		2
не шути	4	1	2
шутка	2	5	2
шутить	1	2	
усмешка	2	1	
скалить зубы			2
улыбка	3	21	9
полуулыбка			1
улыбаться	2	4	8
рассмеяться	1		
юмористы		1	
смешно	1	2	
улыбнись	1	3	

шуточное	1		
усмехаться		1	1
улыбчивый		1	
шуты		1	
посмеясь		1	
шутя		1	
шут		1	
насмешливый		1	
насмеяться		1	
захохотать		1	
осмеянный		1	
осмеять		1	
<u>смейся</u> \ смейтесь		7	8
<u>смехачи</u>			6

В хрестоматиях русской поэзии 18, 19 и начала 20 века юморогенные слова встречаются с одинаковой частотой. По 11 на каждые 100 страниц, или приблизительно по одному слову на десять страниц поэтического текста. Это говорит о том, что последние 300 лет способности человека к юмору осмыслялись в русской культуре постепенно без резких скачков. Однако, даже статистический анализ показывает некоторые тенденции. Так, если тема смеха присутствовала уже в начале 18 века, то тема улыбки активизировалась только с его середины у Майкова и Богдановича. При этом чаще употреблялось существительное «улыбка», глагол «улыбаться» активизировался только с начала 19 века. Для обозначения понятия улыбка употреблялось и само слово «улыбка» и слово «усмешка», акцентирующее происхождение только одного вида улыбки от смеха, а другого, возможно от психического отражения. В 20 веке у Цветаевой появилась «полуулыбка», свидетельствующая о свертывании смеховой реакции до слабой мимической реакции, а также о том, что юмор отрывается от своей чувственной основы смеха за счет затормаживания биологической реакции и трансформации ее лишь в эмоциональную ткань предметного образа. Если тема спонтанной насмешки свойственна и 18 веку, то тема произвольного осмеяния активизировалась только с 19 века. Прилагательное «смешной» и наречие «смешно» активизируются только с 19 века, как проблема предмета юмора. Причем тема предмета трансформировалась от явно негативных социальных

явлений к пониманию возможности юмористического отношения ко всему. Так, у Кантемира находим: «...пока злобно Ты смеешься нищете...», а у Горького : «смешные птицы». Само понятие юмора формируется в поэзии только в 19 веке у Пушкирева и Минаева. Пушкирев говорит о смехе над собой, а Минаев употребляет слово «юмористы», что говорит уже о полной сформированности понятия юмора, причем как особой способности и сущностной характеристики человека (Домбровская, 2011).

5.2.3 Стадии развития юмора в белорусской поэзии

Контексты употребления юморогенных слов в Древнебелорусской литературе

В хрестоматии по Древней белорусской литературе юморогенные слова встречаются реже, чем в хрестоматии по Древней русской литературе. Только по одному слову на каждые 40 страниц, и в основном это слова, обозначающие насмешку над белорусскими традициями и историей. Так, в Баркалабовской летописи встречаются выражения «насмеванье полское» (Баркалабаўскі летапіс// Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры, 1959.,- с.219) «з русских церквей великое насмевање чынили.... З них ся насмевали» (там же, с.220). Федор Елошевский уже пишет о надсмешании русских над белорусами: «Смеялсе московский на узнайменне уни» (Федар Елашэўскі// Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры, 1959.. с.226). В итоге древнее белорусское общественное сознание характеризуется словами Милентия Смотрицкого: «я стала пасмешышчам для усяго свету» (Мялецый Смятрыцкі// Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры, 1959, с.263). Смех связан с издевательствами и пренебрежением: «здзекуецца смехам и тэпінамі» (там же, с 269). Согласуются с этими и слова Леонтия Карповича: «голову нашу пред тым оплеваную, поличковатую и посмеянную..... Сеи б его же имъхом в смех и притчу поношения» (Ляонцій Карповіч// Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры, 1959, с.293). но здесь же связкой слов «смех» и «притча» прослеживается и глубокая библейская традиция.

Белорусский смех, начавшись с воспринятого высмеивания иноземцами белорусского народа, распространился и среди народа, при этом в форме высмеивания других людей и наций. Например: «О, яки ты ж вельки дурак» (смяецца и гаварыць)» (Каэтан Марашэўскі// Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры, 1959, с.391) и «(Смяецца). Ох, яки ж жыд дурак!» (там же, с.398)

Но самое важное, что уже в древности белорусы выработали и молчаливый, свернутый, внутренний смех: « я маучаць буду, а у духу смеяцца: ха,ха, ха,

кали смешнаго рабиць будуць» (Каэтан Марашэўскі// Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры, 1959, с. 400)

Универсализация смеха в белорусской поэзии 19 века

Эволюция юмора в белорусской поэзии 19 века идет от древней традиции смеха-насмешки к разнообразию видов и оттенков смеха с его превращением в целом позитивное и универсальное явление. При этом наблюдается интериоризация библейской традиции в ее диалоге с языческой традицией. Так, в анонимной литературе начала 19 века встречается такой текст:

«Як пачула злая сила,
Што самую смерць скасила,
Што Адам смяцца стау,
А Майсей крыжали взяу –
Чорт падскочыу к Аарону
Спрауку вывесць па закону:
Ци прыйшоу Мессии час,
Штоб ад пекла усих нас спас?
Аарон ачки надзеу
И у Библию паглядзеу,
Не уцярпеу – засмяюся.

Чорт адразу дагадауся,
Што Хрыстос ужо васкрэс» (анонимная литература// Беларуская літаратура 19 стагодзя, 1988,с. 8).

Важно, что здесь белорусы как бы выстраивают традицию смеха от первого библейского человека – Адама, рефлексировать, что смех может повлиять даже на «нечистую силу» - черта. Наиболее важно, что белорусский аноним, говоря : «не стерпел-засмеялся» осознает неполную произвольность смеха. Беларуская анонимная литература осмысляет и античную традицию смеха, говоря «Амур жа з дзеукамі жартуе, Ну, проста смех ажно бярэ» (там же, с. 18). Здесь опять прочитывается невозможность полной произвольности смеха: «смех разбирает». Важно, что рефлексировать, что для того, чтобы смех состоялся, необходимо организовывать специальные мероприятия – потехи: «Ну, братцы, зробім пацеху: ...А такі, штоб больша смеху...» (Гераним Марцінкевіч, там же, с.78). а описываются потехи так: «Вот так пляшучь, прыпяваюць, Хохат, лопат, крык и зык» (Винцэнт Дунины-Марцінкевіч, там же, с.118)

Интересно, что белорусский аноним алкогольную традицию связывает со смехом «Чарку выпіу хто на смех» (там же, с 24). Это отличается от русской традиции – пить с горя и согласуется с европейской смеховой культурой, описанной М.М.Бахтиным.

Смех становится универсальным. Предметом смеха становится даже Бог и церковь, что отличается и от русской и от европейской традиций: . «Бог и цэркаў пайшли у смех!!!» (Аляксандр Рыпінскі // Беларуская літаратура 19 стагодзя, 1988, с.73).

Предметом смеха становится и чиновничество : «Ураднік жа піша, а я дык смяюся,

Кажу: «Ох, я надта цябе ды баюся!»» (Францішак Багушевіч // Беларуская літаратура 19 стагодзя, 1988, с.278).

Здесь осознается, что смех избавляет от страха. Важно, что в белорусской поэзии, впервые в истории создана психотехническая традиция использования смеха для избавления от страхов: «З гэтых страху трэ смяяцца І нічога не баяцца...» (Кастусь Каліноўскі // Беларуская літаратура 19 стагодзя, 1988, с 231). Здесь говорится о том, что со своих страхов просто надо смеяться и страхи исчезнут.

Однако, основным предметом смеха все же остается простой белорусский народ, обращаясь к которому поэт говорит : «Панскі двор пабуждаеш На вялікі смех» (Ян Баршчэўскі // Беларуская літаратура 19 стагодзя 1988, с. 41). но в этом не призыв к власти не смеются над народом, а уже призыв к народу – не быть смешным.

Развитие смеха в белорусской поэзии конца 19-начала 20 века.

Если белорусский смех 19 века рефлексировался как социальное явление, то к началу 20 он стал осмысляться и внедряться как лирическое явление: «Беразняк густы смешыць» (Элоіза Цетка// Беларуская літаратура 19 стагодзя, с. 396), «Дзе смех русалчын, лесуновы

Палашчыць вечна-цяглы сон.» (Янка Купала// Анталогія беларускай паэзіі. Т. 1. , 1961, с.232). «Краскамі усміхаецца уся сенажаць» (Янка Купала // Анталогія беларускай паэзіі. Т.1., 1961, с.301), «І блішчыць мне сонца, і смяюцца зоры...» (Алесь Гурло// Анталогія беларускай паэзіі. Т.1, 1961,с 537).

В поэзии Якуба Коласа происходит трансформация от политического насмешки и смехового противостояния к социально-игровому смеху: «А то часамі з ім і спорыць

Ци проста дражніцца, смяецца» (Якуб Колас //там же, с.388)

Якуб Колас же осознает выработанную ходом всей цивилизации связь смеха и радости и как бы призывает смеяться прежде всего от радости:

«А радасць пачуеш, надзеи узауюцца,

Каб добрыя вестки падаць,

Няхай тады струны твае засмяюцца

И песняю шчасця гучаць» (Якуб Колас // Анталогія беларускай паэзіі. Т.1, 1961, с.354)

Вторит ему Янка Журба:

«Гэй, засмейся, сэрца,

Той усмешкай милай,

Што душу узнімае,

Узмацняе силы» (Янка Журба// Анталогія беларускай паэзіі. Т.1, 1961, с. 548).

Важно, что в этих двух примерах слово «смех» уже является контекстообразующим, что говорит о сформированности в белорусской культуре смеха как ценности.

Контекстообразующим является и глагол «смеяться» в следующем стихотворении-призыве, которое называется «не смейся»:

«Ты не смейся з мужыка,

Што ен цемны, бедны....-

Ты пасмейся з пана...» (А.Петрашкевич // Анталогія беларускай паэзіі. Т.1, 1961, 609-610)

Здесь произошла полная универсализация смеха с возможностью его обращением и на власть, осмеяние которой было под большим запретом в Беларуси, чем осмеяние Бога.

Общая характеристика развития юмора в белорусской поэзии

бел поэзия	19 век	20 век
смех	7	4
смешки		1
смеяться	8	4
не смейся		6
засмеяться	2	3
смейся	1	2
шутить	1	
не шути	1	
шутка	1	1
хохот	1	
хохотать	2	
смешить	1	
улыбка		1
Улыбаться		1

В хрестоматиях белорусской поэзии юморогенные слова встречаются с той же частотой, что и в русской поэзии – по одному на 10 страниц поэтического текста. И так же как в русской культуре развитие юмора в 19 и 20 веке шло равномерно, без скачков. Наибольшей частотой в 19 веке обладают существительное «смех» и глагол «смеяться». Что позволяет говорить, что смех тогда сформировался и как воспринимаемое явление и как действие. Слова «шутка» и «шутить» встречаются гораздо реже, чем «смех» и «смеяться», что говорит о том, что в Беларуси поздно сформировалась культура произвольного юмора. И преобладает способность того, что выражается глаголом «смешить», чаще всего произвольно. Слово «улыбка» встречается только в 20 веке, что скорее всего свидетельствует о молодости белорусов как этноса, не свойственности им обращения рефлексии на закономерности психического отражения, с которым связана улыбка, то есть рефлексии внутреннего мира. Слово «юмор» вообще не встречается, что вероятнее всего говорит о том, что у белорусов нет собственной традиции культурогенеза собственно юмора, и он существует более как заимствованный из других культур феномен.

5.2.4. стадии развития юмора в польской поэзии

Польская поэтическая традиция начинается не в 18 веке как русская или в 19 веке как белорусская, а как и у большинства европейских культур гораздо раньше, а конкретно в 15 веке. Тогда появилась традиция анонимных сатир, известнейшей из которых является «Сатира на ленивых холопов (аноним 1483// Poezja polska. Antologia tysicilecia.tom 1.pod redakcia A.Nawruckiego. – wyd.IBIS. Warszawa 1998, стр 11). То есть польская поэзия начала осмысление и развитие самобытного юмора с заимствования и интериоризации античного жанра. Важно, что предметом такого осмеяния был не народ как таковой как в белорусской культуре, а отдельные пороки народа, в основном лени.

Объективация способности к юмору в предметных формах культуры в 16 веке.

Способность человека к юмору проявилась в польской культуре 16 века прежде всего в виде особой деятельности по созданию юмористических продуктов, то есть во внешней деятельности, опредмечивающей внутреннее настроение. Поляки создали особый юмористический жанр, отражающий их ренессансное мировоззрение – жанр фрашек. Изобрел их Ян Кохановский, дав им название от лат “fraska” – веточка, а в переносном смысле – мыслительный выверт. Важно, что Ян Кохановский, работая в этом жанре, рефлексировал и сам жанр фрашек. Это отличает его от русского Кантемира, который ввел в русский культурный обиход жанр сатир, но внутри сатир, не рефлексировал их самих. Традиция рефлексии продуктов своего юмора стала традиционной для поляков. Смысл и цель фрашек, согласно Кохановскому в том, чтобы «насмеявшись себе и своим порядкам, вовлекут в замешательство...» (Kochanowski //там же, s31). Фрашки вызывают замешательство во внешней деятельности, способствуя развитию внутренней. При этом они вызывают бескорыстное удовлетворение от их творчества у самого автора: «фрашки непроплаченные, фрашки благодарные» (Kochanowski //там же, с 34). Темой фрашек, то есть предметом юмора могло быть все, даже Бог: «Теперь мир со всего смеется» (Kochanowski //там же, с 37), «Только Бог знает, что будет и смеется с неба, когда человек заботится, о чем не требуется» (Kochanowski //там же, с 41), «фрашка во всем» (Kochanowski //там же, с. 56). Фрашки в отличие от сатир имеют целью не бичевать социальные пороки, а украшать и услащать жизнь и мир: «Мир украшает ряд фрашек и шуток» (Kochanowski //там же, с 42). Этими фрашками поляки начинают общую традицию не прагматических, а эстетических шуток.

В неюмористических поэтических произведениях отмечаются разные аспекты смехового, которое может связываться с распушенностью (Klemens Janicki // там же, s 26). Предметом смеха в отличие от белорусской поэзии, где выступал народ, или русской, где высмеивалась нищета, в польской поэзии являлись наряды женщин (Szymon Szymonowic //там же, s 78).

Кроме упоминаний фрашек в польской поэзии упоминаются еще и приколы, которые чаще всего являются юмором действия. Они так же как и фрашки приводят в замешательство: «покажут прикол и разум обнищает» (Daniel Nabogowski, там же, s85)

Регламентация и рефлексия смеха в 17 веке

В 17 веке в польской поэзии осмысляется, где уместен смех и кому уместен, а также традиции смеха в разных этносах. Так позволено смеяться молодежи и при этом благообразной: «А парни и девчата пусть играют шутками, а те у кого, воротник не устойчив, пусть шуток не строят» (Hieronim Morsztyn//там же, s 87). Здесь обмен шутками понимается как игра, что совпадает с общеевропейской традицией понимания юмора как игры. Умение пошутить связывается с социализированностью характера: «пусть подружка будет покладистой, шуткой не брезгует» (Jan Andrzej Morsztyn //там же, s 102). Осмысляется, что смеяться над невзгодами надо вместе с Богом : «мудрость Божья, когда невзгоды разлучают, пусть с тобой вместе смеется» (Kazimierz Maciej Sarbiewski//там же, s 90). Здесь еще рефлексировается и создается возможность связи юмора и мудрости.

Казимеж Сарбевски осуществляет первую в истории попытку описать разнообразие смеховых традиций у разных народов. Так, согласно Сарбевскому, французам свойственны «смех и остроумие в красноречии» (Kazimierz Sarbiewski//там же, s 91). Итальянцы «обед любят сопровождать шутками» (Kazimierz Sarbiewski//там же, s 92). Они же в своих буффонадах наследуют античные комедии (Kazimierz Sarbiewski //там же, s 92). У немцев же, согласно Сарбевскому смех заимствован от других народов: «из путешествий в далекие края привозят смех» . на род (Kazimierz Sarbiewski //там же, s 93). На родине же . в Польше «улыбаются усадьбы» (Kaziemerz Sarbiewski//там же , s 95)

Нужно отметить, что в поэзии осознается, что смех 17 века отличается от более старинного: «где обычные смехи? Где старинные утешения?» (Szymon Zimogowic//там же, s 98). Здесь и глубокое понимание историчности смеха, его культурно-исторической обусловленности и происходящей эволюции смехового.

Дифференциация смеха в 18 веке

В 18 веке в польской поэзии происходит различие «невинного смеха», (Ignacy Krasinski //там же, s 164), то есть смеха бесцельного и «смеха, которым критику ведут»(Elzbieta Druzbacka//там же, s 132), «высмеивают» (Tomasz Kajetan Wegierski//там же, s 192).. Отмечается и амбивалентный смех: «тот, смеясь, издевается, что та его гонит, за то, что ее он не любит» (Elzbieta druzbacka //там же, s 133). Опять проявляется особенность польского смеха, в котором присутствует и смех над самим смехом : «кураж над куражом»(Franciszek Bohomolec //там же, s 138). Менее отчетливо, чем в русской поэзии 19 века, но появляется способность к смеху над самим собой: «я на себя пишу сатиры»(Ignacy Krasinski //там же, s 154). Важным отходом от общеевропейской традиции смехового как игрового является смех над актерством: «усмеялся тому, что плохим был актером» (Ignacy Krasinski//там же, s 157). Продолжается регламентация смеха, потому что «разрешено смеяться только знатным» (Ignacy Krasinski //там же, s 159). Становится допустимым смеяться над Отчиной(Tomasz Wiegierski //там же, s 192) и образом мышления ((Jakub Jasinski//там же, s 198), то есть происходит и универсализация смехового.

Аксиоматизация и разложение смеха в 19 веке.

В 19 веке, судя по частоте упоминаний в поэзии существительных «смех» и «улыбка» происходит превращение их в ценность. При этом наиболее ценится приуроченный к религиозным празднованиям европейских «запустов» (аналога русской масленицы) жизнерадостный смех, который поэты парадоксально называют «пустой смех» (Antoni Malczewski //там же, s 215), после которого приходит «милость и забота» (Adam Mickiewicz //там же, s 238). При этом осознается альтернатива смеха и плача с возможностью их взаимопереходов : «расплачусь и засмеюсь» (Adam Mickiewicz //там же, s 227). В культурное сознание поляков возвращается и первобытный биологический смех: «смеется с дикой улыбкой» (Adam Mickiewicz// там же, s. 236). При этом важно, что смех совмещается с улыбкой, то есть биологическое раздражение смеховой реакции совмещается с психическим отражением, символом которой является улыбка. отмечается, что смех возникает как реакция на смех другого : «шире щек улыбается, когда весной смеются горы»(Wincenty Pol//там же, s 307)

Улыбка рефлексивна и массовизируется как признак благополучия: «в улыбке матроны молчание вдоха уважения и покоя» (Wincenty Pol //там же, s 309).

Улыбка в польской поэзии 19 века более позитивно ценится, чем смех. Смех в польской культуре 19 века стал ценностью, но достиг стадии полной эстетизации : «все на свете – это комедия» (Waclaw Rolicz-Lieder //там же, s

470) и появилась потребность в новых формах смеха, а точнее в трансформации смеха в его исторического наследника – юмор. В английской культуре к тому времени юмор уже сформировался в современном значении этого слова. Потребность в интериоризации юмора польской культурой доказывается тем, что прежний смех переродился в «дьявольский» (Juliusz Slowacki //там же, s 329) (T Micinski, s 504). Юлиуш Словацки характеризует Польшу с тоской, что она «не знает удачи и юмора» (Juliusz Slowacki //там же, s 331).

Развитие юмора в польской поэзии начала 20 века

Продолжается рефлексия смеха, начинается рефлексия улыбки. Возникает улыбка своей улыбке: «улыбке собственных уст улыбается, как бы своей тайной мысли» ((L Staff // Poezja polska. Antologia tysiecia.tom 2.pod redakcia A.Nawruckiego. – wyd.IBIS. Warszawa 1998 , s 12). Ирония осмысливается как форма жалобы на жизнь (Mieczyslaw Jastrun//там же, s 161). Однако, не отрицается, что смех позитивен в межличностных отношениях и может даже вызвать любовь: « тебе быть немножко смешным, и мне быть немножко смешным. Кто первый засмеется – тот первый полюбит» (Boleslaw Lesmian // там же, s 23). Этими словами Б. Лесмян зафиксировал, что польская и вся европейская культура переходит к смеху интимному. О том, что этот «интимизированный» смех может нести еще большую опасность для культуры, предостерегает Нобелевский лауреат Чеслав Милош в парадоксальном произведении «Дети Европы», которое заканчивается так: «Смех, возникающий из почтения к правде, - это смех тех, кого называют врагами народа.

Век сатиры закончен. С этих пор не будем преступной речью стесать неудачливых монархов.

Серьезны, как и пристало держателям дел, позволим себе лишь пошловатую шутливость.

С сжатыми устами, разуму послушны, вступаймы осторожно
В высвобожденного огня эру» (Milosz, 1946 //там же, s 232)

Современный юмор межличностных отношений – это огонь, которым можно зажечь сердца, но можно вызвать и пожар отношений. Отметим, что и содержанием и формой этих строк Ч.Милош возвращается к традиции жанра польско-ренессансной фразы. Обращает внимание рефлексивность и честность польского поэта по отношению к европейской культуре.

Таким образом, польские поэты начала 20 века неоднозначно относятся к смеху, но нельзя не признать, что их предостережения против переразвития

европейской традиции культурогенеза юмора через знаковое его опосредование в выской культуре обоснованы.

Общая характеристика развития юмора в польской поэзии.

Пол поэзия	15 век	16 век	17 век	18 век	19 век	20 век
сатира	1			1		1
шутка		3	4			
фрашка		7			2	
смеяться		2	1	2	3	2
смех		1	3	2	18	5
улыбчивый		1	1			3
не смейтесь		1		1		
смешно		1				
смешной		1		1		4
прикол		1			2	
комедия			1		1	
острить			1			
смеясь				1		
кураж				2		
арлекин				1	1	
улыбаться				2	4	1
шутить				2		
смейтесь			1	1	1	1
быть высмеянным				1	1	
засмеяться					2	2
улыбка					9	6
улыбнись					1	
юмор					1	

посмешище					1	
ирония						1
<u>стебать</u>						1
шутиливость						1

В отличие от русской и белорусской поэзии в польской поэзии юмор развивался неравномерно, но осмыслялся более интенсивно. Так, в антологии юморогенные слова встречаются со следующей частотой: 16 век – одно на 4 страницы, 17 век – одно на 3 страницы, 18 век – одно на 5 страниц, 19 век – одно на 7 страниц, начало 20 – одно на 9 страниц поэтического текста. Употребление в польской поэзии юморогенных слов носит более контекстообразующий, чем контекстообслуживающий характер (в отличие от русской поэзии) – что вызвало необходимость содержательного анализа цитат с юморогенными словами.

Как видно, наиболее интенсивно юмор развивался в 16 и 17 веке в форме создания и осмысления фрашек. Это совпадает с периодом общеевропейского рождением собственно юмора в английской драме. Глагол «смеяться» употребляется гораздо реже, чем в русской и белорусской поэзии. Вероятнее всего, это объясняется тем, что в Польше доминировало не личностное начало культурогенеза юмора, а знаковое или через социальное значение как факт объективной реальности. Смех и улыбка наиболее интенсивно осмыслялись в 19 веке и в 20 веке дошли до обращения юмора на сам юмор, что приводит к разложению вековой традиции смеха и вызывает потребность создания новой традиции юмора. Употребление Юлиушем Словацким слова «юмор» в фразе «у Польши нет юмора» свидетельствует о необходимости новой традиции юмора.

Основные отличия традиций развития юмора в русской белорусской и польской поэзии.

Все славянские традиции развития юмора имеют источником Библию. Наиболее близок библейской традиции культурогенез юмора в белорусской поэзии, где акцентируется юмор в социальных отношениях. Особенностью культурогенеза юмора в русской поэзии является создание традиции обращения юмора юмористом на самого себя. Особенностью культурогенеза юмора в польской поэзии является создание традиции обращения юмора на сам юмор и этим его эстетизации, главным образом в виде шуток близких к жанру ренессансной фрашки.

Основные сходства в традициях развития юмора в русской, белорусской и польской традициях.

Если в начале культурогенеза юмора юморогенные слова играли роль психологического орудия социализации этого феномена, то с 20 века слово «юмор» как знак, понятие и символ стало регулировать субъективную

реальность, то есть стало психологическим орудием регуляции межличностных отношений и саморегуляции. А как знак, значение и имя стало влиять на объективную реальность культуры, то есть стало ценностью. Велемир Хлебников в русской поэзии и Чеслав Милош в польской поэзии фиксируют кризис традиционной, опосредованной знаком, культуры юмора и необходимость создания новых традиций юмора (В третьей главе диссертации мы предлагаем и обосновываем из логики психологической культуры 20 века новый путь культурного развития юмора через его опосредование рефлексией, внутренним диалогом, эстетизмом и идеей развития и самотрансценденции).

5.3. тенденции развития юмора в современной молодежной культуре

Нами было проведено небольшое поисковое исследование тенденций развития юмора, которые мы эксплицируем с использованием метода незаконченных предложений, созданных нами из пословиц, которые содержат юморогенные слова. Осмысление самого метода незаконченных предложений позволяет его определить как метод пограничный между методами экспериментальными и феноменологическими. От феноменологических методов его отличает большая структурированность задач и результатов, объединяет с ними выявляемая экзистенциальная реальность. С экспериментальными методами его роднит общее происхождение от методов ассоциирования Эббингауза и Фрейда-Юнга (Корнилова Т.В., 2002), а также достаточно строгая заданность «задач» для респондентов. Чтобы метод незаконченных предложений можно было считать экспериментальным, нужно чтобы были сформулированы, хотя бы «рабочие», гипотезы исследования.

Для представляемого исследования основными гипотезами выступали следующие:

1. Рефлексируемость экзистенции юмора неравномерна (по совокупности ответов респондентов)
2. Современные стереотипы отношения к юмору отличаются от сформулированных в «народной мудрости» (по завершению предложений, сформулированных как начала пословиц: «В каждой шутке...», «Смех без причины...», «Смеется тот...», «Где смех...», «От смешного...», «Смех продлевает...»)
3. Юмор может осуществляться в русле целевой, причинной, процессной логики жизнедеятельности (по завершению начатых предложений типа «Люди шутят...», «Люди понимают юмор...», «Люди смеются....», «Люди улыбаются...», «Юмор нужен...»).

Сформулированные гипотезы методологически несколько сливаются с задачами неэкспериментального исследования, но мы их формулировали до начала исследования именно как экспериментальные и непредсказуемые. Остальные незаконченные предложения (в исследовании их было 37) более были нацелены на выявление феноменологии и «смыслового поля» юмора, поэтому для них не были сформулированы «экспериментальные» гипотезы.

Нужно признать, что по общему впечатлению от полученной феноменологии, полученные данные оказались «беднее», чем ожидалось. Это может быть свидетельством того, что экзистенция юмора в обыденной жизни не вполне рефлексивируется сознанием или сама по себе с трудом эксплицируема и требует более теоретического осмысления, чем эмпирического или экспериментального исследования. «Обедненность» полученной феноменологии может быть обусловлена и особенностями выборки (учащиеся ССУЗа специальностей «программное обеспечение» и «коммерческая деятельность», но поступившие на базе полного среднего образования, а не студенты гуманитарных факультетов ВУЗов) и особенностями достаточно стабильной и «неюмористической» социальной среды Беларуси, в которой проводилось исследование. Однако, смысловое поле юмора, социальная динамика отношения к юмору и контекст логик жизнедеятельности нами были выявлены и на этой выборке.

Экспертная оценка завершения начатых предложений не применялась, так как для интерпретации применялся чисто статистический подсчет завершений предложений со словами «чтобы» и «для» (для идентификации целевой логики), «потому», «так как» и «от» (для идентификации причинной логики), «как», «когда» и «значит» для процессной логики. К процессной логике мы склоняемся относить и все остальные ответы, которые не подходят под категорию явной причинной и целевой логики (обозначаемой соответствующими словами), и которые имплицитно подходят как ответы на вопросы «как» «чему» и простую констатацию ответа(завершение предложения) через дефис. Однако в представляемых ниже данных представляем только эксплицитно идентифицируемые «процессные» ответы, как не требующие смысловой экспертизы.

Из общей совокупности ответов на вопросы, предназначенные для выявления логик экзистенции юмора (134), 19% отражают целевую логику, 9% - причинную, остальные, на наш взгляд процессную, а однозначно идентифицируемую процессную – 26%. Парадоксальным образом, эти более социологические, чем психологические данные, выявленные в исследовании экзистенции юмора у белорусской молодежи 2010 года, совпадают с данными полученными нами в исследовании социальной экзистенции взрослых соискателей вакансий московского рынка труда в 1997-1999 годах. Тогда было выявлено 20% целевой логики, 10% причинной и остальное процессная и констатирующая логика жизнедеятельности (Домбровская И.С., 2004, стр. 184) .

Для нас при замысле данного исследования было главным получить или не получить возможность выделения логик экзистенции юмора. И наша гипотеза подтвердилась. То есть метод незаконченных предложений может использоваться для анализа экзистенциальных феноменов и даже могут быть выделены типы логик жизнедеятельности в большем соответствии с формальной логикой, чем это выделяется при чисто психологическом анализе в мультирегуляторной модели личности (Леонтьев Д.А., 1999, стр. 155-158). Однако, если сопоставлять наши данные 2010 года и данные 1997-1999 годов, что строго говоря делать нельзя из-за кардинального различия выборок, то не произошло увеличения удельного веса целевой логики, что мы прогнозировали (Домбровская И.С., 2004, с. 184) или наши данные все же более социологические, чем психологические (хотя о психологичности данных намекает совпадение полученных на разных выборках результатов). Используемый нами метод проективного поискового исследования позволяет обосновать и «операционализировать» теоретические разработки Ж.Делеза, который рассматривает юмор и иронию в контексте логик смысла (Делез Ж., 1995, с. 295-298).

Что касается того, что в полученных ответах часто присутствовало слово «значит», то это свидетельствует о сложной смысловой нагруженности понятия юмора, о несамостоятельности его феноменологии, об актуальности и научной значимости теоретических и эмпирических исследований юмора.

Актуальность исследований юмора обосновывается и тем, что в результате проведенного исследования выявилось то, что современное отношение к юмору отличается от сформулированного в народной мудрости (в пословицах и поговорках).

Так 89% респондентов продолжают начатое предложение «смех продлевает...» как «смех продлевает жизнь». Среди других ответов (завершений): «смех продлевает смешную ситуацию», «смех продлевает боль в животе» и констатация «да».

67% респондентов продолжает начатое предложение «В каждой шутке...» как «В каждой шутке есть доля правды». 19% завершают известным парафразом «В каждой шутке есть доля шутки», причем один из них вместо слова «доля» употребляет слово «лишь», а один добавляет «...все остальное правда», а еще один усиливает парафраз «... все остальное шутка». Среди других ответов «В каждой шутке есть пошлость», «В каждой шутке есть смысл», «в каждой шутке есть смех».

48% завершают начатое предложение «Смех без причины...» как «смех без причины признак дурачины». Среди других завершений: «...признак позитива», «...признак умного мужчины», «...означает, что причины вы не заметили», «...признак хорошего человека и, может, не хорошего», «...признак конкретной группы» (2 человека), «...признак...», «...признак смешного человека», «...признак почти нормального человека», «...признак

шутки», «...это хорошо», «...признак веселья», «...признак хорошего настроения», «...признак жизнерадостности».

44% завершают начатое предложение «смеется тот...» в соответствии с пословицей «Смеется тот, кто смеется последний». Причем отметим, что один из таких респондентов написал просто «...кто последний». Написано ли это от небрежности или отражает высказанный конкретный смысл, мы затрудняемся оценить, поэтому просто выделяем этот ответ среди других. 7% продолжают парафразом «Смеется тот, кто смеется первый». 7% отвечают, что «Смеется тот, кому весело», 15% - что тот, «... кому смешно». Среди других ответов: «...кто смеется», «...до кого быстрее доходит», «...кто смеется всегда», «...кто хочет», «...кто может», «...у кого хорошее настроение», «...кто смеется с нами».

Только 7% завершают начатое предложение «Где смех, там...» в соответствии с пословицей(поговоркой) «Где смех, там и грех». Наиболее частый ответ «Где смех, там я» (19%)., продолжение «Где смех, там весело» в 15% случаев, «Где смех, там радость» - 7%, называются конкретные люди в 7% случаев, среди других ответов: «...наша группа», «...и веселье и человек с юмором», «...хорошо», «...где есть компания веселых людей», «...плач», «...интересно», «...хорошее настроение», «...улыбка», «...интересно».

Любопытно, что известная пословица «От великого до смешного один шаг» не была озвучена в нашем начатом наоборот предложении «От смешного...» ни разу. Но было одно продолжение «...до большого», несколько «...к смешному», «...можно умереть», «...весело», «...колет в животе», «...болит живот и рот», «...поднимается настроение».

Среди других продолжений «От смешного...»: «...до Петросяна один шаг», «... смеются», «...не грустно», «...хорошо», «...веселеют», «...надо избавляться», «...к грустному или хорошему», «...до несмешного», «...до несмешного два шага», «...жить легче», «...можно поднять себе настроение».

Отражают ли полученные результаты динамику общественного мнения о юморе (отношения к юмору) или просто незнание молодежью пословиц (что мы допускаем все же) можно считать вопросом открытым. Но, на наш взгляд, мы выявили тенденции развития юмора в истории и характеристики современной экзистенции юмора, такие как неоднозначность, связь с биологическим и социальным, связь с настроением (что обусловлено еще и этимологически), связь со смыслом.

Смысловое поле понятия юмор приблизительно очерчено приведенными ответами респондентов, подробный его анализ не является целью этих тезисов. Подчеркнем лишь то, что одним из ответов на «неэкспериментальные» вопросы была обозначена связь смеха и крика, которая теоретически была обозначена В.М. Бехтеревым как гипотеза филогенеза мимических движений, к которым он относит и смех, из «голосового центра» (Бехтерев В.М., 1991, с. 256-275). Еще один ответ

обозначал связь смеха и «травки», то есть напомнил проблему связи смеха и наркотиков (ЛСД), сформулированную Я. Рейковским (Рейковский Я. , 1979, с.86), еще один – связь юмора и алкоголя, сформулированную Б.С.Братусем (Братусь Б.С., 1988, с.250). Но нужно подчеркнуть, что негативные аспекты юмора выявлялись в единичных случаях, а в современности доминирует экзистенция юмора как явления позитивного, но негативные аспекты не могут быть замалчиваемы.

Из полученных результатов приведем здесь еще завершения неэкспериментального и достаточно длинно, в отличие от других предложений, сформулированного начала предложения: «Юмор развивается под влиянием...». Так продолжения были следующие: «...знаний», «...окружающих людей» (11%), «...скуки», «...глобальных общемировых процессов», «...смеха» (7%), «...конкретной группы», «...человека», «...общения с хорошими людьми», «...нелепых шуток», «...юмора», «...алкоголя», «...хорошей шутки и настроения», «...сна», «...меня», «...человеческих поступков» (7%), хорошего настроения (11%), «...это должно быть с рождения», «...кого-то», «...общества», «...хорошей компании», «...смешных ситуаций». (ответы здесь не группируются нами, так как не проводилась их экспертная классификация, и чтобы представить «живую» феноменологию).

Итак, многие полученные ответы озвучивали взгляды философов и психологов на юмор, излагаемые в научных и концентрированные в энциклопедических работах (например, Домбровская И.С., Леонтьев Д.А., 2000), и тем самым продолжали культурную традицию экзистенции и развития юмора. Самым прогрессивным ответом мы считаем ответ «в каждой шутке есть смысл». И тенденцию развития юмора в культуре мы видим, что он все более будет опосредоваться смыслом, и не только семантическим, но и личностным и бытийным.

Заключение по главе 5.

Принятие слова за единицу психологического анализа поэтического (фикционального) текста позволяет определить его смысловую структуру в единстве субъективного (в форме знака, понятия и символа) и объективного (в форме знака, значения и имени) функционирования слова. Становится возможным приблизиться к пониманию психологических механизмов трансляции смыслов юморогенных слов и социализации биологических и архаических предпосылок юмора. В эволюции словоупотребления становится возможным проследить переход от социализации смеха и улыбки через формирование понятия юмора к развитию самого феномена юмора.

Глава 6. Юмор как средство влияния личности на социальные процессы

Выше мы рассматривали юмор более как средство саморегуляции личностью своей жизнедеятельности и своего развития, теперь же рассмотрим юмор как средство овладения своим настроением и влияния на социальные процессы. Ведь личность не является закрытой и самодостаточной монадой, живущей в некоем абстрактном жизненном мире. Личность живет прежде всего в мире социальном, в тесном взаимодействии с другими людьми. Культурно-исторический подход исходит из того, что все высшие психические функции рождаются в общении между людьми и в социальных процессах. Так, по отношению к юмору в главе 2 нами показано, что юмор зарождается в эпоху Ренессанса как совместная смеховая деятельность народных масс, влияющая на общие культурные и политические процессы, а позже интериоризируемая в индивидуальную способность по регуляции своего поведения, деятельности, жизнедеятельности и своих отношений с миром. Д.А. Леонтьев резюмирует процесс трансформации юмора из разделенной между людьми смеховой деятельности в функцию индивидуальную следующим образом: «Первая из этих трансформаций означает обретение функцией юмора произвольности, вторая — превращение в инструмент саморегуляции, овладения собой и своей деятельностью, и третья представляет собой ее интериоризацию. К ним можно добавить также социализацию юмора, превращение этого отношения в инструмент группового сплочения и групповой идентичности: скажи мне, над чем ты смеешься, и я скажу тебе, свой ты или чужой. "Правильный" юмор выступает социально одобряемым достоинством, а его отсутствие — недостатком (хотя "неправильный" юмор еще хуже)» (Леонтьев, 2013). Механизмы интериоризации юмора под влиянием интеллектуального, эмоционального и эстетического воспитания охарактеризованы нами в главе 4. В социальном же поведении личности, как показывает Р. Мартин, юмор может выполнять функции самораскрытия, социального исследования и нарушения норм, освобождения от ответственности, контроля социальных норм, поддержания статуса и иерархии, заискивания, управления разговором, идентификации и сплочения группы, игры (Мартин, 2009). При этом специфика юмора, что он редко используется на абсолютно рефлексивном уровне, а на уровне подсознательном, на уровне настроения или установки. Юмор как установка рассмотрен М.В. Бороденко (Бороденко, 1995), мы же далее будем рассматривать юмор как настроение личности, которое может осуществляться на разных уровнях Бытия и влиять на социальные процессы не только в малой группе, но и на общекультурные социальные процессы, вплоть до политических процессов.

6.1. юмор на разных уровнях социальных настроений

В некотором смысле название этого параграфа тавтологично, поскольку в этимологическом развитии у слова «юмор» была стадия значения «настроение», а в некоторых языках (напр, английский, польский) у этого слова сохранилось значение «настроение». Но рассмотрение юмора как настроения важно, поскольку это не просто опускает исследование юмора в более глубокие и архаические слои психики, а создает предпосылки для выработки культурой психологических механизмов овладения настроениями, как юмористическими так и другими. Кроме того, социальные настроения представляют собой психологическую среду, в которой живет и действует личность. А в соответствии с принципами народной этимологии (Введенская, Колесников, 1986) слова «среда» и «средство» сближаются в своем значении и этим юмор, понимаемый как настроение, выступает и как среда и как средство. Среда же понимаемая как средство выступает как предмет неклассической психологии, делающей согласно Федорову (Федоров, 2012) средство центром своего рассмотрения. Отметим, что неклассическая психология - порождение российской психологии, а именно так назвавшего подход Л.С.Выгосткого Б.Д. Эльконина, который назвал центральной идеей неклассической психологии примат метода в овладении вещным и субъективным миром. (Эльконин Б.Д. , 1989) Это согласуется с выводами из нашего анализа динамики психических структур и функций в филогенезе, согласно которым задает направление общего развития развитие функций, средств, орудий. Однако этот же принцип примата средств и функций создает неустойчивость развивающейся системы. Для придания системе устойчивости важен примат объекта, которым может быть и структура. Для придания устойчивости процессам развития культуры и развития человека на наш взгляд наука должна возродить свои классические традиции с приматом объекта. Шаг по возрождению классической науки мы даже считаем задачей-максимум данной работы. Первый шаг по восстановлению непрерывности традиций уже сделан обобщением понятия метода понятием средства, под которое подходит и понятие психологического орудия. Языковое же бытие категории, понятия и слова «средство» механизмами народной этимологии сближает его семантический и бытийный смысл со словом «среда». Исследование юмора как среды-средства позволяет превратить юмор как настроение в отчуждаемый от личности объект, и этим сделать шаг к постнеклассической психологии и даже шаг к восстановлению непрерывности классических традиций науки. По большому счету интериоризованная социокультурная среда, точнее принципы функционирования индивида в ней, и есть средство собственно личностной регуляции. Настроение же – это внутренняя среда личности, которой личность также должна овладеть, которую должна регулировать и которую может транслировать другим личностям.

Прежде всего кратко рассмотрим историю и контексты исследований настроений в науке. По данным Д.В. Ольшанского на момент написания им книги «Психология масс», вышедшей в 2002 году, в российской науке было

только несколько работ, посвященных проблеме настроений, а в Западной только исследования настроений в русле «психологии народов» и «психологии толпы», а также несколько сугубо прикладных (Ольшанский, 2002). Таким образом, приоритет превращения настроений в самостоятельный предмет исследования принадлежит российской науке. Кроме работ Д.В. Ольшанского, в России ведутся исследования настроений как формы эмоциональных переживаний (Петровский А.В., 1996 и др.), как вида психических состояний (Куликов, 1997 и др.) и как фона активности (Бондырева, 2008 и др.). Однако, на наш взгляд, исследований настроений недостаточно и они перспективны именно в связи с проблемой влияния на социальные процессы, как массовые так и межличностные.

В соответствии с нашим уровневым пониманием сферы эмоционального, изложенным в главе 1, настроения могут испытываться субъектом на разных уровнях эмоциональности (раздражимость, ощущение, опредмеченные чувства или собственно эмоции, переживание, ценность). Настроения представляют собой некие эмоциональные установки, определяемые более субъектом, чем объектом, что и отличает их от собственно эмоций. Настроение – это «настрой», подсознательная установка, предрасположенность или диспозиция переживать что-либо определенным образом, способная превратиться в особый способ действия (например, настроение бунтовать, настроение пошутить и др.). Вместе с тем, настроение, зависящее от субъекта, актуализируется восприятием им объекта и всей среды обитания, то есть всего своего жизненного мира. Подчеркнем, что в настроении воспринимается именно целостный объект, а не предмет, который характеризует лишь определенные фрагменты или атрибуты объекта. Целостное восприятие такого рода, даже когда осуществляется на уровне ценности, связывает субъект и объект некой промежуточной между ними средой, которая может быть отчуждена субъектом в некий особый феномен на индивидуальной экзистенции. Согласно нашим представлениям о эволюции психического, изложенных в главе 3, эта на индивидуальной экзистенция и есть сфера идеального или в более привычных на сегодня понятиях «ноосфера». Именно выделение настроений в на индивидуальное бытие и позволило русским ученым выделить настроение в самостоятельный предмет научного познания. И хотя настроение задается идеализированным целостным объектом восприятия как феномен оно возникает только в социальных взаимодействиях людей, как феномен межиндивидуальный и даже массовый. Так, Д.В. Ольшанский определяет настроения следующим образом: «Массовые настроения – особые психические состояния, охватывающие значительные общности людей. Это состояния переходные от непосредственных эмоций к осознанным мнениям, предшествующие массовым действиям... » (Ольшанский, 2002).

Д.В. Ольшанский подмечает здесь еще одну характеристику настроений: их переходность и этим пролонгированность во времени. Этим, на первый взгляд настроения нарушают принципа бытийности «здесь-и-теперь», но этим же

подтверждают другой экзистенциальный принцип, а именно принцип того, что у существования есть бытийная логика (Делез, 1995) и это логика переходов смыслов. В социальных настроениях логика смысла выражается в состоянии переходности от эмоций к действиям, от смысла изолированности субъекта к смыслу общности с другими людьми. Настроение отражает характеристики этой общности, которые могут выражаться в установке пошутить так, чтобы человек, над которым шутят, стал причастным к общности, или чтобы общность объединилась, изгоняя своими шутками того или иного человека. Настроение и склонность шутить над другими людьми – это особый тип юмора, который чаще всего вызывается патологизацией сущностно межуровневых механизмов юмора в одноуровнево социальные (см. гл.3).

Межуровневое настроение же создается шутками над определенным предметом, которым могут быть и отношения между людьми, и шутка над отношениями, позволяет перевести их из плана собственно социального в план идеальный, в котором ими можно играть и где их можно менять и трансформировать. И не юмор, применяемый рефлексивно и произвольно как ситуативное орудие регуляции межличностных отношений, а юмор как подсознательное настроение создает пролонгированность, долговременность и устойчивость отношений. Итак, еще одна характеристика юмора – пролонгированность во времени, что и создает возможность прогнозировать поведение на основе анализа настроений. У настроений есть экзистенциальная логика, и это логика перехода психических процессов из одного состояния к другому, от одного бытийного смысла к другому бытийному смыслу. Юмор как психологическое орудие задает логику перехода от одного уровня Бытия к другому, юмор как настроение задает логику Доминанты того или иного уровня Бытия. Критерием же определяющим уровень Доминанты Бытия, поскольку основным признаком настроений является их переходность, может быть критерий механизмов передачи настроений, к от индивида, как юмористических, так и других.

Так, на биологическом уровне существуют такие механизмы передачи настроений между индивидами и образования групповых настроений как, подражание, заражение и т.п. Именно механизмы биологического уровня описывает Д.В.Ольшанский в книге «Психология масс». И это биологические механизмы передачи настроений определяют массообразование и психологию того, что уничижительно называют толпой. Биологические же механизмы передачи настроений лежат в основе и Ренессансной народной смеховой деятельности, которую анализировал М.М.Бахтин, однако в биологическое смеховое подражание друг другу позволило народу создавать идеальные образы в виде ритуальных чучел, социальные ритуалы по их сожжению и это позволило инициировать межуровневость развития юмора. Современная же культура склонна к уплощению Бытия до одноуровневости его регуляции.

На социальном уровне задают направление юмористических настроений механизмы позитивной и негативной групповой идентификации. В

механизмах идентификации есть связь с идеальным уровнем Бытия, поскольку идентификация связана с представлениями, но доминанта на социальном уровне «забывает» субдоминанту на идеальном. Примерами юмористической идентификации являются примеры идентификации себя с тем или иным народом посредством предпочтения специфики его национального юмора. Так, в совокупной культуре человечества наиболее оформились в особые виды юмора юмор еврейский и юмор английский, хотя существуют и габровский и польский и швабский другие виды юмора. Непонимание и неприятие юмора других народов свидетельствует о негативной идентификации с этими народами, которая в случае массовости неприятия может стать механизмом отчуждения от магистральной цивилизации. А случаи предпочтения специфики юмора других народов юмором своего народа может свидетельствовать о маргинальности индивида или о тенденциях развития всеобщей культуры. В масштабах не национальных, этнических, а малых групп механизмы юмористической идентификации аналогичны, но чаще протекают в форме игры по обмену юмористическими репликами, которая выявляет своих и чужих. Примером юмора, отчуждающего негодных от той или иной группы, является стеб, как культурный феномен проанализированный В.Э. Матизеном (Матизен, 1993).

На идеальном уровне логику переходов настроений от одного индивида к другому задают механизмы огруппления мышления, названные так И. Дженисом в статье «Огруппление мышления» (Дженис, 1971, 2000). Основными признаками огруппления мышления по Дженису являются: «группопоклонство», принцип «цель оправдывает средства», иллюзия неуязвимости группы, иллюзия единомыслия и др. (Дженис, 2000, с. 242-259). Нужно признать, что именно способность людей к огрупплению мышления является предпосылкой к образованию ноосферы и выделению идеального в относительно самостоятельный уровень и вид существования. В отличие от юмористических настроений социального уровня, которые наиболее ярко проявляются в масштабе народов, юмористические настроения идеального уровня наиболее ярко проявляются в масштабе малых групп, причем при совместной научной или творческой деятельности. Примеров много в сборниках «Физики шутят», «Психологи шутят» и т.п. Специфика юмористического настроения этого уровня в том, что предметом юмора чаще являются уже не социальные характеры как на социальном уровне, а научные, творческие и управленческие проблемы, то есть общепринятые и индивидуально специфичные представления о научных и творческих проблемах, а также проблемах управления. Нельзя не признать, что поскольку генетически юмор произошел из совместной деятельности, то и в современности он чаще служит выработке единомыслия группы, то есть огрупплению мышления. И только новый сильный лидер может способствовать тому, что своим сильным юмором повернет группу от огруппленного мышления к мышлению индивидуальному и открытому выражению своих подсознательных мнений. Некоторые способы

предотвращения огруппления мышления при принятии управленческих решений предложены И. Дженис (там же).

Мы считаем проблему огруппления мышления настолько важной, что даже считаем важным дополнения понятия огруппления мышления понятием отгруппления мышления, под которым понимаем механизмы выработки индивидуальных, независимых от влияния других людей представлений, суждений, решений. Юмор, отгруппляющий мышление, чаще всего имеет предметом не социальные отношения и не непосредственно обдумываемую проблему, а возможный контекст ее осмысления. В эволюции психического отражения и деятельности человека именно механизмы отгруппления мышления создали возможность перехода от таких механизмов эволюции как социогенез и ноогенез (о них подробно в гл 2) к механизму персоногенеза и выделению личностного уровня Бытия в относительно независимый его вид и уровень.

На личностном уровне механизмы передачи юмористических настроений связаны опять с образом человека, но это уже не социальный характер и не социальные отношения как на собственно социальном уровне Бытия, а рефлексивный юмор по отношению ко всей природе человека или к самому себе. На личностном уровне редко предметом и объектом юмора является другой человек. Но предметом юмора может быть целый социальный класс, к которому принадлежит юморящий, но с которым целиком не идентифицируется и не входит в единомыслие. Приведем конкретный пример юмора Л.Н.Гумилева над самим собой.

Так, тележурналист спросил Л. Н. Гумилева:

- Лев Николаевич, Вы – интеллигент?

Гумилев ответил эмоционально:

- Боже меня сохрани! Нынешняя интеллегенция – это такая духовная секта. Что характерно: ничего не знают, ничего не умеют, но обо всем судят и совершенно не приемлют инакомыслия.

О том, что это юмор, обращенный Гумилевым прежде всего на себя, а не просто критика интеллигенции, говорит анализ юмора в контексте целостности научной судьбы Л.Н.Гумилева, в которой был длительный период не то что непризнания, а полного обесценивания его работы по самообразованию и анализу прочитанного. Даже когда он уже был признанным в области истории ученым – доктором исторических наук и хотел защитить диссертацию и по географии, его мысли в области географии были признаны дилетантскими. И в этой шутке фраза «ничего не знают..., но обо всем судят» - это своего рода интроецированная оценка его недоброжелателей. Но почему же Гумилев так больно подшутил над собой и над классом, к которому принадлежал? Потому что тенденции развития класса интеллигенции к тому периоду времени привели к закостеванию этого класса, когда дух стал культом, смелость суждения превратилась в

категоричность, просветительская деятельность интеллигенции превратилась в так называемую «кухонную культуру», превратившуюся в нечто, похожее на самозамкнутую и самодостаточную секту. Эту шутку Гумилева можно понимать по-разному, но по сути своей она знаменует вырождение класса интеллигенции из пассионарного класса в регрессивный, что в полной мере, в аналитических понятиях своей же теории пассионарности Гумилев не мог по причинам глубокой бессознательной идентификации с этим классом. Саморефлексия, особенно ее вербализация труднее всего. И дефицит аналитической способности по отношению к самому себе как представителю интеллигенции Гумилев компенсировал этой шуткой, обращенной на себя и свой класс, и этим же намекнул, что в отличие от большинства интеллигентов не прекратил развиваться, учиться, действовать, творить, то есть остался в рамках лучших традиций интеллигенции как класса пассионарного.

Поскольку шутка Л.Н.Гумилева была публичная, а он был лидером общественного мнения, то не исключено, что именно под ее влиянием класс интеллигенции трансформировался в класс интеллектуалов, который сформировался на Западе и традиции которого проникли и в Россию. Здесь же скажем, что позднее в России класс интеллектуалов трансформировался в так называемый креативный класс. Но он унаследовал лучшие традиции пассионарности русской интеллигенции. Юмористические настроения и юмористические установки к правящей элите сыграли в этом не последнюю роль. Юмористические настроения влияют на социальные и политические процессы за счет того, что метафорически метят проблему. И метафоричностью юмора переводят настроение с уровня личностного опять же на уровень идеальный. Юмористическое настроение на личностном уровне – это влияние отдельной личности на социальные и политические процессы посредством означения проблемы юмористической метафорой, этим ее отчуждения в план знакового, идеального, в котором проблема становится решаемой, а осознание ее наличия транслируемым другим.

Тот или иной юмор в межличностных отношениях считается неудачным тогда. Когда его автору не удастся транслировать юмористические эмоции, то есть транслировать юмористическое настроение. Тогда же говорят о непонимании юмора или даже о его отсутствии у реципиента, что вызывает уже социальную потребность не в простой трансляции настроений, а в их трансформации и рефлексии. Проблема непонимания юмора всегда решается только с переходом от подсознательных настроений через их анализ к рефлексивным представлениям о социальных процессах. И юмор влияет на социальные процессы таким образом, что ставит проблему и рефлексии социальных процессов и саморефлексии юмора в контексте социальных процессов и социального пространства, то есть времени и пространства Бытия по М.Хайдеггеру, его хронотопа по М.М. Бахтину. Потребность в рефлексии юмора поднимает бытие до его личностного уровня, поскольку системная рефлексия и саморефлексия юмора возможны только на личностном уровне.

Итак, юмористические настроения могут передавать эмоции от одного субъекта к другому разными механизмами на разных уровнях существования. Определяет же «вещественность» влияния юмора его доминанта или субдоминанта на уровне идеальном.

6.2. Юмор как настроение идеального уровня Бытия

Идеальный уровень создает и фиксирует правила своего существования в форме правил поведения, деятельности, жизнедеятельности и максимально проясляется в виде юридических законов и их функционирования в обществе.

Далее целью параграфа является анализ взглядов Делеза на юмор и иронию в контексте проблемы функционирования закона на основе двух его работ, переведенных в начале 90-х годов 20 века на русский язык - Эссе «Представления Захер-Мазоха (холодное и жестокое)» (1968) и книги «Логика смысла» (1969). Юмор Жиль Делез сталкивает с иронией, выявляя их сходства и декларируя различия. В эссе он рассматривает их в связи с феномена садизма-мазохизма и Закона, в «Логике смысла» в связи с сущностями смысла, Бытия, языковых поверхностей. Нужно признать то, что язык Делеза, язык философа, требует перевода с языка оригинальной философской системы на язык общеупотребительных психологических терминов. Что мы здесь и попытаемся сделать. Делез сложен и необыденен. Нам приходится думать о том, как перевести его на язык психологии, для которой работы его имеют значение. Почти в то же время американский психолог Ролло Мэй (Мэй, 2001) писал о насилии, выявляя как и Делез, его психаналитические основания. Тема насилия, как и тема садизма-мазохизма, актуальна в современной культуре и как тема давления государства на личность и как проблема взаимоотношений частных людей. Везде идет борьба за существование в условиях холодного и жестокого (понятия Делеза) мира. Мир вступил в фазу идеалистического существования. Когда не Бытие определяет сознание, а сознание определяет Бытие. К своей работе о Мазохе Делез приводит эпиграф из Достоевского: «Это слишком идеалистично и поэтому жестоко» («Униженные и оскорбленные»). Садизм и мазохизм, анализируемые Делезом, - это не биологическая борьба за превосходство. Это феномены на уровне идей, принципов, закона и смысла. По Делезу, садизм и мазохизм – это формы договора и обряда между людьми (Делез, 1992, стр.270), обезличенные в идеях Разума в садизме и в идее Воображения в мазохизме (там же; стр.191). Делез пишет: «Помыслить Закон без юмора и иронии невозможно» (там же; стр.261) и повторяет: «Закон никогда нельзя было помыслить иначе, как в форме комического, через иронию и юмор» (там же, стр.265). Он связывает иронию с Благом, а юмор – с Лучшим. «Ирония есть игра мышления, допускающего обоснование закона в бесконечно превосходящем его Благе; юмор – игра того же мышления, допускающего санкционирование закона бесконечно более справедливым,

чем он, Лучшим» (там же; стр.261). По Делезу, Закон – это самодовлеющая сущность, лишь отдаленно связанная с юридической системой. «Закон есть лишь вторичная и делегированная власть, он зависит от высшего принципа, каковым является Благо» (там же; стр.260). И далее: «Если бы люди знали, что есть Благо и как с ним соотноситься (в своих поступках), то им не нужно было бы никакого закона» (там же; стр.260). Этим делезовский Закон сближается с совокупностью правил, конвенций между людьми, обезличенных и холодных. Это когда вместо того, чтобы сказать «мне не нравится» или «мне это не привычно», говорится «так не принято». И это довлеет над личностью и общением. Но делезовский Закон – это не просто правила. Это еще и власть насилия или молчаливого подчинения насилию. «... понятие закона может лишь через силу поддерживать самое себя и в идеале нуждается как в некоем принципе, так и в каком-то отдаленном следствии» (там же; стр. 261). И далее: «Иронией мы всегда называем движение, состоящее в выходе за пределы закона к какому-то высшему принципу, чтобы признать за законом лишь вторичную власть (там же; стр. 265), а «юмором мы называем движение, которое уже не восходит от закона к какому-то высшему принципу, но нисходит от закона к следствиям» (там же; стр.267).

При этом юмор выступает у Делеза как «функция развитого сознания и самосознания человека», как гораздо позже определяется юмор (Леонтьев Д.А., 2000). Юмор выступает и как функция идеального, то есть отчужденного психического. Отчуждается индивидуальное психическое, отчуждаются межличностные отношения в разные формы идеального бытия, в форму обезличенной мысли или безличной конвенции Закона.

Особенностью современной эпохи, согласно Делезу, является то, что Благо является уже неопределенным, закон мыслится конвенцией, договоренностью, ищется новый принцип или просто ниспровергается старый. «...в результате ирония и юмор принимают какой-то новый, современный облик. Они остаются формами, в которых мыслится закон, но теперь он мыслится через неопределенность своего содержания и через виновность тех, кто ему подчиняется» (Делез, 1992; стр.265). Делез пишет: «Иногда отмечалось, сколько насмешки таится в мазохистском подчинении, какой вызов, какая критическая сила заключены в этой видимой покорности» (там же; стр.267). И «...страдание – не причина удовольствия, но предварительное условие, необходимое для его наступления (там же; стр. 269). Мазохист терпит насилие, ожидая удовольствия. Это не причинная зависимость, но временное следствие. Мазохист ждет следствий, анализирует их, предвосхищает и опережает. Этим закон «юмористически обходится – косвенно, путем углубления следствий» (там же; стр.268). «Так что виновность в мазохизме оказывается самой, что ни на есть глубокой и самой, что ни на есть смехотворной. Виновность есть составная часть мазохистского торжества. Она делает мазохиста свободным. Она и юмор – одно и то же» (там же; стр.281). «Отсюда впечатление театральности, возникающее в

тот самый миг, когда чувство переживается наиболее глубоко, когда ощущения и страдания испытываются наиболее живо» (там же; стр.281). Потребность в глубоких переживаниях, доходящая до театральности чувств – это секрет мазохистского стремления к следствиям. Она порождается современной «холодной» (Делез) культурой. И юмор обслуживает эту потребность.

Садистская ирония с ее связкой с Благом отражает причинные связи иронии и Закона. Мазохистский юмор же обслуживает другую – целевую логику, он ищет следствия. В традиционной культуре доминирует причинная логика, в современной же культуре все более актуализируется целевая логика – «модель должного», цель и даже ее следствия (Домбровская, 2004). Юмор отвечает на вопрос «зачем?». В связи с чем, актуальнее не тема садизма и иронии, а тема мазохизма и юмора. Тема иронии была актуальна в советский период, когда существовала идея коммунизма как высшего Блага, которое все откладывалось и откладывалось, но которая существовала как высшая идея, оправдывающая все. Смеховая культура постсоветского периода другая, она нацелена не на коррекцию власти по пути ее движения к высшему принципу-Благу, а на поиск следствий из гражданского общества, которое уже в той или иной степени можно считать состоявшимся. В современном юморе оцениваются следствия – рекламы, быта, клоунады. Юмор служит цели становления гражданского общества со всеми его плюсами и недостатками. Минимально критикуется власть, не в ней сила. А в самом гражданском обществе. Юмор обслуживает его. Закон же неопределен. Ирония сберегается для кризисов. Юмор служит антикризисности. Даже если это молчаливый юмор или то, что мы называем «юмором умолчания», анализируя социальный феномен белорусской «молчаливой солидарности».

Приводимый нами пример юмористического настроений, повлиявших на социальные процессы не так давно был в белорусском гражданском обществе (весна-лето 2011, после президентских выборов в декабре 2010 и судов над оппозицией), когда граждане собирались на площадях всех городов, чтобы просто помолчать вместе. В молчаливом протесте было немало юмористического смысла в его понимании Ж.Делезом (и семантического и бытийного). Так, молчание собравшихся способствовало созданию ситуации неопределенности за счет отсутствия вербализации целей собрания. Однако, сам факт того, что люди собираются на площадях был знаком того, что происходит политическая акция, то есть знак того, что происходит соприкосновение маленького молчащего человека из народа с законом и всей политической системой как таковой. Не все собрания народа на площадях запрещаются. Но молчаливые собрания народа были запрещены. Почему? Они размывали смысл не только самих себя, но и всей системы функционирования юридической системы. Они создавали гротескную абсурдность. Такое молчание, если выразиться словами Ж.Делеза, «подвешивало смыслы», заставляя задуматься о тех следствиях, к которым могут привести и такие молчаливые акции, молчаливая солидарность, и вся

юридическая система как таковая, а не в отдельно взятом каком бы то ни было государстве. По большому счету, акции «молчаливой солидарности» с ее юмором умолчания были знаком того, что и народу и власти и оппозиции надо помолчать, взять паузу от активного противостояния и подумать о следствиях. Отметим, что если до этого в политической системе Беларуси была бинарная и согласно Лотману своей бинарностью взрывоопасная (Лотман, 1992), то помолчать на площади вышел народ, не идентифицирующийся ни с властью ни с оппозицией. Благодаря этим акциям в Беларуси сложилась социальная система, состоящая из трех сил, трех факторов (власть, оппозиция, народ), уравнивающая противостояние власти и оппозиции и как показывает опыт западноевропейских государств, тройственностью обеспечивающая устойчивость развития социальной системы. То, что народ не занял ни одну из сторон в конфликте власти и оппозиции свидетельствует о том, что он склонен не к насилию, к которому в той или иной степени стремятся и любая власть и любая оппозиция, стремящаяся прийти к власти, а к анализу следствий в настроении наблюдения от молчания готового перейти к действиям демонстративного молчания. По типу: «народ безмолвствовал» как у Пушкина. Во всяком случае маленькие молчащие люди пришли из ситуаций группового молчания к следствиям в виде установок жить частной жизнью, пока власть не мешает им ее вести.

Наш анализ такого «юмора умолчания» может стать понятнее благодаря дальнейшим ссылкам на работы Ж.Делеза. Так, согласно Делезу, в юморе торжествует «Я», в иронии – «Сверх-Я» (Делез, 1992; стр. 302). Он пишет: «Ирония в действительности есть занятие всепоглощающего Сверх-Я – искусство выталкивания или отрицания Я со всеми его садистскими следствиями» (там же; стр.304). А «юмор есть занятие торжествующего Я, искусство спроваживания или отклонения Сверх-Я со всеми его мазохистскими следствиями» (там же; стр.305). И далее: «Мазохизм идет от отклонения к подвешиванию» (там же; стр.306). Юмор использует это средство – «подвешивания» смыслов, как ирония использует негацию. Юмор вписывается в логику смыслов, как ирония в расцвет индивидуальности (Делез, 1995). На примере эмпирического исследования в США политической корректности по отношению к законам об абортах и национальных меньшинствах можно сказать, что юмор публичный и юмор интимный по их поводу не отличаются (Barker, 1994), что позволяет предполагать самоидентичность личности как тождественность позиции «я» в часто разделяемых «я публичное» и «я интимное», что определяет устойчивость и однозначную направленность юмористических настроений по отношению к объекту юмора. Различие же видов юмора задается различием и динамикой доминантно-субдоминанты уровня Бытия.

Вернемся к Делезу. В работе «Логика смысла» Жиль Делез пишет: «Юмор – искусство поверхности, противопоставленное старой иронии – искусству глубины и высоты» (Делез, 1995; стр. 22-23), «если ирония – это соразмерность Бытия и индивидуальности, или Я и представлений, то юмор –

это соразмерность смысла и нонсенса» (там же; стр. 172). «Юмор – искусство поверхностей и двойников...всегда ускользящей точки, искусство статичного генеза, сноровка чистого события и «четвертое лицо единственного числа», где не имеют силы ни сигнификация, ни денотация, ни манифестация, а всякая глубина и высота упразднены» (там же; стр.172).

Позволим себе некий перевод философского метафорического определения юмора Делезом в психологическое определение, при котором юмор будет определяться как способность к разноуровневости и одноуровневости, нахождения статичной точки в непрерывности времени, когда смысл события получает существование независимое от самого события и всякая социальная идентификация отменена и разомкнута, где нет ни знакового опосредования, ни целенаправленного действия, ни феноменологического осознания, а бессознательное и трансцендентное упразднены. В таком переводе понимание Ж. Делезом юмора сближается с пониманием С.В.Гальпериным «нульмерной точки – центра пересечения бесконечного множества направлений» (Гальперин, с.7). Нульмерная точка бесконечного множества направлений представляет собой нульмерную точку развития, в которой существует единственный бытийный смысл – смысл развития куда бы то ни было. А направление юмору и развитию задает опосредующий юмор вопрос о следствиях, то есть «куда идешь?» (Г.Сенкевич) и как очередное следствие вытекающий из него вопрос «зачем?».

Продолжим наше психологическое толкование Делеза. Так, он пишет:

«Однако, высота готовит новые ценности для языка и утверждает в нем свою независимость и радикальное отличие от глубины» (Делез, 1995, стр.295). Глубина же связывается Делезом с сатирическим процессом: «Мы называем сатирическим процесс, при котором сама регрессия регрессирует» (там же; стр.295). К сожалению, Делез не углубляет в тексте свои представления о сатирическом, высоте и глубине. Но высоту мы можем связывать с духовным развитием, как глубину с опусканием в бессознательное.

А ирония, согласно Делезу, «появляется всякий раз, когда язык разворачивается в соответствии с отношениями возвышенного, равноголосия и аналогий» (там же; стр.295). «Ценности юмора отличаются от ценностей иронии: юмор – это искусство поверхностей и сложной связи между поверхностями. Начиная с избыточного равноголосия, юмор выстраивает свое единоголосие –...единоголосие Бытия и языка (там же; стр.297).

В психологических понятиях вышесказанное означает, что от возможного хаоса Бытия, порождаемого юмором, спасает Язык, то что у него есть система, структура, правила и заданные значения и смыслы. Система языка спасает от хаотичности и изначальной в генезе и появляющейся в юморе бесструктурности психического.

Итак, Ж.Делез вписывает юмор в систему проблем психологического смысла закона, насилия и семантического смысла. Выводит юмор как особую

действенную сущность. Осмысленность его представлений о юморе подтверждается современной карикатурой в западных странах и расцветом «смеховой культуры» на отечественном телевидении. А также связыванием юмора и политики, которое не так давно проделал Дмитриев А.В. в своей «Социологии политического юмора» (1998). «Люди могут настаивать на любой форме участия в политическом процессе, независимо от степени его драматичности или комедийности» (Дмитриев, 1998; стр.301). И юмор и ирония – это формы участия маленького человека в большой политике. Даже если участие это осуществляется в форме юмористического «подвешивания» смыслов (Делез, 1992) или того, что мы назвали «юмористическим молчанием». Юмор по Делезу – это своего рода деятельность по переработке и порождению смыслов. И хотя юмористическая деятельность не совпадает со смыслопорождающей во всех аспектах, родство психологических механизмов смыслообразования и юмора в том, что они выполняют «задачу на смысл» по А.Н.Леонтьеву, но делают это по разному (см гл. 1). Но если механизмы смыслообразования выполняют задачу на здесь-и-теперь смысл, то механизмы юмора обеспечивают смысл следствий из смысла здесь-и-теперь и этим задают логику Бытия.

Итак, юмор, как настроение идеального уровня, является способом осмысления действительности за счет ее соотнесения с Благом, Законом и следствиями их реализации. Развивая Делеза, можно сказать, что юмор – это способ взаимодействия идеального уровня Бытия (у Делеза - Закона) и уровня биологического (у Делеза - насилия), способ их интериоризации взаимодействия в среду индивидуального сознания и этим создания межуровневости регуляции Бытия, а также способ трансформации закономерностей Бытия от причинных, детерминированных биологией человека к целевым, детерминированным планом идеального, то есть ноосферой. И в отличие от коллективного средневекового смеха, описанного М.М.Бахтиным, он является уже не механизмом социокультурного развития (Бахтин, 1990), а механизмом индивидуального личностного развития, опосредует которое и задает логику которого бытийный смысл принципа развития.

6.3. Влияние посредством юмора на разных уровнях Бытия.

Проблема влияния чрезвычайно важна в психологии и смежных науках, поскольку тесно связана с психологической проблематикой регуляции личностью своего Бытия в мире, и с философской проблематикой детерминации Бытия. На сегодня уже обосновано, что это личность человека является основной детерминантой его развития (Асмолов А.Г., Леонтьев Д.А. и др.), а также всех социально-исторических (Маккиавели Н.и др.) и даже всех геосферных процессов (Вернадский В.А. и др.). Феномен влияния доказывает принцип активности субъекта в его культурно-историческом развитии и повседневном Бытии. Наиболее полно психологические

механизмы влияния в русскоязычной литературе проанализированы В.П.Шейновым (Шейнов, 2013). Так, он выделяет такие типы психологического влияния как скрытое управление, манипулирование, убеждение, просьба, внушение, психологическое заражение, побуждение к подражанию, слухи, самопродвижение, формирование благосклонности, принуждение, нападение, игнорирование, нейролингвистическое программирование. Согласно В.П.Шейнову, все типы влияния объясняются предложенной им моделью воздействия на «мишени». (Шейнов, 2013). Однако, проблема поиска и диагностики «мишеней» поставлена недостаточно. А она важна как для поиска ресурсов целенаправленного управления социальными процессами, так и для понимания механизмов самовлияния, самодетерминации человека, а также для решения наиболее проблемной проблемы человечества – противодействия манипуляциям.

Мы полагаем здесь, что можно различать не только типы, но и виды влияния в зависимости от доминирующего уровня Бытия человека. Так, биологическому уровню наиболее свойственно влияние через механизмы импринтинга и заражения, социальному уровню свойственно влияние через механизмы манипулирования и принуждения, идеальному – через механизмы интроекции и интериоризации. На личностном уровне влияние оказывается через механизмы убеждения и разъяснения смысла. При этом так называемыми «мишенями» влияния являются не структурные характеристики человека (черты характера, виды активности), а функциональные (психологические механизмы). Только поэтому и возможно влияние.

Юмор как средство влияния может проявляться, использоваться и регулировать социальные процессы также на разных уровнях Бытия, на каждом из которых он обладает своей спецификой.

На биологическом уровне наиболее воздействует юмор, который называют юмором нелепости. Такой юмор известен еще со времен Аристотеля, который определял комическое через безвредное безобразие. В современной рекламе он представлен разнообразными образами говорящих жвачек и леденцов. На социальном уровне воздействует юмор манипулятивный, создающий установку социального поведения и мышления. Он представлен большинством анекдотов. Зачастую цель рассказа анекдота состоит именно в том, чтобы повлиять на социальные представления и настроения личности. Согласно В.П.Шейнову, у всего юмора манипулятивная «начинка», а анекдоты служат защите от манипуляций (Шейнов, 2011). Но такая защита по своей природе социальна и манипулятивна. Анекдот предстает как средство влияния в социальных отношениях, он имеет цель, как имеет психотехническую цель каждый художественный текст, и этим предстает как средство манипуляции общественным сознанием, даже если это сознание власть имущих. Анекдот служит трансформации сознания вплоть до создания мифологем и их обновления. Так, анекдоты советского периода, собранные Ю.Боревым (Борев, 1995) служили формированию особого типа «кухонной культуры», цель их была высмеять и обновить систему власти. Эта цель была

достигнута. Отметим, что о российском президенте Б.Ельцине ходило много жизненных историй, то есть анекдотов в их этимологическом значении слова, но анекдотов в их современном понимании было мало. Президентов В.Путина и Д.Медведева высмеивают не столько анекдотами, сколько смеховой рекламой. Это уже другой уровень Бытия российского общества.

Влияние посредством юмора на идеальном уровне Бытия осуществляется главным образом через юмор неожиданности. В рекламе – это распространенный девиз рекламы «Мы пришли к вам». Через него осуществляется внедрение в сознание. Но нужно отметить, что все неожиданное может быть воспринято как юмористическое и как нелепое. В этом идеальный уровень Бытия смыкается с его биологическим уровнем и в этом их взаимоадаптация. На смыкании биологического и идеального уровней Бытия основаны все техники нейролингвистического программирования и современного идеализма по Ж.Делезу (см. предыдущий параграф).

На личностном уровне Бытия юмор проявляет свою смысловую природу. Примерами могут служить каламбуры, двусмысленности, задачки на смысл. Юмор служит для украшения и разъяснения сказанного. Часто осуществляется как обобщающая ситуацию взаимодействия или проблему метафора. Он предстает как свернутая деятельность, которая может быть развернута и проанализирована точно так же, как может быть объяснена метафора, если ее автор сам ее понимает. В рекламе это то, что Дайян называет обобщающим типом рекламы, в отличие от ее сравнительного типа (Дайян, 777). Такую рекламу делать сложнее, поскольку она формирует общественное мнение и воздействует на личность. Для ее создания нужен более тщательный анализ психологических характеристик целевой аудитории. Такая реклама создает имидж. А имидж – это то, что наиболее ценится в современном мире. Если имидж создается на личностном уровне, то он воспринимается как нечто близкое и родственное, но ненавязываемое. На личностном уровне влияние рекламы обуславливается ее пониманием. Юмористическое сообщение может считаться понятым только тогда, когда понят контекст и цель этого сообщения. В этом случае мы можем говорить о трансляции смысла. Механизмом же понимания транслируемого смысла является механизм контекстообразования, который задается как и житейскими обстоятельствами, так и ассоциативными полями. Если понят и контекст, можно говорить о наличии понимания.

Вообще, можно предполагать, что чем более будет развиваться культура, тем более влияние будет зависеть от понимания контекстов. И адаптивный потенциал юмора будет зависеть от баланса влияния посредством юмора и понимания юмора. Творческий же потенциал юмора зависит от возможной неожиданности и непредсказуемости эффектов юмора, его эмерджентности.

Как отмечают опытные аналитики рекламы «хотя в некоторых случаях юмор и может оказать содействие рекламе (например, привлечь внимание и создать привлекательность), в других случаях он может нанести вред ее

эффективности (например, вмешаться в смысл передаваемого сообщения), поэтому его надо использовать с большой осторожностью» (Батра Р. И др., 1999, с.301). О конкретных принципах создания юмористических рекламных образов в школе В.Раскина говорилось в главе 3. Но в любом воздействии, любой попытке влияния юмор надо использовать с осторожностью и бережно, и потому что его эффект может быть непредсказуем, и потому что юмор – это ресурс развития человечества, а к ресурсам надо относиться бережно.

Заключение по главе 6.

Анализ юмора как социального настроения позволяет выделить в них научный предмет исследования в виде механизмов трансляции эмоциональных состояний между людьми. На разных уровнях бытия передача юмористических настроений осуществляется разными механизмами. На каком бы уровне не существовала доминанта юмористического настроения, субдоминанта всегда на идеальном уровне. Анализ же юмористических настроений с их доминантой на идеальном уровне показывает, что механизмы юмора обеспечивают не только уровень осуществления человеком своего бытия, но и логику бытия, а именно целевую логику с ключевым для нее вопросом «Зачем?». Опосредованность юмора смыслообразующим вопросом «Зачем?» и станет основным способом опосредования юмора в будущем. Понимание же юмора обуславливается механизмами контекстообразования его смысла.

Глава 7. Юмор как средство национальной идентификации

Хотя на уровне обыденного сознания мысль о том, что каждый предпочитает юмор той национальной группы, с которой идентифицируется или к которой тяготеет, воспринимается само собой разумеющейся, психологических исследований по юмору как средству национальной идентификации практически нет. Так в коллективной монографии «Национальные стили юмора» представлен сравнительный анализ истории и современных форм юмора в разных культурах, обосновывается, что в различных культурах агрессивный, социальный, интеллектуальный и защитный юмор развивались относительно независимо, но проблема национальной идентификации посредством юмора практически не затрагивается (National styles of humor, 1998). Ни в одну из итоговых и этапных фундаментальных монографий по юмору эта проблематика не вошла (Psychology of humor, Roeskelein, 2002, The primer of humor research, 2008, Мартин, 2009).

В коллективной монографии «Основы исследований юмора» в очень интересной статье К.Дэвис «Попытка сравнительного изучения

юмора» (2008), где анализируется анонимный юмор многих национальных групп по отношению к другим национальным группам, слово «идентичность» даже не употребляется. А психологическая природа юмора объясняется через чувства враждебности и агрессивности, отношения же между группами объясняются через конфликт (Devies, 2008, p.166). Между тем, мы полагаем, что подоплека национального юмора – выработка стандартов национальной идентичности, как позитивной (положительная идентификация со своей национальной группой), так и отрицающей (я – не русский и т.п.). В этой главе нами представлена попытка анализа национальной идентификации посредством юмора на разных уровнях Бытия и сравнительного анализа образцов национального юмора методом контент-анализа.

7.1. Национальная идентичность на разных уровнях Бытия

Способы национальной самоидентификации различны на разных уровнях Бытия, биологическом, социальном, идеальном и личностном.

На биологическом уровне Бытия они определяются поиском различий и сходств в своих и чужих антропологических признаках, описываемых наукой антропологией. Юмор по отношению к антропологическим признакам достаточно распространен среди детей и малокультурных людей. Так дети в мультикультурных детских садах нередко сравнивают друг друга по цвету кожи, форме глаз и т.д. Нередки юмористические прозвища «косоглазый», «черный», «желтый» и т.д. Они могут произноситься как с положительной, так и отрицательной эмоциональной окраской. Нам известен случай, когда в детском саду мальчика, родившегося в браке еврея и бурятки, по антропологическим признакам юмористически называли «наш красавчик».

Известно, что люди африканского происхождения отрицательно относятся, когда их называют «неграми». Однако, в русскоязычной культуре существует юмористическое выражение «я не негр», когда хотят сказать о отказе от непосильной работы. И это юмор уже не столько по отношению к долго угнетаемой расе, сколько к ее угнетателям. Такой юмор является переходным от биологического (здесь антропологического) уровня Бытия к социальному уровню Бытия, изучаемому наукой этнографией.

Юмор социального уровня Бытия направлен на образ жизни, обычаи, быт, одежду и кухню народов. Так, человек, отказывающийся от острого блюда, может сказать «я не грузин», отказывающийся от клетчатой одежды, может сказать «я не шотландец». В этом не насмешка над обычаями других народов, а отрицающая национальная идентификация. Может быть и юмор, выражающий тяготение к другим народам. Например, «питаюсь в фастфуде как американка».

Нам известен пример принимающего юмора по отношению к традиционной одежде азиатских стран. Так, в общежитии МГУ, о студентке из Средней Азии, которая в холодную погоду надевала национальный таджикский халат, говорили «хорошо ей, в тулупе».

Распространен юмор о украинском борще, белорусской картошке, сибирский пельменях. У белоруссов даже есть песня, в которой с юмором по отношению к себе говорится «я – бульбаш». Среди белоруссов бытует юмор о пьянстве русских. Среди русских о любви к порядку во всем у белоруссов. Примеров юмора над обычаями других народов много, и они извещены по публикациям серий «Евреи шутят» и т.п., «Габровский юмор» и т.п. В основном это юмор анонимный, фольклорный. Юмор идеального уровня Бытия изучается главным образом в литературоведении (напр. Штейн, 1990, Новиков, 1989, Русская литература 20 века в зеркале пародии, 1993, Андреев, 2011 и др.). Анализируются чаще всего авторские стили и сюжеты. В сравнительном литературоведении затрагивается и проблема национальной специфики юмора, что способствует национальной социализации и идентификации читателя.

Юмор идеального уровня Бытия чаще всего обращен на образ мысли и стиль мышления, специфичный тому или иному народу. Так известна шутка евреев о самих себе : «где два еврея, там три мнения». Поляки о себе говорят так: «мудрым поляк становится после события». Русские говорят : «на чужих ошибках учатся». Примеров пословиц и анекдотов о национальном стиле мышления может быть приведено много, но для идеального уровня Бытия наиболее показателен не анонимный юмор, а юмор авторский. Для русскоязычных – юмор Гоголя и Зощенко, для англичан – юмор Мольера, для американцев – Твена, для поляков – фразы Кохановского и т.д.

На личностном уровне юмор чаще всего обращен на личностные ценности. Наиболее ярким примером является пример юмора над поляками, что они верят не в Бога, а в Богородицу. А также юмор над современными русскими, которые не могут без Царя. Юмор личностного уровня очень часто обращен личностью на саму себя. Так, русский поэт и инженер Пушкин сказал: Я смеюсь над самим собой». И этим продолжил традицию русских сказок про Ивана-дурака, основной смысл которых «сам дурак». Хотя юмор над самим собой – это русское изобретение, в современности он встречается у разных народов, и более чем какой-либо другой юмор служит национальной самоидентификации. То, над чем я могу посмеяться – это я сам.

7.2. Юмор как средство развития национальной идентичности

В этом параграфе нами анализируются методом контент-анализа образцы авторского юмора по отношению к нравам и обычаям своего народа. Для анализа мы выбрали книги серии «Внимание: иностранцы», которые все

написаны под названиями «эти странные», что предполагает, что они все как целое могут рассматриваться как юмористический анализ национальных обычаев и характеров. Книги написаны высокообразованными авторами, которые вполне могут считаться лидерами общественного мнения по отношению к своей нации. Для читателя, который читает книгу о своей национальности, она является и средством национальной социализации и средством развития национальной идентификации, которая может быть и прямой и сравнительной. Для читателя, читающего книги о других национальностях, они являются средством сравнительной идентификации, которая может выявить тяготения народов друг к другу.

Мы предлагаем здесь свой анализ как сравнительный. Для анализа мы вычленили следующие критерии:

1. юмористическая прямая идентификация со своей страной и сравнительная идентификация с другими странами и национальностями
2. характеристики хронотопа, которыми являются широта пространства и временная ориентация. Широту пространства мы оцениваем по его психологической дифференцированности. Временные характеристики юмора мы определяем по употреблению глаголов прошедшего и будущего времени. К характеристикам хронотопа, таким как пространство и время, мы добавляем характеристику его открытости (диалогичности), которую определяем по глаголам повелительного наклонения и вопросам к читателю.
3. типология юмора, определяемая лексическими структурами языка
4. предметная отнесенность юмора, которая определяет значимость проблематики для юмористического отношения.

Методом исследования является метод определения частотности лексем языка и лексических структур.

Методологическим принципом является принцип знакового опосредования сознания и деятельности (Выготский и др.), теоретическое положение о том, что в языке есть слова-ключи или слова-маркеры (Будагов, Вежбицкая, Леонтьев Д.А.), которые в соответствии с развиваемой нами в 5 главе теории являются контекстообразующими для понимания смысла юмора. Контекстообразующими могут быть и отдельные слова (лексемы), так и лексические структуры. Мы также применяем принцип различной дифференцированности языка, что выражается в различной разработанности словаря (Вежбицка А.и др.), который модифицируем в психологический принцип дифференцированности сознания. Оценка же дифференцированности того или иного предмета сознания позволяет оценить значимость для субъекта той или иной темы или предмета сознания.

Юмористическая идентификация

Признаком идентификации со своей страной и ее народом можно считать обобщение по типу «в России всегда так» или известное «Франция – это я», когда описывая специфику своего народа, говорящий употребляет название своей страны как существительное, обобщающее весь народ. Упоминание в речи названий других стран и национальностей показывает меру сравнения своей национальности с другими, что мы называем сравнительной идентификацией. В таблице ниже представлено соотношение прямой и сравнительной идентификации. На наш взгляд, чем выше сравнительная идентификация, тем более ее носители склонны адаптироваться в чужой культуре, вплоть до разтождествления со своей. Низкие показатели сравнительной идентификации, на наш взгляд, предполагают тенденцию нации к самосохранению национальной идентичности в чужих культурах, вплоть до организации самозамкнутых национальных общин в инородной культурной среде.

	прямая идентификация со страной	сравнительная идентификация с другими национальностями и странами
	название своей страны как существительное, принятое за 1	названия чужих стран и национальностей в <u>количественном</u> соотношении с названием своей страны
	юмор обобщения	юмор сравнения
англичане	1	1,4
греки	1	1,3
русские	1	1,2
французы	1	1,1
немцы	1	1
поляки	1	0,9
испанцы	1	0,9
австралийцы	1	0,9
японцы	1	0,9
шведы	1	0,7
датчане	1	0,7
американцы	1	0,7
израильтяне	1	0,5
итальянцы	1	0,5

Как видно из таблицы, сравнительная национальная идентификация выше всего у англичан, русских и греков. И, как известно из истории, представители этих национальностей легко усваивают чужую культуру. Минимальные показатели – у израильтян и итальянцев. Евреи даже во времена гонений смогли сохранить свою национальную идентичность. А

итальянцы даже если адаптируются в американской культуре, все равно считают себя итальянцами.

Национальные хронотопы юмора

Понятие хронотопа введено в гуманитарную науку М.М.Бахтиным, и обозначает психологические характеристики пространства и времени. К этим характеристикам мы добавляем еще характеристику хронотопа по открытости или диалогичности. Психологическое пространство можно оценивать по широте охватываемых им тем, то есть тематической дифференцированности. В таблице ниже мы оцениваем тематическую дифференцированность по числу подтем в каждой теме, выделяемых самими авторами текстов. Временную направленность хронотопов юмора оцениваем по употреблению времен глаголов в текстах. Открытость или диалогичность оцениваем по употреблению повелительного наклонения глаголов и по количеству вопросов в тексте. Отметим, что количество упоминаний тех или иных лексем приводятся нами по нормализованному до медианного объема книг (70 страниц).

	пространство	время		открытость (диалогичность)	
	широта (дифференцированность)	прошлое	будущее		
	количество подтем <u>смешного</u>	прош время глаголов	буд время глаголов	повелительное накл гл	вопрос
	саморегуляция юмором	ретроспективный юмор	прогнозирующий юмор	юмор указания	юмор вопросы
израильтяне	74	39	27	17	32
англичане	74	18	5	9	2
русские	70	60	37	12	35
французы	67	34	9	13	6
австралийцы	66	41	14	19	35
итальянцы	66	64	24	5	17
американцы	60	20	5	1	32
немцы	60	74	21	17	8
испанцы	59	58	50	16	8
шведы	58	93	13	9	16
японцы	58	26	21	12	12
поляки	58	84	23	12	13
датчане	56	28	14	2	13
греки	44	50	27	15	13

Мы предполагаем, что дифференцированность юмористической тематики в сознании отражает не столько когнитивную сложность, сколько потенциал саморегуляции посредством юмора своей жизни за счет широты тематики юмора. Так, исходя из данных таблицы наибольший потенциал саморегуляции у англичан и израильтян, наименьший у греков.

Ретроспективный юмор наиболее выражен у шведов и поляков, наименее у англичан и американцев. Мы предполагаем, что частотность ретроспективного юмора может отражать склонность нации изменять свой национальный характер в ходе истории.

Прогнозирующий юмор наиболее выражен у испанцев и русских, наименее – у американцев и французов. Мы предполагаем, что частотность прогнозирующего юмора отражает склонность национальностей к авторитарному строительству своего будущего в политике и к конструктивизму в науке.

Юмор указания наиболее выражен у австралийцев, израильтян и немцев, наименее у итальянцев и американцев. Мы предполагаем, что частотность юмора указания может отражать склонность национальностей доминировать.

Юмор вопрошания наиболее выражен у австралийцев, русских и американцев, наименее – у англичан и французов. Мы предполагаем, что частотность юмор вопрошания отражает склонность к заимствованию идей.

Исходя из наших данных, наиболее диалогическими и открытыми являются русская, израильская и австралийская культуры.

Различием хронотопов объясняется непонимание юмора чужих национальностей, а возможно и полное непонимание народами друг друга.

Мы надеемся, что наш анализ хронотопов юмора будет служить не только развитию этнической толерантности, но и развитию диалога культур.

Типология юмора

В соответствии с принципом знакового опосредования, язык влияет на структурирование сознания и деятельности. Особенно влияют лексические структуры наиболее употребляемые в речи. Влияют они и на специфику вербального юмора. В таблице ниже представлены типы юмора в зависимости от его лексических структур

	юмор опред елени я	юмор вероя тност и	юмо р при чин ы	юм ор це ли	юмо р эври стик и	юмор против оречия	юмор толко вания	юмор неожид анности	юмор услов ности
	это -	если	когда	что обы	или, а	но, однако	потому, поско льку и т.п.	даже, несмотр я	бы
русски е	63	61	10	5	10	41	18	5	5
датчан е	63	27	13	13	57	37	19	16	5
австра лийцы	58	56	15	11	48	43	15	13	3
амери канцы	55	37	6	9	46	19	21	6	4
поляк и	54	47	14	7	25	50	5	13	8
японц ы	54	42	19	29	53	45	37	22	9

шведы	53	17	31	24	66	49	24	11	6
израильтяне	52	15	33	9	16	13	7	4	6
испанцы	50	49	17	29	112	71	62	5	12
итальянцы	42	32	22	25	81	64	51	16	18
греки	40	41	24	21	79	62	57	20	34
немцы	37	61	14	25	71	44	34	20	11
англичане	36	39	15	18	53	58	41	29	22
французы	35	44	15	17	78	51	49	12	21

Из таблицы видно, что юмор определения (в том числе метафоры) наиболее характерен русским и датчанам, наименее англичанам и французам.

Юмор вероятности наиболее характерен русским и немцам, наименее – шведам и израильтянам.

Юмор причины наиболее характерен шведам и израильтянам, наименее – американцам и русским.

Юмор цели наиболее характерен японцам и испанцам, наименее – русским и полякам.

Юмор эвристики наиболее характерен испанцам, наименее – русским.

Юмор противоречия (в том числе парадокса) наиболее характерен испанцам, наименее – израильтянам и американцам.

Юмор истолкования наиболее характерен испанцам, наименее – полякам и израильтянам.

Юмор неожиданности наиболее свойственен англичанам, наименее – русским, израильтянам, испанцам и американцам.

Юмор условности наиболее характерен грекам, наименее – австралийцам.

Самым распространенным является юмор определения с использованием метафор и метафорических определений, наименее же распространенным является юмор условности (как бы, не на самом деле, в воображении). Согласно исследованиям Алдена и Хауера, анализировавшимися в 3 главе.

юмор условности является и наименее смешным. Хотя по нашим данным юмор противоречия не является самым частотным, мы полагаем, что проитворечие в той или иной мере лежит в основе всех выделенных нами типов юмора, поскольку именно оно характеризует предмет юмора, а не только способ его выражения в речи.

Типология вербальных форм юмора в зависимости от лексических структур позволяет приблизиться к пониманию национальной специфики юмора и, благодаря ее пониманию, к развитию взаимопонимания между народами.

7.3 Сравнительный анализ национального своеобразия тематики юмора

Выше мы представили анализ того «как» юмор становится юмором, благодаря использованию определенных лексических единиц и структур. Но для юмора более важен не вопрос «как» смешно, а «что» смешно. Далее мы проводим анализ тех тем, то есть тех объектов, которые вызывают чувство юмора у представителей разных национальностей. В таблице ниже представлена значимость тем для юмора, которая оценивается нами по критерию дифференцированности темы на подтемы.

количество подтем	русские	поляки	германцы	американцы	японцы	англичане	аустралийцы	немцы	французы	итальянцы	греки	испанцы	шведы	итальяне
поведение и этикет	109	114	44	44	16	117	7	10	12	6	6	9	9	4
национальное самосознание	77	44	48	44	44	77	5	6	6	9	5	5	4	6
досуг и развлечения	66	44	46	44	66	66	44	44	55	33	33	77	33	77
жизненные ценности	65	73	34	45	44	85	55	55	84		33	22	55	11
характер	60	54	45	55	66	55	47	74	44	44	55	11	22	33
общественные системы	59	76	66	22	44	33	77	55	44	22	33	44	33	33
бизнес	53	16	65	22	55	44	33	44	66	33	22	55	44	33
здоровье и гигиена	50	113	33	55	66	22	66	44	22	22	33	22	11	
культура	48	23	35	22		44	22	22	66	55	22	44	66	55
язык и стиль	47	25	44	44		66	33	33	66	22	33	33	55	11

общения															
еда и питье	45	2	2	5	5		3	3	2	3	3	1	4	6	6
обычай и традиции	44	2	5	7	4	3	2	6	2		4	3	4	1	3
политика и правитель ство	41	3	2	5	1	2	4	4	2	2	6	2	2	4	2
одержим ости и увлечен ия	30	1		2	4		5	4	2	1	5	1	3	2	
преступл ения и наказани я	29	2	3	2	6		3	1	1	1	3	1	3	2	1
семья	17	4				5					8				
чувство юмора	17	1	1	3	1	1	1	2	1	1	1	1	1	1	1
образ жизни и мыслей	13	1	1		11										

Как видно из таблицы, чувство юмора наиболее вызывает поведение, наименее – образ жизни и мыслей. При этом относиться с юмором к своему поведению наиболее склонны японцы, наименее – поляки, евреи и датчане. Относиться с юмором к своему образу мыслей способны почти одни американцы, которые отождествляют образ мыслей и образ жизни.

К своему национальному самосознанию с наибольшим юмором относятся итальянцы. Сфера досуга и развлечений вызывает наибольшее чувство юмора у датчан и испанцев. Жизненные ценности наиболее смешны датчанам и практически не смешны итальянцам и американцам. Над своим характером наиболее подсмеиваются немцы и почти не смеются испанцы. Общественные системы смешат русских и австралийцев больше, чем других. Бизнес мало

смешит только русских. Зато они подшучивают над своим здоровьем, гигиеной и здравоохранением. Сфера культуры не является смешной для японцев. Они же не склонны подшучивать над своим языком. У шведов и датчан чувство юмора вызывают традиции еды и питья. С наибольшим юмором к своим национальным обычаям относятся израильтяне и австралийцы. Политика и правительство наиболее смешит итальянцев. Над своими увлечениями подсмеиваются англичане и итальянцы. Сфера преступлений и наказаний вызывает чувство юмора у американцев. Семья и семейственность как самостоятельная тема для юмора существует только у итальянцев, японцев и русских, хотя поведение в семье и семейный досуг смешны многим. Над своим же чувством юмора способны посмеяться почти одни евреи, у представителей других национальностей есть чувство юмора, но оно редко обращается на сам юмор.

Отметим, что анализируемые нами тексты отражают не столько общую частотность тем юмора в национальной культуре, сколько значимость тех или иных тем для юмористического самоотношения. Отношение же с юмором к той или иной теме или проблеме характеризует склонность к овладению проблемой и развитию саморегуляции этой проблемы. Подчеркнем, что если юмор самих себя по отношению к самим себе способствует развитию, то если этот юмор к «болевым точкам» будет исходить от представителей других национальностей, то он может быть понят неправильно или неоднозначно. Так, итальянец или русский могут болезненно воспринять юмор по отношению к их семье. Американец может не оценить юмор над его образом мышления, хотя сам над ним «прикалывается». Даже англичанин может не понять юмор над его английскими манерами, если он исходит от чужестранца. Чтобы юмор русских и итальянцев над семейственностью, англичан над манерами, евреев над своим чувством юмора и т.д. был принят ими, надо стать «своими» в их культуре. А юмор, хотя и сильное средство национальной идентификации, но средство не главное.

Однако, не стремясь заменить весьма познавательное чтение книг серии «Внимание: иностранцы», скажем несколько слов о конкретной тематике юмора, предпочитаемой разными народами. Так, представители всех национальностей с юмором относятся к тому, какими они видят себя и какими их видят другие. Израильтяне же с юмором относятся и к тому, как им хочется выглядеть в глазах других, а русские и англичане и к тому, как к ним относятся другие. Представители некоторых национальностей относятся с юмором к этническим группам, к которым у них «особое отношение» (у американцев к канадцам, англичане к американцам и австралийцам, греки к туркам и др.). Евреи подсмеиваются над своей вечной борьбой за выживание, над тем, что они нация нытиков и что они – «каждой бочке затычка». Русские подсмеиваются над своей вечно страдающей душой, американцы – над своим «фактором замечательности» (о различных победах в конкуренции). Французы с юмором говорят о себе, что они нация философов. Немцы склонны шутить над своей любовью к порядку во всем. Англичане

подсмеиваются над своим индивидуализмом. Итальянцы шутят над своим преклонением пред дружескими связями, русские – над блатом.

Практически все стремятся подшутить над системой общественного транспорта, своего поведения за рулем, а также над системой налогообложения. Американцы же любят пошутить и над своей юридической системой, которая делает американцев нацией юристов. Наиболее смешной темой у всех национальностей считается поведение (в семье, на улице, по отношению к домашним животным). Тем для юмора у всех много. И чем шире тематика, тем более у нации выражена склонность регулировать свою жизнедеятельность посредством юмора.

Если акцентироваться на теме юмора, а не на его стиле, то можно найти взаимопонимание со всеми народами. И если не стать среди них «своим», то просто найти точки взаимопонимания. А это ведет к этнической толерантности, диалогу культур и интернационализации сознания.

Заключение по главе 7.

Юмор может быть средством национальной социализации и развития национальной идентичности, как прямой, так и сравнительной. Национальная идентификация может осуществляться на разных уровнях Бытия. Анализ образцов национального юмора способствует пониманию хронотопов Бытия разных народов, лексических принципов юмора и доминирующей тематики юмористического самоотношения. Понимание юмора других народов способствует развитию этнической толерантности и интернационализации сознания.

Глава 8. Эволюционно-деятельностная интерпретация юмора

Представленное в предыдущих главах исследование юмора в русле культурно-исторического подхода показало недостаточность этого подхода для понимания и интерпретации юмора. Мы полагаем, что для понимания юмора необходим подход, несколько отличающийся от традиционного культурно-исторического. Таким подходом может стать эволюционно-деятельностный подход. От культурно-исторического подхода эволюционно-деятельностный подход отличается тем, что акцентирует культуру не как результат эволюции, а как процесс создания культуры в процессе эволюции, то есть акцентирует не результат, а процесс. От историко-эволюционного подхода эволюционно-деятельностный подход отличается тем, что акцентирует не методологические принципы происхождения вариативности психики в истории, не обосновав того, что психика в истории

эволюционирует, а психологические механизмы эволюции с их формальной и содержательной стороны. Кроме того, само название ЭВОЛЮЦИОННО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД более точно, чем вышеназванные названия подходов, отражает суть замысла психологии А.Н.Леонтьева и обобщает все его научное творчество, не разрывая его на теорию деятельности и теорию эволюции психики. В названии ЭВОЛЮЦИОННО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД более строго, чем в названиях культурно-исторический и историко-эволюционный, концентрируется методология и содержание разработок всей московской школы психологии. Название отражает и содержание (эволюция, развитие, изменение) и метод (анализ деятельности) предлагаемого подхода. Системообразующие категории эволюционно-деятельностного подхода – это категории деятельности, психического отражения и регуляции (отражения и деятельности).

8.1. предпосылки и перспективы эволюционно-деятельностного подхода

В нашем понимании эволюционно-деятельностного подхода его целью является разработка связного и дифференцированного видения того, как эволюционируют отражение и регуляция в деятельности в филогенезе, культуругенезе и онтогенезе, то есть исследование психологических механизмов развития психики, которые ведут к эволюционированию природы человека.

Основными проблемами, которые в ближайшем будущем может решить эволюционно-деятельностный подход нами видятся следующие: 1) социальные основы эволюции психики, каковыми являются механизмы конкуренции и социального сравнения, 2) специфика наиболее сложного механизма эволюции психики – двойного отражения, в основе которого лежит внутреннее сравнение, и которое максимально проявляется в феномене эстетического восприятия искусства и жизни, а также в феномене собственно человеческой саморегуляции, 3) современные индивидуальные механизмы эволюции психики, каковыми являются механизмы персоногенеза и ноогенеза. А также те проблемы инновационного уровня профессиональной компетентности, которые Н.Н.Мельник независимо от нас назвал именно проблемами эволюционно-деятельностного подхода (Мельник, 2012).

Теория деятельности незаменима в понимании закономерностей эволюции, поскольку «исследование развития строения деятельности может служить прямым и адекватным методом исследования развития форм психического отражения действительности» (Леонтьев А.Н, 1994, с.113). И для анализа развития отражения и для анализа развития регуляции анализ деятельности может применяться как метод. В анализе социальных основ развития и эволюции психики – это метод анализа строения совместной или разделенной

деятельности, из которой позже рождается взаимодействие и конкуренция. В анализе индивидуальных механизмов эволюции психики – это метод анализа строения индивидуальной воспринимающей и/или созидающей деятельности, которая может быть направлена как на внешний мир, так и на самого себя. Отталкиваясь от этого леонтьевского положения, рассмотрим обозначенные нами выше психологические механизмы эволюции психики.

Конкуренция как механизм эволюции психики

В теории эволюции со времен Ч.Дарвина доминировала телеологическая дарвиновская идея «естественного отбора» и она казалась достаточной. Между тем она подменяла идею конкуренции видов и внутривидовой конкуренции, как и всю проблему взаимодействия, которая на уровне человека предстает как проблема социальности. Идея социальности состоит из двух разнонаправленных идей: идей сотрудничества (развивалась, например, Кропоткиным П.А.) и идеи конкуренции (общая биология). А.Н. Леонтьев посвятил свой фундаментальный труд «Проблемы развития психики» проблеме генезиса психического отражения у животных. Однако он же отмечал, что основы психической чувствительности есть и у растений. Для понимания генезиса психического из социального даже более важно то, что у растений есть способы «социального взаимодействия». Этим способом взаимодействия у растений является - подавление. В учебниках по биологии описывается то, как растения одного и разных видов подавляют друг друга посредством кроны или корневой системы. Симбиоз - также является способом взаимодействия растений (как и некоторых видов животных). Однако он не вносит решающий вклад в конкуренцию и эволюцию видов. Подавление – доминирующий способ взаимодействия в растительном мире. Какой же способ взаимодействия доминирует в животном мире? Изучение эволюции животного позволяет предполагать, что этот способ – поглощение (одним видом другого вида). Только у высших млекопитающих развивается способность к внутривидовому взаимодействию и способ взаимодействия внутри вида - подчинение и структурирование отношений на основе когнитивной деятельности избирательности внимания и сравнения. Согласно П.А. Кропоткину, развивается даже такой способ взаимодействия как взаимопомощь (Кропоткин, 2006). В современной психологии также рассматривается такой вид конкурирования как объединение (Леонтьев Д.А., 2007).

Изучение конкретных частных межвидовых и внутривидовых способов конкурирования в животном мире могло бы дать ключи к современным способам конкурирования и развития в условиях рыночной конкурентной и турбулентной среды. В условиях биологизации социальных отношений, наблюдаемой в настоящий период времени, это было бы актуально.

Для теории эволюции через конкуренцию бесполезно положение о четырех основных способах конкурирования, разработанное в маркетинге. Так П. Диксон выделяет их таким образом: разведчики, аналитики, защитники, ленивцы, и следующим образом характеризует: разведчики и защитники – это активные инноваторы, аналитики и защитники – имитаторы, ленивцы вообще редко сознательно конкурируют (Диксон, 19980).

Когда речь идет о конкуренции в образовании, то конкурируют не столько люди, сколько парадигмы образования: в современном турбулентном мире «школа инвариантности» проигрывает «школе неопределенности» (Поддъяков, 2006). Соответствующим концепциям и конкуренции в образовании и этического маркетинга признается только способ конкурирования с инновациями и установкой на качество. Этот же способ ведет к индивидуальному и групповому развитию и эволюционированию. Важно и то, с чем конкурируют. Согласно Й. Олстону, американская культура, с ее повышенной конкурентной средой, выработала способ «безличной конкуренции» (Психология менеджмента, 1997). Отличительная особенность которого состоит в том, что конкурирующий индивид не знает того, с кем конкурирует. Этот безличный наиболее успешный способ конкуренции совпадает со способом достижения максимального результата при разных соревновательных установках, исследованный в экспериментах Эйдмана Е.В. по развитию средств волевой регуляции (Эйдман, 1986). При инструкции соревноваться с соперником результаты лучше, чем при инструкции сделать как можно лучше. У взрослых при инструкции соревноваться с воображаемым соперником результаты лучше, чем при инструкции соревноваться с реальным равным себе соперником. У группы до 14 лет результаты лучше при инструкции соревноваться с известным равным себе соперником, чем с воображаемым соперником. Представленные результаты говорят о том, что конкурентоспособность личности до подросткового возраста зависит от соревновательности, конкуренции в социальной группе. Важны разного рода сравнения и рейтинги. У взрослых же по мере становления воображения важна установка на «безличную конкуренцию», на соревнование с неизвестным или идеализированным соперником. В современном, изменчивом, непредсказуемом и турбулентном мире только эта конкурентная установка может вести к выживанию и развитию. По данным Д.Б. Богоявленской установка на соперничество оказывается непродуктивной при решении творческих задач. У людей, ориентированных преимущественно на победу над противником, уровень интеллектуальной активности, как правило, ниже, чем у людей без такой ориентации (Богоявленская, 1983). Но нужно признать то, что творческие люди могут «проигрывать» по сравнению с другими по критериям отличным от творчества. Массовая культура редко ставит творческие задачи, и в обычных условиях конкурентная установка улучшает результаты деятельности. И даже творчество предполагает сравнение. Сравнение, человеческая способность и склонность к сравнению,

сравнивающая деятельность задает конкуренцию даже в творческой сфере. Сотрудничество и творчество не отменяют сравнение (Домбровская, 2010). Однако, в долгосрочной перспективе именно инновации и творчество обеспечивают конкурентное преимущество и не в последнюю очередь, потому что являются фактором эволюционирования психики. Сравнение же является составляющей любой когнитивной деятельности или ориентировочной основой любой практической деятельности. Сравнение является основой и деятельности по производству юмора, направленного на обесценивание другого человека посредством шуток в его адрес. Сравнение является основой и для выработки того типа идентификации, который мы в 7 главе назвали «сравнительной идентификацией». Сравнение как операция социальной деятельности является и основой юмора по отношению к другому человеку, над которым могут смеяться и за похожесть и за непохожесть. В основе же операции сравнения как и деятельности по сравнению лежит способность к внутреннему сравнению разноплановых характеристик психического образа, которое основывается на способности психики к двойному отражению действительности.

«Двойное отражение» как механизм эволюции психики

Способность к внутреннему сравнению разноплановых характеристик психического образа, на котором основан феномен двойного отражения, наиболее четко проявляется в феномене эстетического восприятия. Спецификой психического отражения в эстетическом восприятии является 1) самодистанцирование субъекта от самого себя и 2) двойственность психического отражения. Понятие двойного отражения является базовой категорией для объяснения феноменов саморегуляции, рефлексии, внутреннего диалога, эстетического восприятия и юмора. Предпосылки саморегуляции обнаруживаются в животном мире, особенно у одомашненных животных, испражняющихся в определенном месте, в виде торможения рефлексов, а способность к саморегуляции как к обращению воздействия на себя обнаруживается только у приматов, себя поглаживающих – в виде обратной связи от своей деятельности самому себе. В феномене обратной связи самому себе при продолжающейся внешней активности и есть зачатки двойного отражения действительности. В полной мере они проявляются только у человека в способности к эстетическому восприятию опредмеченных в искусстве объектов жизненного мира. Впервые эту способность заметил Келер в экспериментах по восприятию курицей и форм и отношений (по Выготский, 1986, с.78-79), которые выявляют своего рода «двойное зрение». «Двойное зрение» у человека эволюционирует в двойное восприятие фабулы и сюжета, а также двойное отражение действительности, в котором объектами отражения являются и внешние объекты и сам объективированный субъект. Мы полагаем, что способность к двойному отражению максимально

развивалась и массовизировалась в комических действиях в виде сатруналий и дионисий, а также при восприятии античных комедий, поскольку они более, чем трагедии, создавали приближенные к реальности образы людей. Если античная трагедия возвышает чувства (или возвышает потребности), создавая вторую реальность, ноосферу или «третий мир» по К.Попперу, удваивает действительность, то античная комедия переносит, интроецирует эту «двойную действительность» во внутренний мир. Можно сказать, что способность к эстетическому восприятию и к юмору развиваются, пересекаясь. И пересекаются в их эволюционном смысле: самосохранения в виде отчужденных предметных форм культуры (создание комических произведений) и саморазвития как обращения этой эстетической двойственности на самого себя (юмористическое отношение). В этом пересечение механизмов ноогенеза и персоногенеза психического. Анализ эстетической и смеховой деятельности показывает решающую роль в этом двойного отражения. Двойственность психического проявляется и в раздвоении природы человека на собственно психическое (психические состояния, переживания, сознание) и на означенное психическое, выраженное в слове и в вербальных знаниях, отчуждаемых человеком от своей психики в ноосферу. Психологическими же механизмами создания ноосферы являются механизмы ноогенеза, создающие объективированное знание, которое в свою очередь влияет на эволюцию психики.

Ноогенез как механизм эволюции психики

Поскольку ноосфера, объективированное знание создается деятельностью человека, то анализ деятельности может быть и методом анализа эволюции психики в результате производства и потребления знаний. Хотя А.Г.Асмоловым выделены такие механизмы эволюции человека, как биогенез, социогенез и персоногенез (Асмолов, 2001), им недостаточно проанализирована их психологическая сущность в феноменах психического отражения и деятельности, не выделены их рановидности. Это можно было бы сделать опираясь на исследования механизмов биогенеза в антропологии (Козинцев А.Г., Бутовская М.Л. и др.), механизмов социогенеза в культурологии (Бахтин М.М., Лихачев Д.С. и др.), механизмов персоногенеза в психологии (Олпорт Г., Асмолов А.Г., Леонтьев Д.А. и др.). Нужно сказать, что наиболее исторически поздним является механизм персоногенеза, который в большой степени описывается как становление саморегуляции в ходе исторической эволюции, что системно проанализировано Д.А.Леонтьевым (см. Леонтьев Д.А., 2007). Хотя науковедение и психология творчества уделяет внимание принципам порождения нового знания, психологические механизмы ноогенеза в их эволюционном ракурсе практически не исследованы. Более того, основателями теории ноосферы Т.Шарденом и В.И.Вернадским не сформулированы определения ноогенеза

даже в теории эволюции живой материи. ИмPLICITно они понимаются как механизмы порождения знания. А.Л.Еремин понимает ноогенез как производство интеллектуальных систем (Еремин, 2004). Перед нами возникла задача психологического определения понятия ноогенеза, которую мы с опорой на труды Э.В. Ильенкова решили следующим образом: «Под ноогенезом мы понимаем процессы отчуждения психического, которые проявляются в формировании сферы идеального (или «ноосферы»), в которой презентуются отчужденное знание, которое в свою очередь влияет на психологию людей. Основными психологическими механизмами ноогенеза являются индивидуальное обобщение социальных представлений и порождение нового знания»(Домбровская И.С.,2010). Обобщение и творчество – это деятельности, имеющие разное строение. Если в деятельности обобщения доминирует абстрагирование и дедукция, то в деятельности творчества – индукция и при этом сравнение объекта творчества с чем-то еще несуществующим и неопределенным. В разные исторические периоды востребованы то тот, то другой механизм. И оба они имеют эволюционный смысл. Обобщение служит самосохранению человеческой культуры, творчество – ее развитию.

Определение психологических механизмов ноогенеза требует еще уточнений, а также столкновения когнитивного и деятельностного подходов. В понятии ноогенеза потрясающим образом встречаются эти достаточно обособленные и даже противостоящие парадигмальные подходы. Так когнитивный подход предполагает познание закономерностей, результатом которого является обобщение. Деятельностный подход предполагает созидание и творчество, в результате которого появляется или порождается собственно новое (Домбровская, 2011). Хотя в науке деятельностный подход в большой степени поглощает когнитивный, на практике не смотря на то, что познание может носить активный, деятельностный характер, оно все же отличается от собственно деятельности, имеющей производящий, активный характер. Познание или когнитивная деятельность же всегда носят реактивный характер. По критерию реактивности и активности отличаются и обобщение и творчество. Если обобщение – это реакция на неупорядоченность мира, приносящая в него порядок, то творчество – это деятельность по созиданию нового, приносящая в мир принципиально новые факты и идеи. Но и обобщение, и творчество являются механизмами ноогенеза ведут к эволюционированию психического. Как говорилось выше, в основе юмора может лежать операция или деятельность сравнения. Кроме этого юмор может основываться и на деятельности обобщения. Самым ярким примером являются односложные метафорические определения чего-либо. Если их значимость выходит за рамки конкретной ситуации, то метафорические определения можно считать не простым обобщением, а творческим порождением нового, как было, например, в определении К.Поппером сферы знаний как «третьего мира».

Таким образом, мы обозначили те проблемы, которые считаем наиболее актуальными для эволюционно-деятельностного подхода. Анализ становления конкуренции важен для понимания способности к сравнению в индивидуальном психическом отражении, определяющей взаимодействие между биовидами и внутри вида человек. Анализ механизмов ноогенеза важен для понимания принципов превращения индивидуального психического отражения в совокупное объективное знание. Анализ становления способности к двойному отражению позволяет понять закономерности усложнения, обогащения и дифференциации психического, важные и для понимания биологической эволюции и для развития вида человек.

Анализ закономерностей становления полной структуры деятельности, зарождения ее целенаправленности, абиотической предметности, операционального состава и вариативности операций, дифференциации типов деятельности в животном мире позволили бы существенно продвинуть эволюционную и сравнительную психологию, а также использовать понимание закономерностей эволюционирования психики в животном мире для развития и обучения человека и даже психологической реабилитации нарушен психического отражения и регуляции.

8.2 Развитие как методологический принцип и личностная задача в эволюционно-деятельностном подходе

Если в естественно-научных дисциплинах чаще говорят об эволюции, то в гуманитарных о развитии. В психологии говорят и о том и о другом, придавая понятию эволюции биологический характер, развитию гуманитарный и цивилизационный. В подходе, использующем и то и другое понятие, различия в понятиях могут быть проведены по разным критериям. Наиболее очевиден тот, что с точки зрения всего вида Человек выступает как эволюция, для отдельно взятого человека выступает как развитие. Когда изменения в психической деятельности и отражении становятся наследуемыми, то можно уже говорить не просто о развитии психики, а об эволюции психики. Однако, поскольку человек в ходе своего онтогенеза способен менять не только принципы функционирования психики, но и ее структуру, что выражается в феноменах овладения своим психологическим типом и преодоления психического типа, критерий эволюционирования только на уровне вида Человек нам видится неверным. Поскольку эволюционирует структура психики, то можно говорить и об эволюции психики отдельного человека, а не только человеческого вида.

Различие между понятиями эволюции и развития можно проводить и на основе этимологических значений слов. Так, латинское « evolution » означает «развертывание», что предполагает, что существует направление изменений.

Понятие же «развития» этимологически не предполагает ни цели, ни направления и может быть не только прогрессивным или регрессивным, но и непредсказуемым. Поскольку мы полагаем, что в природе человека уже заложены Богом ли бытием живой материи все его возможности и даже возможности для создания новых возможностей, то нам ближе понятие развертывания или эволюции. Понятие эволюции как развертывания следует сравнить еще с понятием потенциала, введенного в 1930-х К.Гольдштейном и разрабатываемого А.Маслоу, К.Роджерсом и другими и реализуемого в движении человеческого потенциала». Идея потенциализма теоретически близка идее эволюции как развертывания, но на практике выливается в идеи разворачивания заданного природой конкретному человеку способа самоактуализации, самореализации, личностного роста. Уже А.Маслоу осознал неправомочность ограничения возможностей самоактуализации его индивидуальными задатками, и ввел в психологию понятие «самотрансценденции», о котором говорилось в 3 главе. Ниже мы будем говорить о том, что человек реализует в жизни не только свою индивидуальную сущность, но и родовую сущность биовида Человек, то есть актуализирует не только свои индивидуальные возможности, но и общечеловеческие, во всяком случае человек стремится к этому. И такие возможности, такой потенциал присущи каждому. Однако, мы предпочитаем понятие эволюции, а не понятие потенциала по той причине, что в современных многочисленных теориях потенциала нет идеи эволюции или развития как развертывания родовой сущности, которая способна придать отдельно взятому человеку и направление и смысл жизни. Хотя потенциал и отдельно взятого человека и всего человеческого вида не безграничен, процесс эволюции позволяет компенсировать дефицит тех или иных способностей и индивидуальных возможностей, переходить к другому типу функционирования психики и деятельности, изменять структуру психического отражения.

Вернемся к сравнению понятий эволюции и развития. Если, на наш взгляд, эволюция характеризуется изменением психических структур, то по мнению Л.И. Анцыферовой, «Развитие же означает возникновение качественно новых психологических образований и переход психологической системы на новый уровень функционирования» (Анцыферова, 1978, с.5). Новые психологические образования и новый уровень функционирования задают предосылки и новой психической структуры и другой системы функционирования психики – и это уже эволюция.

Проблема развития, начиная с Л.С. Выготского, традиционно рассматривается в связке с проблемой детерминации, ступеней развития и кризисов в онтогенезе. Кратко остановимся на проблеме развития в этом традиционном ее контексте. Развитие вообще и развитие человека с точки зрения их детерминации можно рассматривать 3 способами:

1. Как развитие изначально данного по причинной логике жизнедеятельности. Изложенное выше понимание человека отказывается от такого взгляда, так как он пригоден только для понимания человека как

исключительно биологического организма, несмотря на то, что в традиционном гуманистическом подходе (Маслоу, Роджерс) постулировано то, что даже стремление к самореализации и самоактуализации изначально «заложено» в человеке и то, что разворачивается как потребностной и причинной логике развития. На наш же взгляд, стремление к саморазвитию возникает на определенном уровне развития личности и требует личных усилий по развитию самого себя и познанию мира

2. Как самодвижение за счет взаимодействия общественного и личностного.
3. Как целевое развитие, определяемое целевой ценностной логикой жизнедеятельности.

Сначала рассмотрим развитие как самодвижение, исходя из классики отечественной психологии. Так Л.С. Выготский пишет: «...развитие есть непрерывный процесс самодвижения, характеризующийся в первую очередь непрерывным образованием нового, не бывшего на прежних ступенях. Эта точка зрения охватывает нечто существенное для диалектического понимания процесса... Она, в свою очередь, допускает и идеалистические, и материалистические теории построения личности. В первом случае она находит воплощение в теориях творческой эволюции, направляемой автономности, внутренним, жизненным порывом целеустремленно развивающейся личности. Во втором случае она приводит к пониманию развития как процесса, характеризующегося единством материальной и психической сторон, единством общественного и личного при восхождении ребенка по ступеням развития» (Выготский, т.4, с. 248).

Вторая точка зрения – это точка зрения самого Выготского, с которой он рассматривает развитие ребенка. О первой точке зрения будет сказано ниже.

Итак, развитие происходит за счет «новообразований». «Под возрастными новообразованиями следует понимать тот новый тип строения личности и ее деятельности, те психические и социальные изменения, которые впервые возникают на данной возрастной ступени и которые в самом главном и основном определяют сознание ребенка, его отношение к среде, развитие в данный период (Выготский, т.4, с.248)

Выготский рассматривал и динамику перехода от одного возраста к другому, говоря, что если б кризис не был открыт эмпирически, его следовало бы выдумать теоретически».

По Выготскому, микроскопические изменения в «стабильные периоды» (когда развитие идет «подземным путем»), накапливаются до определенного предела, затем скачкообразно обнаруживаются в виде какого-либо возрастного «новообразования». Эти «революционные скачки» происходят в периоды кризисов, составляют их суть и являются поворотными пунктами в развитии. Основным источником развития ребенка по Выготскому является социальная действительность. А динамику развития определяет «социальная ситуация развития», то есть своеобразные отношения ребенка с окружающей

его действительностью. Главное содержание кризисов – распад старой, образование новой социальной ситуации и нового типа социальных отношений

Назрела необходимость сделать несколько общих замечаний о концепции развития Л.С.Выготского:

- схема развития Выготского охватывает формально-динамические, но не содержательные аспекты развития. Содержательный анализ «новообразований» и «социальных ситуаций развития» дан только для детских возрастов
- функционирование ВПФ после того, как они уже сформировались не рассматривается, а между тем необходимо понимать, как функции переходят и закрепляются в качестве структурных элементов психики
- развитие ребенка задается социальной действительностью, в которой уже давно сложились требования и стандарты к ребенку определенного возраста. «Стандарты» же по отношению к развитию взрослых заданы гораздо меньше.
- прохождение «кризисов Выготского» с небольшими вариациями типично и обязательно для всех детей. Развитие же взрослых менее предсказуемо и более разнообразно.
- нужно подчеркнуть, что Выготский говорил только о детском развитии. Он сознательно выбросил из своей периодизации возраст от 18 до 25 лет, намекая, что там уже действуют другие закономерности – закономерности взрослости.
- вполне возможно, что если бы Выготский специально занимался проблемами взрослости, то пришел бы к формулировке принципа «идеалистического», целевого типа и в материалистической концепции за счет психологических механизмов воли, автономности, когда уже не заданные требования социальной действительности, а стремление к познанию себя и мира, «свободное Я» движут развитие.
- это появление «свободной воли» не отменяет развитие социальное (только изменяет его). Поэтому схема Выготского на социальном (но только на социальном) уровне приложима и к взрослости

Практически все теории развития взрослого «сделаны» на социальном уровне, даже те, которые рассматривают развитие сознания и внутреннего мира. Объясняется это тем, что культура уже достаточно сильна, чтобы накладывать «культурные схемы, штампы» и на внутренний мир.

Даже наиболее сильная и глубокая теория периодизации взрослого развития – теория Э.Эриксона – теория «эпигенетическая». Это значит, что на уровне физическом надо приспособляться к половому созреванию, расцвету, старению организма. На уровне социальном – нужно выполнять требования культуры, нормы социальной жизни – выбрать профессию, создать семью,

быть полезным обществу, достойно приготовиться к смерти. Сам Эриксон считал свою теорию не теорией личностного развития, а «ключом» к ней.

Теорией же личностного развития может стать только та теория, которая изучает, анализирует и систематизирует принципы и механизмы развития человека на всех его уровнях, включая личностный уровень. Такими принципами и критериями развития являются обогащение и дифференциация внутреннего мира, переходы функциональных образований в структурные образования, развитие и произвольное и вариативное использование различных типов психологических механизмов рефлексии, внутреннего и межличностного диалога, эстетического переживания, самодетерминации и саморегуляции, самотрансценденции и юмора, а также обязательное познание и понимание закономерностей объективной действительности, вплоть до выработки системного мировоззрения, объясняющего и осмысляющего мир и свою роль в нем.

Большинство перечисленных нами механизмов развития описывают его с содержательной стороны, а обогащение, дифференциация и переходы функций в структуры – с формальной стороны, и она нам видится более важной, чтобы говорить о возможном эволюционировании психики.

Так, юмор, сформировавшись как высшая психическая функция в культурогенезе, у современного человека превращается в структурный элемент психики. А то, что юмор зародился в культурогенезе как механизм ноогенеза, превращает его в ноотехнику регуляции системы жизнедеятельности за счет того, будучи элементом ноосферы и знания, оказывается на верхнем уровне системы регуляции. Хотя мы во многом солидарны с определением развития Л.И. Анцыферовой, в котором понятие эволюции выглядит избыточным, мы говорим о эволюции психики, а не о развитии, имеющем лишь индивидуальное значение. Мы говорим об эволюции психики не только потому, что новообразования транслируются от человека к человеку, но и потому, что закрепившись у всего вида человек, они становятся необратимыми. А в индивидуальном развитии возможна и обратимость изменений, и регресс. Мы говорим о эволюционировании психики еще и потому, что считаем, что цель эволюционно- психологической теории не обоснование вариативности внутри рода Челоловек, которое делает в своем историко-эволюционном подходе А.Г. Асмолов, а обоснование того, что способны к развитию не только избранные, что вызывает необходимость толерантности к «недоразвитым», а каждый представитель рода Человек способен развиваться и эволюционировать. При этом категорию «развития» мы видим не только как объяснительный принцип изменений, а как цель и задачу изменений системы регуляции жизнедеятельности. При этом мы отказываемся и от постулированного К.А. Абульхановой-Славской принципа стратегий жизни как детерминированного психологическим типом (Абульханова-Славская, 1991), так как считаем что стратегия жизни определяется не психологическим типом, то есть причиной, а целью жизни. Это ставит перед нами вопрос о цели развития, которые у отдельно взятых

людей могут быть вариативны, но в целом Человечества определяются философами и психологами как задача реализации в своей жизни совокупной природы Человека и/или обретения им родовой сущности. И это же вынуждает нас обратиться к рассмотрению проблемы нормы-патологии развития.

Развитие как стремление к обретению родовой сущности человека

Отметим, что понятие «природы» человека часто подменяет понятие его «сущности». Современные философы акцентируют важность их различения: «Первое понятие отражает как природные, так и социальные качества человека. Второе понятие отражает не всю совокупность его социальных, биологических и психологических качеств, а наиболее существенные, устойчивые связи, отношения, лежащие в основе природы человека...» и далее «Вся история свидетельствует о происходящих определенных изменениях в природе человека, его «открытости миру» (Мысливиченко, 2005). Признание изменчивости и открытости природы человека обостряет вопрос о его сущности. При этом сущностный подход в изучении и определении человека в значительной степени отделяется и даже противопоставляется и дескриптивному и атрибутивному (Фролов, Борзенков, 2001, с.7). При этом сущностное определение человека – это и попытка создания «развитой общепринятой концепции человека» (Фролов, Борзенков, 2001, с.9). Разработка проблемы сущности человека важна, так как она позволяет сформулировать принципиально отличающееся от всех остальных понимание нормы развития человека: «...нормальное развитие – это такое развитие, которое ведет человека к обретению им родовой человеческой сущности» (Братусь, 1988, с.50). Согласно Братусю, «условиями и одновременно критериями этого развития являются: отношение к другому человеку как к самооценности, как к существу, олицетворяющему в себе бесконечные потенции рода «человек» (центральное системообразующее отношение), способность к децентрации, самоотдаче и любви как способу реализации этого отношения, творческий, целетворящий характер жизнедеятельности, потребность в позитивной свободе, способность к свободному волепроявлению, возможность самопроектирования будущего, вера в осуществимость намеченного, внутренняя ответственность перед собой и другими, прошлыми и будущими поколениями, стремление к обретению сквозного общего смысла своей жизни» (Братусь, 1988, с.50). Подчеркнем, что в этом атрибутирующем описании сущностно человеческого развития можно только восхититься тем, как Б.С.Братусь трансформирует основной марксовский тезис о сущности человека как совокупности общественных отношений в понимание отношения к другому человеку как системообразующего для оценки нормы развития. При этом важно, что остальные типы отношения к другому человеку выступают не столько как

патологии в их прямом смысле, а в соответствии с терминологией Братуся, как «аномалии личности». Это переводит понимание патологий из традиционного и классического к неклассическому. В неклассической психологии патологий как таковых практически нет – есть только аномалии. Доказательства находятся в экзистенциальной психологии и психиатрии (Ясперс, Лэинг и др.) Возвращаясь от атрибутивного подхода к сущностному в характеристике человека, можно сказать, что Б.С.Братусь, говоря о «нормальном развитии» выделил еще и основную характеристику сущности человека – родовой способности к развитию. Эта характеристика всячески подчеркивается польским исследователем Казимежем Дабровским. Так он пишет: « психическое здоровье – это развитие в направлении всестороннего понимания, переживания, открытия и творчества все более высокой иерархии действительности и смыслов, вплоть до конкретного индивидуального и общественного идеала» (Dabrowski, 1989, С. 32). Пафос способности к развитию пронизывает все концепцию Домбровского, включая его теорию позитивной дезъинтеграции, которая и является объяснением сущностно человеческого механизма развития. Свою концепцию развития К.Домбровски назвал «теорией позитивной дезъинтеграции», что предполагает как аксиому то, что «нормальное» и «здоровое» развитие обязательно идет за счет дезъинтеграций, дисгармоний. Они являются позитивными, если ведут к всестороннему пониманию, переживанию, открытию и творчеству все более высокой иерархии реальности и ценностей.

В отличие от классической гуманистической психологии с ее идеей личностного роста из уже данного К. Дабровски делает акцент на познании, открытии и творчестве мира «изнутри».

Так, согласно Дабровскому, в позитивном развитии наступает момент, когда человека начинает не удовлетворять одноуровневая действительность. Он начинает искать, открывать и творить другие реальности, отличающиеся от обыденной, ставшей нудной реальности. Появляется необходимость преодолеть узы закономерностей обыденной жизни. Отсюда начинается процесс побуждений к поиску, повышенная психическая восприимчивость, кризисы и внутренние конфликты, тревожные состояния, депрессии и навязчивости.

«Человек обречен на развитие, на преодоление собственного биосоциального цикла и психологического типа» (Dabrowski, 1989, с.50).

Позитивное развитие, по Дабровскому, проходит через следующие стадии:

1. Интеграция первичная
2. Дезъинтеграция одноуровневая
3. Дезъинтеграция многоуровневая спонтанная
4. Дезъинтеграция многоуровневая организованная
5. Интеграция вторичная.

Одним из основных признаков, по которым К.Дабровски стадии позитивного развития, является отношение к смерти, как к событию, которое ожидает всех, и по отношению к которому люди очень отличаются:

1. Низший уровень: примитивное психическое здоровье, собственная смерть не существует для людей, находящихся на этой стадии. Примитивные потребности, интеллект подчинен им. Эмоции, агрессивность, неразвитость внутреннего мира, отсутствие внутренних конфликтов, воображение и интеллект подчинены сильным импульсам. Отсутствие мыслей о собственной смерти, непонимание чужой смерти, чужих страданий. Отсутствие эмпатии. При неизбежно приближающейся смерти – часто звериный страх или неверие в возможность собственной смерти.

2. Усиливающаяся способность к развитию. Неустойчивое отношение к себе и окружающим. Повышенная восприимчивость, но одноуровневая. Амбивалентности и амбитенденции. Периодическое чувство собственной незначительности, частая растерянность, достаточно сильная, но непостоянная чувствительность к возможности смерти, иногда приступы страха перед смертью. Значительная «психологизация» внутреннего мира. Периодическая способность к эмпатии, к пониманию чужой смерти. На этой стадии дезъинтеграции часты самоубийства, так как в сознании отсутствуют перспективы развития. Одноуровневое развитие внутреннего мира.

3. На этом уровне возникает в большей или меньшей степени возможность преодоления закономерностей периода биосоциального развития. Его характеризуют такие психологические механизмы как удивление себе самому, самоозабоченность, чувство собственной изменности, некоторая неприспособленность и позитивное приспособление, творчество. Часты внутренние конфликты, кризисы, возможны разные формы невроза: тревожность, депрессия, обсессия и т.д., говорящие о возможности перспективы развития и пути развития, а также о включении психологических механизмов иерархизации внутренней и внешней реальности. В трансцендентальные потребности внедряется тема смерти. Признается «частичная смерть» как признак изменений. Появляется различие того, что в личности должно исчезнуть, а что остаться. Стремление к конкретному идеалу, попытки трансценденции собственной смерти в других и творчестве.

4. Заметное психическое успокоение, организация и систематизация собственного развития посредством рефлексии. Доминирующие психологические механизмы: объект-субъектное отношение к себе, эмпатия, самовоспитание и самотерапия, переживание реальности как многоуровневой. Явное преодоление закономерностей биосоциального периода и переход к автономности и аутентичности. Заметно преодоление видового цикла и психологического типа. Страх личной смерти угасает, но усиливается переживание смерти других. Смерть переживается как экзистенциальная проблема, попытка ее трансценденции.

5. Уровень вторичной интеграции после прохождения всех уровней/стадий дезьинтеграции. Автономия, аутентичность, ответственность, максимально возможный уровень самопознания и эмпатии, стабилизация основных интересов и способностей, а также динамизация идеалов.

На этом уровне осуществляются два смысла: индивидуальный и общественный. Первый отражает главные интересы, способности и таланты, осознание самостождественности, непрерывности своей прошлой жизни и надежд на будущее. Второй выражает аутентичное и автономное отношение к другим людям, высокий уровень общественного сознания и ответственности. Основные приобретения этого уровня сохраняются и в других «циклах» позитивного личностного развития (Dabrowski,1989, с.53-55).

Таким образом, личностное развитие идет посредством процессов дезьинтеграции-интеграции, которые ведут через образование новых психологических механизмов к интеграции вторичной. Причем развитие вызывается со второго уровня дезьинтеграции внутренними потребностями познать, понять, пережить как можно более полно себя и мир, то есть именно тем, что в обыденном сознании и понимается как личностное развитие, и что зачастую теряется в научных определениях развития. Другой польский психолог Казимеж Обуховски также считает, что «личность не может существовать без постоянного развития» и считает, что «развите личности – вызов в борьбе противоречивых сил»(Obuchowski,1993, s.183).

Способность к развитию является родовой специфически человеческой характеристикой человека, которая в полной мере может служить характеристикой сущности. И является критерием оценки «нормы» развития отдельно взятого человека. Никакая патология не может быть однозначно признанной, если человек способен к развитию, понимаемому как развитие личности и познание мира и себя. Таким образом, сущность человека определяется нами предельно широко – как способность к развитию. Существование же может быть удивительно многообразным и даже аномальным, когда способность к развитию потеряна.

Классический экзистенциалистский тезис: «существование предшествует сущности» (Сартр) не отрицается таким пониманием сущности, но существенно дополняется им: «это философия сущности и существования вместе взятых, в которой сущность имеет то преимущество, что без ее утверждения и обоснования существование человека остается бессмысленным. Только через утверждение сущности в существовании последнее приобретает смысл для развития и философии человеческого индивида» (Dabrowski,1989, С. 192). Несовпадение между сущностью и существованием, их диалектическое противоречие и заставляет человека развиваться, является фундаментальным механизмом развития Как пишет Б.С.Братусь: «...это общее противоречие между личной (индивидуальной) ограниченностью и универсально безграничными возможностями,

предполагаемыми всеобщей родовой человеческой сущностью. На уровне индивидуального сознания это противоречие отражается как противоречие между «Я реальным» и «Я идеальным», «Я сегодняшним» и «Я будущим», между Бытием и долженствованием» (Братусь, Зейгарник, 1980, С. 127), «Я интенциональным» и «Я самообъективированным», которые развиваются из первоначально «Я синкретическим» (Obuchowski, 1993, s.183), а также всеми теми противоречиями и внутриличностными конфликтами, которые хорошо известны практическим психологам.

Несовпадение сущности и существования является фундаментальным философским принципом и психологическим механизмом индивидуального и общего развития.

Развитие личности как способ совладания с психическими заболеваниями

Развитие личности, как уже говорилось выше, часто идет через переживание кризиса в форме невроза. Согласно К.Домбровскому, наличие невроза может служить доказательством того, что «перестройка личности» (если невроз пережит позитивно) произошла надежно. Ибо в неврозе перестраиваются не только сознание и чувства, но и биологический уровень человека.

В какой форме проходит невроз (астенической, истерической, оцессивной) зависит от биологических характеристик человека. Здесь назревает необходимость пересмотреть традиционное понимание невроза и психопатии. Такой «пересмотр» есть в концепции хорошо известного В.Франкла и менее известного среди русскоязычных психологов К. Домбровского.

К. Дабровски считает психопатию и невроз противоположными структурами психики. «Психопатия – это психическая структура с интегрированной на низком уровне, структура стабильная» (Dabrowski, 1989, с. 88). Разум у психопатов подчинен примитивным и эгоистическим импульсам, отсутствуют внутренние и присутствуют внешние конфликты, отмечается неспособность к развитию.

Невротик же строит свой внутренний мир через повышенную восприимчивость, обычно имеет идеалы, видит иерархию действительности и ценностей, руководствуется чувствами высшего уровня. Невротики способны к позитивному развитию, к пониманию других, но часто испытывают трудности в принятии решения и в сфере действия. Вспоминается известное высказывание: «Невротики строят воздушные замки, психотики в них живут». Дабровски пишет: «насколько психопат не может быть хорошим аутентичным психиатром, психологом, педагогом, настолько невротик (адекватно критичный к себе) является наилучшим кандидатом для этих дел» (Dabrowski, 1989, с.90).

«В большинстве случаев неврозы не являются болезнями, а структурными процессами, неизбежными в развитии. Это процессы, строящие внутренний мир и его иерархические уровни. Повышенная возбудимость в большей мере является симптомом повышенной восприимчивости, и не может считаться явлением болезненным» (Dabrowski, 1989, с.107).

Невроз как болезнь «не в возбудимости, впечатлительности, а в их подавлении» (там же, с.83).

К. Дабровски выделяет уровни неврозов, от которых зависит глубина и позитивность их переживания:

Астения

1. Ипохондрия – концентрация мыслей на собственном организме
2. Неврастения – концентрация на собственных психических переживаниях
3. Психастения – построение внутреннего мира, литературное, музыкальное творчество

Истерия

1. Психопатия истерическая
2. Истерия конверсионная
3. Истероподобные проявления эмпатии, энтузиазма, экстаза (часты у актеров)

Тревожность

1. Стадия инстинкта самосохранения
2. Стадия личной угрозы
3. Трансцендентная «мировая скорбь»

Обсессии

1. Связанные с обыденными, внешними вещами
2. Связанные с внутренними переживаниями
3. Связанные с переживаниями мировых проблем, смысла жизни и смерти (Dabrowski, 1989, с.96-100)

Таким образом, Дабровски рассматривает уровни неврозов, а не только их типы. Переход от невротического состояния на первом биологическом уровне к уровню третьему духовному позволяет трансформировать патологические переживания в развивающие. Согласно нашему видению существования человека, невроз может переживаться с доминантой на биологическом, социальном, идеальном или личностном уровне, и с субдоминантой на том же или другом уровне. Взаимодействие доминантного и субдоминантного уровней переживания невроза задает направление его протекания и направление личностного развития при переживании невроза.

В. Франкл в ранней работе «Доктор и душа» говорил о соматогенной и ноогенной составляющих невроза, а позже только о ноогенных неврозах. Кризис, особенно в форме невроза, открывает возможность развития, дает ему шанс. При неспособности или нежелании использовать этот «шанс» происходит скатывание на низший уровень существования, на котором возможны тяжелые психопатии и даже самоубийства. Самоубийство можно считать предельным выражением неконструктивного переживания кризиса, отказом от развития: «Самоубийство лишает человека возможности развиваться» (Frankl, 1973, с.190). В этом ракурсе может быть проинтерпретирован анекдот, состоящий из двух слов: «Колобок повесился». Он становится понятным, если вспомнить русскую народную сказку про колобка, который эгоистически ушел от деда с бабкой и с эгоцентрическим любованием пел всем встречным, которые предостерегали его, одну и ту же песенку «Я- Колобок, Колобок...». Трагедия Колобка в том и состояла, что он нарциссически отказывался меняться и развиваться. Рассказ и интерпретация этой сказки детям и сказки и анекдота подросткам может быть мощной профилактикой суицида посредством юмора.

Вернемся к проблеме развития как преодоления психической болезни в контексте проблемы эволюционного смысла психических болезней. Постановка вопроса об эволюционном смысле психических болезней видится нами как «висящая в воздухе». Она возникает из комплексного изучения биологии, истории психиатрии, общей и клинической психологии и, особенно, теории эволюции вида Человек.

Проблема эволюционного смысла психических болезней дифференцируется нами на ряд следующих вопросов:

Правомерность самого вопроса об эволюционировании психики в истории вида Человек. Возможны два основных ответа: а) психика человека с античности, то есть с тех времен, когда Человек начал фиксировать свою историю и свою мысль, константна, и б) психика эволюционирует не только в биогенезе Человека, но и в его истории.

В психиатрии и клинической психологии рассматриваются механизмы патологизации психики, но ставится вопрос только об индивидуальном смысле психической болезни, который чаще всего полагается как дезадаптационный или инновационный-творческий (от Ламброзо). Вопрос об эволюционном смысле, сочетающем индивидуальный и социальный моменты, практически не озвучивается. Трудности интерпретации эволюционирования человеческой психики заключаются в том, что сам феномен эволюционирования выступает как достаточно самоочевидный, но не проанализированный и не доказанный.

В связи с прогнозируемым ростом числа психических заболеваний обостряется вопрос о том, что представляет собой психическая болезнь:

тупиковую линию эволюции с обособлением «вида» психически больных или «магистральный сценарий» человечества, которого следует избежать и предотвратить. С практической точки зрения вопрос заключается в том, как из дезадаптивного индивидуального момента эволюции, каковым чаще всего полагается психическая болезнь, превратить эту психическую болезнь в адаптивную инновацию. Или в понятиях А.Г. Асмолова и А.В. Петровского, как превратить неадаптивную активность в наадаптивную, способствующую прогрессу общества и отдельного человека. Повторим, что согласно концепции психического здоровья К. Домбровского само отсутствие психической болезни не является критерием психического здоровья, критерием психического здоровья является способность к личностному развитию и познанию мира (Dabrowski, 1989.). . Согласуются с этим взгляды на психическое здоровье Б.С. Братуся, который различает психическое и психологическое здоровье. Но проблема эволюционного смысла психических отклонений такими решениями не снимается, поскольку не решается вопрос о сущности «болезни», а также о методах лечения, медикаментозного, психотерапевтического или социально-педагогического.

Наиболее сложен вопрос об эволюционном смысле психиатрических симптомов. Он заключается в том, какие конкретно симптомы признак регрессии человеческой видовой психики, а какие – признак развития и прогрессивного эволюционирования человеческой видовой психики, вплоть до создания механизмов преадаптации. Так возможно, что резонерство – это всего лишь способность к абстрагированию и обобщению человека, который не получил должного обучения и образования. «Латенты» в мышлении – это недоразвившаяся или недоразвитая способность к инновациям. «Обрывы мыслей» - «неправильное» торможение. Повторы – закрепление не безусловных, а условных рефлексов. Эпилептические приступы – крайнее выражение стремления к измененным состояниям сознания, стремления все чаще свойственного людям. Галлюцинации – объективация, отчуждение и крайнее выражение диалогичности мышления, свойственного всякой зрелой личности. Страх осмеяния у шизофреников – как опасения любого человека, быть неправильно понятым и неадекватным реальности. Мы здесь не ставим задачу детально проанализировать эволюционный смысл всех разнородных психиатрических симптомов, но стараемся обозначить принцип интерпретации эволюционного смысла симптомов на границе индивидуального и видового смыслов, которые на основе нашей эволюционной интерпретации возможно трансформировать из негативных симптомов болезни в позитивные механизмы развития личности.

Однозначно, что у психиатрических заболеваний есть эволюционный смысл в расширении способов переживания мира и увеличении внутривидовой вариативности. Но если есть смысл роста вариативности, то есть и смысл в адаптации вариативности и разнообразия к магистральному пути развития Человечества. А магистраль состоит в овладении человеком своими негативными переживаниями, трансформации их в осмысленные и

позитивные, приближающие к родовой человеческой сущности, содержание которой и состоит в идее и задаче развития. Понимание клиницистом эволюционного смысла психических заболеваний и обучение им пациента интерпретировать свои симптомы с точки зрения развития может трансформировать негативные симптомы в позитивные механизмы личностного развития. Отношение с юмором психиатрически больного к своей болезни и к своим симптомам позволяет выработать психологическую независимость от своей болезни, ставить задачи социальной адаптации и личностного развития. Установка на развитие может служить и профилактикой психических заболеваний.

Таким образом, мы рассматриваем категорию «развития» не только как принцип существования человека, но и как задачу его существования. А направление развития задает представление о родовой сущности человека, о его природе и собственно человеческом способе существования. И если внутривидовая вариативность зависит от индивидуальных представлений о родовой сущности Человека, то общее направление эволюции зависит от разработанности проблемы сущности и существования в философии и проблемы нормы-патологии развития в психологии.

8.3. Юмор как ноотехника развития личности

Понятие «ноотехники» введено в психологию Д.А.Леонтьевым, обосновывающим его необходимость тем, что оно позволяет выйти в глобальный контекст человеческого знания – ноосферу (Леонтьев Д.А., 2012), однако специфика ноогенного воздействия очерчена им не в полной мере. В соответствии с предлагаемыми нами в главе 3 принципами регуляции Бытия посредством взаимодействия доминанты и субдоминанты, можно сказать, что при ноотехническом воздействии доминанта всегда помещается на уровень идеальный, уровень знания. Направление же изменений и развития определяется тем, на каком уровне у того или иного человека расположена субдоминанта. В главе 3 нами обосновано постепенное напластование одного на другой в ходе филогенеза и культурогенеза таких уровней существования живого как биологический, социальный, идеальный и личностный, которые у современного человека превращаются в уровневое строение Бытия. При том, что в существовании каждого человека представлена полная структура Бытия, он может вести свою жизнь, свое существование только на одном уровне, на котором у него расположена доминанта Бытия: на биологическом, социальном, идеальном или личностном. Ноотехническое же воздействие помещает доминанту на идеальный уровень, а тот уровень, который был привычен человеку, превращается в субдоминанту воздействия и определяет тип и уровень понимания ноотехники. Так обращение консультанта к клиенту «Посмотри на себя с юмором» у человека, который привык к личностному уровню Бытия, может вызвать добрую улыбку от осознания того, что он

ригиден со своим жизненным кредо «Быть личностью» не смотря на обстоятельства и человек может открыться изменениям и миру. У человека, которому привычен социальный уровень Бытия, попытка посмотреть на себя с юмором может вызвать чувство, что он смешен для других и тогда он начинает смотреть на себя глазами других, вырабатывая то, что в психологии называется адекватной самооценкой. У человека, который привык к биологическому уровню существования, может возникнуть даже чувство смеховой агрессии по отношению к самому себе, которая была свойственна юмору в начале его окультуривания и человек благодаря этому может осознать тот простой факт, что нужно самому воздействовать на себя.

Ноотехника – это всегда ноогенное по природе средство деятельности консультанта по изменению переживания жизни клиентом или человека по отношению к самому себе, и как каждая деятельность, ноотехническая деятельность имеет свой предмет, цель и бытийный смысл, свое строение и временную последовательность. Как пишет А.Н.Леонтьев, деятельность – «... на психологическом уровне, - это единица жизни, опосредующая психическое отражение, реальная функция которого состоит в том, что оно ориентирует субъекта в предметном мире, иными словами, деятельность -...система, имеющая строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие» (Леонтьев А.Н., 1974). Согласно психологической теории деятельности, и ноотехническая деятельность может быть проанализирована и спланирована по своей структуре (с точки зрения побуждающих потребностей и направляющих мотивов, с точки зрения соподчиненных цели действий и соподчиненных психофизиологическим условиям операций), а также по разворачиванию во времени (ориентировка, подготовка, целеполагание, планирование, прогноз, осуществление, последствие, изменение психических условий).

Ноотехническим является любое использование афоризмов и историй в консультировании. Ноотехникой является любая попытка воздействовать на другого, рассказывая анекдот. Ноотехника есть везде, где есть попытка воздействия на других или на себя посредством знания. Особый тип ноотехники – это воздействие информации по результатам психологического тестирования. Будучи средством обратной связи от психолога клиенту, интерпретация тестов может кардинально изменить представление человека о самом себе, даже если человек занимается самотестированием по книгам или в сети Интернет.

Остановимся на ноогенном воздействии через обратную связь о результатах тестирования на примере своего опыта работы по профилактике суицидальных тенденций, выявленных предварительной диагностикой смысловой сферы и чувства безнадежности группы подростков. Экспресс-диагностика смысловой сферы проективным методом завершения начатых предложений в окончании предложения «люди учатся, чтобы...» неожиданно для нас выявила у одного подростка суицидальные намерения. Проведенное в последующую встречу тестирование группы, с целью выявления самооценки

и чувства безнадежности по шкале Бека, выявило, что еще 3 человека в группе испытывают чувство безнадежности. После такой ориентировки нами было определено, что на первом этапе работы по профилактике суицидов, приоритетна групповая работа, нацеленная на обогащение сознания возможными смыслами жизни. Нами была спланирована тематическая беседа под условным названием «Витамин оптимизма», этапами которой было 1) обратная связь о динамике отношений в коллективе на основе рассказов о ней членов группы, имеющая целью превенцию подражания в суицидальных тенденциях 2) обратная связь о среднем уровне самооценки членов группы с вопросом о том, кто считает, что у него самооценка завышенная и заниженная без указания лиц, у которых по результатам теста отклоняющаяся от нормативной самооценка, 3) обратная связь о выявленном тестированием пониженном оптимизме у очень многих без указания лиц, 4) рассказ о возможных конструктивных смыслах жизни в познании мира и других людей, в красоте и осмысленности мира, о роли юмора для повышения чувства оптимизма и настроения, о значении целеполагания и планирования для успеха в жизни. Общей целью беседы была актуализация механизмов рефлексии, позволяющих перейти к тому, что в позитивной психологии называется «выученным оптимизмом». В основных чертах беседа прошла в соответствии с планом. Подростки, судя по их стилю активного слушания, были готовы к такой беседе. Сказанное нами было вариативно и разнопланово, чтобы каждый мог выбрать то, что созвучно лично ему. А то общее, что усвоили подростки было в русле того, что и является ведущей деятельностью их возраста в общении. Подростки стали в общении друг с другом выполнять упражнение, о котором мы узнали из авторского семинара Д.А.Леонтьева «Открытие экзистенциального опыта» и рассказали о нем группе. Смысл упражнения заключается в обучении установке на другого человека как к тайне Бытия, которую можно познавать, но нельзя разгадать в полной мере, и осуществляется упражнение посредством молчаливого вопроса о другом к себе «что я о тебе не знаю», после которого некоторые вопросы можно озвучивать, а некоторые оставлять для себя как тайну Бытия другого. И в переориентации смысловой сферы от чувства безнадежности к установке на тайну Человека и Бытия, мы видели то, что с юмором назвали «Витамин оптимизма». Свою работу мы считаем успешной, так как слышали от подростков отзыв о своей работе: «психологи раздают витамины оптимизма». Нужно отметить, что в этой беседе мы использовали юмор только в ее названии, но не в самом процессе. Но мы рады, что подростки серьезно отнеслись к серьезности предложенной им юмористической метафоры. Мы считаем, что наше воздействие было именно ноогенным, поскольку мы предлагали имеющиеся у нас знания психологии и жизни на уровне рефлексивного сознания, а не подсознательной манипуляции. А пробуждает сознание очень часто именно юмор.

Наиболее ноогенным является воздействие на личность посредством юмора, обращенного на самого себя. Как показано в главе 2 юмор сформировался в культурогенезе механизмами ноогенеза, такими как обобщение и творчество, сформировался как психологическое орудие личностной регуляции жизнедеятельности. Своей личностной произвольностью юмор всегда связан с персоногенезом, так как там, где есть произвольность и цель регуляции всегда есть личность. Там, где ставится вопрос «Зачем?», проявляется личность, так же как при вопросе «Почему?» проявляется биологическая сущность человека. А там, где ставится вопрос «Как?», проявляется социальность, как в вопросе «что?» проявляется идеальный, ноосферный уровень существования человека, как всякий объективный уровень Бытия имеющий свою предметную отнесенность. Ноотехника действует через содержание ответа на вопрос «что?», она не имеет тайных целей, ее цель воздействовать знанием на сознание и этим нацелена на добровольное самоизменение сознания за счет его обогащения и дифференциации, то есть на развитие и саморазвитие. Когда речь идет о юморе, то содержание ноогенного сообщения еще и обладает определенной формой или структурой, так чтобы облегчить восприятие. Классическими примерами юмористических ноотехнических сообщений являются афоризм и анекдот. В них всегда содержится некий парадокс, противоречие. Через понимание и снятие противоречия и происходит развитие личности посредством юмора. Наиболее характерной чертой ноотехники является то, что она может быть использована не только в психологическом консультировании психологом, но использоваться каждым для психологической самопомощи.

Юмор как ноотехника психологической самопомощи

Юмор может быть ноотехникой психологической самопомощи, поскольку вскрывает дилеммы и противоречия Бытия. А жизнь современного человека полна противоречий. Ему хочется спокойствия, а его все время беспокоят. Хочется карьеры, а его не повышают в должности. Хочется самовыражения, а не понимают. Хочется любви, а отвергают. А иногда человек и сам не знает, чего он хочет на самом деле. Внутренний мир также полон противоречий. Противоречие «хочу и могу», «хочу и должен» давно известны в психологии. Как известны и конфликты мыслей и чувств, долга и свободы, свободы и ответственности, любви и ненависти и другие. Психологи могут помочь разобраться в противоречивости внутреннего мира. Но иногда к психологу идти не хочется. А иногда душевная боль от собственной противоречивости так сильна, что ее нужно снять прямо сейчас, а не завтра у психолога. Для человека очень важно научиться психологической самопомощи. Можно начать с юморотерапии по отношению к самому себе. Как уже говорилось, первым роль юмора как средства психотерапии осознал Виктор Франкл. Свой

метод В.Франкл назвал методом «парадоксальной интенции». Основан он на том, что психотерапевт или сам клиент формулирует парадоксальную установку, которая изменяет не только предыдущие и привычные установки, но и меняет принципы функционирования психики и организма. Так, согласно В.Франклу, нужно давать себе установку действовать как бы наоборот своим желаниям. Так, тревожный человек может сказать себе: «Сейчас я сам себе покажу как я могу тревожиться и беспокоиться» и тревога его уменьшится, человек с навязчивыми мыслями, который мучается от них, может сказать себе: «сейчас я додумаю эту навязчивую мысль до конца» и чувство навязчивости сменится на рефлексию переживаний и проблем и т.п. Возможно это за счет овладения парадоксом, противоречием. И в этом методе «парадоксальной интенции» нет манипуляции психотерапевта клиентом. В. Франкл считал необходимым прежде, чем применить этот метод, объяснить его клиенту. И этим научить его самопомощи посредством юмора.

Оказать себе самопомощь юмором можно и с использованием известных житейских правил «Посмотри на себя со стороны» и «Будь выше обстоятельств». Если приходится, что-то доказывать, а отказываются понимать, можно сказать себе «стоп! Посмотри на себя со стороны». И можно увидеть себя молотком, долбящим стену, или мечущим бисер перед свиньями, а то и смешным непризнанным гением. Станет смешно. Даже если смех будет не внешним, а только внутренним, изменится тон речи, настроение и отношение к происходящему. Появятся аргументы или альтернативы собственному мнению. А если приходится часто злиться, можно посмотреть на себя злого со стороны и показать самому себе перед реальным или воображаемым зеркалом, каким страшно злым можно быть. Надо изображать из-себя злого, пока злость не улетучится. А если не улетучивается? Значит, недостаточно злились на себя за свою злость.

Правило «быть выше обстоятельств» еще более полезно. Известно, что в советские времена психологов часто «прорабатывали», унижали и человеческое достоинство. Не падали духом только те, у кого было чувство юмора по отношению к проработкам. Так, основатель русской традиции экзистенциальной психологии С.Л.Рубинштейн в своих воспоминаниях писал, что благодаря проработкам росла его творческая и жизненная сила. А в наше время известно высказывание «все, что не убивает, делает сильнее».

Если проблемы с настроением, можно поиграть с собой в игру «Рассмеши принцессу/принца», которым являетесь Вы сами. Если Вы – злой принц, смешите злого принца, если печальный – печального. А если настроение настолько непонятно, что и охарактеризовать его трудно, смешите непонятого принца.

Но некоторые могут сказать, что у них нет чувства юмора, а как ему научиться не знают. А между тем, чтобы выработать чувство юмора нужны очень простые способности, которые есть у всех:

1. Наблюдательность (выделить главное, найти то, с чем его сравнить)

2. Способность в уме играть представлениями и образами
3. Умение составить фразу так, чтобы в ней было выявлено противоречие
4. Умение найти обобщение, которое снимало бы противоречие

Многие конкретные способы создания смешного описаны в книге В.В. Билевича «Школа остроумия или как научиться шутить» (Билевич, 2008). На наш взгляд, для развития чувства юмора и для поднятия настроения себе и другим может быть полезным и умение рифмовать. Грусть – ну и пусть. Радость – в сладость. Злость – будет гость. Ну а рифма к слову «любовь» всем известна: «морковь». Рифмуя слова, можно овладеть юмором, противоречием, самим собой и сердцами других! А если не получается самому рифмовать, можно почитать юмористическую поэзию или серьезную поэзию, обращая особое внимание на те, произведения, в которых встречаются мысли о смехе и юморе. Юмор поэтов по отношению к самим себе может научить смотреть на себя со стороны, подниматься над жизненными обстоятельствами и преодолевать жизненные кризисы.

Примером преодоления кризиса середины жизни с помощью юмора выступает стихотворение «Перед зеркалом» Владислава Ходасевича, с предваряющим его эпиграфом из А.Данте «Земную жизнь пройдя до половины...». Это юмор высшего порядка, обращенный на самого себя, на свою судьбу в ее целостности, на близких людей, на экзистенциальный трагизм мира, на экзистенциалы своей жизни: одиночество, эмиграция, старение, самоидентичность, детерминизм. Это юмор человека, трансцендирующего самого себя, входящего в масштаб творчества Данте и Вергилия.

Я, я. я. что за дикое слово!

Неужели вон тот- это я?

Разве мама любила такого,

Желто-серого, полуседого

И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Останкине летом

Танцевавший на дачных балах,-

Это я, тот, кто каждым ответом

Желторотым внушает поэтам

Отвращение,злобу и страх?

Разве тот, кто в полночные споры

Всю мальчишесью вкладывал прыть,-
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

Впрочем, так и всегда на середине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины – к причине,
А глядишь – заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Виргилия нет за плечами, -
Только есть одиночество – в раме
Говорящего правду стекла.(Ходасевич, 1991, с 172-173).

Владислав Ходасевич не был счастлив, несмотря на способность с юмором относиться к самому себе и своей судьбе. Но благодаря тому, что он « на трагические разговоры научился молчать и шутить», он проделал юмористическое осознание своей жизни, и читая это стихотворение, мы можем лучше осознавать себя, даже если нам еще далеко до середины жизни или мы давно переступили порог середины. Каждый в той ли иной степени переживает чувство одиночества, когда смотрит на себя в зеркало, которым являются для него другие люди, с которыми он сравнивает самого себя. И это одиночество психологического зеркала человека в других людях, помогает осознать и принять свой индивидуальный способ Бытия в мире, помогает развить свою личность до того, чтобы в жизнедеятельности творчестве была воплощена родовая сущность человека, суть которой – развитие. А юмор помогает развиваться, вопреки всему.

Пример развития межличностных отношений посредством юмора содержится в известном стихотворении Осипа Мандельштама:

Мне жалко, что сейчас зима
И комаров не слышно вдоме,

Но ты напомнила сам
О легкомысленной соломе.

Стрекозы вьются в синеве,
И ласточкой кружится мода:
Корзиночка на голове
Или напыщенная ода?

Советовать я не берусь,
и бесполезны отговорки,
но взбитых сливок вечен вкус
и запах апельсиновой корки.

Ты все толкуешь наобум,
От этого ничуть не хуже,
Что даелать, самый нежный ум
Весь помещается снаружи.

И ты пытаешься желток
Взбивать рассерженною ложкой,
Он побелел, он изнемог,
И все-таки еще немножко.

И, право, не твоя вина,
Зачем оценки и изнанки?
Ты как нарочно создана
Для комедийной перебранки.

В тебе все дразнит, все поет,
Как итальянская рулада.
И маленький вишневый рот
Сухого просит винограда.

Так не страйся быть умней,
В тебе все прихоть, все минута.

И тень от шапочки твоей

Венецианская баута.(Мандельштам, 1990, с.135)

Стихотворение отражает стиль прояснения отношений в благополучных и жизнерадостных семьях – «комедийная перебранка», в которой сохраняется принятие личности другого, понимание его и своих недостатков, чувственная жизнерадостность быта счастливых людей. И у тех, кто стремится к развитию отношений, комедийные бытовые конфликты, ведут не к разводам, а к укреплению межличностного понимания и к творчеству – в стихотворении как у Мандельштама или в теплых маленьких презентях серьезных добрых слов теми, кто не решается писать и дарить стихи.

Понимание юмора в искусстве как ноотехника профилактики кризисов развития

В названии этого пункта мы говорим не о юмористическом творчестве, потому что, наш взгляд, для современного человека важнее развивать в себе не способности самовыражения, а способности понимания, только на основе которых и возможно далее подлинное творческое самовыражение. И говорим не о восприятии юмора, которое часто осуществляется как реактивная деятельность, а о понимании, для которого нужна активность личности. Даже более того, мы считаем, что то, что в психологии искусства называется «деятельностью по восприятию искусства» чаще всего подразумевает «деятельность по пониманию искусства». Термин «восприятие искусства» предполагает разные уровни эстетической компетентности и может осуществляться по-разному. В психологии существует множество типологий установок на искусство. Многие из них приведены в учебном пособии «Введение в психологию искусства» Д.А.Леонтьева. Наиболее же компактной является типология установок на искусство И.С.Левшиной, которая выделяет следующие установки: 1) «правдоподобие», при котором ценится только жизненная достоверность, 2) «морализирование», при котором искусство ценится только, если в нем есть идеал, 3) «развлекательность», при котором ценится создаваемое искусством настроение, 4) «эстетическая ориентация», где ценится целостность, сопряжение деталей, идейно-нравственный смысл, понимание авторского замысла. (типология приводится по Леонтьев Д.А., 1998, с. 67-68). От наличной установки к искусству зависит тип восприятия юмора в искусстве. Так, «правдоподобники» могут увидеть смешное только в том, что все - вымышлено автором, придумано, нафантазировано, не

соответствует действительности, «морализаторы» могут увидеть смешное в отклонении от их идеала, «развлекающиеся» в «приколах» и игре, а «эстетически ориентированные» найдут глубинный смысл юмора. И только в этом случае можно говорить не просто о восприятии юмора, а о его понимании. Что же должен понять реципиент искусства, чтобы мы могли считать, что он действительно понял юмор? В соответствии с нашими взглядами на природу юмора, изложенную нами в главе 2, в основе понимания юмора лежит понимание диалектического противоречия, которое снимается юмором. В юмористических произведениях противоречие и его снятие закладывается в структуру произведения автором. И понимание реципиентом противоречия художественном произведении – это и есть понимание авторского юмора, авторского замысла, авторского образа мира, ведущее к обогащению и дифференциации своего понимания жизни и понимания других людей.

Для осуществления деятельности понимания часто надо сделать то, что М.Мамардашвили называл «усилие», а К. Домбровски «труд Бытия». Надо признать, что это усилие часто переводит восприятие искусства от уровня чувственного переживания на уровень рефлексии, и этим делает влияние искусства ноогенным. Ноотехника всегда влияет через рефлексию, рефлексию Бытия. Искусство как ноотехника приближает художественный образ мира к житейскому, бытийному и служит обогащению и развитию системы мировоззрения. На самом верхнем уровне системы мировоззрения находится экзистенциально-ценностный ее уровень, который и задает развитие. Понимание противоречий экзистенциально-ценностного уровня Бытия, их снятие в инсайте понимания, часто выражающемся в метафоре Бытия, вызывается чувством юмора и вызывает чувство юмора.

Оставляя полный анализ юмора в искусстве искусствоведам и специалистам по психологии искусства, приведем несколько примеров юмористического экзистенциально-ценностного противоречия в творчестве Г.Газданова и А.Чехова. Отметим, что авторской меткой того, что в этих произведениях позволительно видеть юмор, являются авторские слова-маркеры «улыбка», «смех» и т.п. Они же предполагают не бездумный смех над произведением, а юмор, опосредованный его саморефлексией.

Так, почти в конце рассказа «Нищий» Г.Газданова (Газданов)мы видим его героя Густава Вердые беззвучно смеющимся в метро. Над чем же он так смеялся? Над тем, что как сазано в начале произведения в выборе богатства, бедности и бунта, выбрал бунт. Но бунт не борьбы с богатыми, к которым сам когда-то принадлежал, а бунт в виде того, что сейчас называется «дауншифтингом» - осознанным отказом от карьерного роста и выбором того способа существования, который приносит ощущение свободы и личностного самоудовлетворения. Герой Г.Газданова выбрал крайнее выражение дауншифтинга – нищенствование, в этом его бунт, и над этим он беззвучно смеялся. В бунте дауншифтинга много юмора по отношению к ценностям мира, нацеленного на материальное преуспевание.

В другом рассказе Г.Газданова «Черные лебеди», мы часто видим его героя Павлова улыбающимся. Автор описывает улыбку как обидную и холодную, как улыбку превосходства. Чему же его герой без имени Павлов так улыбался? Газданов отвечает словами своего героя: «жизнь тяжела и неинтересна», но при этом описывает единственный интерес Павлова к очень редкой породе лебедей – черным лебедям, живущим в Австралии, в которую он мечтал уехать. А в результате оказывается, что Павлов под метафорой «уехать в Австралию к черным лебедям» имел в виду закончить самоубийством. Он мог уехать, но он выбрал уйти из жизни. И его улыбка превосходства – это улыбка над тем, что все в жизни тщетно, даже мечта о черных лебедях. К осознанному самоубийству привело не только понимание неинтересности и тщетности жизни, но и то, что клиницисты определили бы как «улыбающаяся депрессия» в мироощущении героя. На наш взгляд, ее основным признаком – умение показывать противоречия (при чтении рассказа Газданова в жизни героя можно отметить множество противоречий и противоречивых высказываний о жизни), но нежелание интегрировать их в жизнь. Это и определяет то, что как отмечалось нами в 4 главе, все виды «смеховых депрессий» часто ведет к суициду. Неспособность интегрировать противоречие – это улыбка над жизнью без подлинного юмора, осуществляющего синтез ценности жизни в мировоззрение.

В целом можно сказать, что юмор Г.Газданова вскрывает противоречивость существования современного человека в его бытийно-ценностном измерении и общим легким литературным стилем, создающим эмоциональный тон произведений, задает возможность обогащения внутреннего мира читателя фактами негативными, но понимающим позитивным отношением к жизни во всех ее проявлениях.

Юмор А.Чехова более вскрывает повседневные коллизии, чем предельно экзистенциальные, но в этом еще больше бытийного смысла. Так, «угловатая улыбка» дамы с собачкой вскрывает противоречие ее слов «хотелось пожить» и слов случайного человека, обращенных к ее любовнику: «осетрина –то с душком». Противоречие снимается ее чувством любви, принимающим несовершенство мира и любовных отношений, особенно выраженным в конце рассказа тем, что автор фиксирует неизвестность финала отношений. Герой рассказа А.Чехова «Лошадиная фамилия» в конце рассказа «дико улыбнулся», когда вспомнил забытую фамилию, ассоциирующуюся с лошадью, благодаря вопросу о том, нет ли овса. Дикая улыбка – это юмор по отношению к своей смысловой памяти, которой он не овладел в полной мере, чтобы без подсказок вспомнить нужное.

Противоречие позитивности смысловой памяти и необходимости подсказок при ней – это юмор по отношению к склеротикам, необладающим достаточной креативностью, чтобы самим себе создавать подсказки вспоминания, и юмор рефлексии необходимости развития такой креативности, которая способна компенсировать дефекты памяти.

Примеры рефлексивного юмора можно легко найти не только в произведениях тех жанров, которые традиционно считаются юмористическими, но и в тех, которые считаются серьезными. И этот серьезный юмор еще более современен, чем юмор смеховой.

Хотя мы рассмотрели пути понимания юмора в художественной литературе только на экзистенциально-ценностном уровне, понимание юмора в искусстве зависит от понимания целого произведения и сопряжения его структуры, то есть от общей эстетической компетентности читателя. Психологи же собирают и создают юмористические тексты, в которых понимание юмора облегчено заложенной в текстах их психотехнической структурой. Наиболее известными примерами психотехнических юмористических текстов, созданных психологами, являются книги гештальтпсихолога Л.Равича и сборники притч одного из основателей позитивной психотерапии Н.Пезешкиана. Л.Равич в своей книге «Юмор как психотерапия», смешивая читателя, рефлексивизирует функции юмора, среди которых понимание относительности, трансформация проблем в возможности, трансформация сценариев в свободный выбор и другие (Равич, 2014). Если искать общее экзистенциальное противоречие, на котором основан юмор Л.Равича, то его можно найти в его метафоре «из лимонов делают лимонад». В нем сконцентрировано противоречие между общей трагичностью жизни и оптимистическим мировоззрением многих людей, которое разрешается пониманием того, что человек может научиться жить «играя с болью», то есть научиться тому, что в позитивной психологии М.Салигмана называется «выученный оптимизм». Н.Пезешкиан собрал множество восточных притч и библейских историй с целью создания «пособия» по психологической самопомощи посредством юмора (Пезешкиан, 1992). Юмор этих историй разнообразен по содержанию и структуре, каждый может найти созвучное себе, своей жизненной ситуации и мировоззрению. Общее в них – через иносказательное описание проблем и противоречий жизни снятие противоречия в экзистенциальной метафоре, за счет чего осуществляется самопонимание своей личности и жизненных коллизий.

Юмор может служить и цели постановки или заострения проблемы в художественной форме. Так, среди психологов современности чрезвычайно популярны «однопсишья» - одностишишья, традиция создания которых заложена Д.А.Леонтьевым. Например: «Куда ни глянешь – всюду архетипы...», «Опять рябит от собственных проекций...», «Как ты нехоти со своим инсайтом...» (Психология в юморе, 2009, с.101). В этих однопсишьях очевидна их художественная незавершенность, используемая как художественный прием их автором. Это близко тому, о чем в главе 5 на основе мыслей Ж.Делеза характеризовалось нами как юмористическое подвешивание смыслов. Художественная незавершенность одностиший вызывает, по крайней мере в нашем сознании, потребность в их продолжении, формировании собственного контекста проблемы, и некоторого рифмования. Вышеприведенные однопсишья мы продолжаем следующим образом: «Куда ни глянешь – всюду архетипы....», но ведь не они определяют

типы, «Опять рябит от собственных проекций...», когда объелся интроекций, «Как ты некстати со своим инсайтом...», когда студенты все сидят на сайтах. Для полноценного восприятия однопсиий нужно основательное знание психологии в сочетании с эстетическим вкусом, а их рифмованное дополнение развивает и мировоззрение и художественную компетентность. Нужно сказать, что прием юмористического подвешивания смыслов характеризует современный этап культуры, имеет корни в множественности и вариативности смыслов ноосферы, сферы идеального, но не является магистральным ни для культуры, ни для персоногенеза. Человек просто обязан в множественность и относительность смыслов ноосферы вносить определенность и смысловую однозначность. Если для развития ноосферы важна смысловая многозначность, то для социосферы, а именно для диалогического взаимопонимания людей важна определенность, а не размытость смыслов. Такая юмористическая смысловая определенность есть в классических афоризмах, в которых заложено и экзистенциальное противоречие. Приведем примеры наших любимых афоризмов, рефлексирующих юмор. Генрих Белль высказался о юморе так: «Чувство юмора предполагает наличие некоего минимального оптимизма и печали одновременно» (Энциклопедия афоризмов, 2000, с.609), в этом высказывании как раз и заложено понимание противоречивости мировоззрения и снятия противоречия в юморе. А Лидия Гинзбург охарактеризовала юмор следующим образом: «Юмор – это пространство между словом и словом, между словом и вещью и заполняемое произвольно» (там же). Здесь отмечается противоречивость вербального и вещного мира и акцентируется произвольность разрешения противоречия человеком. Для нас это обозначает прежде всего свободу возможностей развития юмора в психологии отдельного человека и то, что это человек определяет и решает каким будет его юмор и даже то, как будет развиваться юмор в совокупной культуре человечества.

Однозначно одно, что юмор в современном мире действует не через бессознательное, а через рефлексию и сознание, и этим через знание, то есть является ноогенным средством влияния человека на самого себя, других и на культуру, препятствуя опусканию на низшие уровни существования и служа стимулом к развитию.

Заключение по главе 8.

Логика исследования юмора в русле культурно-исторической психологии приводит к необходимости выделения в ее рамках эволюционно-деятельностного подхода. Его системообразующей категорией является категория развития, предметом являются психологические механизмы развития, а методом – анализ деятельности. В рамках эволюционно-деятельностного подхода юмор выступает как ноотехника личностного развития и психологической самопомощи. Ноотехника есть специально

организованная деятельность по использованию знания как средства развития личности.

Выводы:

Культурно-исторический подход позволяет объяснить и интегрировать разнообразные представления о психологических проявлениях юмора, а также подойти к пониманию необходимости эволюционно-деятельностного подхода для дальнейшего продвижения знания о юморе, принципах трансформации и взаимопереходов отражения и деятельности, принципах трансформации и взаимопереходов психических структур и функций, трансформации и взаимопереходах уровней и видов развития человека, а также общих закономерностей и методов развития регуляции отражения и деятельности.

С точки зрения культурно-исторического подхода, способность человека к юмору развивается в истории в соответствии с закономерностями развития высших психических функций, а в актуалгенезе проявляется как психологическое орудие личностной регуляции, что может быть использовано в психологической практике по реабилитации патологии развития и личностному развитию. При этом наиболее перспективным является исследование юмора в контексте проблемы умственных способностей как способа овладения способами умственной деятельности, а также как средства регуляции социальных процессов в контексте проблем группообразования, огруппения и отгруппления мышления, а также регуляции социальных и индивидуальных настроений и развития национальной идентификации.

Исследования юмора являются своего рода «интеллектуальной площадкой» для верификации различных психологических теорий, так как позволяют уточнять и развивать содержание и методологию различных психологических подходов, и этим приближаться к более объемному научному представлению о психологической реальности в целом. В русле развития культурно-исторического подхода исследования юмора позволили приблизиться к более полному пониманию эволюции психического отражения, деятельности и личностной регуляции в истории человека, позволили выделить наиболее актуальные методологические проблемы общей психологии, такие как проблемы «структура-функция», «уровень-вид», «система-модель», взаимодополнительность таких типов психического как эмоциональное-интеллектуальное, когнитивное-деятельностное, реактивное - активное, причинное – целевое, а также создать объяснительную модель личностной регуляции Бытия, которая углубляет представление о человеке как человеке развивающемся.

Тенденцией Бытия современного человека является переход от причинной детерминации развития (средовой и мотивационной) к целевой детерминации развития (смысловой и сознательной).

Предлагаемая нами объяснительная схема уровневого строения Бытия, разворачивающегося через напластование стадий эволюции в уровни Бытия от биологического к социальному, идеальному и личностному, позволяет качественно анализировать феномены юмора, настроения и влияния, национальной идентичности и может быть приложима для психологического и философского анализа и других феноменов Бытия человека, таких как одиночество, любовь, свобода, а также и других.

Предлагаемые нами объяснительные принципы развития системы через феномен межуровневости регуляции, осуществляемый взаимодействием доминанты и субдоминанты, позволяют углубить представления о общих принципах развития систем, а в практической психологии использовать в разработке психотехнических и ноотехнических методов развития и саморазвития личности.

Выделение внутри культурно-исторической парадигмы психологии эволюционно-деятельностного подхода позволяет в качестве приоритетных исследовать проблемы психологических механизмов развития и эволюции, критериев оценки эволюционирования психики, направления эволюции человека в его существовании по направлению к обретению и реализации родовой сущности человека, эволюционного смысла психической патологии и ее позитивизации, а также создавать ноотехники развития личности, которыми являются юмор, научное знание и искусство.

Анализ юмора в контексте проблемы развития подводит к необходимости разработки психологии развивающегося человека и средств развития психики и личности.

Литература:

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991.-299 с.
2. Августин Аврелий. Исповедь. Книга 10 // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 1989. - С. 144–182.
3. Аккерман С. Психодрама, ориентированная на группу // Московский психотерапевтический журнал. -1993. - №4 (6).- С. 35–42.
4. Алексеев К.И. Психология в трех измерениях.// Психологический журнал, 2001, том 22, № 6, - с.104-106.
5. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. - СПб.: Речь, 2003. – 368 с.

6. Аминова, А.Р. Трансцендирование как системообразующий элемент духовной деятельности: дис. канд. филос. наук / Аминова А.Р. – Уфа, 2006. – 140 с.
7. Андреев М.Л. Классическая европейская комедия: структура и формы. – М.: РГГУ, 2011 – 234 с.
8. Анри М. Значение понятия бессознательного для познания человека // Бессознательное. Т.1. Многообразие видения. – Аг-во «Сагуна», Новочеркасск, 1994. – 224 с.
9. Анталогія беларускай паэзіі. Т.1. – Мн., 1961.
10. Анцыферова Л.И. Принцип развития в психологии. – М.: Наука, 1978
11. Арбитайло, А. М. Этнические предубеждения и возможности юмора для их преодоления: Автореф. дис .канд. психол. наук /Арбитайло Анна Михайловна. – М., 2008. – 29с.
12. Аристотель. Об искусстве поэзии // Античная литература. Греция. Антология. Ч.2. – М., Высшая школа, 1989. – С.348-364.
13. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Мн.: Литература, 1998.–1392 с.
14. Асмолов А.Г. Психология личности. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 336 с.
15. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа - М.: Смысл, 2001 // Электронная версия: www.fdp.hse.ru/data/082/535/135/psix-lich.doc
16. Асмолов А.Г., Ковальчук М.А., Яглом М.А. Об иерархической структуре установки // Новое в психологии. - Вып. 1. – М., 1975. – С.10-24.
17. Батра Р, Майерс Д., Аакер Д. Рекламный менеджмент. – М., Спб. Вильямс, 1999 – 784 с.
18. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Худ.лит., 1972
19. Бахтин М.М. Работы 20-х годов. – Киев, 1994 – 384 с.
20. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Худ. лит., 1990. – 543 с.
21. Беларуская літаратура 19 стагодзя. – Мн.: Вышш.шк., 1988.
22. Беленькая Л.И. Социально-психологическая типология читателей детского возраста: тип читателя, переходный от детского к подростковому // Социология и психология чтения. Т.15. – М.: Книга, 1979. – С.102–121.
23. Белявский, И.Г. Теоретико-методологические основы психолого-исторического исследования: Дис. доктора психол. наук. – Ростов н/Д, 1985.
24. Бергсон А. Смех. – М.: Искусство, 1992.- 127 с.

25. Бергсон А. Творческая эволюция. — М., 2006 // Электронная версия www.koob.ru
26. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. – М.: Наука, 1990. – 498 с.
27. Бехтерев В.М. Объективная психология. - М.: Наука,1991.-480с.
28. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. - М.: Политиздат, 1990. – 413 с.
29. Билевич В.В. Школа остроумия или как научиться шутить. – М.: Вильямс, 2008. – 336 с.
30. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. - Воронеж: Модэк, 1995. – 640 с.
31. Боброва, Е.Ю. Развитие историко-психологического направления в отечественной и зарубежной психологии: дис. канд. психол. наук/ Боброва Е.Ю. – СПб., 1994. – 220 с.
32. Богоявленская Д.Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества.- РНД, 1983
33. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. – Самара: Издательский дом «Федоров», 2009. – 416 с.
34. Бондырева С.К. , Колесов Д.В., Колесов Д.Д. Настроение (психология и семантика) – М.: МПСИ, 2008. – 207 с.
35. Борев Ю.Б. История государства советского в преданиях и анекдотах. – М.: Рипол, 1995
36. Борев Ю.Б. Эстетика: учебник. – М.: Высш. шк., 2002. – 511 с.
37. Бороденко М.В. Два лица Януса–смеха. - Р/нД: Цветная печать, 1995а. – 86 с.
38. Бороденко, М.В. Комическое в системе установочной регуляции поведения: автореф. дис. канд. психол. наук / Бороденко Марина Владимировна.- М., 1995б. – 22 с.
39. Бородицки Л. Метафора и структурирование опыта: роль пространственных метафор в понимании времени // Когнитивная психология: история и современность. Хрестоматия. – М.: Ломоносов, 2011. – С. 139–145.
40. Бочаров В.А. Определение // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. – М.: Мысль, 2010 // Электронная версия: <http://iph.ras.ru/elib/2188.html>
41. Братусь Б.С. Аномалии личности. - М.: Мысль, 1988. - 301 с.
42. Братусь Б.С., Зейгарник Б.В. Очерки по психологии аномального развития личности - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 127
43. Брокгауз Ф.А. Ефрон И.А. Энциклопедический словарь // Электронная версия: www.infolib/info/sprav/brokgaus/5/5324.html

44. Бубер М. Я и Ты.- М.: Высш.шк., 1993 – 175 с.
45. Будагов Р.А. История слов в истории общества. М.: Просвещение, 1971. – 270 с.
46. Булахова Л.А. Современные аспекты ранней диагностики психических заболеваний у детей // Ранняя диагностика психических заболеваний. -Л.: Здоровье,1989. - С. 146–155.
47. Бурно М.Е. О целебности абсурда // Московский психотерапевтический журнал. -1993. №4 (6). - С.110–111.
48. Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением. – М.: Медицина, 1989. – 304 с.
49. Буровихина И.А. Леонтьев Д.А. , Осин Е.Н. Силы характера как ресурсы личности подростка: опыт применения опросника «Профиль личностных достоинств» // Психологическая диагностика. М., 2007, № 1. – с 107-127
50. Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека.– М.: Научный мир, 2004.– 440 с.
51. Василюк В.Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций.– М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
52. Василюк Ф. Е. Структура образа (К 90-летию со дня рождения А.Н. Леонтьева) // Вопросы психологии. – 1993. – №5 – С.15–19.
53. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. - М.: МГППУ, Смысл, 2003.- 240 с.
54. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). - М.:МГУ,1984
55. Введенская Л.А., Колесников Н.П. Этимология и ее виды. – Р.: изд РГУ, 1986 – 96 с.
56. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия.). – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
57. Вернадский В.И. Начало и вечность жизни.– М.: Сов.Россия, 1989. – 704 с.
58. Вилюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций. Тексты. 2-е изд. / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. - М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1993. – С. 3–38.
59. Волошин М.А. «Средоточье всех путей...»: Стихотворения и поэмы. Проза. Критика. Дневники. – М.: Моск. Рабочий, 1989. – 605 с.
60. Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6 т.Т.4 Детская психология.- М.:Педагогика,1984а.-432 с.

61. Выготский Л.С. Психология искусства.– М.: Искусство, 1986. – 573 с.
62. Выготский Л.С. Психология искусства.– М.:Искусство,1986.-573 с.
63. Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6. Научное наследство. - М.: Педагогика,1984б. – 400 с.
64. Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6 т. Т.1. – М.: Педагогика, 1982а. – 487 с.
65. Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6 т. Т.2 Проблемы общей психологии. – М.:Педагогика, 1982б. – 504 с.
66. Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6 т. Т.4 Детская психология.– М.: Педагогика, 1984а. – 432 с.
67. Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6 т. Т.5. Основы дефектологии. - М.: Педагогика,1983. - 368 с.
68. Газданов Гайто // электронный ресурс: www.lib.ru/PROZA/GAZDANOW/
69. Гайденок П. П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. — М.: Республика, 1997. — 495 с.
70. Гальперин С.В. Мое мировидение. – М.: изд Рос. Откр ун-та, 1992. – 208 с.
71. Гегель Г.В.Ф. Эстетика в 4-х т. Т.3. – М.: Искусство, 1971. – 624 с.
72. Гилберт К.Э., Кун Г. История эстетики. – Спб.: Алетейя, 2000. – 653 с.
73. Гладких Н.В. Катарсис смеха и плача // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Серия Гуманитарные науки (филология) – Томск, 1999, вып 6(15), С.88–92 // Электронная версия: www.krotov.ru
74. Гоббс Т. Избранные сочинения. – М.-Л., 1926.
75. Гоббс Т. Сочинения в 2-х т. Т.1. – М.: Мысль, 1989. – 622 с.
76. Грасиан Б. Карманный оракул. Критикон.– М.: Наука, 1984. – 632 с.
77. Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. – М.: Экопрос, 1993. – 544 с.
78. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. - М.: Политиздат, 1985. - 192 с.
79. Гусельцева М.С. Проблема изучения психики как междисциплинарного феномена: культурно-аналитический подход // Методология и история психологии. - 2009. - Вып. 1. - С. 166–179.
80. Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении: логико-психологические проблемы построения учебных предметов. – М.: Педагогика, 1972.- 424 с.
81. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4. – М.: Русский язык, 1980 – 683 с.

82. Данте Алигьери. Божественная комедия. Пер с итал. – Мн.: Мастацка литература, 1986. – 575 с.
83. Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных. – СПб.: Питер, 2001. – 384 с.
84. Дедов Н.П. Диагностирующая и регулирующая роль юмора в экстремальных условиях: дис. канд. психол. наук / Дедов Николай Петрович. – М., 2000. – 193 с.
85. Дейян А. Реклама. – М.: Прогресс, 1993, – 176 с.
86. Декарт Р. Избранные произведения. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 710 с.
87. Делез Ж. Венера в мехах. Представления Захер-Мазоха. Пер. с нем. и фр. – М.: Культура, 1992. – 380 с.
88. Делез Ж. Венера в мехах. Представления Захер-Мазоха. Пер. с нем. И фр. – М.: Культура, 1992.
89. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995. – 302 с.
90. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина — М.: Институт экспериментальной социологии, Спб.: Алетейя, 1998//www.koob.ru.
91. Дженис И. о группление мышления // Пайнс Э., Маслач к. Практикум по социальной психологии. – СПб: Питер, 2000 - с. 242 – 260
92. Дземидок Б. О комизме. – Варшава, 1967. – 223 с.
93. Диксон П. Управление маркетингом.- М.: Бином, 1998. – 560 с.
94. Дмитриев А.В. Социология политического юмора: Очерки. - М.: РОССПЭН, 1998. – 332 с.
95. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. – М.: Политиздат, 1978. - 272 с.
96. Домбровская И.С. Индивидуальный стиль развития личности // Индивидуальность в современном мире. Материалы международной научно-практической конференции в 3-х частях. Часть 1. Издание Смоленского гуманитарного университета. Смоленск: тарст-имаком, 1995. – с.95-98
97. Домбровская И.С. К проблеме конкуренции в психологии.//Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития России в условиях преодоления глобального кризиса: материалы 2 межрегиональной научно-практической конференции, Москва, 11-13 ноября 2010 г.: книга 1. – М.: издательство московского университета, 2010.-144 с. – с. 58-60.
98. Домбровская И.С. К проблеме культурного стандарта юмора // Четвертая всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений / под ред. Д.А.Леонтьева. – М.: Смысл, 2010а. - С. 38–40.

99. Домбровская И.С. К проблеме психологического анализа культурогенеза юмора // Культурно-историческая психология. – 2010б - №3. - С.54-59.
100. Домбровская И.С. К проблеме эволюционного смысла психических болезней // Философские проблемы биологии и медицины: Выпуск 4: Фундаментальное и прикладное: сборник материалов 4-й ежегодной научно-практической конференции. - М.: изд-во «Принтберри», 2010в.- С. 174–177.
101. Домбровская И.С. Леонтьев Д.А. Юмор//Человек. Философско-энциклопедический словарь. - М.,2000.- 454-459 с.
102. Домбровская И.С. Метод незаконченных предложений в исследовании социальной экзистенции и возможности его применения при подборе персонала // Консалтинг: поиски жанра. –М.: Класс, 2004. - с. 159-190
103. Домбровская И.С. Ноогенез как психологический механизм познания творчества и юмора// 70-летие воссоздания философского факультета в структуре Московского Университета. Материалы юбилейных конференций. Философия и образование в процессе трансформации культуры, 14-15 декабря 2011. Философия и парадигмы современной науки, 15-16 декабря 2011. – М., 2011
104. Домбровская И.С. Проблема сущности и существования в психологии как отражение проблемы нормативного и дескриптивного в философии// «Философские проблемы биологии и медицины: нормативное и дескриптивное»: Выпуск 5. Сборник материалов 5-й ежегодной научно-практической конференции. –М.:изд-во «Принтберри», 2011-. С.245-247
105. Домбровская И.С. Тайна живого смеха.// Alter EGO. 1994. №2-3
106. Домбровская И.С. Теоретико-методологическое исследование феноменологии юмора // Теоретическая и экспериментальная психология. - 2010д. - №4. - С.31-43.
107. Домбровская И.С. Эстетическое восприятие текста как основной фактор формирования зрелых форм чувства юмора // Журнал Международного института чтения им. А.А.Леонтьева, 2010, №9 (Понимание в контексте науки, культуры, образования: Материалы 14-й научно-практической конференции по психологии и педагогике чтения, 14-16 января 2010 г.) / Ред.-сост. И.В. Усачева. – М.: НИЦ ИНЛОККС. 2010. - С. 32–33.
108. Домбровская И.С. Юмор в контексте психологической практики // Консультативная психология и психотерапия. -2011.- № 1.- С.95-108.
109. Домбровская И.С. Юморогенные слова в поэзии как психологическое орудие социализации юмора //Знак как психологическое средство: субъективная реальность культуры: материалы 12 международных чтений памяти Л.С. Выготского, Москва, 14-17 ноября 2011 г./Под ред. В.Т.Кудрявцева. РГГУ. М., 2011 . – сс..213-218

110. Домбровская И.С. Юродствование как стиль жизнетворчества // 1 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений. - М.: Смысл, 2001. - С. 22–24.
111. Домбровский К. Эти талантливые невротики... //Диалоги продолжаются: Полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки.- М.: Политиздат, 1989. - с. 159-164.
112. Дорфман Л.Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. - М.: Смысл, 1993.- 456 с.
113. Дорфман Л.Я. Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования.- М.: Смысл, 1997.- 424 с.
114. Дорфман Л.Я. Методологические основы эмпирической психологии. -М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2005. - 288 с.
115. Еремин А.Л. Ноогенез и теория интеллекта. - Краснодар: СевКуб, 2005. - 256 с.
116. Жабицкая Л.Г. Восприятие художественной литературы и личность. - Кишинев: Штиинца,1974.- 134 с.
117. Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики. - М.: Искусство, 1981. - 448 с.
118. Жаров С.Н. Трансцендентное в онтологических структурах философии и науки: дис. д-ра филос. наук / Жаров С.Н. - Воронеж, 2007 - 409 с.
119. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. - М: МПСИ, Воронеж: Модек, 2001. - 432
120. Зинченко В.П. Культурно-историческая психология: опыт амплификации // Вопросы психологии. - 1993. - №4. - С.5-19.
121. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. - 1991.- №6 - С. 117–130.
122. Зинченко В.П. Мысль, слово, образ, действие, аффект: общее начало и пути развития (от первичной интегральности к богатству душевной жизни) // Методология и история психологии. 2009. №1. - С. 87-112// www.psyjournals.ru
123. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. - М.:Тривола,1994. - 304 с.
124. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. - М.:Тривола,1994. - 304 с.
125. Зинченко В.П. Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. -2006. Вып. 1. - С. 207–231.
126. Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. - 448 с.

127. Иванова Е.М., Ениколопов С.Н. Психологические исследования чувства юмора // Вопросы психологии. - 2006. - №4. - С. 122-133.
128. Иванова Т.В. Остроумие и креативность // Вопросы психологии. - 2002.- №1.- С.77-87.
129. Иванова, Е.М. Нарушения чувства юмора при шизофрении и аффективных расстройствах: автореф. дис. канд. психол. наук / Иванова Елена Михайловна - М., 2007.- 24 с.
130. Иванова, Н.В. Особенности проявления юмора у подростков с отклонениями в развитии: автореф. дис. канд. психол. наук / Иванова Надежда Владимировна. – СПб., 2006.- 21 с.
131. Иванова, Т.В. Социально-перцептивная компетентность и ее развитие средствами рисованного юмора: автореф. дис. канд. психол. наук / Иванова Татьяна Вениаминовна. – Самара, 1999. – 25 с.
132. Изард К.Э. Психология эмоций, – СПб., 1999. – 464 с.
133. Ильенков Э.В. Диалектика идеального // Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991.– 464 с.
134. Ильин Е.П. Эмоции и чувства.– СПб: Питер, 2001.– 752 с.
135. Казинс Н. Анатомия болезни с точки зрения пациента.– М.: Физкультура и спорт, 1991. – 95 с.
136. Казинс Н. Анатомия болезни с точки зрения пациента.- М.: физкультура и спорт, 1991 – 95 с.
137. Канеман Д., Тверски А. О психологии прогнозирования // Практикум по социальной психологии. – СПб: Питер, 2000. – С.120–138.
138. Кант И. Сочинения в 6 т. Т.5. – М.: Мысль, 1966.-564 с.
139. Карвасарский Б.Д. Неврозы. 2-е изд.- М.: Наука,1990.- 576 с.
140. Карицкий И.Н. Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М.; Челябинск: Социум, 2002.- 258 с.
141. Кемпинский А. Психология шизофрении. – СПб.: Ювента, 1998. – 294 с.
142. Киркегор С. О понятии иронии // Логос. Философско-литературный журнал. – 1993.- № 4.- С.176-198.
143. Клочко В.Е. Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки // Методология и история психологии. -2007. -Вып. 1. - С. 5–19.
144. Козинцев А.Г. Человек и смех. – СПб.: Аллетейя. – 2007. -240 с.
145. Кольцова В.А. Теоретико-методологические основы истории психологии. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 414 с.

146. Копытин А.И. Юмор в искусстве и арт-терапии: феноменология, диагностика, защитно-адаптивные возможности [электронный ресурс]// Медицинская психология в России: электронный научный журнал. – 2012.– №4 (15). URL: <http://www.medpsy.ru> (28.08.2012)
147. Корнилова Т. В. Экспериментальная психология: Теория и методы: Учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2002.– 381 с.
148. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. - СПб.: Питер, 2006.- 320 с.
149. Кременецкая, А.В. Проявления чувства юмора у подростков: автореф. дис. канд. психол. наук / Кременецкая Анна Витальевна. – СПб., 2001. – 18 с.
150. Кропоткин П.А. Взаимопомощь среди животных и людей. – Мн.: БелЭн, 2006.-320 с.
151. Кудрявцев И.А. Психогенно-манифестирующая шизофрения и шизофреноподобные реактивные психозы // Ранняя диагностика психических заболеваний. - Л.: Здоровье. 1989. - С. 48–57.
152. Кузнецова Н.Ф. Творческие способности как одна из детерминант проявления юмора в разные возрастные периоды // Новые исследования в психологии. – 1990.– №2. – С. 52–55.
153. Кузнецова, Н.Ф. Психологические особенности проявления юмора у детей школьного возраста: автореф. дис. канд. психол. наук / Кузнецова Н.Ф. – М., 1989. – 20 с.
154. Кулагина Н.В. Символ и символическое сознание // Культурно-историческая психология. 2006. №1. – С. 3-10//www.psyjournals.ru
155. Куликов Л.В. Психология настроения личности: дис. док. психол. наук/ Куликов Леонид Васильевич – СПб, 1997 – 429 с.
156. Кучинский Г.М. Психология внутреннего диалога. – Мн.: Университетское, 1988. – 206 с.
157. Леонтьев А.А. Нереализованные идеи А.Н. Леонтьева//Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии.-М., 1999. – с.118-124
158. Леонтьев А.А. Смысл как психологическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком.–М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – С. 56–66.
159. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность.– М.: Политиздат, 1975.- 304 с.
160. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. - М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959.- 495 с.
161. Леонтьев А.Н. Философия психологии. Из научного наследия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 228 с.

162. Леонтьев Д. А. Становление саморегуляции как основа психологического развития: эволюционный аспект // Субъект и личность в психологии саморегуляции / под ред. В.И. Моросановой. М.: ПИ РАО; Ставрополь: СевКавГТУ, 2007. – С. 68-84.
163. Леонтьев Д.А. Аверина А.Ж. Феномен рефлексии в контексте проблемы саморегуляции [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N 2(16). URL: <http://psystudy.ru>
164. Леонтьев Д.А. Введение в психологию искусства.- М.: издательство Московского университета, 1998. – 111 с.
165. Леонтьев Д.А. Личностная зрелость как опосредствование личностного роста // Культурно-историческая психология развития / под ред. И.А.Петуховой. М.: Смысл, 2001.- С.154-161.
166. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, вып. 2 / под ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2006, с. 85-105.
167. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал как потенциал саморегуляции. // Личностный потенциал: структура и диагностика/ Под ред. Д. А. Леонтьева.- М.: Смысл, 2011б. – С. 107–130.
168. Леонтьев Д.А. Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. - 2010б. - том 5. - выпуск 3. – С. 120–140.
169. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. – М.: Смысл, 1992.
170. Леонтьев Д.А. Михайлова Н.А., Рассказова Е.И. Апробация методики незаконченных предложений Вашингтонского университета// Психологическая диагностика, - М., 2010, № 2. – с. 3-35.
171. Леонтьев Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному. //Личностный потенциал: структура и диагностика/ Под ред. Д. А. Леонтьева.- М.: Смысл, 2011в. – С. 12-41.
172. Леонтьев Д.А. Опыт методологического осмысления практик работы с личностью: фасилитация, ноотехника, жизнетворчество. // Консультативная психология и психотерапия. – 2012. - №4.
173. Леонтьев Д.А. От слова к реальности: возможности языка и онтологический статус сообщения // Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет / под ред. Л. Шипелевич. Варшава: Институт Русистики Варшавского университета, 2006. С. 41-48.
174. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. – М.: Смысл, 1993а.- 43 с.
175. Леонтьев Д.А. Поэтическое творчество: от литературного и культурного контекста к жизненному//Библиотечное дело, 2010, № 10 (124). – с.20-25

176. Леонтьев Д.А. Предисловие // Дорфман Л.Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. – М.: Смысл, 1993б. – С.8-11.
177. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 488 с.
178. Леонтьев Д.А. Рефлексия как предпосылка самодетерминации // Психология человека в современном мире. Том 2. Проблема сознания в трудах С.Л. Рубинштейна, Д.Н. Узнадзе, Л.С. Выготского. Проблема деятельности в отечественной психологии. Исследование мышления и познавательных процессов. Творчество, способности, одаренность (материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15-16 октября 2009 г.). / Отв. ред. А.Л. Журавлев и др. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009а. - С. 40–49.
179. Леонтьев Д.А. Философия жизни М.Мамардашвили и ее значение для психологии // Культурно-историческая психология. - 2011а - №1. – С.2-12.
180. Леонтьев Д.А. Человечность как проблема // Человек — наука — гуманизм: К 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова / Отв. ред. А.А. Гусейнов. - М.: Наука, 2009б. - С. 69–85.
181. Леонтьев Д.А. Чувство юмора // Psychologies.- 2007б. - №18.- С.44
182. Леонтьев Д.А. Юмор как экзистенциальный механизм самодетерминации зрелой личности. // Пятая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений / Под ред. Д.А.Леонтьева. – М.: Смысл, 2013
183. Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В. Комплексная гуманитарная экспертиза: Методология и смысл. – М.: Смысл, 2008. – 135 с.
184. Леонтьев Д.А., Салихова А.Ж. Взгляд на себя со стороны как предпосылка системной рефлексии // Материалы IV Всероссийского съезда РПО 18-21 сентября 2007 г.: В 3 тт. Т. 2. Москва; Ростов н/Д.: Кредо, 2007. – С. 237–238.
185. Леонтьев Д.А., Собкин В.С. Психология искусства и психологическая методология в ранних работах Л. С. Выготского // Вестник Моск. ун-та. - Сер. 14. Психология. - 1994. - №4. - С. 35-44.
186. Литература Древней Руси: Хрестоматия.- М., 1990.
187. Лихачев Д.С. Панченко А.Н.Понырко Л.В. Смех в Древней Руси. – Л.,1984
188. Лихачев Д.С., Панченко А.Н., Понырко Л.В. Смех в Древней Руси. – Л.: Наука, 1984.- 295 с.
189. Личко А.Е. Шизофрения у подростков. - Л.: Медицина,1989. - 216 с.
190. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»): пер. с нем. – М.: Прогресс, 1994. – 272 с.

191. Лосев А.Ф. Из ранних произведений. – М., 1990- 656 с.
192. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура.- М., 1991 – 525 с.
193. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Прогресс, 1992.- 272 с.
194. Лук А.Н. Эмоции и личность. – М.: Знание. 1982. – 175 с.
195. Лук А.Н. Юмор. Остроумие. Творчество. – М.: Искусство, 1977. – 184 с.
196. Лукьянов О.В., Чичкова Г.В. Экзистенциальная традиция – юмор под покровом ума // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. – 2004. - №1. – С. 72–103.
197. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. – М.: Лабиринт. 1994 -92 с.
198. Мандельштам О.Э. Сочинения . В 2-х т. Т.1. Стихотворения.- М.: Худож. Лит., 1990. – 638 с.
199. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. - СПб: Питер, 2005. – 336 с.
200. Мартин Р. Психология юмора. – СПб.: Питер, 2009. – 480 с.
201. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. - М.: Смысл, 1999. – 425 с.
202. Матизен В.Э. Стеб как феномен культуры //Искусство кино, 1993, №3
203. Мельник Н.М. Эволюционно-деятельностный подход к профессиональной подготовке выпускника ВУЗа в условиях инновационного развития экономики//Вектор науки ТГУ, №3(21), 2012. – с.244-249.
204. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. – М.: Педагогика, 1986. – 256 с.
205. Меткалф С., Фелибл Р. Юмор – путь к успеху. – СПб.: Питер, 1997
206. Минский М. Фреймы для представления знаний.- М.: Энергия, 1979
207. Миславский Ю.А. Саморегуляция и активность личности в юношеском возрасте.- М.: Педагогика, 1991.- 152 с.
208. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т.- М.: Сов. Энциклопедия, 1992. –Т.2.- 719 с.
209. Модина А.И. Развитие эмоций у детей раннего возраста. – М., 1971
210. Моисеев В.И. Логика открытого синтеза: в 2 томах. Том 1: Структура, природа, душа. – СПб.: Мир, 2010.
211. Моросанова, В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции произвольной активности человека: автореф. д-ра психол. наук / Моросанова Варвара Ильинична. – М., 1995.

212. Моховиков А.Н. Экзистенциальная боль: природа, диагностика, особенности психотерапевтической работы с клиентом// 1 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений. – М.: Смысл, 2001, - 74-77с
213. Мусийчук М.В. Психолого-педагогические проблемы юмора. – Мин –во образования РФ, Магнитогорский университет, 2004. – 143 с.
214. Мысливиченко А.Г. Природа, сущность и существование человека// Философия: Учебник для вузов / Под общ. ред. В. В. Миронова. — М.: Норма, 2005.
215. Мэй Р. Сила и невинность.- М.: Смысл, 2001.
216. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. Синергетика социального прогресса. Курс лекций. – М.: Книжник, 1995 – 168 с.
217. Ницше Ф. Дионисийское и аполлоновское начала в искусстве, – М., 1910.
218. Новиков В.И. Книга о пардии. – М.: Советский писатель, 1989. – 544 с.
219. Обухов С.Г. Психиатрия / Под ред. Ю.А. Александровского. - М.: ГЭОТАР-Медиа, 2007. – 352 с.
220. Овидий Назон // Великие мысли великих людей. Т.1. – М., 1998.
221. Оганесян Н.Т. Поэтическое творчество как средство регуляции эмоционально-смысловой сферы личности // Культурно-историческая психология. 2010. №3. – С. 46-53
222. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов. – 23 изд., М.. 1991 – 917 с.
223. Ольшанский Д.В. Психология масс. –СПб:Питер, 2002, - 368 с.
224. Осин Е. Н. Смыслоутрата как переживание отчуждения: структура и диагностика. Диссертация на соискание степени к. псих. Н. – М., 2007
225. Пезешкиан Н. Торговец и попугай. – М.: Прогресс, 1992. //электронная версия www.psyinst.ru/library.php
226. Петренко В.Ф. Основы психосемантики.- СПб, 2005 – 480 с.
227. Петренко В.Ф. Школа А.Н. Леонтьева в семантическом пространстве психологической мысли // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии.– М.: Смысл, 1999. – С.11-37.
228. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. - М.: Новый хронограф, 2010.- 440 с.
229. Петров И.Г. Фундаментальная социология и проблема идеального: значение как способ употребления нематериального идеального. Ломоносовские чтения 2003/www.lib.socio.msu/library
230. Петровский А.В. Введение в психологию. – М.: Академия, 1996 – 496 с.

231. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности.-М.:Горбунок. 1992
232. Пинский Л.И. Юмор // Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987. – С.521-522.
233. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид. – М.: Мысль, 1999 – 528 с.
234. Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий. – М.: Мысль, 1999 – 656 с.
235. Платонов К.К. Структура и развитие личности. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
236. Поддъяков А.Н. Психология конкуренции в обучении. – М.: ГУ ВШЭ, 2006
237. Попов Ю. Юмор // Философский энциклопедический словарь / под ред. Ф.В. Константинова. – М., 1962. – С.599.
238. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. Пер. с англ. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 384 с.
239. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. – М.: Искусство, 1976
240. Прохоров А.Н. Юмор // Энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – С.1562.
241. Психология в юморе с комментариями. – Мозырь: Содействие, 2009.-124 с.
242. Психология интегральной индивидуальности: Пермская школа.- М.: Смысл, 2011.-636 с.
243. Психология менеджмента.- Спб: СПбГУ, 1997
244. Пятницкая И.Н. Клиника и ранняя диагностика хронических интоксикаций снотворными и транквилизирующими средствами // Ранняя диагностика психических заболеваний. - Л.: Здоровье, 1989. - С. 146–155.
245. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. Пер. с фр. – М.: Эксмо-пресс, 2001. – 736 с.
246. Равич Л. Юмор как психотерапия: забавные случаи на пути к просветлению.- Ростов н/Д: Феникс, 2014.- 205 с.
247. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. – М.: Прогресс, 1979. – 392 с.
248. Розов А.Н. Переживание комического в свете некоторых более общих закономерностей психической деятельности // Вопросы психологии. - 1979. - № 2. - С.117-125.
249. Роменец В.А. Предмет и принципы историко-психологического исследования: Доклад д-ра психол. наук. – Киев, 1989. – 60 с.
250. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб: Питер, 2000.- 712 с.

251. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1989. – 328 с.
252. Рубинштейн С.Л.: очерки, воспоминания, материалы.-М.: Наука, 1989. – 440 с.
253. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. Изд. 2. М., «Педагогика», 1976 – 416 с.
254. Русская литература 20 века в зеркале пародии. Антология. – М.: Высш. Шк., 1993. – 478 с.
255. Русская поэзия 18 века.- М., 1972.
256. Русская поэзия конца 19 – начала 20 в. – М., 1979.
257. Русские поэты 19 века. Хрестоматия. изд. 3-е.- М.:, 1964.
258. Рюмина, М.Т. Эстетические проблемы комического: дис. канд. филос. наук / Рюмина Марина Теодоровна. - М., 1990. – 188 с.
259. Садовничий В.А. «Наука третьего тысячелетия» как метафора // Справочник для поступающих в Московский университет в 2002 году. – М.: МГУ, 2002. – С.5-10.
260. Садыкова Р.А. Особенности восприятия смешного детьми дошкольного возраста. Диссертация на соискание степени кандидата психолог. Наук. – Киев, 1971
261. Семенова Т.В. Социальная психология комического. – Самара: СГПУ, 2009. – 376 с.
262. Симонов П.В. Теория отражения и психофизиология эмоций. – М.: Наука, 1970. – 140 с.
263. Смирнов С.Д. Чем грозит психологии отсутствие общепринятого определения ее предмета? // Методология и история психологии. - 2006. Вып. 1. - С. 73–84.
264. Старовойтенко Е.Б. Потенциал слова в индивидуальной жизни // Мир психологии. 2008. №2. – С. 80-93//www.psyjournal.ru
265. Столович Л.Н. Анекдот и миф // Нева. - 2004. - №10. – С.193-198.
266. Столяр М. Советская смеховая культура.– К.: Стилос, 2011.–304 с.
267. Ташлыков В.А. Роль психологических отношений «врач–больной» в ранней диагностике неврозов // Ранняя диагностика психических заболеваний. - Л.: Здоровье, 1989. - С. 240–251.
268. Тейяр де Шарден П. Феномен человека.– М.: Прогресс, 1965. – 296 с.
269. Тематическая библия с комментариями/пер с англ. Коломийца.- Мн., 1999 .

270. Теория и методология психологической науки: Постнеклассическая перспектива / Отв. Ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2007.- 528 с.
271. Томэ Х. Перенос и взаимоотношения в психоаналитической терапии // Московский психотерапевтический журнал. - 1993. №4 (6). - С. 11–34.
272. Уваров М.С. Бинарный архетип. Эволюция идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры. – СПб.: изд-во БГТУ, 1996.- 214 с. // Электронная версия: www.philosophy.ru/library/uvarov/01/00.html
273. Ульянова, Ю.И. Индивидуально-психологические особенности чувства юмора в профессиональной деятельности социальных работников: автореф. дис. канд. психол. наук / Ульянова Юлия Ивановна. – М.. 2012. – 26 с.
274. Уманский К.Г. Невропатология для всех. Книга 2. – М.: Знание, 1989. – 192 с.
275. Умярова Р.С. Смехотерапия // Московский психотерапевтический журнал. - 2008. - №1. [Электронный ресурс]. URL: <http://psyjournals.ru/>
276. Ухтомский А.А. Доминанта души. Из гуманитарного наследия. - Рыбинское подворье, 2000 -608 с.
277. Ухтомский А.А. Избранные труды. – Л.: Наука, 1978. – 370 с.
278. Ухтомский А.А. Собрание сочинений. Т.2. – Л.: ЛГУ, 1951 – 180 с.
279. Федоров А. Классическая, неклассическая и постнеклассическая психология // Форум журнала «Методология и история психологии» . электронный ресурс mhp-journal.ru/forum/viewtopic.php
280. Философия и методология науки. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 551 с.
281. Философский словарь / Под ред.И.Т.Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1986. –590 с.
282. Флиер А.Я. Культурогенез. М., 1995. Электронная версия: sergg.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/266.htm
283. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. –М., 1990 -448 с.
284. Франк Л. Занимательная культурология. – М.: Русский мир, 1994.-72 с.
285. Франк С.Л. Сочинения.– М.: Издательство «Правда», 1990. – 608 с.
286. Франкл В. Воля к смыслу / Пер. с англ. — М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. — 368 с.
287. Франкл В. Человек в поисках смысла. Пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
288. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному // Фрейд З. Я и Оно. Труды разных лет. / пер с нем. - Тбилиси: Мерани, 1991. - С.175–406.

289. Фролов И.Т., Борзенков В.Г. Познание человека: комплексный подход и гуманистические (этико-правовые) регулятивы // Многомерный образ человека: комплексное междисциплинарное исследование человека. – М.: Наука, 2001.– С.5–16.
290. Фромм Э. Здоровое общество. — Москва: АСТ, Хранитель, 2006. — 544 с.
291. Фромм Э., Хирау Р. Предисловие к антологии «Природа человека» // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности.– М.: Прогресс, 1990. – С.146–168.
292. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук .– Спб, 1994
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_Slova/index.php
293. Хиллман Дж. Архетипическая психология. Перевод с английского Ю. Донца и В. Зеленского.— СПб.: Б.С.К., 1996 — 157 с.
294. Ходасевич В.Ф. Стихотворения. – М.: Мол. Гвардия, 1991. – 222 с.
295. Холодная М.А. Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. – М.: изд. «Институт психологии РАН». 2012. – 288с.
296. Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры. – Мн., 1959.
297. Цветкова Л.С. Мозг и интеллект: нарушение и восстановление интеллектуальной деятельности. - М.: Просвещение, 1995. - 304 с.
298. Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. – М.: Наука, 1972. – 472 с.
299. Чаплин Ч. О себе и своем творчестве. В 2-х т. – М.: Искусство, 1990–1991.
300. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Русский язык, 1994. т.2 – 560с.
301. Чернышевский Н.Г. Избранные эстетические произведения.– М.: Искусство, 1973. – 550с.
302. Шарден П. Феномен человека.- М.: "Прогресс", 1965.
303. Швырев В.С., Полторацкий А.Ф. Знак и деятельность. - М., 1970.
304. Шейнов В.П. Манипуляции и юмор. – Мн: Харвест, 2011. – 528 с.
305. Шейнов В.П. Психологическое влияние. – Минск: Харвест, 2013. – 800 с.
306. Шеллинг В. Философия искусства.– М.: Мысль, 1999. – 608 с.
307. Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. – М., 1971. – 223 с.
308. Шкуратов В.А. Историческая психология. – Ростов н/Д: Издательство «Город N», 1994. – 288с.
309. Шопенгауер А. Мир как воля и представление. – М., 1901.

310. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. – М., 1922
311. Штейн А.Л. Веселое искусство комедии. – М.: Юрид. Лит., 1990. – 336 с.
312. Щebetенко А.И. Межуровневые структуры интегральной индивидуальности. – М.: Смысл, 2007. – 240 с.
313. Эйдман Е.В. Развитие средств волевой регуляции деятельности//Вестн. Моск.ун-та. Сер.14, Психология.1986. №4
314. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.
315. Энциклопедия афоризмов (В мире мудрых мыслей). – М.: издательство АСТ, 2000.-672 с.
316. Эти странные австалийцы. – М.: Эгмонт Россия, 2000. – 72 с. – (Серия «Внимание: иностранцы»)
317. Эти странные американцы. – М.: Эгмонт Россия, 2001. – 72 с. – (Серия «Внимание: иностранцы»)
318. Эти странные англичане. – М.: Эгмонт Россия, 2001. – 72 с. – (Серия «Внимание: иностранцы»)
319. Эти странные греки. – М.: Эгмонт Россия, 2000. – 72 с. – (Серия «Внимание: иностранцы»)
320. Эти странные датчане. – М.: Эгмонт Россия, 2002. –80 с. – (Серия «Внимание: иностранцы»)
321. Эти странные израильтяне. – М.: Эгмонт Россия, 2002. – 80 с. – (Серия «Внимание: иностранцы»)
322. Эти странные испанцы. – М.: Эгмонт Россия, 1999. – 72 с. – (Серия «Внимание: иностранцы»)
323. Эти странные итальянцы. – М.: Эгмонт Россия, 1999. – 72 с. – (Серия «Внимание: иностранцы»)
324. Эти странные немцы. – М.: Эгмонт Россия, 2001. – 72 с. – (Серия «Внимание: иностранцы»)
325. Эти странные поляки. – М.: Эгмонт Россия, 2001. – 72 с. – (Серия «Внимание: иностранцы»)
326. Эти странные русские. – М.: Эгмонт Россия, 2002. – 96 с. – (Серия «Внимание: иностранцы»)
327. Эти странные французы. – М.: Эгмонт Россия, 2001. – 72 с. – (Серия «Внимание: иностранцы»)
328. Эти странные шведы. – М.: Эгмонт Россия, 2001. – 96 с. – (Серия «Внимание: иностранцы»)

329. Эти странные японцы. – М.: Эгмонт Россия, 2000. – 72 с. – (Серия «Внимание: иностранцы»)
330. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. – М.: Наука, 1978. – 391 с.
331. Юнг К.Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного. Пер. нем. – М.: Канон, 1994. – 320 с..
332. Юревич А.В. Психология и методология. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.- 312 с.
333. Яновская Л.В. Жизнеутверждающая роль юмора в логотерапии В.Франкла // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла). Материалы международной конференции (Москва, 19-21 мая 2005 г.) – М.: Смысл, 2005, с. 179–181.
334. Янчук В.А. Постмодернистский, социокультурный интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии // Методология и история психологии.- 2006.-Вып.1.- с.193-206.
1. Alden D., Hoyer W. An examination of cognitive factors related to humorousness in television advertising // Journal of advertising, 1993. Vol 22 (2). 29–37.
 2. Allport G. Osobowosc i religija. – Warszawa. 1988. – 228 p.
 3. Alport G. Psychology of personality. N-Y, 1937
 4. Askenasy J.J. The Functions and Dysfunctions of Laughter // Journal of General Psychology, 1987, 114 (4), 317–334 p.
 5. Baker R. Some reflections on humor in psychoanalysis // International Journal of Psychoanalysis. 1993. Vol 74 (5). P. 951–960.
 6. Barker K. The be PC or not to be? A social psychological inquiry into political correctness // Journal-of-Social-behavior-and-Personality? 1994? Vol 9(2) – p 271-281
 7. Berlyne, D. Laughter, humor, and play. In G. Lindzey & E. Aronson (Eds.), Handbook of social psychology, Vol. 3. 1969.- P.795-852
 8. Christie G. Some psychoanalytic aspects of humor // International Journal of Psychoanalysis. 1994. Vol 75 (3). P. 479–489.
 9. Dabrowski K. Trud istnienia. – Warszawa: Wiedza powszechna, 1975
 10. Dabrowski K. W poszukiwaniu zdrowia psychicznego. – Warszawa: PWN, 1989. – 216 s.
 11. Davies C. Undertaking the comparative study of humor // The primer of humor research / ed. by V. Raskin.– Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008. – P.157-182.

12. Deurzen-Smith, E. *Existential Counselling in Practice*. - Thousand Oaks: Sage, 1988.
13. Frankl V. *The doctor and the soul*. - N.Y. Vintage books, 1973
14. Goldstein J., McGhee P. *An annotated bibliography of published papers on humor in research literature and an analysis of trends: 1900-1971 // The psychology of humor*. New York and London. 1972. - P. 263-284.
15. Hornby A. S. *Humor*//Hornby A.S. *Oxford advanced learner's dictionary of current English*. - M. : Русский язык, Oxford University press, т.1, 1982.- P.417.
16. Keit-Spiegel P. *Early Conceptions of Humor: Varieties and Issues // The psychology of humor*. New York and London. 1972 - P. 3-39.
17. Koestler A. *The act of creation*. - Penguin books, 1990.- 752 p.
18. Lefcourt H. *Humor: The psychology of living buoyantly*. - N-Y: Kluwer Academic, 2001. - 208 p.
19. Martin R. *Approaches to the sense of humor: A historical review // The sense of humor: Exploration of a personality characteristic*.- Berlin-New York, 1998. - P. 15-62.
20. McGhee P.E. *On cognitive origins and early development of incongruity-based humor // The psychology of humor*. New York, 1972. - P.61-80.
21. McGhee, P. *Health, Healing, and the Amuse System: Humor as Survival Training*. Kendall/Hunt, 1999. Электронная версия: http://www.laughterremedy.com/laughter.dir/laughter_main.html#Anchor-Books
22. *National Styles of Humor*. Edited by A.Ziv/ Greenwoodpress NY-W-L, 1988
23. Nilson L.F. *Humor and creativity: humor and health // The creative child and adult quarterly*, 1991. V.16, №4.- P.245-249.
24. Obuchowski K. *Człowiek intencjonalny*. - Warszawa: PWN, 1993. - 204 s
25. Oleś P. K., Batory A., Buszek M., Chorąży K., Dras J., Jankowski T., Kalinowska I., Kubala D., Parzych J., Sadowski S., Sosnowska K., Talik W., Wróbel M. (2010) *Wewnętrzna aktywność dialogowa i jej psychologiczne korelaty*. *Czasopismo Psychologiczne*, 16, 113-127.
26. Peterson C., Seligman M. *Humor*//Peterson C., Seligman M. (eds.) *Character strengths and virtues*.- Oxford: Oxford University Press, 2004.- P. 583-598.
27. *Poezja polska. Antologia tysiąclecia.tom 1*.pod redakcja A.Nawruckiego. - wyd.IBIS. Warszawa 1998.
28. *Poezja polska. Antologia tysiąclecia.tom 2*.pod redakcja A.Nawruckiego. - wyd.IBIS. Warszawa 1998.
29. Radomska A. *Production and Response of Humor by Children at Pre-school Age // Polish Quarterly of Developmental Psychology* 1995, vol. 1, no.3. - P. 159-169.

30. Raskin V. Theory of humor and practice of humor research: Editor's notes and thoughts // The primer of humor research / ed. by V. Raskin.– Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008. – P.1–16.
31. Raskin, V. Semantic Mechanisms of Humor. – Dordrecht; Boston; Lancaster, 1985.-302 p.
32. Roedelein J. The psychology of Humor. A Reference Guide and Annotated bibliography. Greenwood Press. 2002. – 592 p.
33. Ruch W. Psychology of humor // The primer of humor research / ed.by V. Raskin. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008 , P. 17–100.
34. Stokenberga I. Humora loma stresa parvaresanas procesa. Promocijas darba korsavilkums.– Rīga 2010– 42 p.
35. The primer of humor research / ed.by V. Raskin. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008.- 680 p.
36. The psychology of humor. New York and London. 1972 – 294 p.
37. Tomaszewski T. Glowne idee wspolczesnej psychologii. – Warszawa, 1998. – 210 s.
38. Tomczuk-Wasilewska J. Psychologia humoru. Lublin: KUL, 2009 – 282 s.
39. Wilson A.S. Laugh! I thought I'd die (if I didn't). –New York: Ballantine books, 1991.

Приложение 1. Группы встреч «Развитие через юмор»

Современная жизнь требует все большей мобилизации личностного потенциала, чтобы адаптироваться и реализовываться в сложных и непредсказуемых условиях. Все большее значение имеют способности по развитию и саморазвитию сознания, личности, навыков общения, навыков анализа информации. Традиционные средства оказываются недостаточными, возникает необходимость в неклассических средствах развития. Одним из таких средств развития является юмор.

Предлагаемая программа опирается на современные психологические представления о культурно-историческом развитии чувства юмора (Рубинштейн С.Л., Леонтьев Д.А. и др.), а также на представления о том, что психологическая работа в формате «Групп встреч» наиболее способствует личностному развитию (Роджерс К. и др.).

Цель программы: содействие самопознанию и саморазвитию сознания и личности через анализ и стимуляцию чувства юмора.

Задачи:

1. Инициирование и развитие мотивации к самопознанию и саморазвитию

2. Анализ, рефлексия и развитие чувства юмора

3. Обучение методам использования юмора

Программа предусматривает проведение тематических семинаров с элементами тренинга, в результате которых участники должны приобрести навыки рефлексии и развития чувства юмора, освоить методы конструктивного использования юмора для развития сознания, личности и межличностных отношений.

Встреча 1. Саморазвитие через юмор

Ничто так не открывает сути человека, как его смех

(Л.Н.Толстой)

Семинар с элементами тренинга

Цель: стимуляция саморазвития через изучение и развитие способностей понимать и производить юмор.

Задачи:

1. изучение стратегий понимания юмора
2. изучение стратегий остроумия
3. развитие способности к пониманию юмора
4. развитие способности к остроумию

План:

1. доклад «Возможности юмора для познания и развития личности»
2. актуализация чувства юмора через обсуждение афоризмов и мыслей о юморе
3. упражнение «Объясни анекдот»
4. упражнение «Сделай анекдот»
5. завершающее обсуждение

1. доклад «Возможности юмора для познания и развития личности»

Что такое юмор? У каждого есть интуитивное понимание значения слово юмор и его сущности. Но важно соотносить свою интуицию с общепринятыми

определениями. Обратимся к словарю: «Юмор – «понимание комического, умение видеть и показывать смешное, снисходительно-насмешливое отношение к чему-либо. В искусстве юмор – изображение чего-либо в смешном, комическом виде» (Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка.). Юмор в искусстве рассматривается на уроках литературы на примерах творчества, например, Салтыкова-Щедрина, Гоголя и др. В искусстве он существует как особый юмористический образ действительности. Особого рода комический образ запечатлен в анекдотах, которые мы будем объяснять и придумывать в практической части семинара.

Вернемся к первому значению слова юмор по Ожегову: «умение видеть и показывать». То есть юмор как бы состоит из двух способностей: пассивной – видеть и активной – показывать. И люди различаются по склонности относиться ко всему с юмором (что часто значит философски) и по склонности к активному продуцированию шуток, острот, насмешки. Какая из этих склонностей более выражена у вас? В результате моего поискового исследования юмора выявлено, что 70% склонны к пассивному, воспринимающему, реципрокному юмору, а 30% к активному юмору и насмешке над окружающими. Какой вид юмора позитивнее? Вопрос сложный, поскольку первое – отношение и осмысленность, а второе творчество и активное общение. Но в языке сложилось выражение не просто «юмор», а «чувство юмора» – то есть мудрый язык как бы более поощряет воспринимающий характер юмора. И говорит о том, что не следует избыточно поощрять активность юмора в обыденности – только в творчестве и через творчество (афоризмов, беззлобных острот, добрых шуток).

Интересна этимология слова «юмор». Так, самое древнее значение слова в латинском – гумор – жидкость идет с античности. Современного значения слова юмор не было – а это значит, что не было и способности человека к юмору. Были только способность к смеху и способность к комическому действию и восприятию. Предпосылка способности к юмору возникла как способность к комическому восприятию, сопровождаемому смехом. К 17 веку в английском языке сформировалось значение слова юмор – нрав, настроение. И опять же это было особое подвижное, «жидкое» настроение вызываемое комическим образом и сопровождаемое смехом. К 18 веку сложилось современное значение слова юмор, обозначающее индивидуальную способность понимать и производить смешное, особое отношение к жизни (Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка).

Известный психолог, основатель психанализа, Зигмунд Фрейд полагал, что в шутках и остротах выходит бессознательное человека (его истинные желания и отношения – которыми по Фрейду являются сексуальность и агрессивность). Юмор по Фрейду выступает как защитный механизм психики, но в отличие от других защитных механизмов (сублимация, рационализация и др.), он не скрывает, а открывает содержание бессознательного (Фрейд, Остроумие и его отношение к бессознательному. – Тб., 1991). В

межличностных отношениях это позволяет устанавливать глубинный личностный контакт. За счет чего? Именно за счет того, что юмор затрагивает глубинный пласт личности, его бессознательное.

Не менее известный психолог гуманистической ориентации Гордон Олпорт считал, что чувство юмора – способность зрелой личности, обладающей жизненной философией (Олпорт Г. Личность. Н-Й, 1937). И выражает способность личности к самодистанцированию, взгляду на себя со стороны. Способность эта связана с рефлексией, способностью осознавать свои мысли, чувства, поведение.

С какими другими качествами личности связан юмор? По данным западных исследований положительные корреляции чувства юмора были установлены с такими чертами как экстраверсия, уверенность в себе, внутренний локус контроля, полнезависимость, стрессоустойчивость, оптимизм, а отрицательные корреляции – с уровнем тревожности личности. По нашим предварительным данным чувство юмора положительно коррелирует с уровнем социализированности личности, диалогичностью сознания, рефлексивностью и креативностью.

А согласно культурологическим исследованиям М.М.Бахтина, Д.С. Лихачева юмор и вся «смеховая культура» способствуют развитию общества. А раз юмор – средство развития общества, то его можно и целенаправленно использовать как средство развития личности. Научиться использовать юмор как средство саморазвития и есть задача нашего тренинга.

2. Афоризмы о юморе, остроумии, смехе

Предлагаю на обсуждение афоризмы, которые собраны В.П.Шейновым в книге «Тренинг остроумия. Тесты. Тосты.», вышедшей в Минске в 2010 году.

А. Остроумие – крестник творчества, друг обаяния, брат веселья, предтеча мудрости и создатель хорошего настроения (аноним)

Что имеется в виду под каждым родством? В каких ситуациях проявляется родство?

Б. Юмор – способность видеть три стороны одной медали (Н.Рорель)

В чем третья сторона? Возможна ли медаль без третьей стороны? В форме каких метафор можно еще сформулировать особый взгляд юмора на предмет?

Г. Из всего живого один лишь человек способен смеяться (Аристотель).

В чем отличие улыбки кота от улыбки человека? Над чем смеется обезьяна? (от удовольствия, но не над предметом). Есть ли чувство юмора у собаки раз она-друг человека? (только как эмоциональная связь)

Д. Остроумие – это отдушина для чувства враждебности, которое не может быть удовлетворено другим путем (З.Фрейд)

Кто смеется – тот, все прощает (В.Жуковский)

Почему противоположны эти высказывания? (юмор универсален) Что в них общего? (МЛО). Как превратить враждебность в юмор? Ради чего? (понимания и мира в идеале) Почему юмор иногда обижает?(отсутствие дистанции к предмету юмора)

Е. Характер человека никогда нельзя понять вернее, чем по той шутке, на которую он обижается (Г.Лихтенберг)

Над какими темами не принято шутить? (смерть, болезнь, беспомощность и др. какие)

Если на эти темы шутят, то какой может быть ответ? (оскорбление личности по законам или ответный юмор типа – «В здоровом теле-здоровый дух. На самом деле – одно из двух»)

Ж. Юмор – это правда в безопасных для жизни дозах (аноним)

Почему юмор – правда? Всегда ли юмор – правда? Чья правда? Почему с юмором можно высказать то, что не выскажешь прямо? (бессознательное творчество, взаимопонимание с самодистанцированием). Почему правду дозируют? Надо ли дозировать юмор?

3.Упражнение «Объясни анекдот»

1.индивидуальная работа

А. вспомнить анекдот, который нравится больше всего или тот, который чаще всего рассказываете или слышите. Написать его.

Б. написать свое понимание того, в чем юмор анекдота (15 мин.)

2. групповая работа

А. по очереди сказать, на какую тему анекдот – не пересказывать анекдоты, а кратко сформулировать темы

Общий список и частота тем?

Актуальны ли эти темы для вас, если их рассматривать на полном серьезе? Почему?

Б. в свободном порядке высказаться, какие вызывает описанный анекдот мысли или чувства

В. По очереди ответить на вопрос «Зачем люди рассказывают анекдоты?» (бессознательная разрядка напряжения, диагностика проблемы, поднятие настроения у себя или других и др.)

4.Упражнение «сделай анекдот»

А. Зачитываются начала описания ситуаций, которые нужно завершить так, чтобы получился анекдот. Может быть предложено несколько вариантов окончания анекдотической ситуации.

Окончания записываются под номерами.

Б. Окончания зачитываются и обсуждаются. Выбирается самый смешной вариант. Сравнивается с авторским.

В. Обсуждается, что делает анекдот анекдотом, что создает смешное (неожиданность, а также контраст образов и смыслов, смысл в бессмыслице, уяснение неочевидного и др.)

Ситуации для упражнений «Сделай анекдот»

(из Шейнов, В.П. Тренинг остроумия.-Мн., 2010)

1. Молодые люди приходят в ЗАГС расписываться. Регистратор спрашивает:

- А вы хорошо подготовились к столь важному жизненному шагу?
- конечно, - отвечает жених, - мы...

2. Молодой художник спрашивает известного критика:

- Что вы можете сказать о моей последней картине, выставленной в салоне?
- Техником живописи вы овладели неплохо
- И это все. Я вчера продал ее за 5 тысяч франков!
-

3. – Ты пойдешь завтра на похороны Янсона?

- С какой стати, ведь...

4. В отделение милиции звонит человек:

- Не можете ли вы прислать кого-нибудь на Тургеневскую 8? Жена тут очень бьет своего мужа, а это очень беспокоит соседей!
- Пришлем. А вы сосед?
-

5. – Мадам, вы, видимо, принимаете меня за дурака?

- Нет, но ...

6. Полисмен подходит к пьяному, который ходит вокруг бочки, держась за не рукой.

- Что вы делаете?
- Иду домой, мой дом...

7. – Куда ты спешишь, Парик?

- На выставку.

- ...

8. В телефонной трубке женский голос

- Алло, Живко, я хочу сказать тебе что-то интересное. У нас скоро будет ребенок.

- ...

9. Шеф – своему служащему:

- Это безобразие, Браун. Опять вы спите на работе. Для этого у вас есть время дома.

- Время – да. Но ведь...

10. – Если ты не будешь есть кашу, я позову Бабу Ягу.

- Мама, неужели ты думаешь, что....

Авторские ответы:

1....купили два ящика водки, двадцать бутылок вина, пять литров спирта

2.А вот это действительно искусство!

3. ...он на мои не пойдет.

4.Нет, я муж.

5...я могу и ошибаться.

6...после забора направо

7. Кому же интересно на тебя смотреть?

8.Чудесно! А кто это говорит?

9...дома нет такой сонной обстановки

10...Баба Яга будет есть эту кашу?

5.Завершающее обсуждение

Что вы приобрели в результате выполнения упражнений?

Что легче понимать и объяснять анекдоты или их придумывать, делать?

К какому типу людей вы относитесь: с философским использованием юмора для осмысления жизненных проблем или с социальным его применением как орудия воздействия на другого?

Резюмировать семинар можно словами А.П.Чехова « Серьезность человека, обладающего чувством юмора, в сто раз серьезнее серьезности серьезного человека».

Встреча 2. Юмор через поэзию

Семинар с элементами тренинга

Цель: развитие рефлексивности по отношению к юмору

Аудитория: от старшего школьного возраста

План

1. Разминка. Подобрать рифмы к словам
2. Упражнение – оценка качества юмора известных поэтов
3. Доклад «Критерии оценки качества юмора»
4. Упражнение – поиск в текстах юмористического противоречия
5. Заключение. Подобрать рифмы к словам с смысловым противоречием и его снятием.

Программа

1. Разминка. Подобрать рифмы к словам «юмор», «улыбка», «смех», «шут», «насмешка»
2. Упражнение – оценка качества юмора.

Участникам предлагается оценить по 5-балльной шкале стихотворения. Предлагается ориентироваться на значения оценочных слов «отлично», «хорошо», «удовлетворительно», «неудовлетворительно», «плохо»

Стихотворения распечатываются для каждого участника на отдельных листах, которые могут быть сложены и в буклет

Н.Гумилев. Индюк.

На утре памяти неверной
Я вспоминаю пестрый луг,
Где царствовал высокомерный
Мной обожаемый индюк.

Была в нем злоба и свобода,
Был клюв его, как пламя, ал,
И за мои четыре года
Меня он страстно презирал.

Ни шоколад, ни карамели,
Ни ананасная вода
Меня утешить не умели
В сознании моего стыда.

И вновь пришла беда большая,
И стыд, и горе детских лет:
Ты, обожаемая, злая –
Мне гордо отвечаешь: «Нет!»

Но все проходит в жизни зыбкой –
Пройдет любовь, пройдет тоска,
И вспомню я тебя с улыбкой,
Как вспоминаю индюка.

О.Мандельштам
Мне жалко, что сейчас зима
И комаров не слышно в доме,
Но ты напомнила сам
О легкомысленной соломе.

Стрекозы вьются в синеве,
И ласточкой кружится мода:
Корзиночка на голове
Или напыщенная ода?

Советовать я не берусь,
и бесполезны отговорки,
но взбитых сливок вечен вкус
и запах апельсиновой корки.

Ты все толкуешь наобум,
От этого ничуть не хуже,
Что даелать, самый нежный ум
Весь помещается снаружи.

И ты пытаешься желток
Взбивать рассерженною ложкой,
Он побелел, он изнемог,
И все-таки еще немножко.

И, право, не твоя вина,
Зачем оценки и изнанки?
Ты как нарочно создана
Для комедийной перебранки.

В тебе все дразнит, все поет,
Как итальянская рулада.
И маленький вишневый рот
Сухого просит винограда.

Так не стройся быть умней,
В тебе все прихоть, все минута.
И тень от шапочки твоей
Венецианская баута.

А.Ахматова . Надпись на книге.
М.Лозинскому

Почти от залетейской тени
В тот час, как рушатся миры,
Примите этот дар весенний
В ответ на лучшие дары,
Чтоб та, над временами года,
Несокрушима и верна,
Души высокая свобода,
Что дружбою наречена,-
Мне улыбнулась так же кротко,
Как тридцать лет тому назад...
И сада Летнего решетка,
И оснеженный Ленинград
Возникли, словно в книге этой
Из мглы магических зеркал,
И над задумчивою Летой
Тросник оживший зазвучал.

В.Набоков. Будущему читателю.

Ты, светлый житель будущих веков,
Ты, старины любитель, в день урочный
Откроешь антологию стихов,
Забытых незаслуженно, но прочно.

И будешь ты как шут одет на вкус
Моей эпохи фрачной и сюртучной.
Облокотись. Прислушайся. Как звучно
Былое время – раковина муз.

Шестнадцать строк, увенчанных овалом
С неясной фотографией.... Посмей

Побрезговать их слогом обветшалым,
Опрятностью и бедностью моей.

Я здесь с тобой. Укрыться ты не волен.
К тебе на грудь я прянул через мрак.
Вот холодок ты чувствуешь: сквозняк
Из прошлого: Прощай же. Я доволен.

В.Ходасевич. Перед зеркалом.
Земную жизнь дойдя до половины... Данте

Я,я.я. что за дикое слово!
Неужели вон тот- это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах,-
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение,злону и страх?

Разве тот, кто в полночны еспоры
Всю мальчишесью вкладывал прыть,-
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

Впрочем, так и всегда на середине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины – причине,

А глядишь – заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Виргилия нет за плечами, -
Тольк есть одиночество – в раме
Говорящего правду стекла.

М.Волошин.В цирке.
Андрею Белому

Клоун в огненном кольце.
Хохот мерзкий, как проказа.
И на гипсовом лице
Два горящих болью глаза.

Лязг оркестра, свист и стук.
Точно каждый озабочен
Заглушить позорный звук
Мокро хлещущих пощечин.

Как огонь подвижный круг.
Люди – звери, люди – гады,
Как стоглазый, злой паук,
Заплетают в кольца взгляды.

Все крикливо, все пестро...
Мне б хотелось вызвать снова
Образ бледного, больного,
Грациозного Пьеро.

В лунном свете с мандолиной
Он поет в своем окне
Песню страсти лебединой
Коломбине и луне.

Хохот мерзкий, как проказа:
Клоун в огненном кольце.
И на гипсовом лице
Два горящих болью глаза.

Обсуждение (отметить наличие в стихотворениях слов-маркеров юмора – «улыбка», «шут», «шутить», «комедия», «хохот». Каждый должен описать критерии, по которым он оценивал качество юмора. Оценки не оглашать. Что общее по смыслу в этих стихотворениях. Какие темы звучат. С какими свойствами человека связан юмор в этих стихах и в жизни по мнению участников).

3. Доклад «критерии оценки качества юмора»

Юмор может оцениваться по разным критериям. У каждого могут быть индивидуальные критерии оценки качества юмора в зависимости от общего мировоззрения. Среди американцев принято различать юмор добрый и злой по этическому критерию. Русский психолог Д.А.Леонтьев предлагает различать юмор гомеостаза и юмор трансценденции по критерию его эволюционного значения (Леонтьев Д.А. Юмор как экзистенциальный механизм самодетерминации зрелой личности. // Пятая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений / Под ред. Д.А.Леонтьева. – М.: Смысл, 2013). Я же сейчас предлагаю оценивать юмор по критерию воплощенности в юморе хронотопа по М.М.Бахтину. Хронотоп – это смысловые характеристики времени-пространства. У меня получилась следующая таблица оценок качества юмора по критерию наличного в нем хронотопа:

балл	стихотворение	Адресат юмора	хронотоп
отл	Ходасевич	Я сам	<p>Время – судьба</p> <p>Пространство – Москва-Париж</p> <p>Осмысление своей судьбы в ее историческом времени, юмористическое отношение к трагическим разговорам</p>
хор	Гумилев	Любимая женщина	<p>Время – жизнь до ее опред момента (отказа любить)</p> <p>Пространство – луг – неопределенное место расставания</p> <p>Осмысление своего отношения к другому человеку (любви) через юмористическую метафору</p>
уд	Мандельштам	Легкомысленная женщина	<p>Время – зима-лето</p> <p>Пространство – дом</p>

			Осмысление черты характера (легкомысленность). Юмор по отношению к типу отношений – комедийной перебранке
Неуд	Набоков	Воображаемый читатель	Время – историческое будущее Пространство – библиотека Осмысление нравов. Насмешка над бытом – одет как шут
плохо	Волошин	Абстрагированный друг	Время – цирковое выступление клоуна Пространство – жизнь как цирк Осмысление профессии клоуна Полное непонимание клоунады

Вопрос к участникам, в соответствии с этими критериями можно поставить оценку стихотворению Ахматовой? Обсуждение оценок и их критериев.

4. Упражнение. Подчеркнуть в стихотворениях смысловое противоречие (парадокс), который может вызвать чувство юмора.

Обсуждение

5. Заключение. Подобрать рифмы к словам из разминочного упражнения, так чтоб в них был парадокс, диалектическое противоречие и его снятие.

Встреча 3. Настроение через юмор

Тренинг саморегуляции настроения посредством юмора

Цель: обучение методам саморегуляции настроения посредством юмора

Аудитория: дети с нарушениями настроения, возможно и взрослые

План

1. Введение. О влиянии настроения на успешность деятельности и качество межличностных отношений
2. Упражнение. Анализ эмоциональных установок к предметам
3. Упражнения на развитие саморегуляции настроений посредством юмора
4. Заключение

Программа

1. Введение. Доклад. «Значение настроения».

Мы все знаем, что человеку свойственно иметь мысли и чувства. Мысли как правило достаточно хорошо представлены в сознании, оформлены словами и могут словами быть переданы другому человеку. Чувства осознаются хуже, но тем не менее практически у каждой мысли есть эмоциональная окраска. В общении между людьми часто имеет большее значение не то, что говорит другой человек, а то как он это говорит, с какими эмоциями. Не все умеют распознавать эмоции. Но психологи учат их распознавать и отличать друг от друга. Наиболее распространенные эмоции: радость, грусть, теплота, холодность, любовь, ненависть и др. Наиболее сложная эмоция – злоба, так как непонятно на что она направлена – на других, на весь мир, или на самого себя. Наиболее приятная – любовь, так как она свидетельствует, что человек принимает мир и самого себя. Эмоции вызываются объектами внешнего мира. Солнце вызывает, чаще всего радость, луна-грусть. Но в человеке есть некоторая предрасположенность относиться к объектам внешнего мира с теми или иными чувствами. Называется эта предрасположенность «настроение» - от слова «настрой, настроенность». Настроение – это и эмоциональная окраска жизнедеятельности и установка к внешнему миру. Есть выражение «нет настроения» - оно чаще всего означает, что человек подавлен и не хочет живо реагировать на события. Еще говорят о подавленном настроении, агрессивном настроении, неустойчивом настроении.

Людам с плохим настроением часто трудно жить. Поднять настроение могут друзья, общение с природой и искусством, хорошая шутка, анекдот, улыбка друга. Поднять самому себе настроение может и сам человек. Важно самому управлять своим настроением. И этому может помочь юмор.

Далее мы будем учиться относиться с юмором к своему неудачному настроению и превращать его в хорошее.

2. Упражнение. Какие чувства вызывает стул? Цель – анализ чувств.

Поставить пустой стул в центр круга и по кругу называть чувства, которые он может вызывать. Ведущий отмечает для себя доминирующие чувства. Можно предлагать каждому посидеть на этом стуле и сформулировать чувства, возникающие при этом. Ведущий по возможности, корректирует негативные чувства с помощью юмора.

3. Далее выполняются упражнения из одного из блоков программы.

Блок коррекции агрессивных настроений

1. Упражнение в парах «рассмеши злую принцессу/принца». Участники выполняют упражнение в парах. Затем одна из пар демонстрирует упражнение в центре круга. Ведущий анализирует и корректирует

2. Упражнение «рассмеши свое злое «Я». Участникам предлагается представить себя в самом злом настроении, встать со стула и посадить на него свое злое я. Задание, рассмешить свое злое я

3. Упражнение на коррекцию вербальной агрессии. Молча (жестами и гримасами) рассмешить окружающих. Выполняется в центре круга.

4. Упражнение на преодоление злости методом парадоксальной интенции. Задание показать, как можно злиться жестами и словами. В центре круга, ни к кому подходить нельзя. Изображать злость, пока она не исчезнет.

5. Упражнение на развитие рефлексии и самодистанцирования. Задание посмотреть на себя злого со стороны. Описать себя злого, так чтоб стало смешно.

6. Заключение. Групповое рисование злого животного и дорисовывание его до смешного.

Блок коррекции подавленного настроения

1. Упражнение на коррекцию настроения помолчать. Каждый по кругу произносит по одному слову, так чтоб получилось предложение. Когда

предложение получилось, участник повторяет его целиком. Перейти от коротких предложений к длинным, желательно, чтобы в них шла речь о чувствах. Ведущий записывает.

2. Упражнение «Рассмехи печальную принцессу/принца». Выполняется в парах. Одна из пар демонстрирует в центре круга. Ведущий корректирует.

3. Упражнение «поделись улыбкой своей». Ведущий раздает небольшие листы бумаги по числу участников. Каждый рисует улыбку на отдельных листах, столько людям, сколько хочет ее подарить. Все раздаривают улыбки. Тот, у кого больше всех должен подарить тем, у кого мало. Обмен улыбками идет до тех пор, пока у всех не будет поровну.

4. Упражнение «пошутить стишком». Ведущий предлагает слова. К ним подбираются рифмы, так чтобы было смешно.

5. Упражнение «смешной вопрос». Выполняется в парах. Каждый должен придумать смешной вопрос и задать его партнеру, предполагается и смешной ответ.

6. Заключение. Пение песни «улыбка».

Блок коррекции неустойчивого настроения.

1. Упражнение «хлопни дверью». Участникам предлагается в своем воображении хлопнуть воображаемой дверью и описать как она гремит. После это каждый тихо и плано закрывает реальную дверь.

2. Упражнение «свободные ассоциации». Каждый участник предлагает ассоциации к слову, предложенному ведущим. К существительным обязательно существительные, к глаголам глаголы, к прилагательным прилагательные.

3. Упражнение «комплимент». Обойти всех участников по кругу и сказать им что-то хорошее. При срыве на негатив – упражнение хлопнуть воображаемой дверью.

4. Упражнение «радость». По кругу подбирать ассоциации к слову радость любых частей речи, но обязательно позитивные. За позитивные ведущий вручает напечатанный смайл, за негативные смайл отбирается.

5. Заключение. Пение песни «улыбка»

Заключение. «Управляй своим настроением, ибо оно, если не повинуется, то повинует» (Гораций)

Встреча 4. Влияние через юмор.

Семинар с элементами тренинга

Цель: развитие способности произвольно использовать юмор как средство личностного влияния на социальные процессы

Аудитория: от старшего школьного возраста

План:

1. Разминка. «Мишени влияния через анекдот»
2. Доклад «как быть влиятельным человеком»
3. Упражнение . «Просьба»
4. Упражнение «Конфуз»
5. Упражнение «Динамо»
6. Упражнение «повлияй на себя»
7. Заключение «Закончи стихотворение смешно»

Программа.

1. Разминка «Мишени влияния через анекдот»

Предложить желающему рассказать анекдот группе. После рассказа вопросы к группе. В чем цель рассказанного анекдота? В чем его смысл? Как кратко можно сформулировать тему анекдота? Направлен ли он на чувства или на мысли? Побуждает ли к мыслительной или поведенческой активности? К какой именно (что хочется сделать после услышанного анекдота?)

Изложить модель влияния В.П.Шейнова (Шейнов В.П. Психологическое влияние. – Мн., 2013). Можно показать слайд с моделью.

Вовлечение в контакт + фоновые факторы + воздействие на мишени + побуждение к активности

Вовлечение в контакт + фоновые факторы + воздействие на мишени + побуждение к активности

Подчеркнуть, что предварительная стадия влияния – это вовлечение в контакт. И юмор может быть средством приглашения к контакту. Успешность попытки вовлечения в контакт зависит от фоновых факторов, которыми чаще

всего являются открытость сознания и настроение. Настроение может характеризоваться и как эмоциональный тон и в плане проблематики юмора, как готовность и установка к восприятию и порождению юмора. Мишенью воздействия могут быть разные психологические характеристики: мысли, чувства, поведение. Наиболее прогрессивная цель влияния – побуждение к активности. Когда влияют посредством юмора, то активность может заключаться в понимании юмора, его истолковании или юмористическом ответе на юмор, возможно и активное сопротивление юмористическому воздействию в виде молчания и отказа от активности, возможно и побуждение к активности запомнить шутку и далее ее пересказывать, возможно и побуждение к активности, предполагаемой смыслом шутки.

Предложить еще одному участнику рассказать анекдот. Провести анализ динамики видов восприятия анекдота в группе с использованием выше изложенных вопросов.

2. Доклад «Как быть влиятельным человеком»

О некоторых людях говорят, что они влиятельные. Что подразумевается, когда о ком-то говорят, что он «влиятельный человек»? Чаще имеют в виду, что он обладает статусом, властью, деньгами, реже подразумевают, что он обладает харизмой, позволяющей завоевывать сердца людей. Для харизматических людей, лидеров общественного мнения очень часто свойственна способность к порождению юмора и его использованию для влияния. Влиятельные люди, как правило, говорят больше, чем другие. Даже когда они молчат, то молчат красноречиво.

Во многих учебниках по ораторскому мастерству рекомендуют применять юмор целенаправленно. Зачем?

- привлечь и удержать внимание (вовлечь в контакт и его поддерживать)
- поддержать хорошее настроение (как фоновый фактор общения)
- обозначить проблему, что юмор за счет метафоричности делает ярче, чем логический анализ
- изменить установки аудитории за счет неожиданного смысла юмора
- показать, что он свой в той или иной группе

При всех этих «мишенях влияния» юмор выступает как средство влияния. Но люди обладают неодинаковыми способностями порождать юмор. Одним это легко, другие даже, когда стараются не могут соорудить шутку или улыбнуться на чью-то.

Но юмору можно учиться. И наблюдая за тем, как другие шутят, в каких ситуациях, с какой целью и каким результатом. Можно и учиться юмору целенаправленно. Для этого нужно развивать

1. Наблюдательность и способность выделять главное в объектах жизненного мира

2. Умение сравнивать, искать сходства и отличия
3. Умение одним словом охарактеризовать главное, сходство или различие
4. Умение в уме играть образами и выявлять противоречие
5. Умение в речи составить фразу так, чтобы в ней был парадокс, противоречие и его разрешение
6. Умение рифмовать слова по смыслу и звучанию, так чтобы рождалась новая мысль

Тренироваться в способности к юмору можно на тренигах общения и на тренигах креативности. Можно попробовать и в жизни. Но стоит помнить, что эффект юмора может быть неожиданным и непредвиденным. Поэтому способность к юмору надо применять с чувством меры, такта и вкуса.

3. Упражнение «Просьба». Выполняется в парах. Один партнер – просящий. Второй – просимый, который не хочет выполнять просьбу. Просящему надо смешить просимого переформулировками просьбы и ее юмористическими объяснениями до тех пор, пока просимый не согласится ее выполнить.

Одна из пар демонстрирует свою ролевую игру группе. Далее групповое обсуждение целей просьбы, вызываемых ее чувств и их трансформации в процессе юмористического обоснования просьбы.

4. Упражнение «динамо». Выполняется в парах. Партнеры в соответствии с описаниями этого типа межличностных отношений стараются на все просьбы ответить двусмысленным отказом, который предполагает продолжение игровых отношений. Игровыми предложениями могут быть : предложение руки и сердца, предложение работы, предложение совместного досуга и др. Отказывать надо по возможности шутливо и игриво. Но в конце прекратить игру в динамо шуткой или серьезным соглашением.

Одна из пар демонстрирует свою ролевую игру группе. Далее обсуждение чувств, мыслей и формулировок, а также роли юмора в них.

5. Упражнение «Повлияй на себя». Выполняется в воображении. Предлагается вспомнить любимую сказку. Сравнить себя с ее героем. Проанализировать не повторяет ли сценарий жизни сюжет сказки. Если повторяет, то постараться одним словом или фразой сформулировать его суть. По возможности сформулировать с юмором. Проанализировать влияет ли юмор на желание изменить или закрепить сценарий, то есть выступает ли он как средство самодетерминации жизни.

Желающий рассказывает своей воображаемой группе юмористический анализ сценария жизни. Если нет желающих, ведущий рассказывает

сюжет сказки «Колобок», суть которого в том, что Колобок был съеден из-за своего нарциссизма и самовлюбленности в свое пение без наличия цели своего путешествия и пения. Может быть рифмованный вывод «Чтоб не съели, надо петь только с целью» или по обстановке даже рассказать анекдот «Колобок повесился» с интерпретацией деструктивности бесцельного пения Колобка. Подчеркнуть и похитивный смысл пения Колобка – самовыражение.

6. Заключение. Закончить с юмором начатые ведущим рифмованные предложения.

Чтобы настроение поднять, нужно слов..... (пять)

Чтобы в споре победить, надо очень умным (быть. вопрос, каким еще)

Хоть по виду я простака, я в профессии (мастак. вопрос, в чем еще)

Добрый юмор, добрый смех в жизни принесет.....(успех)

Встреча 5. На шпагах остроумия.

семинар с элементами тренинга

План:

1. Разминка «Потравим анекдоты»
2. Доклад «Кто прав?»
3. Упражнение «Метафора»
4. Упражнение «если море высохнет...»
5. Упражнение «когда петух клюнет, а рак свистнет....»
6. Упражнение «чтобы помнили....»
7. Упражнение «я бы сделал это, но....»
8. Упражнение «пан или пропал»
9. Упражнение «даже я не могу...»
10. Упражнение « я бы в летчики пошел...»
11. Обсуждение
12. Доклад «способы остроумия»
13. Заключение. Упражнение «мне понравился/ не понравился этот семинар, потому что...»

Содержание:

1. Разминка «Потравим анекдоты»

Из группы выбираются два человека, любящие потравить анекдоты. Выбирается тема анекдотов, желательно актуальная для всех участников группы. Вышедшие в центр круга участники, должны с помощью анекдотов, доказать, что они глубже видят суть проблемы. Если у них анекдоты иссякают, то их рассказывают другие участники. Оскорблять и унижать друг друга запрещается, вплоть до отстранения от участия. В конце серьезное обсуждение темы рассказываемых анекдотов. Возможен и анализ чувств участников.

2. Доклад «Кто прав?»

Люди часто стремятся доказать друг другу, что они более умные, более успешные, более сильные и т.п. Склонность конкурировать друг с другом свойственна почти всем людям. В основе конкуренции лежит сравнение. Сравнить себя можно с другими людьми (как предпочитают американцы), или с самим собой, с собой прошлым (как предпочитают японцы). Конкуренция ведет к самосовершенствованию и к совершенствованию общества. Исследования показывают, что максимально развиваются не те, кто конкурирует с другими и с самим собой, а так сказать борются с ветряными мельницами. Главная особенность таких Дон-Кихотов, что они сосредоточены не на себе или других, а на проблеме. Далее будут предложены упражнения на развитие остроумия в беседах. Главная задача словесных перепалок – не задеть друг друга, а спомощью юмора доказать правоту или рассмешить

3. Упражнение «Метафора». Выполняется в парах. Задача – придумать другому смешное метафорическое определение, которое было бы не обидным. После одна из пар приглашается продемонстрировать свой диалог в центр круга. После этого обсуждаются чувства участников и трудность метких определений. Обсуждаются контексты придуманных метафор.

4. Упражнение «если море высохнет...» . Выполняется в парах. Участники должны придумать как можно больше смешных окончаний этого предложения, по ходу выясняя, кто придумывает смешнее. . После одна из пар приглашается продемонстрировать свой диалог в центр круга. После этого обсуждаются чувства участников и трудность метких определений. Обсуждаются контексты придуманных метафор.

5. Упражнение «когда петух клюнет, а рак свистнет....». Выполняется в парах. Участники должны придумать как можно больше смешных окончаний этого предложения, по ходу выясняя, кто придумывает смешнее. . После одна из

пар приглашается продемонстрировать свой диалог в центр круга. После этого обсуждаются чувства участников и трудность метких определений. Обсуждаются контексты придуманных метафор.

6. Упражнение «чтобы помнили....» Выполняется в парах. Участники должны придумать как можно больше смешных окончаний этого предложения, по ходу выясняя, кто придумывает смешнее. . После одна из пар приглашается продемонстрировать свой диалог в центр круга. После этого обсуждаются чувства участников и трудность метких определений. Обсуждаются контексты придуманных метафор.

7. Упражнение «Я бы сделал это, но....» Участники должны придумать как можно больше смешных окончаний этого предложения, по ходу выясняя, кто придумывает смешнее. . После одна из пар приглашается продемонстрировать свой диалог в центр круга. После этого обсуждаются чувства участников и трудность метких определений. Обсуждаются контексты придуманных метафор.

8. Упражнение «пан или пропал» Выполняется в парах. Участники должны придумать как можно больше смешных предложений с «или», по ходу выясняя, кто придумывает смешнее. . После одна из пар приглашается продемонстрировать свой диалог в центр круга. После этого обсуждаются чувства участников и трудность метких определений. Обсуждаются контексты придуманных метафор.

9. Упражнение «даже я не могу...» Выполняется в парах. Участники должны придумать как можно больше смешных окончаний этого предложения, по ходу выясняя, кто придумывает смешнее. . После одна из пар приглашается продемонстрировать свой диалог в центр круга. После этого обсуждаются чувства участников и трудность метких определений. Обсуждаются контексты придуманных метафор.

10. Упражнение « я бы в летчики пошел...» Выполняется в парах. Участники должны придумать как можно больше смешных окончаний этого предложения, по ходу выясняя, кто придумывает смешнее. . После одна из пар приглашается продемонстрировать свой диалог в центр круга. После этого обсуждаются чувства участников и трудность метких определений. Обсуждаются контексты придуманных метафор.

11. Обсуждение, какие из упражнений выполнялись легко, а какие с затруднениями.

12. Доклад « способы остроумия».

Способы остроумия выделены мною на основе анализа 14 книг серии «Внимание: иностранцы», вышедшей в Москве в конце 90-х начале 2000-х годов. В основе этой типологии юмора – анализ речевых конструкций «если-то», «когда», «чтобы» и т.п.

Юмор вероятности (если) наиболее характерен русским и немцам, наименее – шведам и израильтянам.

Юмор причины (когда) наиболее характерен шведам и израильтянам, наименее – американцам и русским.

Юмор цели (чтобы) наиболее характерен японцам и испанцам, наименее – русским и полякам.

Юмор эвристики (или) наиболее характерен испанцам, наименее – русским.

Юмор противоречия (но) наиболее характерен испанцам, наименее – израильтянам и американцам.

Юмор истолкования (потому) наиболее характерен испанцам, наименее – полякам и израильтянам.

Юмор неожиданности (даже) наиболее свойственен англичанам, наименее – русским, израильтянам, испанцам и американцам.

Юмор условности (бы) наиболее характерен грекам, наименее – австралийцам.

Самым распространенным является юмор определения с использованием метафор и метафорических определений, наименее же распространенным является юмор условности (как бы, не на самом деле, в воображении). Согласно исследованиям Алдена и Хауера, юмор условности является и наименее смешным. Хотя по нашим данным юмор противоречия не является самым частотным, мы полагаем, что проитворечие в той или иной мере лежит в основе всех выделенных нами типов юмора, поскольку именно оно характеризует предмет юмора, а не только способ его выражения в речи.

Типология вербальных форм юмора в зависимости от лексических структур позволяет приблизиться к пониманию национальной специфики юмора и, благодаря ее пониманию, к развитию взаимопонимания между народами.

13. Заключение. Упражнение «Мне понравился/ не понравился этот семинар, потому что....». Участники по кругу заканчивают это предложение так, чтобы

было и честно и смешно. Ведущий использует это как обратную связь о мероприятии.

Приложение 2. Развитие юмора через тестирование

Хотя я позиционирую себя в психологии как специалист по теории юмора и теоретические изыскания представлены в ряде статей, передо мной в ходе теоретических поисков в области юмора и практической работы в сфере образования возникли прикладные и практические проблемы, связанные с юмором. Основные из них следующие:

1. В англоязычной психологии существует несколько строго стандартизированных тестов юмора. Информация о них содержится в монографии «Психология юмора» Рода Мартина, в ряде статей Е.И. Ивановой и С.Н. Ениколопова. Однако, не говоря о том, что они не стандартизированы и не адаптированы на русскоязычной выборке, они даже не переведены на русский язык.

2. В психологической практике не всегда есть потребность в строгой диагностике тех или иных качеств личности, но практически всегда есть потребность в стимуляции самопознания и саморазвития личности. Психологической практике нужны не только строгие тесты, но и тесты-упражнения для предварительной оценки тех или иных качеств, на основе которых можно делать практические выводы о путях и способах развития личности. Кроме того, стандартизированные тесты обычно скучны респондентам, а целью практического психолога, особенно психолога в образовании является вызвать интерес к самопознанию и саморазвитию. Поэтому нужны интересные тесты.

Исходя из такого видения проблем диагностики чувства юмора в практической психологии (психологии образования) я решила на создание тестов-упражнений, полезных для рефлексии и развития чувства юмора, на основе которых со временем могут быть созданы и стандартизированные тесты типов, видов и направленности чувства юмора. Решаюсь же на публикацию до стандартизации тестов, потому что вижу самостоятельную развивающую полезность тестов-упражнений.

Тест-упражнение 1 для самооценки типа чувства юмора.

На основе анализа литературы, посвященной юмору, и анализа феноменологии юмора нам видится оптимальным выделение следующей типов юмора: склонность к производству юмора (деятельность,

активность юмора) и склонность к восприятию юмора (когнитивность, реактивность юмора). Различение индивидуальных различий в склонности к производству или восприятию юмора достаточно традиционно в психологии, восходит к Фрейду (Фрейд, 1991), и эксплицировано Меткалфом и Фелиблом в различении «юмороптики» и «юморобики» (Меткалф, Фелибл, 1997).

Инструкция: «Оцените по 5 балльной шкале степень того, насколько высказывания подходят Вам по шкале: 4- всегда 3- часто 2-иногда 1- редко 0-никогда»

А. активность юмора

1. Я использую любой случай, чтобы пошутить
2. Я пересказываю шутки или анекдоты
3. Я разыскиваю юмористическую литературу и фильмы, чтобы почитать или посмотреть
4. Мне нравится выставить другого человека в смешном свете
5. Я строю из себя клоуна
6. Я стараюсь рассказывать истории из своей или чужой жизни так, чтобы было смешно их слушать
7. Если я вижу что-то смешное, то указываю на смешное другим
8. Если я нахожусь в компании смеющихся людей, то тоже смеюсь
9. Если я замечаю грустного человека, то стараюсь его рассмешить
10. Мне нравится высмеивать пороки людей

Б. реактивность юмора

1. Я замечаю смешное во многих событиях жизни
2. Я понимаю контекст шуток многих людей
3. Я могу рассмеяться или разулыбаться, даже если читаю книгу или смотрю фильм в одиночестве
4. У меня может вызвать чувство юмора даже то, что несмешно другим
5. Я понимаю юмор других людей, но сам не стремлюсь пошутить
6. Бывает, что сначала я замечу что-то смешное, а потом пойму, что за ним кроется серьезная проблема
7. Меня легко рассмешить
8. Считаю, что есть темы, на которые шутить нехорошо
9. Я понимаю даже тонкий, закамуфлированный юмор

10. Меня трудно упрекнуть в непонимании юмора

Посчитать сумму баллов по шкалам А и Б. Если количество баллов по шкале А у вас больше, чем по шкале Б, то вы склонны к активному юмору, то есть даже если недопоняли юмор других людей, стремитесь пошутить сами. Если наоборот, то к реактивному, то есть юмор понимаете, но не стремитесь его производить

Тест-упражнение 2 для самооценки направленности чувства юмора

Идея теста-упражнения отталкивается от идеи теста направленности личности на себя, на других, на дело. Так и чувство юмора может быть направлено на самого себя, на других людей или на определенную тему или проблему.

Инструкция: «Оцените по 5 балльной шкале степень того, насколько высказывания подходят Вам по шкале: 4- всегда 3- часто 2-иногда 1- редко 0-никогда»

А. направленность юмора на себя

1. я могу пошутить над самим собой
2. я усматриваю смешное в своих неудачах
3. когда надо мной подшучивают, я тоже смеюсь
4. я люблю сам себя выставлять в смешном свете
5. я отношусь к своим притязаниям с юмором
6. я могу поднять себе настроение, посмеявшись над собой
7. противоречивость моей личности вызывает мой смех
8. если я бываю зол, то мне самому от этого может стать смешно
9. если мне хочется плакать от чего-то, я стараюсь посмотреть на это с юмором
10. никто не может высмеять меня остроумнее, чем я сам

Б. направленность юмора на проблему

1. я замечаю в литературе и кино много смешного

2. я смеюсь над проблемами, которым посвящены анекдоты
3. я читаю афоризмы и высказывания на интересующие меня темы
4. меня смешит противоречивость жизни
5. я размышляю над смешными рисунками, рассказами, фильмами
6. если я замечаю что-то смешное, то пытаюсь понять его смысл прежде, чем смеяться
7. считаю, что смешное – это знак проблемы
8. я согласен с пословицей, что смех без причины – признак дурачины
9. я анализирую причины своего смеха
10. я могу на полном серьезе изложить проблему, над которой посмеялся

В. Направленность юмора на других

1. я люблю подшутить над другими людьми
2. человек может быть смешон, хотя сам не знает об этом
3. если меня обидели, я могу пошутить так, чтобы задеть обидчика
4. мне нравятся компании, в которых подшучивают друг над другом
5. если я замечаю в облике или речи кого-то что-то нелепое, то подшучиваю над ним
6. мне нравится высмеивать недостатки друзей
7. если мне не нравится человек, я смеюсь над ним
8. в нашей компании смеются над теми, кто в нее не вписывается
9. я согласен с мнением, что смех исправляет пороки людей
10. мне не нравится, когда смеются надо мной

Посчитать сумму баллов по шкалам А, Б и В. Чем больше у вас количество баллов по одной из шкал по сравнению с другими шкалами, тем больше у вас направленность юмора на себя, на других или проблему.

Тест-упражнение 3 для самооценки вида чувства юмора

Тест основывается на идее Д.А.Леонтьева о существовании двух принципиально различных видов юмора: юмора, нацеленного на гомеостаз, и юмора, нацеленного на самотрансценденцию (Леонтьев, 2013). С учетом

философских, психологических и биологических знаний эти типы можно конкретизировать следующим образом:

1. Установка на гомеостаз сопряжена с биологическим удовольствием, психологическим комфортом, социальной конформностью, закрытостью и стабильностью как отсутствием желания меняться и развиваться
2. Установка на трансценденцию сопряжена с приоритетом духовного над биологическим, социальной наадаптивностью, рефлексивностью, диалогичностью и установкой на личностное развитие, даже пассионарностью.

Оцените по 5-балльной шкале насколько Вам и Вашим взглядам соответствуют следующие высказывания

4- всегда 3-иногда 2 – редко 1-иногда 0-никогда

А . вопросы на гомеостаз

1. Я шучу, чтобы разрядить напряженную обстановку
2. Я шучу, чтобы развлечь окружающих
3. Я шучу, когда мне весело
4. Я смеюсь, чтобы не злиться
5. Я смеюсь, когда все смеются
6. Я смеюсь, когда замечаю какое-то несоответствие или нелепость в окружающем
7. Юмор помогает хорошим отношениям
8. Юмор нужен, чтобы высмеять чужака в группе
9. Юмор ничего не меняет в жизненной ситуации
10. Смех помогает снять физическое напряжение
11. Смех других надо мной унижает меня
12. Смех помогает скрыть истинные намерения

Б. вопросы на трансценденцию

1. Я шучу, когда мне грустно
2. Яшучу, чтобы изменить устоявшиеся отношения с людьми
3. Я шучу, чтобы меня поняли во всех ракурсах
4. Я смеюсь, когда глубоко понимаю мотивы чьего-то высказывания
5. Я смеюсь, когда задумываю что-то неожиданное
6. Я смеюсь, когда вижу решение какой-топроблемы

7. Юмор помогает быть выше обстоятельств
8. Юмор помогает посмотреть на себя со стороны
9. Юмор помогает посмотреть на жизнь свежим взглядом
10. Смех меняет стиль мышления
11. Смех других надо мной воодушевляет меня на неординарные поступки
12. В смехе раскрывается душа

Посчитать сумму баллов по шкалам А и Б. Если сумма баллов по шкале А больше, чем по шкале Б, то доминирует установка на гомеостаз.

Если сумма баллов по шкале Б больше, чем по шкале А, то доминирует установка на самотрансценденцию и развитие.

Тест-упражнение 4 для самооценки мировоззрения

Тест основывается на идее М.М.Бахтина, что юмор отражает и концентрирует общее мировоззрение людей. В соответствии с этим мы интерпретируем ответы на вопросы о природе юмора как диагностирующие фундамент мировоззрения. Нами интерпретируются только ответы, обсуждавшиеся в опросах в рамках проекта «Развитие через юмор»

1 Через что (какие свойства личности, методы воспитания) развивается юмор?

Ответы на вопрос «Через что развивается юмор?»	Интерпретация фундамента мировоззрения
интеллект	Когнитивная психология
общение	Социальная психология
парадокс	Логика
эмоции	Психобиология
подражание	Социобиология
Эстетическое восприятие	Эстетика
Семейная традиция	Семейная психология и педагогика
доброта	Этика
рефлексия	Рефлексивная психология

креативность	Психология творчества
тренинги	Психотехника
противоречие	Философия
Защитные механизмы	Психанализ
отреагирование	Психанализ
агрессия	Этология
безысходность	Экзистенциализм
Петросян и др	Массовая культура

2 За что люди смеются над другими людьми?

Ответы на вопрос «Что в других людях вызывает смех?»	Базис интерпретации межличностных отношений
нелепость	Эстетическая традиция, идущая от Аристотеля
косность	Философская традиция, идущая от Бергсона
непохожесть	Дифференциальная психология
апломб	Теория всеобщего равенства
глупость	Философская традиция эпохи Просвещения
неожиданность	Философская традиция, идущая от Канта
То, что видят в других, но не замечают в себе (проекция)	Психаналитическая традиция

3 На что люди чаще всего обращают свое чувство юмора?

Ответы на вопрос «Что смешно?»	Характеристика культуры
несоответствие	Когнитивизм
противоречие	Философия
Другие люди	Культура осмеяния
секс	Психанализ
Вся жизнь	Экзистенциализм
ошибка	Когнитивизм
метафора	Эстетизм
гипербола	Когнитивизм, эстетизм
Социальная ситуация	Социологизм
политика	Социологизм
Трудные жизненные ситуации	Психологизм
Весь мир	Экзистенциализм
Я сам	Культура рефлексии

Приложение 3. Реферат организационно-информационного проекта «Развитие через юмор» (номинант конкурса «Золотая психея» 2012 г.)

Реферат проекта опубликован в интернет издании «Психологическая газета» (<http://www.psy.su/psyche/projects/524/>)

1. Полное название проекта: информационно-организационный проект «Развитие через юмор»

2. Актуальность, научная и практическая значимость

Целью проекта являлось создание пространства для информационного и творческого сотрудничества психологов по рефлексии и осмыслению проблемы юмора, превращению юмора в средство развития личности, общества и науки.

Актуальность проекта обоснована социальной ситуацией среди специалистов, исследующих проблему юмора и состоянием проблемы юмора в науке:

- рост количества исследований юмора при отсутствии в России профессионального сообщества юморологов
- наличие большого количества ученых, осознающих, что юмор является серьезной проблемой науки и необходимой компетенцией в жизни, но для которых юмор находится на периферии их личных научных интересов
- появление исследователей, осознающих, что разработки по проблеме юмора продвигают общую методологию, теорию и практику психологической науки
- отставание юморологии в России
- методологический плюрализм исследований при отсутствии современной ключевой идеи исследований юмора, каковой может быть идея юмора как средства развития личности, общества и науки.

Научная значимость проекта обоснована тем, что плюрализм научных и житейских представлений о юморе может быть обобщен положением о том, что юмор является средством (психологическим орудием) развития личности, общества и науки.

Практическая значимость проекта обоснована тем, что тезис развития через юмор позволяет продвигать идею позитивного конструктивного и развивающего юмора, создавать идейную основу для разработки и использования практическими психологами методик развивающего юмора.

Новизна проекта заключается в подходе, заложенном автором проекта к передаваемой им и другими участниками информации, при котором публикуемая информация о юморе (высказывания великих о юморе, мысли участников о юморе, статьи о юморе и смежных проблемах, о социальных проблемах, связанных со смехом и юмором, ассоциации и др.)

интерпретируются автором и участниками проекта с точки зрения истории вопроса в науке и того, как она может служить развитию личности, общества и науки

Состав участников: При том, что юмор – это прежде всего проблема психологии приглашаются представители разных профессий, для которых юмор лежит в центре или на периферии научных и /или жизненных интересов. Это позволяет реализовывать междисциплинарный подход к психологической проблеме юмора, а также оперативно получать обратную связь от представителей и потребителей психологии о разрабатываемых автором проектах идеях и предлагаемых участниками.

Ограничения обусловлены тем, что хотя в составе группы присутствуют ведущие ученые психологи, разработавшие и разрабатывающие теорию юмора, методики диагностики юмора, тренинги по развитию компетенции к юмору, смежные и/или аналогичные юмору по сложности проблемы, но они редко обладают временем для активного участия в проекте.

3. Содержание и этапы проекта

Основные этапы проекта:

1. Весна 2011 – весна 2012. Организационно-информационный.
2. Весна 2012 –осень 2012. Дискуссионный этап.
3. Осень 2012 –зима 2012. Итоговый этап.

Содержание проекта определяется основными дискуссиями летом 2012 года:

А) проблема смехотерапии в хосписах. Представлена на обсуждение в группе философом. Автором в комментариях дана справка о истории и теории вопроса на основе работ Н. Казинса и др. Участниками предложены аргументы за и против использования юмора в лечении опасно больных и общении с ними. Получено предостережение от д. философских наук о рисках использования юмора в общении с опаснобольными.

Б) использование юмора как средства профилактики профессионального выгорания. Представлена на обсуждение психологом-профконсультантом. Автором проекта изложены свои взгляды на разработку методов юморо-профилактики, из которых следует, что разработку оптимально вести на основе идей В. Франкла о юморе как средстве трансценденции проблем и состояний и В.Шкловского о способности человека к эстетическому остранению как целостному взгляду на события и жизнь. Идеи автора одобрены и получили развитие в обсуждении. Профконсультантом высказана идея о актуальности создания методического буклета о юморе как средстве профилактики профессионального выгорания

В) природа юмора. Представлена в виде вопроса «через что развивается юмор» доктором психологических наук. Автором предложен ответ на основе современных достижений в юморологии о том, что через способность к эстетическому восприятию действительности. Вызвано оживленное обсуждение, в результате которого выявлено, что стереотипной является идея развития юмора через креативность. Получила одобрение идея участника о том, что юмор развивается через доброту и парадокс. После дискуссии автором проекта были заданы закрытые вопросы о том, через что развивается юмор, на что он направлен и за что смеются над другими людьми. Предлагались варианты вопросов исходя из исторических воззрений философов и психологов на юмор, варианты ответов добавлялись участниками. Отталкиваясь от этого опроса, автор проекта ведет разработку опросника, диагностирующего мировоззрение через отношение к юмору. Участником проекта, дипломатом, была выдвинута новая, научно значимая идея о том, что юмор в межличностных отношениях представляет собой проекцию собственных проблем и взглядов. Требующей дискуссии осталась проблема связи юмора и творчества

Г) проблемы этологии юмора. Проблема представлена автором проекта в виде юмористического эссе «Разговор о юморе с котом Малютой». В эссе поставлены некоторые важные проблемы развития психики в филогенезе и интерпретации этологических наблюдений за проявлениями юмора у животных. Значимость проблемы получила признание со стороны ученых, разрабатывающих общие закономерности развития психики.

Д) Проблема юмора психологов. Представлена на обсуждение доктором психологических наук в виде публикации о двух книгах «Психологи шутят». Обсуждалась почти неконструктивно, однако осознано значение проблемы специфики юмора психологов и в частной жизни и в работе с клиентами

Е) проблема тренингов юмора. Поставлена автором проекта в виде информации о научно-популярной книге В.П.Шейнова «Тренинг остроумия: тесты, тосты» (Мн. 2010). Значимость необходимости таких тренингов признана основателем международной ассоциации исследователей юмора и специалистом по разработке тренингов. Автором проекта представлен на обсуждение разработанный и проводимый им тренинг «Саморазвитие через юмор», однако оценен как разработанный в слишком академическом стиле. Проблема создания тренингов, использующих юмор как средство развития личности, остается открытой

4. Результаты, выводы

Результаты: Проект оценен участниками даже как имеющий креативно-аналитический и научно-просветительский характер.

Организационные выводы: работу по продвижению идеи развития через юмор следует продолжать.

Адрес проекта: группа «Развитие через юмор» на www.facebook.com